

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Елена Суслина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

РУССКИХ ЩЕГОЛЕЙ И МОДНИЦ

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Елена Суслина

МОСКВА

ЖИЗНЬ РУССКИХ, ЩЕГОЛЕЙ И МОДНИЦ

УДК 391
ББК 63.5
С 90

Художественное оформление серии
С. ЛЮБАЕВА

ISBN 5-235-02608-X

© Сулина Е. Н., 2003
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2003

Дорогой Читатель, на Ваш суд представлена книга, рассказывающая о повседневных заботах русских модников. К ее героям можно относиться по-разному, можно одобрять их стремление идти «в ногу со временем», можно критиковать за безрассудную трату времени и денег, как, в конце концов, можно критиковать и саму моду. Однако она и ее поклонники существовали, существуют и, судя по всему, будут существовать.

Кажущаяся легковесность темы обманчива. Если подсчитать, сколько часов еженедельно и ежегодно современный человек тратит на укладку волос, бритье, макияж, походы по магазинам в поисках одежды или обуви и обдумывание своего туалета, то число дней выйдет довольно значительным. Только после этого и задумаешься, так ли это все несерьезно.

Явление моды настолько глубоко проникло в наш быт, что пренебрегать или бороться с ним немислимо. Когда-то, не так давно, пару столетий назад, верные поклонники моды приносили ей в жертву и свое здоровье, и грандиозные состояния, да и саму жизнь, растрчивая ее на бесконечные примерки и завивки. На борьбу с ними поднимались авторитетные деятели церкви, науки и культуры, все, чье влияние в обществе было неоспоримо. Франтих и щеголей высмеивали на страницах журналов и книг, с подмостков театральных сцен, в народных песнях — все безрезультатно!

Ничто не могло заставить их жить соразмерно доходам и здравому

смыслу. Как бы ни причудливы и неудобны оказывались новые фасоны платья и причесок, человек безропотно принимал их. Он украшал свои одежды золотом и жемчугом, доводя вес платья до фантастической тяжести, мучился от маленькой, неимоверно узенькой туфельки или высокого каблука; он создавал ювелирные изделия из такого количества камней, стоимость которых могла сравниться с ценой среднего дворянского поместья. Наши красавицы, прихорашиваясь возле зеркал, прибегали к столь немудрым косметическим приемам, что веселили и обескураживали заезжих иноземцев.

Об этом и многом другом Вы сможете прочитать в настоящем издании. Надо сказать, что если вопросам истории костюма или ювелирного дела посвящено немало серьезных трудов, то о косметике и парфюмерии, о том, как и с каких времен на Руси узнали и полюбили белила или румяна, написано сравнительно немного. Эти вопросы освещались в популярных журналах XIX века, будь то «Современник» или «Нива», в тех разделах исторических сочинений, где описывался быт и нравы россиян определенной эпохи, или в изданиях, рассказывающих об истории советской парфюмерно-косметической промышленности. И потому потребовалось немало времени, чтобы все это собрать и обобщить.

Кстати, в книге не раз будут приводиться рецепты различных кремов или духов, не советую Вам заниматься их домашним приготовлением. Это издание не косметический справочник, и я не ставила своей целью выяснить состав и полезность мазей или румян. Что же касается древних травников и лечебников, то и сами переводы, и переписанные множество раз рукописные сборники грешат неточностями и ошибками.

К работе над изданием привлечено большое число самых разнообразных документов и исследований: летописных и литературных памятников, материалов Посольского приказа, торговой переписки, записок иностранцев, посетивших Московию в XVI—XVII веках, труды по истории медицины, химических промыслов и химической промышленности, русского костюма и ювелирного дела. Большую помощь оказали работы историков, знатоков русского быта И. Е. Забелина, Н. И. Костомарова, М. И. Пыляе-

ва, воспоминания современников, журнальные и газетные публикации прошлых веков и, конечно, художественные произведения.

Несколько слов благодарности хочется сказать в адрес сотрудников музея книги Российской государственной библиотеки и отдела редкой книги Государственной публичной исторической библиотеки России за внимание и готовность к сотрудничеству, а также мужу П. Н. Мац за большую поддержку и помощь в моей работе.

Рассказ о повседневной жизни российских модников должен, вероятно, начаться с определения самого понятия модника. Толковый словарь называет модниками тех, кто во всем следует моде, а самой модой — непродолжительное господство определенного вкуса в какой-либо сфере жизни или культуры. Еще модой называют непрочную, быстро проходящую популярность. В отличие от стиля, она отражает более кратковременные и поверхностные изменения внешних форм бытовых предметов и художественных произведений.

Моде оказываются подвластны самые разные проявления человеческой деятельности, она распространяется на литературу, музыку, архитектурные стили, проведение досуга и т. п. Мы, конечно, ограничим предмет исследования — поговорим о модах на одежду, украшения, прическу, косметику и парфюмерию, то есть о том, что создает внешний облик человека. И еще, мы ограничим и круг модников, расскажем о людях с достатком, занимавших высокое положение в обществе, о тех, кто мог посвящать своей наружности немалую часть времени и средств.

Рассказ о российских щеголях часто будет чередоваться с рассказами о модах в тех государствах, культурное влияние которых у нас оказалось значительным. Поскольку явление моды уходит корнями в глубокое прошлое, нам придется заглянуть и

туда. Не претендуя на полноту изложения, мы постараемся рассказать о модах у древних народов, останавливаясь лишь на самых ярких проявлениях щегольства и самых распространенных приемах по уходу за лицом и телом. И уж если мы решились на такой отчаянный шаг, как рассказ о глубокой старине, обратимся очень коротко к истории возникновения одежды, украшений, косметики и парфюмерии.

На заре человеческой цивилизации одежда являлась необходимостью, она защищала тело от стужи и зноя. Украшения — браслеты и ожерелья, каменные или металлические, которые носили на запястьях, щиколотках, шее и голове, прикрывали наиболее уязвимые точки на теле человека. Именно в этих местах артерии находятся почти на поверхности, под тонким слоем кожи и наиболее уязвимы. Растительные жиры — основные составляющие любых косметических мазей, предохраняли кожу от солнечных ожогов или ледяного ветра, а благоуханные ароматы смол некоторых деревьев оказывали лечебное воздействие на организм человека.

Конечно, защитные свойства одежды и украшений в бурной человеческой деятельности не являлись очень надежными. Человек ощущал бессилие перед могуществом природы, чувствовал незримое присутствие сверхъестественных враждебных или покровительственных сил и полную подвластность им. Чтобы «задобрить» эти силы, «расположить» к себе, человек приносил в дар то, без чего не мог обойтись сам, или то, что доставляло ему удовольствие. Он наделял богов собственным мироощущением, и на жертвенные алтари возлагал пищу, драгоценности и цветы, курил ароматные смолы и благодарил за удачу, просил защиты и покровительства.

На поверхности браслетов и обручей человек рисовал своих идолов, считая, что тем самым он усиливает их защитные свойства. Постепенно и украшения, и благовония перешли из категории жизненно необходимых вещей в категорию предметов, являвшихся неотъемлемой частью культовых обря-

дов. Но спустя века и это назначение забылось, и они оказались традиционными в повседневной жизни человека.

Правда, нельзя не сказать о том, что и одежда, и украшения с давних пор являлись стабильным признаком социального статуса, мерилom достатка и вкуса своего владельца. Силуэты платья у древних народов разных стран не особенно отличались, что являлось следствием общего развития ремесел, будь то ткачество, обработка шерсти или льна. Но в одних землях вовсе не знали шелка и умели прядь тончайшую шерсть, в других знали такие минеральные красители, которые другим были неведомы, да и рисунки, воспроизводимые на полотнах тканей, оказывались непохожими.

Знатные и богатые стремились одеться так, чтобы выделиться среди соплеменников. Они первыми покупали новинки, появлявшиеся на местном рынке благодаря стараниям купцов. Товары, привезенные из далеких малоизвестных земель, овечьих легендами о сказочных богатствах и несметных сокровищах их правителей, стоили дорого. Какое-то время они оставались недоступными для большинства людей, что позволяло лишь богачам щеголять в них. Но со временем эти одежды заполняли базары и становились доступны для большинства, интерес к ним постепенно утрачивался. А купцы уже вновь радовали своих богатых клиентов новыми тканями и новыми украшениями.

Сегодня никто не скажет, как давно человек заинтересовался собственной внешностью. Когда-то он случайно увидел свое отражение в воде. Понравился он себе или нет? Кто знает, может быть очень, и чтобы лицезреть себя как можно чаще, он изобрел первое зеркало в виде отполированной раковины, а в III тысячелетии до н. э. — металлическое. Но может быть то, что он увидел, вовсе не порадовало его, и он попытался с помощью разных причесок, раскраски лица изменить свою наружность.

Обычай раскрашивать лицо и тело у некоторых народов носил ритуальный характер, у других был

неотделим от представления о красоте. С помощью щипчиков меняли форму бровей, а с помощью красок меняли форму глаз, усиливали цвет губ или румянец щек. В одних культурах считалось красивым «носить» брови четко очерченные темной краской, в других брови, наоборот, сбривали и рисовали на их месте тонкие линии, изогнутость которых, определялась господствующей модой. Одни красили веки зеленым цветом, другие — черным и т. п.

Волосы подкрашивали в более темный цвет или, наоборот, старались высветлить, краской служили растения и минералы. Человеческая фантазия рождала бесконечное множество причесок, основанных на всевозможном плетении. А в некоторых племенах Западной Африки прически, похожие на произведения скульптуры, создавались месяцами. Волосы между собой скрепляли с помощью глины и животного жира, их удерживал каркас, основанием которого, служили гибкие ветки деревьев. Причем манипуляции с волосами — стрижка или, наоборот, ращение волос, создание причесок — часто определяли положение человека в обществе и были связаны с представлением о магической силе волос.

Стремление женщин, нередко и мужчин «дорисовать» свою внешность косметическими средствами, сделать ее более привлекательной оказалось свойственно людям на протяжении тысячелетий.

ИСКУСНИКИ МОДЫ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Глава 1

Египет. Жизнь и смерть с ароматами бальзамов

Рассказ о модницах и модниках нам бы хотелось начать с очень отдаленного исторического периода, с тех времен, когда на нашей планете процветала древнейшая египетская цивилизация.

Egypt — греческое название страны Кем, что в переводе означает «загадка, тайна». Таинственной эта древняя земля представлялась не только древним грекам, но и нам, жителям XXI века, многое предстоит разгадывать в этой далекой цивилизации.

Религия и магия органично пронизала жизнь и смерть египтян. Сложны их представления о Едином Боге, создавшем Небо и Землю, и множестве богов, которые были лишь образами, ипостасями, «именами» этого Единого Бога. Обитатели страны Кем, возможно, ближе всех известных нам цивилизаций подошли к пониманию сути таинственной связи Жизни и Смерти и их взаимного продолжения друг в друге.

Необъяснимы приемы строительного мастерства, с помощью которых создавались невероятные по своей красоте и размерам памятники Древнего Египта. Над ними оказалось не властно даже время. Знаменитые пирамиды и Сфинкс, колоссы Мемнона, храмовый комплекс Абу-Симбел, высеченный из скалы, строгие и изысканные храмы Карнак и Луксор,

до сих пор не перестают поражать своей красотой многочисленных туристов.

Тайной окутан и возраст древнеегипетской цивилизации, одни документы датируют его в 6 тысяч лет, другие насчитывают 70 тысяч лет. Согласитесь, существенная разница!

Эти вопросы потребуют от историков и археологов многолетних исследований, которые, в свою очередь, преподнесут ученым еще немало сюрпризов. Но все же двухсотлетняя работа египтологов, а именно таков возраст этой науки, принесла немалые результаты. Шаг за шагом ученые восстанавливают картину жизни древних обитателей страны Кем. Обнаруженные ими настенные росписи и богатая утварь захоронений знатных египтян рассказали о необыкновенном пристрастии их и к роскошным одеждам, и к украшениям, и ароматным бальзамам, и косметике.

Когда-то, еще в доисторический период, или проще говоря в каменном веке (4—3 тыс. лет до н. э.), люди, населявшие эту землю, носили одежду, не отличающуюся какой-либо пышностью. Мужчины и женщины опоясывали бедра поясом и одевали плащи, скреплявшиеся застежками и булавками. Ювелирные мастера изготавливали простые и необходимые в туалете красавиц украшения: ожерелья, ручные и ножные браслеты, шпильки и гребни. Их делали из металла, золота или кости и украшали рисунками птиц или животных.

Такие гребни и шпильки скрепляли замысловатые прически. Ночью, чтобы не разрушить их, модницы подкладывали под голову специальные приспособления — изголовья.

Правы философы, утверждавшие, что нет ничего нового под луной. Так, спустя тысячелетия, в XVIII веке, дамы порой и вовсе отказывались от сна во имя сохранения уложенных локонов, а модницы 60-х годов XX века, соорудив на голове «плетенки» с высоким начесом, удерживаемые изрядным количеством шпилек, заколок и, наконец, скрепляющего лака, не могли позволить развалиться эдакой красоте за одну ночь и спали подложив под шею жесткие валики.

Шли годы, династии фараонов сменяли друг друга, и только пирамиды могли бы рассказать о том, как причудливы бывали запросы модников, и сколько труда потребовалось мастерам, чтобы удовлетворить запросы капризных клиентов. Ювелирные золотые изделия, найденные в гробнице Тутанхамона (1351—1342 гг. до н. э.), — кольца, ожерелья, амулеты и колье, ткани, похожие на вуали, дают представление о пристрастиях египетских правителей к роскоши, а настенные рисунки служат доказательством того, что не только фараоны, но и их приближенные ценили красоту одежды и украшений.

В эпоху Птолемеев (в 4—1 вв. до н. э.) эта слабость широко распространилась среди жителей самого разного социального статуса, богачи носили золото, люди среднего достатка изделия из керамики и бронзы. Щеголи надевали на запястье не один, а множество браслетов, массивные золотые кольца с бирюзой и лазуритом, цепочки, серьги из золота и серебра. На шею вешали нагрудные ожерелья из пяти-шести рядов бус, с причудливыми застежками, на голову водружали замысловатые по форме диадемы.

Богатые египтянки в обычные дни надевали простые платья — прямые на бретельках, а выходную, нарядную одежду — тунику из льна — заказывали гофрированной. Ее украшали тоже гофрированным поясом, всевозможными золотыми и серебряными подвесками. Причем дамский наряд почти не отличался от мужского. Правда, дамский полупрозрачный шили с разрезом почти до талии. Модница скрепляла платье на левом плече, оставляя правое открытым, позволяя любоваться браслетами.

Сандалии делали из папируса, кожи и золота. Об удобстве последних распространяться не имеет смысла, от них болели ноги, но на какие жертвы не пойдешь, чтобы выказать свой достаток и положение.

В числе немногих предметов, доставлявших собою приятное и веселое расположение духа, благоухание и косметика занимали далеко не последнее место. Египтяне считались самыми большими ценителями благовоний. Их закупали в тропических об-

ластях Африки через Нубию (территория современного Судана).

Ароматические вещества играли в жизни египтян существенную роль: ими окуривались жилые комнаты и храмы, их использовали в ритуальных обрядах, без них не обходился ни один праздник. Жители страны Кем просто не представляли своей жизни без благоухания, но без них они не представляли и своей смерти. В храмах бога Солнца Ра смолы и растительные масла жгли по утрам, на восходе солнца, приветствуя его появление. Мирру или сок бальзамического дерева сжигали, когда солнце достигало зенита, а на закате приходила очередь умело и тонко составленных смесей из различных ароматических веществ.

На папирусе, хранящемся в Лейденском музее в Нидерландах, записаны причитания одного вдовца, обращенные к покойной жене. Он вспоминает, что любил ее на протяжении всей совместной жизни, что «... никогда не скрывал... своих доходов... Никогда не было, чтобы я пренебрег тобой... Мои благовоения, сладости и одежды я никогда не отсылал в другой дом...».

На пышных торжествах египетским владыкам подносились роскошные подарки: страусовые перья, экзотических обезьянок, драгоценные сосуды, колесницы и, конечно же, благовоения. Потребность в последних заставила царицу Хатшепсут (1525—1503 до н. э.) снарядить экспедицию в страну Пунт, которая, по рассказам, дошедшим до ее царственных ушей, славилась изобилием драгоценных смол и бальзамов.

Страна благовоний, ладана и мирры — земной рай, мало известная и чуть ли не легендарная область, простиралась по обоим берегам Красного моря, предположительно на территории нынешних Суакима и Массауа.

Морская экспедиция египтян оказалась удачной. Эскадре, состоявшей из пяти кораблей, посчастливилось добраться до страны Пунт, и путешественникам был оказан прекрасный прием со стороны повелителя Пареху и его жены Ати. Взамен своих даров егип-

тяне увезли домой тридцать одно благовонное дерево и «груды благовонных смол, черного дерева, слоновой кости, золота, драгоценного дерева, ладана», ароматных семян, три сорта благовоний (тишепс, хесаит, ихмет), терпентин и черную краску для глаз.

После возвращения домой жрецы принесли в дар богам продукты Пунта, а «ее величество собственноручно изготовила благовонные масла для своих членов; она источала аромат божественной росы, ее благоухание проникло до Пунта, кожа ее была словно пропитана золотом, и лицо ее блестело от благовоний наравне со звездами в праздничном зале, перед лицом всей земли».

В торжественные дни знатные египтяне услаждали свое обоняние не только курением благовоний и обильными окроплениями. Приглашенным на праздник гостям служанки раздавали цветы лотоса и благоухания в виде белого надушенного колпачка, который водружался на голову. Это украшение слуги делали из пучка волос, обмазанного ароматным маслом.

По-видимому, такие колпачки надежно крепились на голове и не мешали своим владельцам. Художники того времени никогда не упускали возможности изобразить смешной или нелепый эпизод, но ни разу не показали, чтобы благовонное украшение свалилось у кого-нибудь с головы.

Гостей развлекали песней и музыкой.

Пока ты существуешь,
Надуши свою голову миррой,
Облачись в лучшие ткани.
Умасти себя чудеснейшими благовониями.

Так пел неизвестный арфист, рассказывая о тщетности всех усилий человека избежать смерти. А потому «свершай свои дела на земле по повелению своего сердца... Причитания никого не спасали от могилы. А потому празднуй прекрасный день...».

Да и в будни ароматные изделия всегда оказывались под рукой, богатые женщины хранили духи и бальзамы в красивых ларцах, а душистые травы носили при себе в маленьких мешочках — и для услады

обоняния и как магические амулеты, предохранявшие и защищавшие их. Они пользовались душистыми водами, маслами и благовониями, содержащими мускус, мирру, розу и ладанник.

В домах простых людей курили терпентин, или живицу — смолистую жидкость, выделяющуюся при ранении хвойных деревьев. Его использовали для получения канифоли, скипидара и бальзамов. Попадая в огонь, он издавал душистый аромат, доставлявший наслаждение людям и богам.

Когда же наступал закат человеческой жизни, жрецы готовили знатного покойника к трудной дороге по царству теней, они сохраняли нетленным его тело с помощью дорогих бальзамов. Время донесло до нас папирус, подробно рассказывающий о ритуале бальзамирования. Обряд пеленания совершался со словами, обращенными к усопшему: «Благовония из Аравии принесены тебе, чтобы сделать твой запах совершенным с помощью божественного аромата. Принесены тебе жидкости от Ра, чтобы был у тебя... прекрасный запах в Зале (Суда). О благоуханная душа великого бога, ты издаешь такой сладкий аромат, что лицо твое никогда не будет меняться и портиться... Твои члены станут юными в Аравии, а твоя душа появится над твоим телом в Та-нетер» (то есть «божественной земле»).

После этого жрец или бальзамировщик брал чашу с жидкостью, в состав которой входило десять благовоний, и дважды смазывал тело с головы до ног, особое внимание уделяя голове. Затем он говорил: «Осирис (т.е. умерший), ты получил благовония, которые сохранят твои члены нетленными... Мазь проникает в тебя, чтобы укрепить твои члены и возрадовать твое сердце, и ты явишься в образе Ра. Благодаря ей (мази) ты будешь, здоров, когда вечерней порою воссядешь на небесах и твой аромат будет разливаться в нотах Акерта (области в подземном царстве)... Ты получаешь кедровое масло в Аментете (мифическая область), и кедр, исходящий от Осириса, входит в тебя; он избавит тебя от врагов твоих и защитит в нотах... Ты получаешь масло из страны Ману (запад,

страна, где заходит солнце) ... и смолы Финикии и битум Вавилона дадут тебе возможность успокоиться в подземном мире».

Но те, кому пока еще не уготовано это далекое путешествие, должны были позаботиться о достойной земной жизни. Подумать не только об одеждах и благовониях, но и о косметике, которая делает внешность еще прекраснее.

Утренний туалет фараона обставлялся со всей пышностью, какая была возможна. Знатнейшие люди Египта почитали за огромную честь присутствовать на нем, и, разумеется, из дворца эта церемония перекочевала в их дома. Первым приступал к своим обязанностям цирюльник, он приходил к своему хозяину утром, тщательно и аккуратно брил его голову и щеки. Затем наступала очередь специалистов по умощениям и благовониям, они приносили благоухающие сокровища в сосудах из хрусталя, обсидиана и алебастра, а в маленьких холщовых мешочках, завязанных шнурками, лежала косметика для подводки глаз — зеленый порошок из малахита и черный из галенита (его еще называют свинцовый блеск).

Женский туалет ни в чем не уступал мужскому, требовалось уложить волосы в замысловатую прическу, накрасить губы, щеки и ногти, удалить с лица и тела портящие красоту волоски и т. п. С запахом пота боролись натираясь мазью, составленной из скипидара, ладана и порошка из неизвестных зерен. Чтобы сделать кожу упругой, прибегали к смеси меда с порошком из алебастра, натрона и «северной соли». Были и другие снадобья, с помощью которых боролись с пятнами и прыщами на лице.

В эллинистическом Египте (305—30 г. до н.э.) город Александрия превратился в важнейший экономический и культурный центр мирового значения. Благовония и пряности доставляли купцы из стран Средиземноморья, Малой Азии и Индии. Город стал центром производства, потребления и продажи косметики и парфюмерии. Здесь было множество мастеровских по производству благовонных масел, раз-

личных мазей и помад, красок для лица, волос и ногтей, для услады души и тела предлагали египетские, персидские и индийские товары. В это время ассортимент парфюмерно-косметического сырья был достаточно богат и разнообразен. Брови и ресницы окрашивали черным пигментом на основе сульфида свинца и сажи или сурьмяного блеска, охрой и добываемым на Синайском полуострове малахитом. Краской для волос служили: хна, басма и масляный экстракт можжевельных ягод. Ногти красили в оранжево-красный цвет хной, специально приготовленной для этого. Помады готовились на основе животных жиров с добавлением оливкового масла, пахучих концентратов и красителей.

Кроме растительного сырья Египет закупал в других странах сырье животного происхождения: серую амбру, мускус и цибет. И вскоре Александрия стала главным поставщиком благовоний в Грецию, Малую Азию и Рим.

Глава 2

Греция. «Нежные плечи одела в тонковолокные ткани»

Культурное наследие Древней Греции оказало огромное влияние на развитие европейской цивилизации: воздействовало на формирование политического и религиозного мышления, литературу и искусство, философию и правоведение. На протяжении многих веков греческая история и язык занимали важное место в европейской науке и образовании. Греческие традиции в архитектуре, ювелирном искусстве, в работах гончарных мастеров и портных не раз возвращались к жизни французскими или английскими модами. Если в конце Средневековья античные устои наиболее ощутимо проявились в Германии, то в конце XVIII века — начале XIX века они проникли во многие европейские страны.

А сами жители Эллады, вернее их цивилизация, за

длительный путь своего развития, впитала в себя культуру многих соседних регионов. С соседями торговали и объединялись в ходе военных конфликтов. Древнейшие греческие племена восприняли достижения критской культуры (с XVI в. до н. э.). Колонизация эллинов (в VIII—VI вв. до н. э.), распространившаяся на северное побережье Эгейского, Мраморного и Черного морей, на Северо-Восточную Испанию, Киренаику (Северная Африка), повлияла на развитие их торговых связей.

Греческая знать не могла похвастаться столь пышными одеждами и горами золота, что были в обиходе египетских фараонов и их приближенных. Но о своем платье беспокоились и богатые и бедные, последние, не имевшие даже сменной одежды. Единственное платье аккуратно носили, и заботливо вычищали, поскольку считалось, что «доброе имя одежды опрятностью мы наживаем...».

Состоятельный человек старался роскошным платьем напоминать окружающим о своем высоком социальном положении, а за одно и о надлежащем почитении к нему. Приблизительно в VIII веке до н. э. Гомер произнесет фразу, которая на многие столетия определит место одежды в жизни общества: «Кто хилого в рубище бедном уважит?..» В его время носили просторные, незамысловатые по крою одежды. Исподним платьем служил хитон, обычно он был короче, чем верхнее платье, его подпоясывали и закрепляли на обоих плечах или на одном. Ценилась тонкая ткань.

Хитон, я заметил, носил он из чудной
Ткани, как пленка, с головки сушеного снятая лука,
Тонкой, и светлой, как яркое солнце; все женщины, видя
Эту чудесную ткань, удивлялись ей несказанно...

Плащ — гиматий набрасывали поверх хитона, элегантно забросив его полу через левое плечо. Потом, позже, в моду вошел небольшой плащ — хламида, застегивающийся пряжкой на груди или правом плече.

Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел из бани он, богу лицом лучезарным подобный...

Выбор сорта ткани зависел от времени года, в холодные дни надевали шерстяные плащи, которыми иногда пользовались как покрывалом, а в теплые отдавали предпочтение легким полотнам. Самым распространенным цветом верхней праздничной одежды был белый. Женские платья, длинный хитон, гиматий и пеплос, шили из тех же материй: виссона — тонковолокнистого, легкого полотна из хлопка или льна, реже из шелка.

Светло-серебряной ризой из тонковоздушныя ткани
Нежные плечи одела свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.

Женщины любили цветные ткани, украшенные полосками и клетчатым узором, вытканными или вышитыми цветами, звездочками, оборками и бахромой.

Стала Елена, богиня меж смертными, пестрые платья
Все разбирать, и шитьем богатейшее, блеском как солнце
Яркое выбрала...

Головные уборы носили редко, их надевали в дальнюю дорогу, чтобы укрыться от зноя или дождя. Женщины пользовались на улице вуалями, платками или краем верхней одежды, накидывая его на голову и прикрывая часть лица.

Обувь разнообразием не отличалась. Сандалии — кожаная подошва, привязанная к ногам ремнями, особенных изменений в конструкции не претерпевала. Модники меняли лишь цвет завязок и рисунок их переплетения.

Любили ювелирные украшения. Ценились предметы, сделанные с неподражаемым мастерством. Модники и модницы были, вероятно, столь критически настроены к работам ювелиров, что последним приходилось часто отказываться от уже принятой техники и сюжетов на своих изделиях со сценками из мифов и легенд и, утоляя прихоть капризных клиентов, искать новые формы и новую технику.

Застежки оказались одними из самых распространенных украшений. Их делали из простых и драго-

ценных металлов, украшали камнями и рельефными рисунками. Гомер рассказывал, что Одиссею принадлежала золотая застежка, поражавшая красотой всех, кто ее видел.

... мастер на бляхе искусно
Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял; как живая, она трепетала; и страшно
Пес на нее разъяренный глядел, и, из лап порываясь
Выдраться, билась ногами она: в изумление та бляха
Всех приводила.

Женщины ценили ожерелья, Гомер описывал одно из них: золотое, с нанизанным на него янтарем — электрами.

Тем ожерельем моя благородная мать и рабыни
Все любовались; оно по рукам их ходило, и цену
Разную все предлагали...

Носили красивые серьги, цепочки или шейные повязки. Изделия создавали в основном из серебра, отделывая их драгоценными камнями. Золото не всегда позволяли себе даже богатые.

Уделяя немало внимания одеждам и драгоценностям, не забывали о красоте лица и тела. Начиная с 4 века до н. э. женщины, чтобы сохранить белизну кожи, прятались под зонтом. Эта мода пришла с Востока, откуда и привозили зонты. Некоторые из них делали простыми (жесткими), другие с механизмом для раскрытия и поддержания его раскрытым. Рукоятку часто удлинляли и сильно загибали, чтобы позади идущая рабыня могла нести зонт, отбрасывающий тень на ее госпожу.

Юноши, желавшие сохранить кожу светлой, тоже пользовались ими. Не известно, насколько много было таких изнеженных красавцев, но современники не одобряли подобную моду, находя в этом некое неприличие.

В жару обмахивались веерами из раскрашенных листьев или павлиньих перьев.

Невозможно представить жизни наших героев без самого необходимого для них предмета — зеркала. В 5 веке до н. э. изобрели новый тип зеркал, их стали

делать складными. Зеркальную поверхность защищали крышкой, которую, для улады глаз, покрывали чюдной гравировкой. Наибольшее распространение имели ручные и стоячие зеркала из полированной бронзы или серебра. Поудобнее усевшись в кресло

... из слоновой

Кости точеный, с оправой серебряной, чудной работы Икмалиона (для ног и скамейку приделал художник К дивному стулу). Он мягко широкой покрыт был овчиной...

женщина имела возможность неторопливо нанести косметику на свое лицо, порадоваться красоте и юности или огорчиться, заметив морщинки, оставленные временем и заботами.

Владелец же такого зеркальца не только любовался собой, но и решал, когда пойдет к брадобрю в цирюльню, подровнять бороду или сбрить ее в зависимости от моды. Кто побогаче вызывал брадобрю на дом, а знать держала у себя рабов, специально обученных этому ремеслу. А как не полюбоваться в зеркальце на свою прическу, блестящие завитые кудри — это ли не наслажденье!

Дочь светлоокая Зевса Афина тогда Одиссея
Станом возвысила, сделала телом полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила;
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Ифестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
Так красотою главу облекла Одиссею богиня.

Греки считали волосы главным украшением лица, особенно светлые. В древние времена спартанцы с юношеских лет не стригли волос. Геродот рассказывал, что лазутчик Ксеркса видел, как спартанцы перед решительным сражением причесывали и украшали свои волосы.

Женщины носили прически, по-видимому, заимствованные на Востоке, они состояли из массы завитушек и косичек, уложенных на темени или затылке. Прически скреплялись шпильками, украшались диадемами, жемчужными сетками и венками, в волосы вплетали повязки — сфендоны, украшенные золо-

том, жемчугом или драгоценными камнями. Сфендона, похожая на налобник, поднималась над волосами напоподобие диадемы.

Косметические изделия и благовония в Элладе распространились очень широко. Греки не только заимствовали применение благовоний у египтян, но и нашли способ придавать жирам и маслам ароматы, настаивая их на душистых веществах. Писатель Аристофан, живший в Афинах в IV веке до н. э., перечислял среди косметических принадлежностей: красители для волос, румяна, краску для глаз, косметические мушки и многое другое. По его словам, гречанки румянились, подкрашивали губы, подводили брови, оттеняли веки, красили ресницы, пользовались духами, которые хранили в изящных керамических флаконах (лекифах), или употребляли ароматные помады. Волосы или парики модниц пахли нардом, так древние писатели называли растения, принадлежавшие к семейству валерианы аптечной.

Греки приписывали благовониям волшебную силу, они считали, что ароматы, поднимаясь в воздух, изгоняют злых духов и замещают их добрыми. К тому же благовония и масла оказывали лечебное воздействие на организм, восстанавливали его силы, придавали бодрости:

И, когда уже все от жесткого пота морскою
Влагой очистили тело и сердце свое освежили,
Оба еще омывались в красивоотесанных мойнях,
Так омывшись, они, умащенные светлым елеем,
Сели с друзьями за пир...

А еще греки верили в то, что ароматы могут помешать опьянению, а потому во время пиршеств дома и залы наполнялись запахами благовоний.

Что же говорить о самой распространенной причине использования духов — удовольствии! В домах знатных модниц и модников проливалось море духов. Аспасия (ок. 470 г. до н. э.—?), гетера, любимица поэтов и философов, жена Перикла, принимала лавандовые ванны и душилась ирисовым и розовым маслами. В 319 году до н. э. греческий философ, уче-

ник и друг Аристотеля, Теофраст, в книге «Характеры» напишет о человеке, притязавшем на изысканность: «Он очень часто стрижется, следит за белизной зубов, плащи меняет почти неносенные, умащается благовониями...» А философ Диоген Синопский (ок. 400 — ок. 325 до н.э.) восклицал: «Зачем заливать волосы духами? Ветер подхватывает улетающие запахи, и только птицы ощущают их. По мне уже лучше омыwać ноги маслами, запах которых тягучий и обволакивает все тело...»

Духи и притирания хранили в маленьких шкатулках, которые делали из дерева, стекла и слоновой кости. Шкатулки побольше использовали для хранения бронзовых или костяных гребешков, туда же могли положить ухочистку, шпильки или щипцы для завивки волос. Еще были коробочки и сосудики, в них хранили краски в виде порошков, мази и масла для косметических и лечебных целей.

Косметические средства и парфюмерия были так популярны, что в Афинах лавки парфюмеров представляли собой места собраний, куда стекались местные жители для обсуждения политических и общественных вопросов.

Глава 3

Рим. «Не завещай никому ни вина, ни своих благовоний...»

Насколько влиятельным оказалось культурное наследие Римской Империи для народов Европы и Азии, видно уже по тому, что даже в наши дни нет-нет да и вспомнят талантливых римских полководцев или правителей, ученых или писателей, градостроителей или модников. Вы не ошиблись, прочитав слово «модников», и это не опечатка. Вместе с политической и военной мощью Рима пышным цветом расцвело расточительство и щегольство, которому, кстати, всю старались подражать европейские франты конца XVIII — начала XIX века.

В далеком прошлом культура древних жителей Рима латинян и сабинян находилась под значительным влиянием греков и этрусков, и потому их быт был таким же непривередливым. Много веков спустя Овидий (43 до н. э. — ок. 18 н. э.) скажет:

Может, при Татии встарь и любили сабинянки больше
Не за собою ходить, а за отцовской землей.

В то время и платье носили простое. Нижней одеждой служила туника, поверх которой надевали тогу. Прямая туника ничем не украшалась, правда, понемножку модницы вносили в нее некоторое разнообразие: снабдили ее множеством складок, а потом и рисунком, определяющим социальное положение владельца.

В обществе щеголей постепенно сложились правила, регламентирующие манеру носить одежду. Тунику следовало подпоясывать и обдергивать так, чтобы спереди она спускалась чуть ниже колен, а сзади доходила до коленного сгиба. Причем, если владелец спускал ее значительно ниже, наши герои-щеголи презрительно фыркали, считая такую манеру женской, а если поднимал выше — смеялись и говорили, что хозяин ее стал похож на центуриона, сейчас бы сказали «на солдафона». Тунику обязательно подпоясывали, «распущенной» ее иногда носили рабы и ремесленники, не подпоясываться можно было дома, но ходить в таком виде по улице — совершенно неприлично! Правда, богатый и знатный модник, поддразнивая людей и возбуждая к себе интерес, позволял себе такую вольность.

Туники для знати шили преимущественно из белоснежной шерсти, реже из льна. Одежды сенаторов и всадников украшались пурпурными вертикальными полосами — «клавами», которые шли параллельно одна за другой от шеи до самого низа туники. Полководец-триумфатор одевал на торжество пурпурную (красно-фиолетовую) тунику, расшитую золотом.

Краситель получали из пурпурных желез улиток некоторых пород. Мелких улиток толкли, у крупных

выскребали пурпуросодержащее вещество, всю эту массу очищали и оставляли размешанной в воде до выпадения окрашенного осадка. Запах смеси оказывался настолько неприятным и устойчивым, что спасение от него искали в благовониях.

Поверх туники одевали тогу — одежду привилегированного сословия. Для нее покупали кусок материи и кроили одну деталь в форме эллипса. По размеру ткань оказывалась более пяти метров в длину и двух метров в ширину. Ею сложно «оборачивались» и хитроумно укладывали в складки на плечах и на уровне бедер. Если пола тоги волочилась по земле, то это говорило о небрежности ее владельца — неумело одетая, она вызывала насмешки щеголей. Облачиться в нее самостоятельно было почти невозможно, помогали обученные этой науке рабы. Такие специалисты еще с вечера укладывали заново складки тоги, прокладывали их тоненькими дощечками и прихватывали зажимами до утра.

Рассказывали, что Гортензий (114—50 до н. э.), знаменитый оратор и соперник Цицерона, который славился еще и своим франтовством, не мог позволить себе выйти из дома, тщательно не проверив, хорошо ли сидит на нем тога. Когда однажды в тесноте и толкотне римских улиц кто-то смял ее складки, Гортензий подал на обидчика в суд за оскорбление.

Проблемы возникали не только в носке, но и чистке тоги. Мыслимое ли дело постирать такой кусок ткани! Этой работой занимались валяльщики. Сначала они выколачивали одежду, топтали ногами, стирали в воде, смешанной с селитрой и мочой, отбеливали при помощи серного пара, а затем расчесывали щетками и гладили особыми прессами. Разумеется, шерстяное платье, вычищенное таким образом, считалось изношенным.

Римский поэт Марк Валерий Марциал (ок. 40 — ок. 104 г. н. э.) жаловался, что за лето в Риме он изнашивал четыре тоги. Утомительно каждый день носить ее, поэт говорил, что для полного счастья ему не хватало сбросить тогу и остаться в одной тунике.

Одежде уделялось так много внимания, что в I ве-

ке в империи вошло в моду переодеваться к обеду и в течение его несколько раз менять платье. Марциал издевался над одним богачом, который одиннадцать раз вставал из-за стола, чтобы надеть новое платье. Овидий не советовал молодым людям так уж увлекаться своей внешностью:

Мужу небрежность к лицу...
Будь лишь опрятен и прост. Загаром на Марсовом поле
Тело покрой, подбери чистую тогу под рост,
Мягкий ремень башмака застегни нержавеющей пряжкой,
Чтоб не болталась нога, словно в широком мешке...

Но разве послушает щеголь, он и сандалии подбирает не простые, а с орнаментом на подошве, выложенным из гвоздей, чтобы их рисунок отпечатывался на песчаном полу дома.

Женская одежда походила по силуэту на мужскую. Дамы носили тунику, поверх которой надевали длинную столу с рукавами и поясом, а на нее набрасывали паллу — широкое длинное платье. Столу носили только почтенные замужние женщины, и уж конечно не женщины легкого поведения и не рабыни. Платья украшали золотой отделкой и поясами и фибулами — пряжками для скрепления одежды. Если мужчины столько времени посвящали своему туалету, то что говорить о дамах!

Овидий предостерегал от чрезмерной пышности одеяний:

Не расшивайте одежд золотыми тяжелыми швами —
Роскошь такая мужчин не привлечет, а спугнет.
Нет, в красоте милей простота. Следи за прической —
Здесь ведь решает одно прикосновение руки! —
И не забудь, что не все и не всех одинаково красит:
Выбери то, что к лицу, в зеркало глядя, проверь.

Кто-то так и поступал, а кто-то мечтал о бесчисленных платьях, которые, может, и не «к лицу», зато роскошны. Одно время пределом мечтаний щеголих были шелка.

Шелк появился в Риме еще в конце I века до н. э., его завозили с острова Кос, который славился с древнейших пор изготовлением и экспортом шелковых прозрачных одежд. Мода на них продержалась в Ри-

ме приблизительно сто лет. В течение этого времени прозрачные одежды являлись грезами гетер и предметом негодования для морализирующих философов. Легкая, обычно пурпурная, расшитая золотом одежда словно «обнажала женщин». Известный философ и писатель Сенека (ок. 4 до н. э. — ок. 65 н. э.) писал: «Можно ли назвать одеждой то, чем нельзя защитить ни тела, ни чувства стыдливости... их достают за огромные деньги, чтобы наши матроны показывали себя всем в таком же виде, как любовникам в собственной спальне».

Но в тех кругах, где просто завязывались любовные связи, одежды эти оказались желанны. Возлюбленная Марциала сообщила ему, что где-то продаются прозрачные краденые шелка, и потому они очень дешевы, если он поторопится, удастся сделать выгодную покупку. Что-то, правда, ей не понравилось в этих тканях, а потому она просит Марциала все же купить ей «самого лучшего китайского шелку с Этрусской улицы».

А сколько времени уходило на то, чтобы украсить свои туалеты ювелирными украшениями! Следовало подобрать к лицу венки (сначала их плели из цветов и листьев различных растений, позднее отливали из золота), купить красивую повязку для своей прически или украсить ее нитками жемчуга. Выпросить у отца или мужа деньги на серебряные или золотые серьги или в виде маленьких полушарий, или в форме больших капель. Найти модное ожерелье из жемчуга или металла, заказать мастеру браслеты, которые носили не только на руках, но и на щиколотках. А кольца? Какая модница или модник не хочет, «чтоб самоцвет ярче на пальце сверкал»!

Кольца римляне знали с древних времен, их делали из железа и использовали только как печати. Со временем среди знати появилась мода на золотые кольца. Сципион Африканский Старший (235—183 до н. э.), полководец и государственный деятель, первым стал носить кольцо, украшенное драгоценным граненым камнем. Потом надевали по несколько колец, украшенных камнями с вырезанными на них

изображениями лиц и разных предметов — геммы (или камеи). Изумительным мастерством отличались геммы из изумруда и сапфира, но подобные украшения были очень дороги, а модников хватало и среди людей со средним достатком. Для них изготавливали геммы из дешевого стекла. Стекло очень тщательно обрабатывали и с виду отличить подделку не удавалось.

Щеголи унизывали свои пальцы таким количеством колец, что римский оратор Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35 н. э. — ок. 96 н. э.) предписывал коллегам не обременять руки перстнями и уж тем более не носить их выше среднего сгиба пальцев.

Во времена Римской империи как никогда много внимания уделяли красоте лица и тела. О внешности, ее роли в жизни человека писали философы и поэты, о ней говорили как о драгоценном даре богов, о котором надлежало помнить и непременно заботиться.

Как-то писатель и философ Апулей (ок. 125—ок. 180 н. э.), перефразируя Гомера, сказал: «...никоим образом не следует презирать славные дары богов; ведь этими дарами наделяют сами боги, и многим из тех, кто желал бы их, они не достаются».

По его мнению, в женской красоте нет ничего важнее лица и волос. «Причина такого моего предпочтения ясна и понятна, ведь эта видная часть тела всегда открыта и первая предстает нашим взорам, и чем для остального тела служат расцвеченные веселым узором одежды, тем для лица волосы — природные его украшения...

Что же скажешь, когда у волос цвет приятный и блестящая гладкость сияет, и под солнечными лучами мощное они испускают сверканье или спокойный отблеск и меняют свой вид с разнообразным очарованьем: то, златом пламеня, погружаются в нежную медвяную тень, то вороньей чернотой соперничают с темно-синим оперением голубиных горлышек? Что скажешь, когда аравийскими смолами умащенные, тонкими зубьями острого гребня на мелкие пряди разделенные и собранные назад, они привлекают взоры любовника, отражая его изобра-

жение, наподобие зеркала, но гораздо милее? Что скажешь, когда заплетенные во множество кос, они громоздятся на макушке или, широкой волною откинутые, спадают по спине? Одним словом, прическа имеет такое большое значение, что в какое бы золотое с драгоценностями платье женщина ни оделась, чем бы на свете ни разукрасилась, если не привела она в порядок свои волосы, убранной назваться не может».

Этот отрывок дает представление лишь о некоторых прическах, модных во времена писателя, добавим, что женщины по части выдумки причесок были очень изобретательны. Им придавались самые причудливые формы, зачастую использовались накладные волосы и парики, для них закупали волосы в Германии, особенно ценились светлые. Со временем научились обесцвечивать и подкрашивать собственные темные.

Мужчины долгое время отращивали длинные волосы и не брили бород, и только в 300 г. до н. э. в Риме впервые появились первые парикмахеры, прибывшие из Сицилии. С тех пор римляне стригли волосы ножницами и завивали их щипчиками. Бороды брили бритвой, при этом согласно обычаю, заимствованному у греков, римляне торжественно приносили в жертву богам первые волосы своих детей и волосы первой бороды юношей. Мода на ношение бород оказывалась капризной, она то возвращалась, то вновь исчезала.

Косметика и парфюмерия использовалась в невероятных количествах. Уже в I веке до н. э. Рим ежегодно вывозил из Египта 3 тысячи тонн ладана и до 600 тонн мирры. Кроме этого он закупал благовония и косметику у арабов, которые доставляли ее из Индии, Цейлона, Индонезии и Китая.

Литература той эпохи рассказывала об употреблении косметики и благовоний, о том, что человек уже не мог представить своей жизни без них. Овидий в проникнутой юмором и иронией поэме «Наука Любви» отмечал важную роль косметических и парфюмерных средств в сложной науке обольщения:

Женщины! Вот вам урок: учитесь, как можно заботой
Сделать прекрасней лицо и сохранить красоту.
Только уход, изведя ежевичник колючий, заставил
Почву бесплодных полей злаки Цереры дарить;
Только уход избавляет плоды от горького сока,
Яблоне усыновить чуждый велит урожай.
То, что ухожено, всем по душе....

Мало лиц без недостатков. Если вы бледны — подкрасьте себя румянами, если смуглы — нанесите на кожу немного белил, положите на веки тени — они понадобятся для того, что придать лицу выразительности, советует поэт. Украшайте себя, но только так, чтобы вас при этом не видели.

Но красота милей без прикрас — поэтому лучше,
Чтобы не видели вас за туалетным столом.
Не мудрено оробеть, увидя, как винное сусло,
Вымазав деве лицо, каплет на теплую грудь!
Как отвратительно пахнет тот сок, который в Афинах,
Вьжат из грязных кусков жирной овечьей шерсти!

.....

То, что дает красоту, само по себе некрасиво....

Остерегайтесь чересчур увлекаться косметическими средствами! Некоторые матроны столько сил и времени тратили на различные косметические ванночки, маски и т. п., что не вызывали ничего, кроме раздражения, сатиры Ювенала (римский поэт середины I в.) тому подтверждение:

Вот показала лицо и снимает свою подмалевку, —
Можно узнать ее, вот умывается в ванне молочной,
Ради которой она погнала бы ослиное стадо
Даже в изгнание вплоть до полярных Гипербореев.
Это лицо, что намазано все, где меняется столько
Снадобий разных, с припарками из подогретого теста
Или просто с мукой, — не лицом назовешь ты, а язвой...

Происхождение обычая украшать свою внешность Овидий видел в том, что человеку свойственно украшать все. Он украшал позолотой стены своих домов, свой земляной пол он укрывал мрамором, так неужели же собственная внешность не заслуживает внимания?!

Желание хорошо одеться и накраситься не покидает женщину, даже когда она одна и ей вроде бы не перед кем являть свои достоинства.

Сидя в деревне, и то любая кудри уложит,
Скрой на Афоне ее — прибрана будет и там.
Нравиться хоть и себе — даже это каждой приятно,
Каждой своя красота и по душе, и мила.

Со временем страсть к парфюмерии и косметике усилилась. Сенека в «Письмах на моральные темы» вспоминал, что когда Гораций (65 г. — 8 г. до н. э.) намеревался рассказать о человеке пустом и изнеженном, то говорил: «Пахнет духами Букилл...», «а покажи Букилла теперь, — рассуждал Сенека, — да он покажется вонючим, как козел... Теперь мало душить — надо делать это по два-три раза на день, чтобы аромат не улетучился».

Марциал в своих «Эпиграммах» риторически восклицал:

Светским кого называть? — кто подвит и причесан красиво,
Благоухая всегда запахом тонких духов...

В праздники, в знаменательные дни драгоценные ароматы лились рекой, а дым от курений «затмевал солнце». Большие общественные помещения орошались душистыми водами или винами, настоянными на душистых веществах, главным образом на шафране. Пол театральной сцены, по словам Овидия, был красен от жидкого шафрана, а во время гладиаторских боев арена оказывалась скользкой от него. Поэт восхищался ловкостью героя:

Пусть даже скользок помост, обрызган корикским шафраном,
... не уронишь щита...

Для тех же целей использовался мускус и благоухающие жидкие масла. Гамма ароматизированных продуктов становилась шире. Во время принятия ванны, до и после еды считалось правилом хорошего тона покрывать свое тело маслами и мазями и в целях гигиены, и просто для удовольствия.

Запах бальзама люблю: это запах мужских притираний; /
Вам же матроны идут тонкие Косма духи.

Имя торговца благовониями Косма не сходило со страниц литературных произведений тех лет. Аромат причислялся к столь изысканному наслаждению, что, по мнению Марциала, его можно было приравнять лишь к поцелую мальчика.

... Что выдыхает бальзам, сочась с иноземных деревьев,
То, чем кривою струей вылитый дышит шафран,
Дух, что от яблок идет, дозревающих в ящике зимнем,
И от роскошных полей, вешней покрытых листвою;
И от шелков, что лежат в тисках госпожи Палатина,
От янтаря, что согрет теплою девы рукой;
И от амфоры, вдали разбитой, с темным фалерном,
И от садов, где цветы пчел сицилийских полны;
Запах от Косма духов в алебастре, алтарных курений,
И от венка, что упал свежим с волос богача.
Утренний так поцелуй мальчика пахнет у нас.

Римляне подмешивали духи в вино, невзирая на то, что некоторые примеси, такие, как мирра, придавали ему горький вкус и бывали вредны. В жилищах знатных людей постоянно курились наполненные сухими цветами урны. При погребении жены Нерона Поппеи Сабины (ок. 31—65 н. э.) курений и ароматов израсходовали такое количество, какое обычно употребляли в течение года. Во времена Элагабала (Марк Аврелий Антоний — римский император с 218 года) был учрежден сенат женщин для обсуждения вопросов моды и косметики. Попытка остановить столь расточительное использование курений, так как их могло бы не хватить на случаи более важные, не увенчалась успехом.

Марциал напутствовал своих соплеменников:

Не завещай никому ни вина, ни своих благовоний:
Деньги в наследство оставь, этим же пользуйся сам.

Произнося эти слова, поэт, наверное, не думал, что спустя пару столетий или немногим более того, привычный быт изнеженного патриция рухнет под натиском варваров и недовольством тех, кому были недоступны подобные роскошные утехы. И уже совсем не мог предположить Марциал, что те же варвары, поглотившие их добротню устроенный мир, вернут к жизни многие традиции империи. Они будут благоустраивать жилища на манер римских, развивая науки и искусства, возьмут за основу научные идеи, разработанные учеными античного мира. Пройдет несколько столетий, и жители европейских городов, постепенно изменив свой облик, когда-то

устрашавший римских матрон, проникнуты интересом к эстетической стороне жизни, и собственная внешность будет волновать их отнюдь не меньше, чем римлян, и наслаждение изысканными одеждами и ароматами будет им так же понятно и доступно.

Глава 4

Византия. «Парфюмерный» рынок у Халки

Античные традиции и культура были характерны и для образовавшегося в IV веке государства Византии. Оно возникло при распаде Римской империи и включало в себя Грецию, Центральные и Восточные Балканы, Малую Азию, Сирию, Палестину и Египет. В 313 году император Константин признал христианство и перенес империю в город Византий, переименованный в Константинополь. В IV веке столицу империи Константинополь называли не иначе как «мастерской великолепия». Просуществовав до XV века, Византия оставалась все это время символом роскоши и богатства, а ее знать традиционно хранила верность блеску своих дворов и нарядов.

Основной одеждой являлись полотняная или шерстяная туника и плащ, модными стали мужские штаны. Длинная туника со временем претерпела изменения, у нее появились длинные рукава. Щеголи того времени, в основном молодежь, стремясь подчеркнуть красивое, физически развитое тело, носили рукава очень широкие у проймы и совсем узенькие в запястьях.

Тунки отличались друг от друга и покроем, и материей. Некоторые одевали только в торжественных случаях, другие предназначались на каждый день. «Клавы», пурпурные полосы на одежде сенаторов в Риме, и в Византии являлись непременным отличительным признаком высокого положения. Только теперь изображались и полосы, и квадраты, и ромбы, и углы, и кресты. Высшим отличительным знаком им-

ператора стал золотой ромб (тавлин) на его пурпурном плаще. Приближенные носили пурпурные ромбы на белой одежде. Знаками отличия сделали также золотые пояса, бляхи и застёжки.

В гардеробе императора появилась парадная туника, которая называлась дивитисий, в нем венчались на царство, надевали его на церемонию бракосочетания, в нем ходили на литургию и принимали иностранных послов. Потом он стал называться саккос и под таким названием вошел в облачение русских патриархов.

К нему полагались не менее пышные одежды: плащ-хламида, цикаций или лор. Платья были нарядными, их шили из настолько дорогих, ярких тканей, что они оказывались настоящим произведением искусства. Платьями украшали парадные залы дворцов, внутреннее убранство церквей, посылали в дар чужеземным правителям и, конечно, дарили друг другу.

В IV веке популярность пришла к одеждам из тканей, расшитых очень крупными рисунками, на которых разворачивались целые картины, навеянные как языческими мотивами, так и христианскими. Пощеголять в ней любили и мужчины, и женщины. В таких нарядах модники выходили на центральную площадь города, давая возможность зевакам обозреть себя со всех сторон. Дети смеялись, показывали на них пальцами; взрослые с почтением, насмешкой или завистью рассматривали эти одежды. мода на крупный рисунок тканей продержалась довольно долго, и два века спустя им на смену пришли пестрые восточные ткани с мелким рисунком.

В среде богатых молодых щеголей на рубеже IV—V веков вошло в обычай носить обтягивающие ногу сапоги, расшитые яркими узорами из шелковых нитей. Обращаясь к франтам, осторожно ступающим по улицам, опасаящимся запылить или испачкать в грязи свою изящную обувь, Иоанн Златоуст (344—407), один из главных отцов церкви, ядовито советовал ради пущей сохранности вешать сапоги на шею или положить их себе на голову.

В X веке в гардеробе модников появился новый вид одежды, который получил вначале очень широкое распространение среди придворных — скарамангий. Это была кафтанообразная одежда азиатских всадников-кочевников. Кафтан (распашная одежда разного покроя, но непременно имеющая спереди полы) полюбился византийцам, его носили и высшие сановники и сам василевс, его украшали вышивкой, золотыми нашивками, жемчугом и драгоценными камнями. Кафтаны шили из ярких тканей — зеленых, розовых, голубых, желтых и т. п., и иногда делали разноцветными, то есть верхняя часть скарамангия была, например, зеленой, а низ шили из фиолетовой ткани.

Все это пышное многоцветье — не на каждый день, домашняя одежда даже знатных людей была довольно скромной. Многие женщины носили темные длинные туники с длинными рукавами из льна или шерсти, а когда выходили на улицу, поверх нее наискось надевали плащ-покрывало. Хитроумные модницы умели проявить такое искусство в ношении этих простых одежд, что становились еще соблазнительнее, нежели их соперницы в дорогих шелках.

Неотделимы от одежды и украшения — жемчуг, золото, серебро, бисер и драгоценные камни. Со временем ювелирные украшения становились сложнее, в X—XI веках в оформлении многих из них появилась перегородчатая эмаль.

Страсть модниц к драгоценностям была так велика, что они не расставались с ними, даже когда ходили в баню. Иоанн Златоуст решился сказать в ту пору, что женщины любят драгоценности так же, как собственных детей, и что чрезмерная роскошь мешает выявиться их природной красоте. Его слов не слышали, вернее, не хотели слышать, женщины и в церковь приходили в нарядных платьях, сияя золотом и драгоценными камнями. Новые моды или чья-то красота обсуждались повсеместно: дома за трапезой, в гостях, на рынке, на улице и даже по окончании церковной службы. Затмить соперниц следовало во что бы

то ни стало, и женщины докучали своим мужьям постоянными требованиями купить «и платье более дорогое, чем у соседки и женщины равного звания, и белых мулов, и золотую сбрую».

Тон задавали самые знатные особы государства. Супруга императора Юстиниана I Феодора (500—548) женщина влиятельная, принимавшая участие в политической жизни страны, своим внешним видом являла живое произведение искусства. Золотая пудра усыпала ее голубоватые волосы, розовая краска украшала ногти на пальцах ног. Сотни флакончиков и косметических приборов покрывали ее туалетный столик цитрусового дерева. Ее взор услаждали подушки, обтянутые китайским шелком и набитые пухом понтийского журавля, а обоняние — благовония.

Использование различных благовоний в языческих обрядах нашло продолжение и в религиозной жизни христиан, хотя ранние христиане и считали культовые воскурения проявлением язычества, но все-таки признали священным елей, памятуя, что по Евангелию Мария Магдалина помазала им ноги Иисуса Христа. Религиозный писатель Симеон Новый Богослов (949—1022) рассказывал о праздничных благовониях, состоявших из многочисленных компонентов, знаменовавших собой разнообразие духовных даров, которые надлежало заслужить человеку. Сложные смеси, «благоуханием своим услаждающие чувства», символизировали гармонию духовного начала в человеке и означали благоухание древа жизни. Благовоние выступало в византийской традиции устойчивым символом святого духа. При богослужениях его укладывали в кадила, использовали при совершении таинства миропомазания, нередко дарили при обряде благословения.

Признаком хорошего тона считалось преподнести императору в качестве подарка ладан, полагали, что он облегчает душу. Курились благовония в дни профессиональных торжеств, например, когда совершался обряд богослужения при утверждении чиновника в должность.

Конечно, византийцы знали не только лампадное масло, церковные службы и посты, но и ни с чем не сравнимый азарт на ипподроме, любовные томления и муки ревности, соленое острословие и вино не только в причастной ложнице. Тому доказательство «Любовные письма» Аристенция (VI век), в которых оживает атмосфера частной жизни человека.

«Прекрасен источник, ласково дыхание зефира, умеряющее летний зной; нежно убаюкивая своим дуновением и щедро принося с собой благоухание деревьев, оно спорило с благовонием моей сладчайшей. Эти запахи смешивались и услаждали чуть ли не в равной мере. Все же, мне думается, побеждали благовония потому только, что они принадлежали Леймоне. Ее дыхание не уступало запаху благовоний, которыми пахло ее тело».

Для влюбленного все прекрасно в объекте его воздыханий. Слепленный чувствами, он забыл, что такое количество благовоний частенько свидетельствует о том, что перед ним жрица любви, и любой, кого не коснулась стрела Амура, сказал бы: «... В такой час порядочные женщины не ходят по людным улицам, так разодевшись и любезно глядя на встречаемых. Не чувствуешь, как даже на расстоянии от нее пахнет духами?»

Воспитанная женщина обязана быть умеренной в использовании парфюмерии и косметики, иначе она даст повод злословить в свой адрес: «... явилась, украсившись как только могла; щеки у нее сияли от притираний...»

Знатные дамы проявляли большую заботу о своей внешности и не только щедро умащивали себя маслами, кремами и благовониями, но и стремились расширить свои познания в области косметологии. Они читали медицинские трактаты, в которых рассказывалось о борьбе со старением, дефектами и заболеваниями кожи: морщинами, пятнами и бородавками, рассказывали о том, как устранить угри и прыщи, неприятный запах изо рта или остановить выпадение волос.

В одном из них, написанном в XI — XIV веках, наряду с показаниями лечения разных болезней, рас-

суждениями о правильном питании и человеческом теле нашли место косметические рекомендации. «Если на лице появятся морщины, — читаем в сборнике — то, взяв костоса половину унции (мера веса равная 16 драхмам = 28,35 г.), камеди (смола, добываемая из *Asacia arabica*) четверть унции, сухих корок дынь четверть унции и, все это хорошо растерев, раствори в уксусе и намажь лицо, а на второй день умой лицо с мукой из нута или чечевичной мукой...»

Также от морщин «... полезны семена редьки (перевод может быть не точным) с горьким миндалем, растворенные в старом вине...», а чтобы уничтожить лишние волосы рекомендовали «1 кубок сока из чашечек «волчьего молока» (возможно молочай буте-риаковый), вина и растительного масла по 1 кубку, перемешав, помажь ровно и вскоре, вспóтев и соскоблив мазь, найдешь волосы на скребке: если же через 40 дней волосы вновь поднимутся, то они будут пушистыми...».

Для окраски волос в темный цвет использовали сок растения анемона (ветреницы), а для их осветления рекомендовалось взять измельченный осадок кипяченого вина, примешать в него смолы сосновых шишек в размере половины осадка, растворить все это в розовом масле и намазать волосы, а на третий день вымыть их в бане.

Купить многочисленные компоненты для составления косметических мазей можно было у торговцев, которые составляли целую корпорацию и звались мироварами — те, кто варил «миро» (душистое масло), хотя прежде всего мировары являлись торговцами благовоний, пряностей, красителей и некоторых лекарственных веществ. Торговля эта давала ощутимую прибыль, так как значительной статьей расходов у знатного византийца были покупки благовоний и косметики. Аристократы пользовались ароматными маслами и смесями, их ценили так же, как дорогую одежду, роскошные покрывала и украшенные камнями гребни. На праздники дома освещались факелами, которые «... при горении ... источали сладкий дух и вместе со светом дарили ласкаю-

щий обоняние запах». Слуги покупали в лавках мироваров индийский перец и нард, доставляемый из Лаодикеи, корицу с Цейлона или из Средней Азии, алоэ с Явы или Суматры, амбру и мускус (последний везли из Тибета, его использовали как закрепитель ароматов), знаменитый аравийский ладан, душистую смолу смирну (мирра) и бальсамон.

Прилавки мироваров располагались в Константинополе в районе роскошного здания Халки и Милии — грандиозных триумфальных ворот с четырьмя арками, обращенными во все стороны света. Своеобразный парфюмерный рынок находился недалеко от этих строений, кстати, расположили его именно здесь не случайно, а с той целью, чтобы ароматы благовоний доносились до изображения Христа (украшавшего Халку) и услаждали обитателей императорских дворцов.

Мировары закупали свои товары у купцов из Халдии и Трапезунда, сейчас Трабзунд — порт в Турции, в то время он был важным пунктом внешней торговли Византии.

Торговая деятельность строго регламентировалась. Определялся день, в который мировары делали закупку товаров. Для купцов устанавливался срок, за который они должны продать свой товар — не больше трех месяцев, после чего им надлежало покинуть столицу. Если же регламент нарушался, виновники строго наказывались, их били, остригали и присуждали к ссылке. Подобное наказание ожидало и тех мироваров, которые располагали свои лавки в неуказанных местах, или повышали цены на товар сверх должного, или понижали их, тем самым допуская конкуренцию, или прятали его, чтобы во время недостатка товара повысить на него цену. Так же считалось неэтичным дробить товар на более мелкие части против того, что установлено.

Взвешивали благовонные смолы и порошки на аптечных весах (зигиях) и заворачивали затем в страницы ветхих книг. Мировары, между прочим, пользовались очень дурной репутацией: в их лавках часто обманывали.

Рассказ о Византии и пристрастиях ее жителей к косметике и благовониям окажется неполным, если не рассказать об императрице Зое (978—1050), чьи познания в области составления благовонных смесей и приготовления лечебных снадобий были так велики, что позволяли ей готовить как изумительные косметические мази, сохранявшие молодость кожи, так и смертоносное зелье.

Об императрице поведал ее современник Михаил Пселл. Он занимал высокое положение в византийском обществе и благодаря своим ученым познаниям в области философии и риторики оказался в числе приближенных к императорам и не понаслышке рассуждал о придворных интригах и жизни двора.

По его словам, наша героиня была: «... роста не очень высокого, с широким разрезом глаз под черными бровями и носом с еле заметной горбинкой.

... В своей жизни имела она два пристрастия: одно к золоту, другое к индийским ароматическим растениям (особенно к деревьям, сохранявшим естественную влагу, карликовым маслинам и лавру с белоснежными плодами)...

Зоя терпеть не могла женских занятий, не притрагивалась руками к веретену, не касалась руками ткацкого станка и ничего другого в этом роде... Одно только увлекало ее и поглощало все внимание: изменять природу ароматических веществ, готовить благовонные мази, изобретать и составлять одни смеси, переделывать другие, и покои, отведенные под ее спальню, выглядели не лучше рыночных лавок, в которых хлопочут ремесленники и приставленные к ним слуги. Перед спальней горело обычно множество горнов, одни служанки раскладывали кучи ароматических веществ, другие их смешивали, третьи делали еще что-нибудь».

Если нужных компонентов не могли найти на местном рынке, их привозили из Индии и Эфиопии.

«Зимой от всего этого царице еще была какая-то польза: пылающий огонь подогревал ей холодный воздух, в жаркое же время года тяжело было даже при-

близиться к этому месту, и лишь одна Зоя, казалось, оставалась бесчувственной к жару и, как стражей, окружала себя многочисленными огнями».

Известность в истории она получила не столько благодаря своему увлечению, сколько придворным интригам. В 1028 году пятидесятилетнюю невесту Зою выдали замуж за столь же постаревшего жениха — шестидесятилетнего Романа III Аргири. Брак преследовал политические цели. «Молодые» страсти к друг другу не питали. Какое-то время спустя во дворце появился красивый юноша Михаил. «Был он и телом прекрасно сложен, и с лицом совершенной красоты, сверкающими глазами и воистину розово-лососевый». Михаил являлся младшим братом очень предприимчивого и ловкого придворного Иоанна Орфанотрофа. Юноша, невзирая на страшный недуг — эпилепсию, сразу же обратил на себя внимание императрицы.

Их роман был бурным, любовники довольно скоро перестали скрывать свои отношения. «Сам император... спокойно относился к любовным чаяниям или, лучше сказать, отчаянной любви своей супруги, а возмущались ею сестра императора Пульхерия и все поверенные в ее тайны...»

Однако вскоре Роман почувствовал недомогание. Судачили, что будто ему в пищу понемногу подкладывали отравы, которую, возможно, составила сама Зоя, подозревали в этом и Иоанна Орфанотрофа.

Между Пульхерией и императрицей началась война, которая закончилась победой последней. Пульхерия умерла внезапно, та же судьба постигла одного из ее поверенных, другой предпочел не рисковать жизнью и покинул дворец. Эти события заставили остальных призадуматься о собственной участи и поутихнуть.

Смерть к несчастному и нелюбимому мужу так долго не приходила, что злоумышленники пошли на крайние меры. Императора Романа III Аргири утопили. Многие не верили, что убийство произошло из-за ссоры или чьей-то вспышки, слишком подозрителен оказался внешний вид покойника.

Михаил Пселл рассказывал: «... лицо Романа искажилось, но не вытянулось, а раздулось, его цвет изменился и был не как у умерших своей смертью, а как у распухших и пожелтевших от выпитого яда, в щеках же, казалось, не осталось и кровинки. Волосы на голове и подбородке вылезли настолько, что напоминали горелое жнивье с видимыми издали прогалинами...»

И как не поверить в страшное предположение, если после смерти царя в 1034 году императором провозгласили Михаила Пафлагонца, того самого удачливого любовника, страдающего падучей. Ходили слухи, что Зоя пыталась отравить и самого Иоанна Орфанотрофа, хитрый придворный так много знал, что стал ей опасен. Правда, яд не подействовал, потому что, вроде бы, изготовляла его уже не Зоя, а некий Константин Мукупелис.

Слухи об отравительстве и «чародействе» возобновились с новой силой после смерти Михаила в 1041 году, справедливости ради надо сказать, что к смерти молодого императора-эпилептика Зоя не имела никакого отношения. Ее сослал в монастырь собственный приемный сын, и тогда-то опять всплыла тема отравительства. В указе о пострижении говорилось о посягательстве Зои на жизнь приемного сына. Правда ли это или интриги двора, не известно.

Не будем касаться нравственного облика императрицы и вернемся к тому, с чего начали, остановимся на ее увлечении косметологией. Судя по тому, что собственную кожу Зое удалось сохранить упругой и свежей (или так природа распорядилась), она стала отличным косметологом. Пселл рассказывал, что уже на склоне лет «... все ее тело сверкало белизной. Тот, кто стал бы любоваться соразмерностью частей ее тела, не зная на кого смотрит, мог бы счесть ее совсем юной; кожа ее не увяла, но везде была гладкой, натянутой и без единой морщины».

Зоя составила сборник из рецептов различных кремов, часть из которых уцелела в составе медицинского трактата XI — XIV веков, хранящегося се-

годня в библиотеке Лоренцо Медичи во Флоренции. Мы приведем один из них, который называется «Мазь госпожи Зои-царицы».

«Берется следующее: финики... давленные, слива сочная, мягкий изюм, мягкий инжир, луковицы лилии, которые сварив с медом, искроши, а затем, соединив со всем, упомянутым ранее, и все это одинаково измельчив, добавь миро».

Крем готов, может именно благодаря ему Зое удалось сохранить молодость своей кожи...

Кстати, долгое время ее трактат приписывался перу Евпраксии (Добротей) Мстиславны, внучке Владимира Мономаха, которую выдали замуж в 20-х годах XII века за византийского императора Алексея II Комнина. После замужества она взяла имя Зоя.

История донесла до нас рассказ об одной яркой представительнице прекрасного пола, увлеченно занимающейся косметологией, но, к сожалению, время стерло воспоминания о многих других, кто посвятил многие годы изучению подобных проблем. Их социальное положение не вызывало столь пристального внимания, а деятельность казалась заурядной и злободневной, и некому было рассказать об их достижениях и открытиях в области парфюмерии и косметики.

Многие письменные источники погибли в бесконечных войнах и стихийных бедствиях. Но они погибли для нас, живущих сегодня, а в те времена различные достижения в области косметики быстро распространялись среди женщин, рецепты переписывались или запоминались.

Предположить, что русские купцы, вернее их жены, не проявляли интереса к византийским косметическим продуктам трудно, хотя и обратное почти бездоказательно. Но мы все же постараемся узнать об интересе наших далеких предков к косметике и парфюмерии, обратившись к тем немногочисленным литературным памятникам, что сохранились до нашего времени.

МНОГОЦВЕТЬЕ ОДЕЖД И УКРАШЕНИЙ ДРЕВНИХ РУСИЧЕЙ (IX—XIII века)

Глава 1

«Чи одежды богаты, тех и речь чтима»

Имея обширные владения, Византия и торговала, и воевала с соседними государствами, невольно распространяя свои традиции и моду. Одним из регионов, на которые империя имела значительное влияние, стали земли, населенные славянами.

Древняя Русь была связана со многими восточными и западными странами в различных сферах общественной жизни — экономической, политической и культурной. Связи эти то крепили, то ослабевали, видоизменялись, но никогда не прерывались. Так, в первые века русской истории особенно оживленными оказались контакты Киевской Руси с Юго-Восточной Европой, с балканскими странами, с Венгрией, Чехией, Польшей и с Северной Европой, а вот контакты с центральными западноевропейскими странами были менее тесными.

В записках европейских и арабских путешественников и купцов встречаются рассказы о русских людях, по разным причинам попавших за рубеж. Иракский писатель IX века Ибн Хордадбехе в своем географическом сочинении рассказывал о купцах-русах, доставлявших меха в Константинополь и Багдад. В арабо-персидских источниках сохранилось довольно много известий о пребывании русов на Кав-

казе в X—XII веках, речь шла о русских наемниках, состоявших на службе у различных кавказских правителей, о походах русских отрядов на Кавказ и об их участии в междоусобной борьбе местных феодалов. Ламперт Херсфедский, немецкий автор 70-х годов XI века, в «Анналах» писал о том, что на Пасху 973 года (23 марта) на имперском съезде в Кведлинбурге среди прочих иностранных посольств присутствовало русское.

Широта международных связей Киевской Руси позволила русскому писателю XI века митрополиту Илариону с полным правом сказать, что Русская земля «ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли», и к началу XII века внешнеторговые операции наших купцов настолько укоренились, что их не смогли прервать даже вторжения монгольских орд и крестоносцев.

Наиболее активно развивались отношения Руси и Византии. Русские находились в составе так называемой варяго-русской дружины в Константинополе, служили в византийском войске, брали в жены византийских красавиц, имели в столице империи собственное подворье. Любопытно, что в 944 году русские послы были представлены здесь не только от бояр и князей, но и от знатных женщин — Преславы и Сфандры. Спустя тридцать лет на переговоры с византийским кесарем отправилась с актом миролюбия княгиня Ольга.

В это время шла самая оживленная торговля между двумя государствами. Русские купцы везли в Византию рыбу, меха, черную и красную икру, мед и воск. Из Византии вывозили ювелирные изделия, шелковые ткани, вина, фрукты, оливковое масло и т. д. Покупали эти товары и для продажи, и для гостинцев — на потеху да на красоту. Не только купцы, но и русские воины, возвращаясь в родную землю, привозили своим ненаглядным модницам да щеголихам подарки с Царьграда.

Культурное влияние Византии на славянские земли еще более усилилось, после того как Русь приняла христианство. Спрос местной знати на предметы

роскоши, одежду и украшения, повисился. Арабский путешественник X века Ибн-Фадлан рассказывал, что наши пращуры не носили европейской одежды — курток и кафтанов, а предпочитали им византийскую — в виде плащей, покрывавших одну сторону туловища и оставляющих свободной другую.

Частая смена нарядов, характерная для модников последующих эпох, тогда была еще невозможна. Одежда из привозных тканей, расшитая шелком и жемчугом, обходилась очень дорого, и, являясь украшением своего владельца, характеризуя его положение в обществе, она становилась частью княжеской казны.

Нательную рубашу (мужскую и женскую) называли «срачица», «сороцица» или сорочка, ее шили из тонкой льняной ткани. Верхнюю одежду шили из грубой шерстяной ткани вотолы (ватулы). В Никоновской летописи она упоминается под 1074 годом: «Преподобный Исаакий облечется в власяницу, и на власяницу свитку вотоляну...» Свиткой называли род верхней и нижней одежды преимущественно монахов и священнослужителей.

Миряне носили длинную верхнюю одежду, похожую на сорочку, рукава которой кроили широкими сверху и совсем узкими у кисти. Они заканчивались нарукавьем — расшитой полоской ткани или браслетами. В женском платье, правда, встречались и широкие рукава. Такое платье подвязывалось поясом, низ его украшался каймой, а верх отложным воротником. Любительницы жестких стоячих воротников предпочитали их видеть шелковыми, расшитыми золотой или серебряной нитями. Эти воротники, и отложные, и стоячие, накладывались или прикреплялись к платью.

Повседневные одежды изготавливали из шерстяных или холщовых тканей, а выходные — из шелковых и бархатных. В X веке эти материи являлись, пожалуй, самыми дорогими из привозных товаров. Красота их мало кого оставляла равнодушным, и упоминание о шелках неоднократно встречается в литературных памятниках того времени. В XII веке автор

знаменитого произведения «Слово Даниила Заточника» не без удовольствия подмечал их привлекательность: «паволока расшитая разноцветными шелками, красоту свою показывает».

Другая более дорогая и пышная бархатная ткань — аксамит. «Аksamит», точнее «гексамит», с греческого переводится как «шестинитчатый». Эти ткани преимущественно красного и фиолетового цветов украшались «звериным» орнаментом. На материи преобладали рисунки со стилизованными грифонами, львами, орлами и пр., расположенные обычно в круглых медальонах. Кстати, одежду из нее иногда носили и небогатые горожане, да и вообще, любовь к шелкам у наших модниц была так велика, что даже в деревнях девушки и женщины убирали свои одежды и прически шелковыми лентами.

Поверх платья набрасывали на плечи плащ-покрывало — корзно, или епанчу (япончицу), ее застегивали фибулой на плече. В «Изборнике» Святослава 1073 года великий князь носил корзно «синяго цвета с петлицами и обшивкою золотыми, застежкой и подкладкою красными». Эти плащи не отделялись, как византийские — нашивными фигурами, только кайма, проложенная внизу, контрастная по цвету, подчеркивала его изящество, а на легких епанчах ее могло не быть.

Раннее упоминание епанчи (япончицы) относится к XII веку и встречается в «Слове о полку Игореве» — в рассказе о неудачном походе в 1185 году новгород-северского князя Игоря Святославича против половцев. В отрывке, повествующем о том, как войско Игоря рассеивает передовые отряды, она упоминается в числе добычи русских. Этой одеждой воинам пришлось возводить переправу на болотах: «... ортьмами и япончицами, и кожухы начаша мосты мостить...» Кожухами называли кожаные или меховые одежды, шубы.

В том бою добычу захватили славнью: «Спозорнок в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали

красных девушек половецких, а с ними золото, и па-волоки, и дорогие аксамиты».

Жители древней Руси любили яркие краски, носили ало-красные, синие, желтые, зеленые и голубые платья, их украшали нашивками из материй другого цвета, золотым и серебряным шитьем. Тонкую золотую нить умелицы спрядывали с льняной и шили так, что длинные стежки прокладывали на лицевой стороне, а короткие — на изнанке.

Зимняя одежда оторачивалась мехом, и если шелк приходилось везти из других стран, то меха на Руси хватало. Шубу носили мехом вовнутрь, а позднее покрывали очень дорогой тканью, расшитой золотом. Ярославна, героиня «Слова о полку Игореве», носила шубку бобровую, женщины среднего достатка из белок или росомахи. Мех вообще любили, богатые пускали на опушку своих плащей самые дорогие меха горностая и соболя, из них шили шапки и укрывались меховыми одеялами в студеные зимние ночи, об этом упомянул Даниил Заточник. «Когда услаждаешься многими яствами, меня вспомни, хлеб сухой жующего... Когда же лежишь на мягкой постели под собольим одеялом, меня вспомни, под одним платком лежащего...»

Не меньше удовольствия доставляли женщинам головные уборы, которые являлись яркой дополняющей частью туалета и строго соответствовали семейному и социальному положению женщины. Девушки носили венки и венчики — «коруны» из узкой полоски металла или материи, эти украшения охватывали лоб и скреплялись на затылке. На металлический остов натягивали материю, расшивали ее шелком или жемчугом.

Юные модницы, приловчившись, заплетали две косички прямо под венцом и продевали их в височные кольца, или так укладывали волосы, что венец как бы поддерживал прическу. Выходило очень красиво.

Головные уборы замужних женщин были значительно сложнее, ими полностью закрывали волосы (со времен язычества женские волосы считались

ведьмиными чарами, отсюда и характерная для православных традиция не входить с непокрытой головой в церковь). Повои, головные покрывала из паволок, украшались по краю маленькими стеклянными бусами, поверх повоя надевали корону-кокошник, или кичу летом, а зимой шапку с меховым околышем и округлой тульей. Переднюю часть кики (чело, или очелье) делали съёмной, ее расшивали жемчугом и драгоценными камнями. Украшали очелье кики рясы. Рясы — это бахрома из нанизанных на нити бусин или жемчужин.

Важной деталью туалета модника являлась его обувь. В древнюю эпоху обувью служила кожаная подошва, края которой загибались вверх и стягивались у подъема ноги лыком, шнурком или ремнем. Сохранились славянские названия этой обуви — «курпы», их еще называли «опанки» или «поршни», и существовали они наряду с лаптями, плетеными из лыка.

В VII—IX веках носили кожаные ботиночки. Их украшали тиснением, вышивкой или резьбой, орнамент располагался в центре заготовки. Вышивали шерстяными или шелковыми нитками. У щиколотки ботиночки стягивались ремешком.

А вот в X веке в обиходе появились полусапожки, доходящие до середины голени с разрезом спереди, которые зашнуровывались или застегивались. Носили тогда и высокие кожаные сапоги. Русская знать предпочитала сафьяновые, расшитые узором и жемчугом. Сафьяны — тонко выделанные козьи и овечьи кожи, окрашенные в яркие цвета.

Кожа пользовалась большой популярностью у славянских народов. Из нее делали нашивки для костюмов — как для красоты, так и для прочности, шили рукавицы и пояса, всевозможные футляры и кошельки. Все это по желанию заказчика или изготовителя украшалось тиснением или рисунком из разноцветных ниток.

Одежда русских долгое время не изменялась по своему покрою, этому способствовали и дороговизна тканей, и мода, и практические удобства платья. Щеголи из богатых и знатных семей удивляли всех

невиданной роскошью отделки одежды. Сам князь, хотел он того или нет, обязан был своим видом и богатством поддерживать в народе образ удачливого храброго полководца и справедливого защитника. Жители посадов с почтением и любопытством взирали на его сокровища.

По примеру выставок княжеской одежды в Византии устраивались подобные и на Руси. Лаврентиевская летопись рассказывает, что в Киеве в Софийском соборе на всеобщее обозрение выставлялись одежды княжеские: «...порты (одежды) блаженных первых князей еже бяху повешали в церквах святых, на память себе...»

Составитель Ипатьевской летописи записал, что во Владимире во время большого пожара в 1183 году загорелась соборная церковь Успения «Златоверхая». Загорелось все, что было внутри нее и утварь церковная, и «порты» шитые золотом и жемчугом, которые на праздник вешали на «две верви чюдных» от золотых ворот до иконы Богородицы и от нее до владычных сеней.

Те, кому посчастливилось увидеть эти великолепные одежды, могли запомнить рисунок вышивки да орнамент, выложенный жемчугом, а потом что-то подобное изобразить на своем, пусть и не таком богатом платье. Те же, кто не гнался за его красотой, просто дивились княжескому богатству и чудесному шитью.

Одежд и тканей в княжеской казне припасалось немало. Летописи неоднократно упоминают о посылке подобных даров от царей Византийских. В 976 году «царь же греческий Василий послал к Святославу великие дары от злата и паволок, прося от него мира». В 1164 году «присла царь дары многы Ростиславу, оксамиты и паволокы и вся узорочья различная».

Роль одежды в жизни человека не изменилась с древнейших эпох, и гомеровским строчкам, написанным в VIII веке до нашей эры: «Ныне ж кто хилого нищего в рубище бедном уважит?», вторит автор «Слова Даниила Заточника»: «... богатый муж везде вedom — и на чужбине друзей имеет, а бедный и на

родине ненавидим ходит. Богатый заговорит — все замолчат и после вознесут речь его до облак; а бедный заговорит — все на него закричат. Чьи одежды богаты, тех и речь чтима».

Хотя богатство и красивая одежда это еще далеко не все, что нужно человеку, чтобы заслужить почтение и уважение окружающих. Даниил напоминает, что «... нищий мудрый что золото в грязном сосуде, а богатый разодетый, да глупый — что шелковая подушка, соломой набитая».

Глава 2

Мастерство ювелиров на службе у модников

Чувство эстетического наслаждения, возникающее при виде красивых одежд или украшений, нашим пращурам было доступно не в меньшей мере, чем нам. Они не всегда знали о функциональном назначении тех или иных красивых предметов, но оценить их художественные достоинства могли. В V—VII веках некий рядовой старейшина из калужских лесов побывал на Киевской земле и вывез оттуда несколько фибул с ярко-красной эмалью. Не зная, что их используют в качестве застежки, он сделал себе из восьми фибул парадное ожерелье и надевал его поверх одежды.

Высоко ценили золото и серебро, оно шло на изготовление и военного снаряжения, и парадной и повседневной одежды знати.

Византийские золотые изделия, созданные при помощи скани, украшенные зернью, поражавшие русскую знать своей изысканной красотой еще в VI—VII веке, заставили славянских мастеров искать способы воспроизведения этой тонкой работы. Скань — ювелирная техника, при которой получается узорчатое изделие из тонкой крученой проволоки. Зернью называют ювелирную работу, созданную из мельчайших золотых, серебряных или медных

шариков, диаметром от 0,4 мм., напаянных на изделие. Но подражания, которые удавались славянским мастерам выходили тогда еще грубыми. И только спустя три-четыре столетия русские умельцы освоили эту технику виртуозно.

Любили наши пращурь драгоценные камни и жемчуг, коими украшали одежду, золотые и серебряные вещицы. Жемчужные зерна обрамляли золотые колты, жемчугом украшали богатые шелковые платья. Нравились нежно-фиолетовые аметисты, синие сапфиры, яшма, халцедон, рубины и изумруды. Восхищал сильный контраст между цветистыми шелковыми и парчовыми тканями и белизной льняных рубах, который усиливали еще и многоцветностью ювелирных украшений. Серебристая поверхность колтов и браслетов покрывалась чернью, золотые диадемы и гривны расцветчивали голубой, синей или нежно-голубой эмалью.

Желание обладать подобными изделиями оказывалось настолько велико, что бросало на необдуманные поступки, забывались приличия и хорошие манеры. Так, однажды послы русские, именем государя своего, чуть ли не требовали у византийцев одежды и венцов золотых, украшенных драгоценными камнями. Поставленные в неловкое положение, хитрые византийские вельможи нашли выход, они объясняли, что с радостью бы отдали, но не могут, ибо «сии порфиры и короны сделаны руками ангелов и должны быть всегда хранимы в Софийской церкви».

Великий князь киевский Святослав (?—972), сын князя Игоря и Ольги, собрав как-то бояр, в присутствии матери своей княгини Ольги сказал, что веселее ему было бы жить в Переяславце, нежели в Киеве, «ибо в столице Болгарской, как в средоточии, стекаются все драгоценности Искусства и Природы. Греки шлют туда золото, ткани, вино и плоды, Богемцы и Венгры серебро и коней, Россияне меха, воск, мед и невольников».

Результатом походов князя на Оку, в Поволжье, на Северный Кавказ и Волжскую Болгарию, где дружи-

ны Святослава разгромили Хазарский каганат, стало и умножение казны, и укрепление внешнеполитического положения Киевского государства. Кстати, щегольским украшением Святослава и знаком благородства была золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином.

Постоянные заказы на изготовление всевозможных изделий, развивали и оттачивали технику наших мастеров. Русским ювелирам не находилось равных в XI—XII веке. Киевский летописец, восторгавшийся серебряной гробницей Бориса и Глеба в Вышгороде, писал: «И тако украси добре, яко не могу сказати оного ухищрения по достоянию довольне; яко многим, приходящим от Грек и иных земель, глаголати: “Нигде же сицея красоты бысть”».

И не один он так высоко оценивал работы наших умельцев. В Германии священник Гельмерсгаузенского монастыря, что около города Падерборна, — Теофил в своей книге, посвященной технике ювелирного дела, перечислил страны, мастера которых прославили себя этим видом искусства. В этом списке Русь стоит на втором месте, уступая только Византии, и уже после русских ювелиров шли арабские, итальянские, французские и немецкие.

Княжеская казна, пополнявшаяся драгоценностями, являла собой предмет гордости и не без удовольствия демонстрировалась именитым гостям. Князь Святослав Ярославич (1027—1076) водил гостей в свою сокровищницу, как в музей. Удивляли причудливые и бесподобные по своей красоте женские украшения: золотые короны, отделанные эмалью и жемчугом, с длинными до плеч золотыми цепями, кончики которых украшались колтами с изображением вещей птиц, барсов или цветов; шейные украшения — «гривная утварь», в состав которой входили мониста из больших медальонов, разнообразные бусы, подвески, лунницы, крестики; широкие серебряные браслеты, богато орнаментированные изображениями птиц, кентавров, гусяров и плясуний; и многочисленные кольца.

Все это было сделано тонко, изящно, увито завитками скани, усыпано тончайшей зернью. Ювелирные

изделия создавались из различных металлов: бронзы; золота и серебра; из дерева, стекла, кости, янтаря и даже глины (из нее в деревнях делали бусы).

Между прочим, в древности в деревнях изготовлением украшений занимались женщины, и только в X веке они уступили свое ремесло мужчинам. В XI—XIII веках на территории русских земель одновременно работало множество ювелирных мастерских. Они располагались так, что ювелир снабжал своими изделиями жителей деревень, отстоящих от него не более чем на десять километров. Подобное расстояние давало возможность потенциальным клиентам съездить к нему и вернуться домой до захода солнца.

Наравне с местными украшениями встречались и работы городских искусников, в деревни их привозили «гостебники» — коробейники. Многие мастера старались создать изделия, похожие на городские; видимо, деревенские щеголихи, насмотревшись на городских модниц, а еще вероятнее наслушавшись рассказов о последних модах, заказывали себе браслеты да кольца, непохожие на те, что носили соседки.

Городские мастера, в свою очередь, подражали княжеским, правда, это ставило их перед проблемой поиска новых приемов массового производства изделий. Ведь, художник, выполнявший заказ князя или трудившийся над созданием украшения для требовательной знатной клиентки, тратил на одно изделие несколько месяцев, а городские мастера, работа которых основывалась на массовом производстве, позволить себе этого не могли. Вот и приходилось им имитировать аристократические образцы, не прибегая к трудоемкому индивидуальному изготовлению каждой вещи. Они создавали штампы литейной формы, которые помогали легко выпускать на рынок целые серии изделий, по внешнему виду похожие на дорогие украшения, вышедшие из рук княжеского ювелира.

Очень много заказов поступало на изготовление височных колец — самых распространенных женских украшений X—XIII века. Их носили по-разному: прикрепляли к головному убору или волосам на ре-

мешках, лентах или косичках и даже продевали в ухо как серьгу. Эти изделия в разных областях Руси отличались друг от друга наличием различных деталей или рисунком. Новгородские жительницы носили ромбо-щитковые височные кольца, жительницы Полоцкой земли — браслетообразные. Например, в одной области изготовляли височные кольца, основой которых было кольцо с полукруглым щитком внизу, от которого вниз и в стороны отходили семь острых лучей. А в другом месте, то же самое изделие делалось не с острыми лучами, а с лучами, которые на конце расширялись и превращались в лопасти.

Колты — полые украшения подобного же типа, богато украшенные перегородчатой эмалью, зернью и сканью, появились позднее. Носили их городские и знатные модницы так же, как и височные кольца, а вот деревенские жительницы по какой-то причине любовью к ним не прониклись.

До нашего времени дошло берестяное письмо, упоминавшее некий ювелирный заказ, его нашли при раскопках древнего Новгорода. Оно написано женщиной по имени Нежка в 10—20 годы XII века и адресовано ее братьям Завиду и Нежате. Нежка обращается к ним: «Чемоу не восолеси чето ти есмо вода-ла ковати» — Почему не присылаешь то, что я дала тебе выковать? Речь, вероятно, идет о колтах. Скорее всего, братья не были ювелирами, а были владельцами усадьбы, принявшими поручение своей сестры для исполнения их вотчинными ремесленниками.

А сколько таких поручений принимали ремесленники, а сколько наказов давали девицы да жены своим отцам да мужьям: привезти то колечко, то бусы... Бусы особенно любили, одно время услаждали красавицы свои взоры стеклянными. Бусинки были разными по цвету и по виду, одни делали кругленькими, дутыми, другие изготавливали в форме многогранников. Причем в одних местах модными считались синие или черные бусинки, а в других светло-зеленые. Были даже пестренькие бусинки, для их изготовления брали многослойные стеклянные палочки, которые разрезались и прокалывались.

Ибн-Фадлан, побывав на Волге в X веке, рассказывал, что русские красотки очень любили зеленые бусы и что мужья разорялись, платя по 15—20 монет серебром за каждую зеленую бусину.

Знать не осталась в стороне от этого захватывающего модного увлечения, она пошла дальше, в ее среде ценились бусы, сделанные из бусин, различных по материалу. Иногда пренебрегали драгоценностью камней, отдавая предпочтение стеклу и модному цвету изделия, и потому рядом с дорогим редким камнем, жемчужными зернами, золотой дутой бусиной могла соседствовать яркая стеклянная.

Металлические обручи — гривны, которые, так же как и бусы, носили на шее, являлись достоянием только зажиточной части крестьян и горожан. Они предшествовали более поздним металлическим украшениям типа ожерелий. Ценились изделия из билона (сплав меди и серебра), а наиболее распространенными все же были медные и бронзовые.

Модницы дразнили друг друга изящными браслетами, их носили и богатые и небогатые, горожане и селяне. Знатные городские щеголихи украшали изнеженные ручки золотыми браслетами — «обручами». Те, кто не мог позволить себе украшений из дорогих металлов, ограничивался медными или бронзовыми: витыми, плетеными, пластинчатыми, массивными и узенькими. Носили стеклянные браслеты голубого, зеленого и черного цветов, гладкие и рельефные, особенной популярностью они пользовались среди городских модниц.

Перстни носили и мужчины, и женщины, и дети, и даже, не удивляйтесь, на пальцах ног. Наверное, это была «высшая» степень проявления щегольства. Мужские кольца делали, как и сегодня, массивнее женских. По форме и рисунку кольца нередко повторяли форму браслетов (витые или плетеные), в них вставляли и драгоценные камни, и разноцветные или прозрачные стекляшки.

Украсив себя с головы до ног, наши героини не забыли украсить и свои одежды. Фибулы — застежки для плащей и накидок — ювелирные мастера с любовью изго-

тавливали из железа, меди, бронзы и серебра и богато орнаментировали. Первое упоминание о них содержится в «Повести временных лет» под 945 годом. Носили застежки либо у плеча, либо на груди, а мелкими фибулами женщины застегивали сорочки у ворота.

Долгое время не выходили из моды металлические привески, они играли роль амулетов. Их прикрепляли к платью на груди или у пояса длинными шнурами или цепочками. Привески делали в виде бытовых предметов, символизирующих достаток (ложки, ключики, гребни) или богатство (ножики, топорики), самым излюбленным украшением был конек с вытянутыми ушами и загнутым в кольцо хвостом. Конь являлся символом добра и счастья. Носили также бубенчики, шумящие привески, привески геометрических форм.

Медальоны из серебра и золота, украшенные перегородчатой эмалью, зернью и сканью, носили только состоятельные горожане. Со временем (к XII веку) мода на них распространилась и в менее богатой среде, ювелиры делали их из дешевых сплавов.

Пояса, мужские и женские, служили и украшением, и знаком феодального достоинства. Их расшивали шелком, украшали драгоценными камнями, снабжали застежками из золота или серебра.

Подпоясав свои чудные одежды, украсив себя серьгами да кольцами, наши героини, наверняка, замечали, что чего-то не достает в созданном их фантазией образе. На фоне платья из яркого аксамита и поволока, пестрых бус и кики, украшенной жемчугом, лицо казалось «голым» — «неукрашенным». Вот тут-то и должна была на помощь прийти косметика.

Глава 3

Белила и румяна в Древней Руси

Русь приняла от Византии христианскую религию с ее обрядами, в которых большое место занимали воскурения и ароматные масла (елеи). Особенно

полюбился ладан. В те далекие времена человек, ощущая его густой сладкий аромат, может быть, вспоминал о многовековой традиции его использования, овеянной легендами. И, может быть, поэтому ему хотелось больше узнать о нем. О том, какие деревья дают эту смолу, где они растут и как называются. И потому один из первых известных русских путешественников игумен Даниил, совершивший в 1104—1107 годах паломничество к святым местам на Ближнем Востоке, рассказывал об этой смоле подробно и основательно, словно отвечал на вопросы, которые могли быть заданы его пытливыми современниками.

«Там же остров Родос, большой и очень богатый всем. На этом острове был (в рабстве) два года русский князь Олег. От острова Самоса до Родоса двести верст, а от Родоса до города Макри шестьдесят верст. В этом городе и по всей той земле, даже и до Мир, добывают черный ладан.

Этот ладан из надреза на дереве вытекает, подобно мякоти, и снимают его острым железом. Дерево это зовется зигией, видом оно напоминает ольху. Другое небольшое деревце видом похоже на осину, называют рака (стиракс)... вытекает из деревца мякоть, как вишневый клей. Его собирают, смешивают с мякотью зигии, вкладывают в котел и варят: получается ладан, который складывают в мехи и продают купцам».

Душистые масла привозили с Востока, высокая цена делала их доступными лишь для зажиточных людей. Позднее, когда связь с восточными регионами и Византией окрепла, масла распространились шире. Со временем русичи познакомились с разными сортами растительных масел. Миро впервые упоминается в Остромировом евангелии в середине XI века, масло деревянное (вместо елея) — в Галицком евангелии XIII века. Деревянное масло (низшие сорта оливкового) в большом количестве сгорало в лампадах и употреблялось при некоторых церковных обрядах. Миро — тоже деревянное масло, но сваренное с красным вином и благовониями.

Вот в таком серебряном сосуде XIII века, похожем на ружейную масленку, разделенную глухой перемычкой на две половины, и хранилось масло. На одной из половин сосуда нацарапано — «масло», а на другой — «мюро», сосудик принадлежал когда-то новгородскому приходскому священнику.

Духов в том смысле, который мы вкладываем сейчас в это слово, конечно, не было, но, возможно, некоторые из ювелирных украшений снабжались особыми полостями, куда укладывали пахучие смолы или крошечные кусочки холста, смоченного в ароматных маслах. Так височные украшения — колты, составленные из двух выпуклых спаянных и украшенных эмалями щитков — по своей конструкции могли быть использованы для хранения пропитанных душистыми маслами кусочков хлопка. Широкая каемка на месте спайки снабжалась скобочками, через которые продевалась проволока с жемчужной нитью. Под верхнюю дужку всегда делалась в обоих щитках желобчатая выемка, а в ней узкая щель, по форме похожая на чечевицу, в которую укладывали эту матерью.

Впервые подобные украшения появились в Сирии, уже оттуда мода на них распространилась на соседние области. Колты были в большой моде и у византийцев, такие же делали и русские мастера. Об их популярности мы уже рассказывали выше.

Знали ароматные воды, но они не имели такого широкого хождения, как скажем, на Востоке, но тем не менее представление о них на Руси имели. Автор «Моления Даниила Заточника» образно сравнивает «сладкую речь» человека со сладкими, душистыми ароматами. Он обращается к князю с просьбой, говорит, что если бы князь принял его к себе на службу и «поставил» сосуд сердечный под потоком «языка» его, то он «накапал» бы ему «сладости словесные паче вод араматских». Понятие ароматный (араматный) — то есть душистый, благовонный, является заимствованием с греческого языка и известно в древнерусской литературе уже с XI века.

Во время пышных княжеских пиров слуги разносили яства на блюдах, подавали пирующим воду для умывания в серебряных сосудах, рядом со столами они же раздували бронзовые курительницы — «укропницы». Литературный памятник XII века «Слово о богаче и Лазаре» рисует красочную картину такого пира. Это произведение болгарского автора, популярное на Руси, соответствовало быту русских князей: «... множество сокачии (поваров) работающе и делающе с потъм, ини мънози текуще, и на пърстех блюда носяще, ини же махающе с боязнию: ини же сребрьныя умывальница держаще, ини же укропница дъмуще, ини стъкляница с вином носяще...»

Укропницами называли чаши для теплоты, чайники (по Далю) их делали из бронзы в форме различных зверей. Внутренность чаши наполнялась ароматическими травами, а через ажурную прорезь в теле фигурки шел дым, из глаз и ушей вырывались языки пламени.

Подобных вещей сохранилось очень немного, среди археологических находок есть, например, бронзовая головка барса. Эта работа относится к X веку и представляет собой часть арабской курительницы для благовоний в виде фигуры барса в рост, со множеством отверстий для дыма. Голова служила крышкой, ее откидывали и насыпали внутрь ароматические смолы.

Что касается косметики, то известно, что древние славяне использовали жиры, как правило, сливочное масло, но, к сожалению, узнать, как давно женщины употребляли белила и румяна, нам не удастся.

О том, что наши красавицы и модницы подкрашивали свои лица, стало известно благодаря Даниилу Заточнику. Бедность довела героя до отчаянного положения: «... и покрыла меня нищета, как Красное море фараона... Друзья и близкие мои отказались от меня, ибо не поставил перед ними трапезы с много-различными яствами... Княже мой, господин! Избавь меня от нищеты...» Он обращается к князю, потому что не видит выхода из создавшегося положения,

ведь не жениться же по расчету, этот шаг поставит его в еще более сложное положение.

«Дивней дивного, кто в жены возьмет уродину прибытка ради.

Видел жену безобразную, приникнувшую к зеркалу и мажущуюся румянами, и сказал ей: “не смотришь в зеркало — увидишь безобразие лица своего и еще больше обозлишься”».

Автор нарисовал образ своей современницы и дал ему собственную оценку. Кокетливая женщина за туалетным столиком, перед ней зеркальце, может быть, дорогое с узорчатым рисунком; может быть, простенькое дешевое. Под рукой румяна — привычное для нее косметическое средство. Красота, созданная с помощью притираний, не прельщает его. За слоем румян могут скрываться изъяны кожи. И как знать, может быть, она привыкла скрывать не только внешние недостатки, но и пороки своей натуры — коварство и злобу.

Средневековая мораль разделила женщин на так называемых «злых» жен и «добрых». «Злые» наделялись отцами церкви всеми отрицательными качествами: блудливостью, ленью, безалаберностью, сомнительной религиозностью и непокорностью, непозволительной свободой по отношению к своей внешности. «Злая жена» знала себе цену и с удовольствием употребляла белила и румяна, чтобы стать красивее, чем ее соперница или чем есть на самом деле, она хотела обмануть мужчину, привлечь его своей поддельной красотой.

В то время как «добрая жена» и работающая, и заботливая, и богобоязненная, покорная — хороша красотой внутренней, «светом ума и тихости».

Духовенство пыталось бороться с проявлением самых разных человеческих страстей, будь то страх, гнев или любовь, поскольку они делали человека независимым и непредсказуемым, доступным дьявольским хитростям. Женщины, с присущей им повышенной эмоциональностью, оказывались частыми жертвами своих слабостей, и большинство попадало под град осуждения церкви и немалой части

общества. Да, собственно, в литературе до монгольского и монгольского времени (X—XV вв.) «добрых» жен было не так уж и много — это выдающиеся женщины Древней Руси от княгини Ольги до жены князя Дмитрия Донского Евдокии Дмитриевны. Несмотря на то, что характеры и склонности их описывались ярко и подробно, об их внешности мы ничего не узнаем.

Такое разделение женщин на «злых» и «добрых» в литературе не казалось придуманным, но в жизни все становилось гораздо сложнее. Простые женщины и девушки оказывались под сильным влиянием моды и традиций и пользовались и белилами и румянами, несмотря ни на что. И автор «Моления...» настолько привычными фразами описывает красящуюся женщину, что вывод напрашивается сам собой — уже к XII веку косметику на Руси хорошо знали и она находила широкое распространение среди зажиточной прослойки горожан и феодальной знати.

Другой литературный памятник XIII века Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в 1216—1219 годах и повествующий о событиях 1138—1214 годов, рассказывает о том, что «женщины начаша друг перед другом чернить лице и белим трети (натирать), абы уношя вожелел ее». То есть женщины стали красить лицо белилами и румянами, чтобы привлечь к себе внимание юношей. Но вот стоит ли обращать внимание на фразу летописца — «начаша»? Не идет ли здесь речь о времени появления этого обычая? Думаю, что нет, скорее всего, автор текста подчеркивает наличие этого пагубного (возможно, очень давнего) обычая.

Оба этих источника рассказывают о красящихся женщинах, и оба не одобряют эту манеру, оговоримся, традиционно не одобряют. Подобное отношение к использованию косметики мы видели и в Византии, и в европейских странах. Яркие румяна, яркие губы и избыток парфюмерии часто являлись принадлежностью женщин легкого поведения. Во Франции бродячий певец Гугон Орлеанский, по прозвищу Примас (1093—1160), рассказывал о подобной красоте:

Ежели в гости блудница
к тебе соберется явиться, —
Прежде помешкает знатно,
хоть звал ты ее многократно,
Краску кладет и белила,
брови себе насурьмила,
Всю красоту наводит
и важной походкой выходит...

Хотя в то же время наличие и использование косметики в разумных пределах по большому счету не возбранялось. Быт европейских жителей XI—XIII веков — и женщин, и мужчин — был наполнен хлопотами о нарядах и внешности. В «Романе о Розе» Амур наставлял куртуазных любовников тщательно заботиться о себе: иметь белые руки и чистые ногти, носить узкие рукава, изящно причесывать волосы и не жалеть денег на покупку шелкового кошелька, вышитого пояса и шляпы. Парижские щеголи пудрили лицо и выщипывали брови, душились и держали руки в молоке для пущей белизны.

Кроме самого факта употребления косметики немаловажно было бы выяснить, насколько ярко красились, не тогда ли зародился обычай накладывать косметику в таком избытке, что иностранные гости, побывавшие в Московии в XVI—XVII веках, недоумевали, глядя на ярко размалеванных московских красавиц.

В ту пору внешний вид славянок не вызывал у европейских путешественников удивления. Фламандский монах, путешественник середины XIII века Виллем Рубрук не заметил большого внешнего различия между славянами и европейцами, он писал, что «русские женщины убирают головы так же, как наши, а платья свои... украшают мехами. Мужчины носят епанчи, как и немцы, а на голове имеют войлочные шляпы, заостренные на верху длинным острием».

В конце XIII века Марко Поло рассказывал, что народ здесь «... простодушный и очень красивый; мужчины и женщины белы и белокуры...». Надо сказать, что они путешествовали по Азии и Востоку; Марко Поло побывал в Китае, Рубрук в Монголии, Палестине и на Кавказе. Разумеется, оба пристально взгляды-

ввались в незнакомые азиатские и восточные лица, описывали экзотичную одежду и необычную косметику азиатских женщин. Необычная косметика — это густой слой белил. Путешественники ничего не писали о макияже наших красавиц, возможно, потому, что русские модницы внешне не отличались от европейских. Нет оснований полагать, что в европейских странах большинство женщин красилось вызывающе интенсивно, хотя бы потому, что этот обычай распространился среди женщин легкого поведения.

Но постараться выяснить, откуда взялась манера очень ярко раскрашивать лица белилами и румянами, все же необходимо. Для этого мы обратимся к модам наших восточных соседей — монголов.

Глава 4

Седло, колчан со стрелами и немного косметики

XIII век для Руси и части Европейских стран оказался трагическим. Из глубин Азии в Европу вторглись монгольские захватчики. Французский поэт Гугон Орлеанский (ок. 1093 — ок. 1160) в «Стихе о татарском нашествии» сокрушался:

Царства опрокинуты, вытоптаны грады,
Под кривыми саблями падают отряды,
Старому и малому не найти пощады,
В божьих обителях гибнут божьи чада.

Чрез Русию, Венгрию, Паннонию,
Сквозь Туркию, Аварию, Полонию,
Сквозь Грузию, сквозь Мидию, Персиду
Легла дорога горя и обиды.

Усобицы русских князей сделали Южную Русь легкой добычей для монголов. Северным краям повезло больше, волна грозных кочевников их не захлестнула. Много жизней унесли военные столкновения, много людей лишились не только крова, но и родины, став живым товаром врага. Война изменила

лицо старого боярства, княжеские дружины понесли катастрофические потери.

Если деревням был нанесен ущерб, сопоставимый с ущербом от внутренних войн, продолжавшихся десятилетиями, то разрушение городов, центров ремесла и культуры оказалось самым тяжелым из последствий нашествия, несмотря на то, что в них проживала незначительная часть населения.

С горечью писал об этом знаменитый русский проповедник XIII века Серапион Владимирский: «Многие братья и дети наши уведены в плен, села наши заросли молодым лесом, померкло наше величие, погибла наша красота, богатство наше досталось другим, дело нашего труда досталось поганым, а земля наша стала достоянием иноплеменных... Нет такой казни, которая миновала бы нас, и ныне мы непрестанно казнимы».

Разрушился быт, складывавшийся веками, нарушились культурные и торговые связи народа, забылась сложная техника в различных видах ремесленной промышленности, изделия огрубели и упростились. В то же время произошло проникновение отдельных элементов азиатского быта в русскую культуру, хотя при этом ни в коем случае нельзя говорить о значительном влиянии монголов на формирование новой славянской культуры. Русская лексика обогатилась некоторыми словами из татарского языка, относящимися к бытовой жизни, областям военного дела и сбора податей. Торговля и контакты с представителями монгольской знати вызвали у наших князей интерес к их быту, особенно к пышной парадной одежде и украшениям. Русь являлась данником Орды, русские князья урегулировали финансовые отношения между двумя странами, выступали в качестве дипломатов в военных конфликтах или непосредственно принимали в них участие, а со временем они объединялись с ханом, интригуя против собственных удельных князей, и некоторые брали в жены дочерей монгольской знати. Какими же были эти монгольские «щеголи» и «модницы», как одевались, красились и украшали себя?

Монгольская культура вобрала в себя элементы культур завоеванных ими народов Северного Китая, Средней Азии, Закавказья и Европы. Искуснейшие мастера, плененные монголами, создавали для их вельмож удивительные произведения искусства.

Женщины, быт которых оказался неразрывно связан с кочевой жизнью, ловко сидели в седлах, умело пользовались оружием, занимались рукоделием, любили золотые, серебряные и бронзовые украшения: серьги, бусы и кольца, пояса, составленные из серебряных пластинок. Носили яркие платья из шелковых тканей: красные, фиолетовые, пурпурные и зеленые. Шелк расшивали золотом, изображая на нем солнце, луну, дракона или феникса.

Вельможи монгольские во главе с ханом высоко ценили золото и серебро, драгоценные камни, пояса и меха, разные милые безделицы, например, такие, как зонтик, усыпанный драгоценными камнями. Кафтаны носили парчовые, шелковые и шубы на выворот. Мужчины брили волосы спереди на лбу, заплетая косы на затылке, отпускали бороду и усы.

Красавицы-азиатки так же, как и красавицы всего мира, любовались своим отражением, заглядывая в зеркальце. Зеркала хранили в кожаных чехольчиках, украшенных сложным орнаментом из красных нитей. Эти чехольчики стягивались довольно толстым красным шелковым шнурком с кисточками на концах. Иногда в них или в футлярчиках носили белила. Чаще белила в виде порошка хранили в кожаном мешочке, свернутом наподобие кисета и вложенном в футлярчик с зеркальцем. Согласитесь, очень напоминает современный косметический набор.

Китайский посол Чжао Хун, посетив монгольские земли в 1220 году, подробно описал увиденное в записках под названием «Полное описание монголо-татар», или «Мэн-да Бэй-лу». В них он рассказал и о домашнем быте простого кочевника, и об убранстве шалаша, блистающего роскошью.

Как большинство путешественников, Чжао Хун присматривался к диковинному кочевому образу жизни этих людей. «... Независимо от знатности и

подлости в большинстве случаев отправляются (в поход. — *Авт.*), взяв с собой жен и детей. ... Жены заботятся о поклаже, платье, деньгах и вещах. Они очень способны к верховой езде, носят платья вроде одеяния китайских даосских монахов... А все женщины вождей имеют шапку «гу-гу». Она сплетается из проволоки, ее украшают узорчатыми темно-коричневыми вышивками или жемчугом и золотом. Сверху на ней имеется торчащая вертикально палочка, ее украшают темно-коричневым сукном... Богатые употребляют красную тафту, обертывают каркас... золототканым шелком. Верх палочки украшают цветами из зеленых перьев зимородка или шелковыми лентами.

У женщин бывает халат с большими рукавами, как китайская шуба, широкий и длинный, волочится по земле...

... Женщины часто мажут лоб желтыми белилами. Это является заимствованием старой китайской косметики и до сих пор остается без перемен...»

Автор этих заметок считал, что богатые, знатные татары (татарами называлось одно из крупных монгольских племен) получили образование от захваченных в плен китайских мужчин и женщин, с которыми вступали в брак и у которых перенимали обычаи.

Ничего не зная о китайских белилах, иннок одного армянского монастыря Магакии просто замечает, что лица монголок были накрашены белилами: «Женщины их носили остроконечные шапки, покрытые парчовой вуалью... Намазывали лицо... белилами».

Для глаз европейца азиатская внешность казалась необычной, она удивляла и типом лица, и цветом кожи, и экзотичной одеждой. Он, в отличие от коренного жителя страны, видел такие мелочи, которые казались обыкновенными и привычными для азиатов. Вот почему для нас так ценны записки фламандского миссионера Виллема Рубрука, в 1253 году побывавшего в столице древнемонгольского государства Каракоруме по повелению французского короля Людовика IX.

Рубрук рассказывал о том, что красавицы монголки отличались от европейек уже тем, что наипервейшим признаком красоты считали очень маленький носик. Однажды, увидев жену некоего знатного военачальника, Рубрук и вовсе обомлел: «... я вправду полагал, что она отрезала себе между глаз нос, чтобы быть более курносой, ибо у нее там ничего не оставалось от носа. И она намазала это место, а так же и брови какой-то черной мазью, что было весьма отвратительно в наших глазах...»

Вероятно, речь идет о подводке бровей и соединении их линии на переносице. Далее он говорит о том, что «... они также безобразят себя, позорно разрисовывая себе лицо». Может быть, Рубрук имел в виду те же самые желтые белила, а может быть нет, и речь шла о черных по цвету мазях, которые наносили на кожу, чтобы защитить ее от ветра и солнца.

Более чем странным является замечание китайских дипломатов Пэн Да-я и Сюй Тина в 1233 году о том, что татарские «красивые женщины мажут лицо волчьим пометом». Некоторые исследователи этих «Кратких сведений...» считают, что здесь закралась ошибка и речь идет опять-таки о желтых китайских белилах.

Поскольку мы не раз упоминали в рассказе китайские белила и говорили о влиянии Китая на культуру монголов, остановимся на этом вопросе подробнее.

Эталоном женской красоты в Китае с давних пор считались высокий округлый лоб, выразительные (словно омут) глаза, изящной формы нос и маленький округлый рот с ярко-красными губами и «ямочками» по бокам. Зубы красавицы должны быть ровными, продолговатыми (словно ряд тыквенных семечек) и белыми (цвет снега или белого нефрита). При этом эстетический канон предполагал обязательное использование всевозможных косметических средств. Лицо густо покрывалось белилами, на которые наносились румяна. На праздник «представления ко двору» женщины подносили придворным веера и мешочки с белилами и румянами.

С помощью помады достигались требуемые форма и цвет губ. В некоторые исторические эпохи практиковалась фигурная разрисовка губ (нанесение дополнительных изображений в виде стилизованных цветов, бабочек), для чего употреблялись до семи сортов и оттенков помады. Брови выщипывали, чтобы придать им модный контур. Всего насчитывалось более тридцати разновидностей таких контуров, например «брови в виде крыльев бабочки» или под названием — «два горных пика».

Прическа тщательно моделировалась. Височные пряди волос чаще всего укладывались в букли, а основная масса зачесывалась назад и совместно с шиньоном тоже укладывалась в самые разные по типу прически и украшалась ювелирными изделиями.

Специфической особенностью китайских женских украшений являлось наличие подвижных и подвесных металлических (из золотого листа, филиграни) деталей, которые при ходьбе подрагивали (словно цветы и листва под порывом ветра) и издавали мелодичное позвякивание. В качестве таких деталей использовались и ароматницы с благовониями. Китай знал мускус и сандал и импортировал его в другие страны.

Культура употребления косметических средств и благовоний в Китае уходит корнями в далекое прошлое этой страны и во многом связана с культурой Индии. Уже в IV—VI веках дипломатические и торговые связи с Индией и странами Юго-Восточной Азии настолько окрепли, что расширился ассортимент привозимых товаров, среди которых прочное место занимали благовония. Первое официальное индийское посольство прибыло ко двору китайского императора в 1051 году. Среди посольских даров наряду с жемчугом, изделиями из стекла и украшениями, неизменно оказывались тропические благовония, камфара, мастика, розовое масло, золотистые семена лотоса, лекарственные розы, алоэ, кардамон, гвоздика и пр., а спустя какое-то время привозили даже посуду для благовоний — изящные флаконы.

Широкое использование благовоний имело место

и в религиозных обрядах. Дымилась перед идолами, а позже перед Буддой (буддизм пришел в Китай из Индии в начале нашей эры) курительные палочки из сандалового дерева, кедра и разных пахучих трав.

Когда же монголы завоевали Китай (начало первых десятилетий XIII века), укрепившаяся там монгольская династия Юань, далеко не равнодушная к изысканным мелочам и красивым диковинкам, сразу попыталась поддерживать с Индией посольский обмен.

В начале 40-х годов XIII века хан Батый основал монголо-татарское феодальное государство — Золотую Орду. Его обширные владения простирались от Азии до Европы. Наиболее предприимчивые купцы, рискуя жизнью и кошельком, преодолевали огромные расстояния, чтобы попасть в столицу — Сарай, которая по праву считалась крупнейшей торговой базой между Востоком и Западом. Основанная ханом Бату приблизительно в 1250 году, она располагалась на Нижней Волге, выше современной Астрахани на сто пятьдесят километров.

Город, раскинувшийся в открытой степи на гигантской площади, производил неизгладимое впечатление на тех, кто видел его впервые. Сказочным казался его вид без крепостной стены и вознесшимися в голубое небо многочисленными минаретами. Сердца путешественников, авантюристов и купцов замирали от вида его экзотической красоты. В XIV веке в городе проживало 75 тысяч человек, это ошеломляюще большое количество народа. Представьте, что в то время город с населением в 5—10 тысяч человек уже считался очень крупным!

В 1333 году арабский путешественник Ибн-Баттута писал: «Город Сарай — один из красивейших городов, достигающий чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненной людьми, красивыми базарами и широкими улицами...

В нем тридцать мечетей для соборной службы... Кроме того, еще чрезвычайно много других мечетей. В нем живут разные народы, как то: монголы — это настоящие жители страны и владыки ее, некоторые

из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кыпчаки, черкесы, русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в особом участке, где стены окружают имущество купцов». Город являлся и центром международной транзитной торговли между Китаем и Западной Европой, и ремесленным центром — изделия местных мастеров можно было встретить повсюду.

Сарай просуществовал недолго. Золотая Орда представляла собой сложный конгломерат кочевых племен и народностей, и ханскую власть постепенно ослабляли внутренние распри и недовольства, полный разгром Орды осуществил среднеазиатский завоеватель Тамерлан в XIV веке. Город потерял былую мощь, но даже после этого, вплоть до середины XV века, сюда продолжали съезжаться купцы — так велика была слава Сарая.

Время сделало свое дело, цветущий когда-то город погрузился в небытие, и только редкие находки археологов рассказывают о культуре людей, некогда населявших его. Среди археологических находок ковры и чеканная посуда, прекрасные ткани и множество миниатюрных керамических сосудов для хранения лекарств и благовоний, что говорит о пристрастиях их владельцев к изысканным ароматам и врачующим бальзамам. Курительницы изготавливали в виде маленьких железных, медных, бронзовых, серебряных и золотых чашечек с тонким гравированным растительным и животным орнаментом.

Керамические сосудики с петельками по краям, созданные, вероятно, для того, чтобы их носить на шнурке или цепочке на шее, говорят о том, что некоторые из жителей Сарая предпочитали со своими благоуханиями не расставаться, имея их всегда под рукой. Конечно, так могли носить и лекарства.

В сосудах хранили и земземскую воду. «Земзем» — это священный колодец с водой, мусульмане дарили флаконы с ней своим близким, считалось, что она оберегала от болезней. И эту воду, и бальзамы монго-

ды знали давно, они появлялись в качестве посольских подарков от арабских султанов. Например, в 1265 году хану Берке наряду с прочими посольскими сувенирами преподнесли «... два флакона с Земземскою водою и бальзамовым маслом ...».

Жили, радовались и любили, воспитывали детей и воевали, работали и наслаждались женской красотой, которую воспевали в стихах. В татарском народном эпосе «Едигей» (литературный памятник XV—XVI веков), повествующем о событиях XIV века, рассказывается о борьбе эмира «Белой Орды» Едигея с золотоордынским ханом Тохтамышем.

Это рассказ о богатырях и их славе, о женщинах, покоривших мужские сердца. Эмир Едигей вспоминает прежние годы счастья в своем доме, жену — прекрасную Джанике, которую он баловал когда-то подарками и которая улаждала его взор своей красотой:

Дом, в который вошла как жена
Дорогая моя Джанике,
Дом, где сроду не бедствовал я,
Где жену приветствовал я.
Перед возлюбленной склоняясь,
Где белейшим из покрывал
Я любимую укрывал, —
Были бусы ее красны,
Пудра — неслыханной белизны, —
Дом, где вкушал я покой и мир...

Он вспоминает о своих юных дочерях:

Я с моей расстался страной,
С Джанике, молодой женой,
С красивощекой Ханеке
И с черноокой Кюнеке, —
Пусть расцветают после меня!

«Красивощекая» — значит румяная, и природный румянец всегда и везде являлся символом красоты, здоровья и молодости.

В «Билике», в сборнике изречений Чингисхана, на вопрос, в чем состоит наслаждение и ликование человека, Великий хан ответил: «... Наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его из корня, взять то, что он имеет (самого дорогого)... любить».

ся розовыми щечками их жен и целовать, и сладкие алые губы — сосать!»

Рассказывали, что торговавшие невольниками татары, прежде чем продать красивых девушек и юношей, некоторое время откармливали их, одевали в шелк, белили и румянили, чтобы назначить цену повыше.

Обычай употребления косметики настолько прочно вошел в быт женщины, что и в начале XIX века русские этнографы, рассказывая о Поволжских татарах, писали, что косметикой пользовались широко, покупали импортную, что привозили из европейских стран, и местную — среднеазиатскую.

Брови после прореживания красили особым составом — усмой, который изготавливался из сока растения Вайда красильная (*Isatis tinctoria*), его собирали в степях и на склонах холмов. Усма наносилась палочкой на брови, которые окрашивались сначала в зеленоватый, а затем в темно-синий, почти черный цвет. Чересчур тонкие брови расширяли, подкрашивая часть кожи.

Веки и ресницы красили сурьмой, ее хранили в специальных медных или серебряных сосудах, имеющих форму стручка или огурца, поставленного на ножку, при чем закрывались они металлической пробочкой с палочкой, достигающей до дна сосуда.

Татарские женщины чернили зубы при помощи порошка таш-калы, который готовили из нароста на фисташковом дереве, стираемого в порошок и смешиваемого с окалиной с наковальни.

Упа, свинцовые белила, вывозились из Средней Азии и Китая, они разводились в воде (простой или розовой), и ими натирались лицо и шея. Какое-то время румянами служила особая вата, окрашенная соком растения синяка красного (*Echium rubrum*) из семейства бурачниковых, в его корнях содержится вещество, дающее красивую карминно-красную краску.

Любили розовое масло и душистый базилик, которыми натирали руки и грудь.

Как видим, монгольские модницы были очень неплохо знакомы с косметическими и парфюмерными

изделиями и питали к ним немалую слабость. Однако путешественники упоминали густо наложенные белила, а о ярком румянце они не писали. Не обратили внимания? Вряд ли, они подробно описывали внешность. Иногда они обращали внимание на природный румянец людей, и закономерно предположить, что интенсивный искусственный, наверняка, вызвал бы их интерес. И потому утверждение, выдвинутое Н. Г. Чернышевским в XIX веке, о том, что русские щеголихи наносили на свои лица густой слой белил и румян, подражая азиатским красавицам, кажется приемлемым лишь на половину. На ту самую, в которой речь идет о густом слое белил. Что же касается румян, то нет оснований считать, что к нам этот обычай пришел из Азии.

СОКРОВИЩА КНЯЖЕСКИХ ЛАРЕЙ (XIII—XV века)

Глава 1

«Червчатые» сорочки и шубы собольи

Несмотря на все тяготы, выпавшие на долю русского народа от монгольского нашествия, сложившиеся на Руси бытовые и культурные традиции устояли под их натиском. Незначительными оказались заимствования в costume и украшениях. Мужская и женская одежда модников не только не уступала по своей красоте азиатской, но во многом и превосходила ее своей роскошью.

Количество одежды в сундуках богатых и знатных людей постепенно увеличилось, что-то досталось в наследство от родителей да родственников, что-то сшито на свой достаток. Платье, украшенное серебряными и золотыми нитями, жемчугом и шелком, драгоценными и полудрагоценными камнями, нередко как ценность принималось в заклад у ростовщиков. Так, в новгородской берестяной грамоте XIII века двое новгородцев Гришка и Коста заложили у ростовщика свою одежду. Гришка заложил кожух, свиту — верхнюю одежду, нижнюю рубашку — «сороцицу», шапку и сапоги, а Коста — свиту, «сороцицу» и сапоги.

В записке новгородского ростовщика Сильвестра перечислялись все его должники, и в том числе упоминалась шапка стоимостью в тринадцать гривен. По тем временам это очень высокая цена, вероятно, шапку из дорогого меха украшали драгоценности.

В XIII—XIV веках мода подарила нашим щеголям новую модель платья. На смену плащам с булавками и фибулами пришел терлик — короткий узкий кафтан, отрезной по талии.

Кафтанообразные платья в это время пользовались огромной популярностью. Парчовые, украшенные драгоценностями кафтаны носили и монгольские вельможи, и византийская знать (он назывался скараник — вид ездового кафтана), и европейцы. Кафтаны отличались друг от друга по покрою. Один длинный, другой короткий, один создавал пышные складки, другой — прямые, но роднил их основной принцип конструкции — распашное платье с полами, застегивающееся спереди посередине и с длинными рукавами.

Кафтан, а к нему и цветные шаровары дополнили содержимое боярских сундуков и легли рядом с нательными рубашками, епанчами, тафьями и мурмолками (высокие шапки с прямой тульей, возможно, заимствованные из персидских одежд), золотыми шубами из соболей да куниц.

Охабни и сарафаны заняли достойное место в гардеробах наших предков, последние, кстати, носили мужчины. Охабень упоминается в Никоновской летописи в начале XV века, но, возможно, его носили еще раньше. Это широко известная в Московской Руси одежда с большим отложным воротником прямоугольной формы, с откидными рукавами длиной до подола. Богатые люди шили охабень из европейских шерстяных тканей, расшитых шелком и золотыми нитями, украшали его пуговицами из драгоценных камней и металлов и надевали поверх кафтана. Поскольку рукава носили чисто декоративный характер, то на уровне локтя делали прорези для рук. Люди среднего достатка шили такое платье из недорогих привозных тканей, к примеру, из зуфи (зуфь — род камлота, суровая шерстяная материя) фиолетового, красного, зеленого или голубого цвета.

Появление новых платьев не изменило основных элементов мужского и женского костюма. Нательную рубашку все так же носили и мужчины, и женщи-

ны. Как и раньше ее называли «срачица» — сорочка, о ней упоминает летописец, рассказывая о разорении Торжка в 1373 году: «... жен и девиц одираху и до последние наготы... и до срачицы...». Правда, в отличие от другой одежды, они ничем не украшались. Тогда и появилась прихоть подразнить соперниц красотой да необычностью отделки. Даже небогатые и незнатные щеголихи убирали подол своих сорочек льняным «ажуром», а знатные и богатые заказывали мастерицам или расшивали его сами жемчугом и дробницами (дробницами называли мелкие металлические пластинки в виде блесков, лапок или листочков). Кроме того, если раньше сорочки шили из простых тонких светлых тканей, то теперь хоть одну, праздничную, справляли из красного шелка и надевали редко — берегли.

Основной заботой бабы или молодницы стала отделка одежды шитьем и драгоценностями. Одно время носили такие платья-сокровищницы лишь важные да богатые особы — с ними не потягаться. Но к XIII—XV векам даже незнатные и не особенно богатые женщины придумали расшивать цветной или золотой нитью и жемчугом стоячие и отложные воротнички. Эти платья, конечно, не могли соперничать с туалетами знати, но и совсем простенькими и незаметными их уже не назовешь.

Верхнюю одежду отделявали съемными деталями. Когда и кем они были придуманы — не известно, но кажется — хитрая выдумка принадлежит модникам. Если серьезно, то съемные детали — это прежде всего необходимость, вызванная заботой об одежде. Съемными шили воротнички: отложные накладывались на платья, а стоячие пристегивались к ним. Низ платья и рукава отделялись съемными полосками шелковых тканей, контрастными по отношению к основному цвету платья, их называли «вошвы». Съемной делали переднюю часть женского головного убора кики, ее расшивали шитьем, жемчугом и драгоценными камнями.

Все это давало возможность, не прибегая к дорогостоящему шитью новой одежды, следить за ее чис-

тотой, разнообразить ее, тем самым являя себя окружающим всегда опрятным и нарядным.

На рынке появились новые ткани, популярность пришла к шерстяным сукнам. Давно знали эти ткани местного производства, грубая недорогая шерстяная ткань называлась «власяница», из нее шили кафтаны, которые носили мужчины и женщины. Женские кафтаны назывались чупрун, мужские — сермягами и вотолами. Сермягой называли саму ткань — грубое сукно из простой шерсти, из нее шили господские одежды, преимущественно летние, ездовые. О вотолах уже рассказывалось раньше, можно лишь добавить, что в те времена, о которых идет рассказ, вотолы носили и знатные люди, расшив их золотом и украсив драгоценностями. В гардеробе Дмитрия Донского, по записям его духовной грамоты (1389), имелась «вотола сажена».

Дорогие шерстяные сукна везли из Англии, Голландии и Фландрии, но не меньшей популярностью пользовались местные уникальные ткани, созданные руками русских мастериц, которые назывались шерстяным «ажуром».

Не вышли из моды яркие аксамиты и камка — тонкая шелковая ткань, в которой сочетался блестящий узор с матовым фоном. Полюбилась и разноцветная недешевая хлопчатобумажная ткань — «зендянца» (от названия села Зандана, что недалеко от Бухары). На отделку брали золотое тканье, шитье и плетение. Излюбленным цветом материй был «червчатый» (оттенок красного) и алый.

Обувь претерпела некоторые изменения. Простой народ носил лапти, сплетенные из лыка и кожи, из покровок ткани, кусочков сукна и даже шелковых лент, такие называли плетешками. А вот ботиночки, полусапожки и сапожки, которые шили на небольшом каблуке, в XIV веке поднялись на каблук повыше. Сапоги, например, шили тупоносыми из грубых сортов кожи и остроносыми из мягких, причем носок непременно загибался вверх.

Зная страсть модников к ярким краскам, сапожники, словно художники, создавали в угоду им удивительные

тельные, почти сказочные изделия. Например, сафьяновые сапожки могли быть зеленого цвета (цвет был всегда разнообразным — красный, желтый, коричневый и т. п.), швы на голенище отделялись кантом из кожи и медной проволоки. Задняя часть сапога над каблуком расшивалась медной проволокой и полосками, к примеру, красной и желтой кожи. Подошву пришивали к верху малиновыми и желтыми нитками, а каблук, обтянутый кожей основного цвета, немного оттягивался назад.

И эта дивная обувь, и великолепие одежд, и красота человека, облекшегося в них, и естественно проявившиеся в нем значительность и достоинство вызвали интерес к костюму. Взять, к примеру, рассказ Киевского и Всея Руси митрополита Пимена о венчании на царство византийского царя Мануила. Это пышное событие произошло в 1391 году в Константинополе, торжественное и величественное зрелище так поразило митрополита, что, охваченный желанием донести до читателя всю красоту его, он описывает даже костюмы гостей, которые являлись неотъемлемой частью этой живописной картины.

«Собралось народа многое множество, мужчины внутри святой церкви Софии, а женщины на хорах. И было это так удивительно и любознательно. Все женщины стояли на хорах за шидьяными занавесами, а лица их украшены прелестно, и смертным из народа никому нельзя было увидеть».

Мужчины и все из них преклонного возраста одеты в дорогие одеяния, но без щегольства. Женщин нельзя было увидеть в этой церкви, они стояли на хорах, видели все.

Певцы стояли чудесно наряженные, одежда их, напоминавшая стихари священников, широкая и длинная, также и рукава широкие и длинные, одни камчатные, другие шидьяные, наплечники расшиты золотом и бисером, с кружевами. На головах их остроконечные шапки с золотом, и с бисером, и с кружевами. И многое их множество собрано. И так все было чинно. Старейший же их муж (хормейстер) дивен и красив очень, сединами как снег белелся.

Были же здесь и представители Рима, и Испании, и Флоренции, и Галаты, и царьградцы, и Венеции, и Венгрии. И они выглядели чудесно. Стояли в два ряда, и каждый признак своей земли имел на себе: одни одеты в багряные бархаты, другие в вишневые бархаты, иные в темно-синие бархаты, иные в черные бархаты, все же старомодно и не щегольски. Представители каждой страны имели свое лицо, свои отличия: у одних на грудях жемчуг, у других обруч золотой на шее, у иных цепь золотая на шее и на груди...»

Правда, чтобы увидеть иноземцев и за границу ехать не нужно, немало купцов, ремесленников, строителей и ювелиров из разных стран проживало в русских городах. В XIV—XV веках Русь тесно общалась с Византией и южнославянскими странами — Болгарией и Сербией, а северные районы традиционно поддерживали контакты с североевропейскими странами. Не удивительно, что щеголи засматривались на дорогие иноземные кафтаны. Вообще в XIV—XV веках западные обычаи и моды, по-видимому, не были редкостью на Руси. Русская одежда XV века, в особенности парадная, не представляла таких резких отличий от одежд западноевропейских, как столетие спустя. Князья часто носили короткую западную одежду, трико, башмаки с острыми носками, длинные рыцарские шпоры, в общеевропейских ренессансного типа одеждах щеголяли и женщины.

О пристрастии богатого русского человека к европейскому костюму рассказывает следующий эпизод. В 1331 году случилась в Новгороде серьезная потасовка между местными жителями и немцами, проживавшими на Немецком дворе. Драку разняли, но чужестранцам все еще угрожали большие неприятности. Чтобы загладить свою вину и задобрить оскорбленных новгородцев, предложили немцы некоему Борису Сильвестровичу за посредничество в переговорах платье немецкое фиолетового цвета. Подарок был отменным, немцы понимали, что дело того стоит, речь все-таки шла о мирном разрешении конфликта. Но тот подарка не взял, а ночью явился к немцам представитель городской власти и сказал,

что сам посадник уладит дело за 20 гривен серебра и две алые одежды. Он назвал еще двух лиц, которым следовало преподнести фиолетовое платье.

Одеваться вызывающе богато, иметь немалые перемены платья, чего еще желать франту. Одежда — отличительный признак родовитости, успеха и положения человека в обществе. А сколько хлопот доставляла она своим хозяевам! Нужно и сохранить платье в опрятности, и сшить новое, докупить украшения и отделку или спороть их со старой одежды, все учесть да переписать.

Яркий пример рачительной хозяйки явила собой жена Волоцкого князя Бориса Васильевича княгиня Ульяна Михайловна Холмская, жившая в конце XV века. В ее сундуках были собраны вещи цены немалой и красоты исключительной, есть чем кичиться! «Червчатая» сорочка искусно расшита жемчугом, четыре летника из изумительной голубой и червчатой камки и малинового атласа, кортель подбит не какими-нибудь белками, а горностаем!

Наша героиня знала цену вещам, знала, как тяжело наживалось такое состояние. И потому княгиня заботливо хранила не только платья, но и всевозможные отделки для них (вошвы) и части одежды — накапки (широкие рукава к летнику). Ульяна Михайловна, перечисляя все это в завещании, припомнила, что когда-то платья переделывались: «Накапки сажоны, да вошва на одну накапку шита золотом да сожана была жемчюгомъ, да жемчюгъ с нее снизан, а осталось его немного».

Многочисленные вошвы из черного бархата, атласа, белой и зеленой камки, расшитые золотом и серебром, и даже с татарским узором готовились перейти в сундуки новых владельцев. Как-то они ими распорядятся, продлится ли их жизнь или потеряются в многочисленных обрезках и лоскутках ткани? Скорее всего сохранят — заботливое отношение к этой отделке оказалось столь велико, что породило пословицу: «Дороже кожиха вошвы стали».

Домовитости Ульяны Михайловны можно было бы позавидовать. Каждый предмет ее костюма ока-

зался сосчитан, осмотрен и описан. Отдельно лежали серебряные, позолоченные пуговицы от женской шубы, кружево, шитое золотом и серебром, и головные уборы княгини — две казанские шапки и соболий каптур (теплая шапка с круглым верхом, меховая или стеганая, с пелериной, спускавшейся сверху и прикрывавшей шею).

Шубы — отдельный рассказ. Русская знать давно оценила все качества меха: и его красоту, и легкость, и теплоту, и высокую популярность за границей. В сундуках богатых людей лежало до десятка шуб, а то и больше, шубы покрывали чехлами из бархата с золотым шитьем или венецианской камки. Особенно любили мех соболий и бобровый. Бобровый по большей части подкрашивался чернением, особым широким бобровым воротником украшали парадные платья. Меха любили так, что даже летние платья окаймлялись опушкой из него, к слову сказать, лето в нашей полосе не всегда жаркое. Ульяна Михайловна нашла себе семь прекрасных шуб, крытых дорогими тканями красного, сизого, светло-зеленого, бледно-голубого и малинового цветов. Шубы — ее гордость!

Все это — нашитое, собранное, с любовью и вниманием сохраненное, должно было стать в свое время подспорьем сыновей. Но, увы, жизнь распорядилась иначе.

Старший сын, рузский князь Иван Борисович (князь умер сравнительно молодым человеком в 1504 году), не только не пополнил свою казну, но и сохранить нажитое родителями не смог. В удел ему достались рузские и ржевские земли, которые природными богатствами не изобиловали. Доходы князя оказались невелики, а парадную внешность своего туалета поддерживать надо — не срамить же княжеское достоинство скудостью одежды. Приходилось залезать в долги, выкарабкаться из которых ему так и не удалось.

У разных лиц купил князь в долг, так и не отданный до смерти и перешедший в посмертное обязательство, опашень из голубой объяри и опашень из серой венецианской камки, горлатную шубу, малиновую епанчу, кусок сукна и два куска камки. Шубы Иван Борисович завещал монастырям «на помин ду-

ши»: соболью шубу из зеленого бархата отписал Троице-Сергиевскому монастырю, другую соболью из лазуревой камки передал в Кирилло-Белозерский монастырь. Мартемьянов монастырь получал бархатный коужух на соболях, вышитый золотом и серебром. Два коужуха из камки отдал в Пафнутьев и в Колязин монастыри.

«В долгах как в шелках» ходил и другой сын Ульяны Михайловны — волоцкий князь Федор Борисович. Его духовная грамота, составленная в 1505 году, как бы подвела печальный итог состоянию княжеского имущества: в закладах потерялись золотые и серебряные предметы домашнего обихода, княжеские одежды — два опашня, охабень, ордынский колпак и восемь шуб. Шубы, русские и татарские, подбитые дорогими мехами, пестрели яркими цветами атласа и бархата. Одну — из малинового бархата с золотом на соболях и другую — татарскую на соболях, крытую черным бархатом, расшитым серебром, пришлось князю заложить за шестьдесят рублей.

Так и остался он должен шесть рублей Возмицкому архимандриту за бархатную шубу на белке, и восемь рублей в Левкеев монастырь за соболью шубу «червчатого» венецианского атласа. Не получилось у князя и помодничать, и состояние приумножить...

Тон на дорогие одежды знати задавали великие князья, они являлись и законодателями и верными поклонниками моды. Послы иноземных держав привозили ко двору самые лучшие образцы дорогих тканей и украшения к ним, не отказывались князья и от не менее дорогих подарков своих подданных. В конце 1476 года пировал великий князь Иван III (1440-1505) в Великом Новгороде. Пир устраивались в домах знатных новгородцев — архиепископа Феофила, князя Василия Шуйского, посадника Казимера и у многих других, да причем иногда не по одному, а по два, а то и три раза за проезд. И каждый «радушный» хозяин скрепя сердцем преподносил великому князю не только золото, золотую и серебряную столовую утварь, птиц ловчих да украшения, но большое количество мехов и материй — фландрских сукон и камок.

Лалы, яхонты и жемчужные пуговицы

Любовь к украшениям из золота и серебра, а то и вовсе простеньким, медным, сохранилась, невзирая ни на какие напасти, обрушившиеся на Русь, будь то монгольское нашествие или усобицы русских князей. Многие из украшений разворовали, иные, зарытые в землю своими владельцами, схороненные от врагов, пролежали там до наших дней, так и не порадовав больше хозяев, — они не вернулись из плена или погибли. Города разрушили, мастерские сожгли, мастеров увели в Монголию.

Очень сильно пострадало от нашествия ювелирное дело. Многие технические приемы забылись, они возродились лишь спустя двести — триста лет. Утерянной оказалась техника перегородчатой эмали, в XIII—XIV веках на Руси появились отдельные украшения лиможской эмали, но они являлись лишь ее неумелым подражанием. Только к концу XIV века наладилось изготовление эмалей в Москве, но по грубости техники и примитивности рисунка эти выемчатые эмали не шли ни в какое сравнение с изящным живописным стилем эмалей XI—XII веков.

Исчезли и яркие стеклянные браслеты; техника скани, зернь и чернение тоже оказались забытыми на несколько столетий, и только в деревенском ювелирном деле не было такого резкого перелома. Деревенские мастера не обладали столь сложными навыками в работе с металлами, нежели их городские собратья по ремеслу, те же типы вещей, что бытовали здесь до монгольского нашествия, изготавливались и после него, видоизменяясь по запросам моды. Продолжали делать семилопастные височные кольца, пластинчатые браслеты и многое другое.

Проследить за изменениями в моде как в одежде, так и в украшениях не просто из-за недостатка исторических материалов, но бесспорно то, что ювелирные мастера нового поколения, как и их предшественники, принесли немало радости щеголихам и модникам. На смену височным кольцам пришли

привески в виде коньков и бубенчиков. Постепенно исчезли булавки и фибулы для плащей, поскольку на смену плащам (корзно и епанчам) пришли другие одежды. В моде оказались печатные перстни с изображениями птиц, зверей, цветов и треугольников, появились золотые цепи и бармы — цепи из золотых медальонов.

Первое упоминание об украшении в виде цепочки относится к началу XIII века. В Ипатьевской летописи говорится, что «хрестъчатую» золотую цепь (ее рисунком было соединение мелких крестиков) подарила кашинская княгиня Василиса Семеновна великому князю Василию Дмитриевичу. Цепь входила в ее приданое.

Документы тех лет свидетельствуют о том, что и мужчины носили их. Цепи называли по типу соединений звеньев — кольчатыми, «огниватыми» (кольца или продолговатые «огнива») или по виду металла «враные» (черные). «А что колтки золотые — то Офимьино», — писал в своей духовной новгородец Федор Остафьевич, перечисляя далее «цепецку золоту колцату» и другую «цепецку золоту враную». Стоили украшения немало; так, в берестяной грамоте (вторая половина XIII века) названа цепочка стоимостью в два рубля; известно, что на эти деньги в Новгороде XIV веке можно было купить четыреста белчихих шкурок.

Популярность жемчуга и изделий из него ничуть не снизилась. По душе он пришелся нашим красавицам. Белоснежные с перламутром жемчужные нити обрамляли женские лица: лоб украшала жемчужная кичная поднизь, по сторонам щек свешивались жемчужные нити, на шею надевалось стоячее жемчужное ожерелье.

Рубины и изумруды украшали одежды, головные уборы и пояса, последние оставались неотъемлемым украшением одежды и обозначали сословную принадлежность. В Новгороде, например, пояс был знаком достоинства члена Новгородского Совета, пояса заботливо передавали по наследству, обстоятельно их описывая в духовных грамотах.

Князь волынский Владимир Васильевич, в завещании от 1289 года перечисляя свои драгоценности, называл золотые и серебряные пояса, монисты, принадлежавшие когда-то его бабке и матери, серебряные блюда и золотые кубки.

В 1328 году московский князь Иван Калита подробно расписал, кому какие драгоценности оставлял после себя. «Еще при жизни дал я сыну Симеону из золота четыре цепи, три пояса, две чаши, блюдо с жемчугом... Ивану из золота четыре цепи, два пояса с жемчугом и с камнями, третий сердоликовый... Андрею из золота четыре цепи, пояс Фряжский жемчужный, другой с крюком на червленом шелку, третий Ханский... Золото княгинино отдал я дочери Фетинье: четырнадцать колец, новый сделанный мною складень, ожерелье матери ее, чело и гривну; а мое собственное золото и коробочку золотую отказываю княгине своей с меньшими детьми. Из одежд моих назначаю Симеону шубу червленую с жемчугом и шапку золотую; Ивану желтую объяринную шубу с жемчугом и мантию с бармами; Андрею шубу соболью с наплечками низанными жемчугом и портище алое с нашитыми бармами; две новые шубы, низанные жемчугом, меньшим детям, Марье и Федосье. Серебряные пояса и другие одежды мои раздать священникам...»

Его сын Иван, по прозванию Красный, княжил только шесть лет и не собрал таких богатств, как бабюшка. В 1359 году завещал он двум своим сыновьям кроме земель: «... Димитрию... золотую шапку, бармы, жемчужную серьгу, коробку сердоликовую, саблю и шишак золотые; Иоанну также саблю и шишак, жемчужную серьгу, стакан Цареградский, а двум будущим зятям по золотой цепи и поясу...»

А вот владимирский князь Дмитрий Константинович в своей духовной грамоте (ум. в 1383) не только описал свои драгоценные пояса, но и назвал мастера Шишкина, которому принадлежала одна работа по золотому поясу, другой был «золот новый с камнями с жомчугом без ремня», а третий «пояс золот старый Новгородский».

Княжеские украшения не раз становились поводом к раздору. В 1433 году на свадьбе Василия II (1415—1462) противники влиятельного московского дворянина И. Д. Всеволожского выдумали неприятную каверзу, чтобы расстроить предстоящую свадьбу между его дочерью и старшим сыном удельного князя Юрия Дмитриевича — Василием Косым. Этот союз упрочил бы влияние Всеволожского при московском дворе.

В разгар гулянья сын казначея И. Ф. Кошкина (по другой версии — П. К. Добрынский) донес вдовствующей матери Софье (жена Василия I), что Василий Косой явился на свадьбу в золотом поясе, что на цепях, да в драгоценных камнях. Пояс этот якобы украден из великокняжеской казны, перешел в руки И. Д. Всеволожского, а от него с приданным Косому. Донос заключал в себе множество неувязок, но властная Софья не постеснялась бросить оскорбление в лицо гостю, после чего сорвала пояс со свояка. Свадьба расстроилась.

Нечто подобное произошло в самом конце XV века. Софья Палеолог, греческая царевна и жена Ивана III, не пользовалась популярностью на Руси, она домогалась трона для своего сына и вносила несогласие в правящие круги. Дворянин И. Беклемишев жаловался книжнику Максиму Греку, прибывшему на Русь с Афона: как пришла сюда Софья «с вашими греки, так наша земля замешалась и пришли нестроения великие, как и у вас в Царегороде при ваших царях». Софья укрепляла свои позиции, в Италии у нее оставались брат Андрей и племянница Мария Палеолог. Великая княгиня выписала Марию в Москву и выдала ее замуж за Василия, сына белозерского князя Михаила Верейского.

Согласно византийским традициям, Софья держала канцелярию и могла распоряжаться собственными драгоценностями. Выдавая племянницу замуж, Софья передала ей в приданое свое украшение — «сажень» с камнями и жемчугами. Иван III решил, в свою очередь, этим «саженьем» одарить свою невестку Елену Волошанку (дочь православного государя

Стефана Великого из Молдавии) по случаю рождения внука. До Софьи «сажень» носила первая жена государя Мария Тверская, и украшение должно было остаться в собственности старшей тверской ветви династии. Не найдя его в кремлевской казне, Иван III пришел в страшный гнев и велел провести дознание. После розыска московские власти арестовали итальянского финансиста, объявленного пособником Софьи, а заодно взяли под стражу двух ювелиров, по видимому, переделавших «сажение» для Марии Палеолог. Семье Василия и Марии Верейских грозила опала, и они поспешно бежали за рубеж в Литву.

История с этим украшением довольно странная, потому что «сажень» не имело значения княжеской регалии и не принадлежало к числу самых ценных вещей великокняжеской сокровищницы. «Сажень» стало не более чем поводом к фактическому изгнанию из страны Василия Верейского и Марии Палеолог.

Но это с одной стороны, а с другой — Иван Васильевич был так жаден до драгоценностей, что может не стоит и этот факт упускать из виду. Однажды великий князь узнал, что жена крымского хана Менгли-Гирея достала дорогую жемчужину Тохтамыша. Весть эта повергла его в такое волнение, что Иван Васильевич решил во что бы то ни стало заполучить ее и заполучил.

Или, как-то отправляя в Крым московского посла боярина Семена Борисовича, великий князь наказывал: «Никак не забудь сказать от меня Хозе-Асану, что если будут у него лалы, яхонты дорогие и жемчуг добрый, то чтоб непременно приехал ко мне сам и привез их с собой».

А еще московский государь получал разнообразные дары в виде посольских подношений и поминков — подарков от своих подданных. Пополнялась княжеская казна и военными трофеями. По рассказу литовских летописей, Иван III после покорения Новгорода вывез оттуда триста возов «перель, злата и сребра и камней многоценных».

Небогатые удельные князья не могли соперничать с великокняжескими сокровищницами, но то не-

многое, что имели, сосчитывали до камушка и бусинки. Наша героиня Ульяна Михайловна Холмская с особой тщательностью описала в своем завещании все украшения. Она припомнила и то, что ушло из домашних сундуков да ларей в качестве приданого дочери Анны, которая вышла замуж за князя Петра Дмитриевича Хохолкова-Ростовского, упомянула и золотую цепь, и золотой пояс, и два золотых перстня с яхонтами.

Не забыла Ульяна Михайловна и о тех камнях да бусинках, что когда-то срезались или вынимались из ее же украшений для создания новых.

Как-то шили парадный колпак сыну ее Ивану Борисовичу, вероятно, сама Ульяна Михайловна выступала в роли модельера, а может быть, кто-то из домашних. Колпак надлежало украсить драгоценными камнями, коих под рукой не оказалось. То ли случай не подвернулся купить, то ли просто денег не было, хозяйка велела разорить собственные серьги с яхонтами и лалами, которые и украсили сыновний колпак.

А эти самые серьги без камней княгиня завещала своей будущей снохе. Но и колпак сына держала в поле своего зрения, жемчуг и камни с него завещала внучке Авдотье как «ожерельной жемчюг».

Сломала она и другие серьги, камни с них — яхонты и лалы — стали пуговицами ожерелья любимого сына Ивана. А то, что осталось от серег, завещала другой своей снохе, жене старшего сына Федора Борисовича.

Правда, сокровищница княгини не особенно оскудела, Ульяна Михайловна имела возможность любоваться своими золотыми обручами, и серьгами золотыми с яхонтами и лалами, и ожерельями, и монистами, и перстнями. Саженное жемчужное ожерелье вызывало восхищение не у одной завистницы. Его украшали четыре жемчужные пуговицы, пятнадцать позолоченных матовых пуговиц с небольшими жемчугами, четыре пуговичные жемчуга и три тысячи сто девяносто зерен жемчуга!

К старшему сыну ее Ивану Борисовичу перешли

по наследству пояса, три обруча, мониста, один напалок и шесть перстней: два с перелефтью (разновидность халцедона), один — с чевцом и один — с яхонтом. Правда, как уже рассказывалось выше, князь бо́льшую часть вещей отдал в заклад, а потому не избежали этой участи и ювелирные изделия.

Князь умер молодым, так и не женившись, и эти сережки, что жене предназначались, и камни для них, он завещал своей племяннице.

Истории многих знатных фамилий знали финансовые взлеты и падения. Родительские состояния распродавались, пропадали в закладах, а порой возвращались к внукам и правнукам. До наших дней сохранилось не так много документов, позволяющих подробно рассказывать о том, как часто менялись владельцы тех или иных драгоценностей, часто ли их переделывали и о каких редкостях мечтали наши щеголи и модницы.

Глава 3

Несколько слов о косметике и парфюмерии

Наша фантазия и познания об одеждах и украшениях поможет нарисовать облик модного, щеголеватого человека того времени, нужно только соединить в единое сведения о цвете и рисунке тканей, покрое платья, форме и размерах украшений и т. п. И, уверяю вас, это очень непросто, несмотря на то, что исследователями все это подробно описано. Но еще труднее представить лица людей, живших в те далекие времена. Литературные памятники не изобилуют ни иллюстрациями, с точно воспроизведенной внешностью, ни рассказами о модных прическах и косметике — белилах и румянах.

Вот, например, фландрский рыцарь Гильбер де Ланнуа, посетивший Новгород в 1413 году, обратил внимание лишь на прически местных жителей. Он писал, что «... женщины носят волоса, заплетенные в две косы, висящие сзади на спине, а мужчины — одну косу». В это же время в Пскове, по его словам, муж-

чины носили длинные волосы, распущенные по плечам, «... а женщины имели диадему на макушке, как у святых», имеется в виду девичий веночек с зубцами.

Косметика то ли его не интересовала, то ли женщины ее не использовали, а может быть, использовали так, как и у него на родине, что, разумеется, не привлекло его внимания.

Не интересовала его и мода на бритье бород. Наши летописцы и художники миниатюристы отмечали, что мужчины отращивали бороды к тридцати годам. Князь Дмитрий Донской (1350—1389), черноволосый и светлоглазый, не носил бороды до двадцати девяти лет. Василий I, его сын, не отращивал ее до тридцати двух лет.

Конечно, в каждом правиле есть исключения, и князь волынский Владимир Васильевич (ум. в 1289), красивый, высокий, светловолосый и кудрявый, бороду свою брил, хотя тридцатилетний рубеж переступил. Составитель Ипатьевской летописи довольно подробно описывает его внешность: «Возрастом бе высок, плечима велик, лицом красен, волосы имея желты, кудрявы, бороду стригый ...»

Немного свидетельств и о косметике того времени. Известно только, что женщины пользовались белилами и румянами, однако почти ничего не известно о том, насколько броско и ярко красились. Упомянул в XV веке о красящихся модницах (конечно, хитрых и коварных) составитель «Пчелы»: «Виденье женское — стрела есть. Беги повести (разговоров) женских, яко хоцещи целомудр быти, не дажь дерзновение тем зрети на тя. Преже (одни) глаголят тихо и очи долу имуть. Вторые — красятся паче меры и являются светли видом, и бровь взводят, и обращают (на себя) ся (свои) очи. И сим пленяюще тя в погыбель!»

Любопытно замечание «красятся паче меры», невольно напрашивается вывод о том, что были и такие, которые красились в разумных пределах, и не вызывали неодобрения. И хотя такое предположение вполне логично, оно, к сожалению, бездоказательно.

Назидательные поучения «Пчелы» не очень-то воспринимались, да и что говорить о них, если при дворе московского князя этот обычай был широко распространен. Белила и румяна в то время употреблялись большей частью импортные, их везли из Европы и восточных стран. В августе 1498 года хан крымской орды Менгли-Гирей обратился с просьбой к великому князю Ивану Васильевичу, чтобы тот заплатил его человеку за «румяничной краски» (то есть за румяна). В качестве подарков с шелковыми тканями и пряностями привозили румяна из Персии.

Еще меньше известно о благовониях и ароматных водах. Но то, что с ними были знакомы, подтверждается интересом к пряностям, которые служили исходным сырьем для благовоний.

В XV веке купец Афанасий Никитин в рассказе о своем знаменитом путешествии подробно изложил все, что смог узнать о благовонных товарах. Побывав в Персии и Индии в 1466—1472 годах и предугадывая вопросы своих товарищей о тамошних знаменитых на весь мир пряностях и благовониях, поведал о том, что видел в продаже горы перца и гвоздики, имбиря и мускатного ореха, упомянул о стоимости пряных кореньев, сандала и мускуса. На последнем он остановился подробнее и даже записал, как его добывают: «... у откормленных оленей режут пупы, а в них находится мускус. Дикая же олени сами роняют пупки в лесу, и у них выходит аромат, но не такой благоухающий и несвежий».

Мускус — пахучее вещество, получаемое из желез самца мускусной кабарги, это животное из семейства косуль обитает в Сибири, Северной Монголии, Центральной и Юго-Восточной Азии. Запах его очень резкий, но настоящий на спирту, он приобретает чувственную животную ноту. Его знали и очень любили греки и римляне.

У княгини Ульяны Михайловны Холмской был судик для этого вещества — «мускусница». Правда, не известно, вдыхала ли она этот аромат для услады обоняния или в лечебных целях.

МОСКОВСКИЕ ЩАПЫ И ЩЕПЛИВЫЕ КРАСАВИЦЫ (XVI—XVII века)

Глава 1

Разнообразие одежд и щегольские причуды

В XVI—XVII столетиях внимание к собственной внешности и костюму усилилось. Сложная внутривосточная и внешнеполитическая обстановка на Руси способствовала возвышению одних боярских фамилий и падению других. На смену «сошедшему со сцены» моднику приходил следующий, да не один, число их постоянно пополнялось за счет франтов и франтих из сословий пониже.

Платья и украшения в жизни человека к этому времени играли настолько существенную роль, что стремились иметь достойную одежду и знатный боярин, и мелкопоместный дворянин, и средней руки купец и крестьянин. Ходила тогда в народе поговорка: «Лист красит дерево, а одежда чрево». Правда, одни имели редчайшие да дорогие вещи, а другие довольствовались куда более скромными, но это не мешало последним мечтать о жизни, в которой и у них будет множество платьев богатых и камней многоцветных.

Не случайно во второй половине XVII века на Руси появилось литературное произведение под названием «Сказание о роскошном житии и веселии» — это своеобразная вариация на сказочную тему о молочных реках и кисельных берегах. Автор весело и в то

же время не без грусти изобразил счастливую сытую жизнь, которой в реальности не бывает. Его герой, некий добрый и честный дворянин, пожалован в этом выдуманном государстве «поместицом малым». В нем и земли «доброплодные», и озера «сладководные», на лугах цветы да «травы зеленыя». В морском порту беспошлинно торгуют (как современно!) самыми дорогими тканями: бархатами, атласами и шелками.

По берегам морским «добре много» драгоценных камней: алмазов, изумрудов, жемчуга. На дне морском руда золотая, серебряная, медная и железная — на любые нужды!

Какое изобилие еды и питья! «Всяк там пей и ежь в свою волю, и спи доволно, и прохладжайся любовно». И работать не нужно, всякая вещь сама по себе откуда-то берется. «А жены там ни прядут, ни ткут, ни платья моют, ни кроят, ни шьют, и потому что всякова платья готового много: сорочек и порт мужеских и женских шесты повешены полны, а верхнева платья цветнова коробьи и сундуки накладены до кровель, а перстней златых и сребренных, зарукавей (браслетов), цепочек и монистов без ларцев валяется много — любое выбирай да надевай, а нихто не оговорит, не попретит ни в чем».

Словом, как в сладком сне. «А там хто побывает, и тот таких роскошей век свой не забывает». Любой бы не отказался от такой жизни — ни родовитый сын боярский, ни простой посадский человек.

Надо сказать, что читатели и слушатели «Сказания» не очень-то верили в эти рассказы о стране изобилия, хоть и мечтали о такой жизни, больше полагались на собственный труд и удачу. Заметно было, что платье у заботливой хозяйки и носилось дольше и выглядело лучше, чем у нерадивой да ленивой. Смолоду старались прививать девочкам опрятность и трудолюбие. Учили следить за чистотой одежды, шить и вышивать, бережно относиться к любому остатку ткани или ниткам. Эти бытовые познания долгое время передавались в устной форме от матери к дочери и, наконец, закрепились на страницах «До-

мостроя» — своеобразного регламента семейной, хозяйственной и религиозной жизни человека.

«Домострой» наставлял женщину строго следить за состоянием одежды и домашнего рукоделия, самой разбираться как да что кроить и хорошо знать, сколько какой материи на ту или иную одежду потребуется, а не полагаться на опыт мастериц. Он напутствовал приглядывать за их работой, следить за шитьем, за отделкой да вышивкой.

В разделах, посвященных этим проблемам, напоминалось, что хозяйки должны точно знать, сколько чего у них нашито, чтобы не было одних изделий слишком много, а других не хватало, «а будет слишком за обиходом наделано полотен, или усучин, или холстов, или скатертей, или убрусов, или ширинок, или иного чего, ино и продаст, ино что надобно купит, ино того у мужа не просит».

А коли останутся куски материи после кроя «всякие остатки и обрезки — камчатые, и тафтяные, и дорогие, и дешевые, и золотное, и шелковое, и белое, и красное, и пух, и оторочки, и спорки, и новые, и ветшаное — все бы было прибрано мелкое в мешочках, а остатки сверчено и связано, а все разобрано по размеру, и как потребуется сделать чего из ветхого или нового не хватило — то все есть в запасе».

Похвала воздавалась тем «добрым» женам, что умением своим и выдумкой шили «многообразна одеяния преукрашена ... мужу своему, и себе, и чадам, и домочадцам своим».

Хлопоты эти занимали немало времени, и повседневная жизнь знатной модницы или простой горожанки оказывалась во многом схожей. Утро, то есть время до обеда, посвящалось обсуждению рукоделий и шитья. Нужно было вместе с мастерицами просмотреть различный узорчатый товар, ткани, золото и серебро, жемчуга да камня, а вместе с тем обсудить уже сделанную работу или внести изменения в текущую, решить, что исправить да что переделать. Нередко сама царица, по обещанию, вышивала какую-либо утварь в домовые свои церкви и соборы, шила некоторые предметы из платья государю и детям, на-

пример, ожерелья или воротники к сорочкам и кафтанам, как и сами сорочки, обыкновенно расшиваемые шелками и золотом. Из пестрых остатков и лоскутков шелков и бархатов, жесткой парчи и мягкой шерсти шили куклы. Отбирали поношенное или залежавшееся платье да откладывали в дар кому-либо из своих родственниц, или на продажу, или пускали на перешивку своим чадам.

«Грамотки», а сегодня мы бы сказали письма того времени, принадлежавшие людям разного сословия наполнены нехитрыми заботами о закупке обуви, тканей и отделки платья. Обращались с такими просьбами к хорошим знакомым, а чаще к родственникам — сестрам, мужьям или взрослым детям. Пытались сэкономить на покупке или приобрести ткань, которой не торговали на местном рынке.

Неизвестная нам Аграфена Михайловна кланялась своей сестре Федосье Павловне: «[...] послала я [...] сестрица денег три рубли двадцат ал[тын] четыре ал[тын] пожалуй государыни вели купить мне камку луданную* осинового цвет** сем аршин да посла я четыре новины*** вели г[о]с[у]д[а]р[ы]ни продать и вели купить круживо кизылбацкое на ту камку круживо золотом и вели г[о]с[у]д[а]р[ы]ни купит другую камку луданную жаркой**** цвет шесть аршин а денег послали три рубли на камку».

В фрагменте другой грамотки жена обращается к своему мужу В. Т. Вындомскому: «[...] г[о]с[у]д[а]рь Вавила Тиханович купи мне крашенину***** на телогрею а о троицене дни я крашенины не купила для того что дороги были крашенины, да купи мне Вавила Тиханович башмаки носилные а мне стало носит нечево хожу боса [...]».

Два эти письма принадлежат людям очень разного достатка. В одном речь идет о покупке шелка, да не какого-нибудь что подешевле, а определенного цве-

* Камка луданная — сорт шелковой ткани.

** Осиновой цвет — цвет осинового коры.

*** Новина — суровый небеленый холст.

**** Жаркой цвет — оранжевый цвет.

***** Крашенина — грубый крашеный холст.

та, да о кружеве золотом. А в другом хозяйка просит мужа купить самую недорогую ткань, уж и не важно какого цвета, да об обуви напоминает, не ходить же босой. Разрыв между количеством и видом одежд, принадлежавших знати и простым людям, оказался в XVI—XVII веках очень велик.

Английский посол Джайлс Флетчер, посетивший Россию в 1588—1589 годах, рассказывал, что если летом простой мужик носил рубаху с сапогами, то боярин сверх рубахи, изукрашенной шитьем, надевал зипун или легкую шелковую одежду, «длиною до колен, которая застегивается спереди, а потом кафтан, или узкое застегнутое платье, с персидским кушаком, на котором вешают ножи и ложку... Сверх кафтана надевают распашное платье из дорогой шелковой материи, подбитой мехом и обшито золотым галуном: оно называется ферязью». Поверх всего этого — однорядку «из тонкого сукна или камлота» или охабень, который отличался от однорядки тем, что имел воротник, шитый жемчугом и драгоценными камнями.

Одежду какой-нибудь боярыни отличало от туалета небогатой посадской жительницы тоже разнообразие и дороговизна. Английский посол «с головы до пят» описал наряд такой модницы: «Благородные женщины... носят на голове тафтяную повязку (обыкновенно красную), а сверх нея шлык, называемый науруса, белаго цвета. Сверх этого шлыка надевают шапку (в виде головного убора из золотой парчи), называемой шапкою земскою, с богатою меховою опушкою, с жемчугом и каменьями, но с недавнего времени перестали унизовать шапки жемчугом, потому что жены дьяков и купеческие стали подражать им. Летом часто надевают покрывало из тонкого белого полотна или батиста, завязываемое у подбородка с двумя длинными висящими кистями. Все покрывало густо унизано дорогим жемчугом. Когда выезжают верхом или выходят со двора в дождливую погоду, то надевают белые шляпы с цветными завязками (называемые шляпами земскими)... Верхняя одежда широкая, называемая опашень,

обыкновенно красная, с пышными и полными рукавами, висящими до земли, застегивается спереди большими золотыми или, по крайней мере, серебряными вызолоченными пуговицами величиною почти с грецкий орех. Сверху над воротником к ней пришит еще другой большой широкий воротник из дорогого меха, который висит почти до половины спины. Под опашнем, или верхнею одеждою, носят другую, называемую летником, шитую спереди без разреза, с большими широкими рукавами, коих половина до локтя делается обыкновенно из золотой парчи, под нею же ферязь земскую, которая надевается свободно и застегивается до самых ног... У всех на ногах сапожки из белой, желтой, голубой или другой цветной кожи, вышитые жемчугом».

Обратили внимание на фразу англичанина «... перестали униживать шапки жемчугом, потому что жены дьяков и купеческие стали подражать им»? Да, армия модниц и модников значительно пополнилась, трудно становится именитым особам выделяться красотой одежды, за ними вплотную идут менее знатные, но порой более богатые соперницы. Пока еще бояре не додумались запрещать ношение пышного платья, их жены просто отказываются от тех или иных элементов украшения одежды, чтобы не равняться с купчихами.

Длинные нательные женские рубахи с пристегивающимися запястьями, расшитые и украшенные жемчугом или камнями, носили сразу по несколько штук, и только дома в отсутствие посторонних мужских глаз можно было надеть одну, подпоясанную. Кстати, по одной из версий, сын Ивана Васильевича Грозного поплатился жизнью, вступившись за свою жену, которую государь застал не одетой.

По рассказу папского посла Антонио Поссевино, жена царевича Ивана (Елена Шереметева), «бывшая на последних порах беременности, лежала, растянувшись, на скамье в легкой одежде, как вдруг вошел свекор ее, великий князь. Она тотчас вскочила, но великий князь, вне себя от гнева ударил ее рукою по щеке, а потом палкою (посохом), которую постоянно но-

сил с собою, до того ее отделал, что она в следующую же ночь преждевременно разрешилась сыном. Царевич Иван прибежал на этот шум, вступился за жену и стал упрекать отца, что по его жестокости он лишился своих прежних двух жен, удаленных в монастырь. Тогда гнев отца обрушился на него, и он нанес ему посохом такой сильный удар в висок, что тот упал смертельно раненый и, несмотря на всевозможную помощь, скончался по прошествии пяти дней».

Впрочем, и русские былины, описывая зазорное поведение некоторых своих героинь, изображают их в одной сорочке и притом еще и без пояса, делая тем самым прямой намек на забвение необходимого и обычного приличия. Так могла поступать только молодая Марина Игнатьевна: она, призывая в свой терем Змея Горыныча, высовывалась по пояс в одной рубашке без пояса.

На рубахи женщины надевали летник, соответственно летом, и кортель зимой, на них опашень, который так подробно описал Флетчер.

Если бы нам удалось заглянуть в прошлое, то наверняка в каких-нибудь боярских палатах, в одной из комнат с обитыми плетеной рогожей стенами, с иконами в золотых и серебряных окладах, мы увидели бы богатую модницу, придиричиво перебирающую свои наряды. К слову сказать, в те времена щеголей называли еще щапами. Щап — щеголь, щапить — щеголять, нарядных женщин — щепливыми.

И в какой-то из тех далеких дней какая-то знатная модница задумчиво и неторопливо разглядывала принесенные прислуживающими девушками платья, не зная, какое выбрать. Остановилась на телогрее, приложила к себе, взглянула в зеркало, вроде и неплохо...

Телогреи начали носить не так давно, по крою они походили на опашни. Нашей героине они не очень нравились, их шили узкими в плечах. Но с другой стороны, уж очень красиво выглядел сильно расширенный подол телогреи. Такой крой давал возможность сполна проявиться красоте ткани, ее фактуре и рисунку.

Боярыня надела телогрею, вытянула руку вперед, чтобы полюбоваться украшенным запястьем, еще раз заглянула в зеркало и с удовольствием подумала, что от этой пышной застежки с многочисленными пуговицами, окаймленной металлическим кружевом, просто глаз не оторвать. Тогда и решила, что поедет в ней, уж больно хороша. А еще решила, что обязательно закажет теплую телогрею, и чтобы по застежке пустили тесьму, густо расшитую золотом, и подбили мехом куницы или соболя.

Девушки поднесли головные уборы. Хозяйка выбрала волосник, его еще называли подубрусник — шапочку из шелковой материи. С помощью завязок ее можно было стягивать вокруг головы. Недавно она велела спороть ошивку, что украшали ее края и приладить другую, унизанную жемчугом и лалами, а то уж больно скушен казался рисунок золотого шитья.

Завязки шапочки затянули, боярыня взглянула на свое отражение, поправила край подубрусника и велела стягивать сильнее. Сейчас она уже и припомнить не могла, кто из московских щеголих придумал новую моду — стягивать шапочки так сильно, что натягивалась кожа на висках, да так, что не моргнуть.

Подали белый платок — убрус, надели поверх подубрусника. Скололи платок под подбородком золотой булавкой — «заноской». Знатная госпожа поправила ее головку — крупную жемчужину, и поправила свешивающиеся концы подубрусника, густо усаженные мелким жемчугом. Поверх него надели шляпу с полями, подбитыми гладким атласом. Шляпу украшали ленты, расшитые золотом, они ниспадали на плечи и спину.

Наша красавица еще раз поглядела в свое серебряное зеркальце и нашла, что в красном волоснике, белоснежном убрусе и нарядной шляпе она очень хороша и предложенную кики и кокошник уже примеривать не стала.

Почему-то сейчас вспомнила, что еще недавно хотела заказать сшить новый «рукав» — муфту, да отложила, вроде не ко времени. Муфта стала очень модной

деталью зимнего женского туалета. Ее шили из бархата или атласа, внутри прокладывали мехом соболя, недорогим — с брюшка, опушку же делали из собольих хвостов. Снаружи муфту расшивали золотыми нитками или жемчужным низаньем с камнями.

«Рукав» подождет, решила она, рассматривая многочисленные ширинки — носовые платки из тонких арабских миткалей* и белой венецианской тафты. Особенная ценность их заключалась в шитье, где выказывалось исключительное по красоте рукодельное искусство. Капризно взяла один, другой, улыбнулась и даже покачала головой, удивляясь дивной работе. Наконец выбрала и взяла его так, чтобы хорошо виднелась вышивка. Платочек, выставленный на всеобщее обозрение, разбудит зависть не одной модницы. Еще бы, поди, у нее одной на Москве такие проворные мастерицы трудятся.

Напоследок боярыня скользнула взглядом по своему платью, оценила сочное сочетание красного и синего и с удовольствием отметила, как ловко выглядывает носочек ее красного сапожка. Его сшили из персидского сафьяна, расшили жемчугами, драгоценными камнями, подбили серебряными гвоздиками и поставили на очень высокий каблучок. Да и другую обувь знатной горожанки, изготовленную из турецкого или персидского сафьянов: башмаки или полусапожки с остроконечными, загнутыми вверх носками, снабжали таким же высоким каблучком — мода!

Даже иностранцы обращали внимание на эти каблуки. Немецкий путешественник Адам Олеарий писал: «У женщин, в особенности у девушек, башмаки с очень высокими каблуками: у иных в четверть локтя длиною (локоть — мера длины, равная приблизительно 0,5 метра. — *Ред.*); эти каблуки сзади, по всему нижнему краю, подбиты тонкими гвоздиками. В таких башмаках они не могут много бегать, так как передняя часть башмака с пальцами ног едва доходит до земли».

* Миткаль — хлопчатобумажная ткань.

А в народе о таких сапогах не без зависти говорили, что между каблуком и подошвой мог «пролететь воробей».

У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пяту — пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.

Любуясь, повертела франтиха носком башмачка, наслаждаясь его красотой, бросила последний взгляд в зеркало и направилась к лестнице.

Все-таки не зря о ней говорят на Москве как о первой моднице. Вот и многочисленные платья ее, надетые друг на друга, — одно другого краше, и украшения, что ни возьми, то редчайший да красивейшие. Да и дом ее белокаменный в три этажа, не чета постройкам деревянным, что в пожарах каждый год сгорают. Да и в самом доме есть чему подивиться. Стены одной комнаты велела она затянуть золотой расписанной кожей бельгийской работы, очень дорогой. Завистницы дара речи лишаются при виде эдакой роскоши.

А на улице уже дожидается ее колымага, похожая на маленькую карету. Кабинка ее обтянута красным сукном. Лошади убраны лисьими хвостами. Да сопровождающих холопов наберется человек тридцать-сорок. И в таком пышном великолепии отправится наша героиня к знакомым или родственникам, посудачить о новостях, посплетничать о приятельницах, а может, обсудить и более важные проблемы.

И ни на кого она не взглянет по дороге, гордо и независимо будет восседать, комично сотрясаясь на ухабах дороги. Наверное, она так никогда и не узнает, что не восхищение, а ироничную улыбку вызвала у заезжего иностранца.

Так Бернгард Таннер, чех по национальности, посетивший Москву в 1678 году в составе польского посольства, с улыбкой проводил взглядом карету модницы и не забыл написать в дневнике: «Прелюбопытное зрелище можно было видеть, как при малейшем движении экипажа то и дело раскачивалась грузная женская фигура».

А вот уроженец города Нюрнберга Ганс Мориц Айрман искренне любовался нашими дамами. Не высокомерие он видел в их горделивой осанке и молчании, а особую учтивость. По его мнению «... Эта московская женщина умеет особенным образом презентовать себя серьезным и приятным поведением. Когда наступает время, что они должны показываться (гостям), и их с почетом встречают, то такова их учтивость; они являются с очень серьезным лицом, но не недовольным или кислым, а соединенным с приветливостью; и никогда не увидишь такую даму хохочущей, а еще менее с теми жеманными и смехотворными ужимками, какими женщины нашей страны стараются проявить свою светскость и приятность. Они (московитянки) не изменяют своего выражения лица то ли дерганием головой, то ли закусывая губы или закатывая глаза, как это делают немецкие женщины, но пребывают в принятом сначала положении. Они не носятся точно блуждающие огоньки, но постоянно сохраняют степенность, и если кого хотят приветствовать или поблагодарить, то при этом выпрямляются изящным образом и медленно прикладывают правую руку на левую грудь к сердцу и сейчас же изящно и медленно опускают ее так, что обе руки свисают по сторонам тела, и после такой церемонии возвращаются к прямому положению».

Что ж, как говорится, сколько людей, столько и мнений.

Впрочем, нашей героине нет никакого дела до какого-то залетного чужака.

Конечно, щеголихам из семей не столь знатных не довелось явить взорам сограждан такие богатства, но и затворническая жизнь им не грозила. И если хотели блеснуть новыми нарядами перед народом, то помех тому не знали. Не скрываясь от людских взоров в каретах со слюдяными окошечками или за толпой слуг, ходили они и в церковь, и в торговые ряды, и в гости.

Мужской взгляд непременно останавливался на такой франтихе. Да и к собственной внешности знатные мужчины были равнодушны.

В мужском туалете тоже произошли некоторые изменения. Холщовые рубахи стали короче исподних и подпоясывались узким поясом. Пояс, долгое время являвшийся символом знатности и достоинства, начал постепенно утрачивать свое значение, стал скромнее, хотя и оставался обязательной частью костюма и упоминался в описях имущества. Охабни или сарафаны не подпоясывались и скрывали пояса, надетые на кафтан. Под мышками делали треугольные вставки из полотна другого цвета и расшивали их узорами. Подол и края рукавов рубашки украшали тесьмой шириной в два пальца. Любители пощеголять заказывали рубахи с расшитыми золотом и шелками рукавами и грудью и носили распахнутые верхние одежды, давая всем подивиться их красотой.

Особое внимание уделяли воротнику-стойке, который назывался ожерельем. Его шили съемным и выступающим над верхней одеждой. Воротники расшивали шелком, золотом или жемчугами, договаривались с мастерицами об определенном узоре или вверялись их вкусу. Пристегивался такой воротник пуговками. Богатые выбирали для него серебряные или позолоченные, бедные — медные.

Дорогие исподние одежды (зипуны, узкие, порой не доходившие до колен) шили из легких шелковых материй с длинными рукавами и без них. Щегольским являлся зипун с рукавами из другой ткани. Основной материей мог быть белый атлас, а рукава шили, к примеру, из серебряной обьяри.

На зипун надевали кафтан или ферязь. Нарядные кафтаны носили со съемными запястьями, расшитыми золотом или жемчугом. Разрез спереди и подол отделявали тесьмой с золотым или серебряным кружевом, а петли и завязки пришивали к аппликации в виде кружков или квадратов из ткани другого цвета. К кафтанам крепились неширокие воротники или козыри. Козырь — высокий стоячий воротник, пристегивался к кафтану и закрывал собой весь затылок. Щегольские козыри шили из бархата, камки или обьяри, украшали жемчугом,

золотой или серебряной нитью и драгоценными камнями.

Ферязь носили дома, по покрою эта одежда походила на кафтан, но украшали ее более скромно. Для верховой езды справляли короткий терлик или чугу, с рукавами по локоть. Армяк отличался от кафтана только тем, что полы его не сходились, а закидывались одна на другую. Тегияй пестрил невероятно большим количеством пуговиц на застежке, пришивали по шестьдесят штук.

Поверх этих одежд набрасывали широкий и длинный с длинными рукавами опашень, или ферезею, однорядку, епанчу или шубу. Края разрезов отделывали кружевами и украшали нашивками по бокам.

Разнообразие одежд позволяло богатому моднику чувствовать себя комфортно в любое время года, в дороге, дома и в торжественной обстановке. Летом ходили в опашне из шелка, а кто победнее из сукна, в холодную сырую погоду — суконной однорядке. В дороге были незаменимы ферезея — плащ с рукавами или епанча — накидной плащ. Причем плащи шили как из простого грубого сукна или верблюжьей шерсти, так и из дорогих тканей, подбивая их мехом.

Шубы тоже подразделялись на нарядные и простые. В нарядные облачались, когда шли в церковь или в гости; в санных отправлялись в дорогу. Шубы не всегда покрывали шелковыми или суконными тканями, показывая красоту меха, носили так называемые нагольные шубы.

Среди головных уборов у бояр и знати любовью пользовалась тафья — маленькая шапочка. Ее не снимали и дома, а выходя на улицу, на нее надевали высокую «горлатную» меховую шапку — знак боярской спеси и достоинства. Флетчер так описывает такой убор: «На голову надевают тафью, или небольшую ночную шапочку, которая закрывает немного поболее маковки и обыкновенно вышита шелком и золотом и украшена жемчугом и драгоценными камнями... Сверх тафьи носят большую шапку из меха чернубурой лисицы... с тиарой или длинную ту-

льей, которая возвышается из меховой опушки наподобие персидской или вавилонской шапки».

Мужчины не меньше, чем женщины, заботились о сохранности своей одежды. Оставив родительский дом, некий Иван Белин писал отцу из Москвы, чтоб тот проследил за сохранностью оставленного им платья. На эту просьбу батюшка отвечал: «... писал ты ко мне Иван Васильевич, чтоб мне к тебе написать, что у старицы Тарсилы твоя коробья с платьем и из коробьи платье я ... выбирал и просушивал ли, и я из коробьи твои платье выимал, и старица Тарсила платье просушивала дни по три и по четыре, и в коробью поклат по прежнему и запечатал своей печатью...»

Хозяйственные мужи, находясь на службе в других городах, проявляли интерес и к стоимости, и к качеству местных товаров. Обратимся к частной переписке князя Петра Ивановича Хованского. Из Черкаска он писал своей супруге Парасковии Андреевне: «... А на гостинце не покручинься, что не прислал; Бог видит, прислать нечего. Да пришли ко мне тесемочку беленькую шелковую на узду, вели ее выткать в кружки.

А какова надобна шириною и длиною — надобно 15 аршин и я послал с Пронькою образчик. И ты, матка моя Андреевна, не поленись, сделай сама, чтобы она была поглаже, а не узловата...»

Но все же, вероятно, гостинчик «образовался», потому что на обороте письма, рядом с адресом приписано: «Послан коврик да дороги полосатяя, да кушак камчатой, да шанданчик».

Родственники жены князя Кафтыревы не менее живо обсуждали в своих письмах подобные проблемы. Никита Васильевич писал своему брату Василию: «... А кружив, государь не добудем; и жена моя круживо покинула не доделано за серебром, а золото за неволю ж я взяти, что цена и большая есть и потолсто, и то не того нет. ...Да пожалуй купи дочери ж моей на одеяло в приданные соболей, чтоб кузнецкие или томские, хоть и не рослы, только бы почернее сороки ...»

Здесь, может быть, следует сказать и о том, что в частной переписке встречаются самые разнообразные просьбы о покупке той или иной одежды. Вот, например, Василий Белин просил сына купить ему шапку: «... А ныне послал к тебе с Михаилом Ушаковым три рубли денег и тебе б на те деньги купить мне шапку вишневую с пухом руским, да шапку Миките брату вершек красной с соболем. Мне хотя и подешевле ценою купи буде с руским пухом мне шапки не купишь и ты купи с лисим околышем...»

О платье заботились, как говорится, «и стар, и млад», но если богатые да именитые могли показать себя во всей красе своих одежд, демонстрируя знатность и достаток, то простые молодые люди, склонные выделиться среди своих сверстников, демонстрировали не столько богатство, сколько свои внешние данные. Было модно тогда щегольнуть друг перед другом короткими, не доходящими до колен кафтанами, так туго стянув его поясом в талии, чтобы казаться как можно более тонким.

Красовались и обувью, сапоги или полусапожки — чеботы шили из кожи, окрашенной яркими красками — красной, желтой, голубой, лазоревой и т. д. Особенно любили, чтобы они плотно облегли ногу и сильно зауживались в носке.

В уличном многолюдстве выделялись яркостью и богатством одежды молодых франтов из состоятельных и знатных фамилий. Они грубовато расталкивали встречных своими лошадьми и громко смеялись над неловкими прохожими, что пугливо отскакивали в сторону от нахальных княжеских отпрысков. Скорее всего они ехали скоротать досуг на какой-нибудь пирушке за азартной игрой в кости или карты.

Московский митрополит Даниил (не ранее 1492—1547), известный своими многочисленными сочинениями церковно-полемического характера, в одной из проповедей сетовал на суетность и распутство модника: «... угождая блудницам, ризы изменяеши, хождение уставляеши, сапоги вельми червлены и малы зело, яко же и ногам твоим велику нужду терпети

от тесноты... сице блистаеши, сице скачеш, сице рыгаеши и рзаеши, уподобляясь жребцу...»

В переводе это звучит так: угождая блудницам, платье переменяешь, сапоги у тебя яркого красного цвета, чрезвычайно узкие, так что сильно жмут ноги, блистаешь, скачешь, ржешь как жеребец...

Даниил сокрушался о «порче нравов», глядя на этих щеголей. Он писал, что они, как и многие их родители «всуе дни свои проживали», избегали книжного и рукодельного «научения», что в них «всегда наслаждения и упитания, всегда пиры и позорища, всегда бани и лежание, всегда празднество и безумная таскания».

Но одеваться броско стало модой, обычаем, даже человек незнатный и небогатый, горько сокрушался из-за утерянной возможности достойно наряжаться и тяжело переживал эти времена:

«Ферези были у меня добры, да лихие люди за долг сняли...

Шел бы в город да удрал бы суконца хорошенкова на однорядку, да денег нет, а в долг никто не верить, как мне быть?

Щеголял бы и ходил бы чистенько и хорошенько, да не в чем. Лихо мне!»

Да и как не будет лихо, коли сравнишь себя с московскими боярами. А что уж говорить о великом князе... Даже привыкшие к роскоши европейских королевских домов послы иноземных держав несказанно удивлялись богатству русских правителей.

Торжественный выезд царя Бориса Годунова с царицей и двенадцатилетним сыном в подмосковный монастырь наблюдали в 1599—1600 годах персидские послы.

Величавое царское шествие проходило в сопровождении конного отряда, состоящего из пятисот человек в красных кафтанах, крестного хода во главе с патриархом и высшим духовенством. Многочисленные вельможи в своих лучших одеждах, огромные кареты, запряженные белыми лошадьми, — все это утопало в дорогих тканях и драгоценностях.

Иностранцам не верилось в то, что подобные

одежды могли быть собственностью частных лиц. Олеарий писал, что одежду выдавали придворным из великокняжеских кладовых на всевозможные торжества и приемы и что их строго наказывали за испачканные и испорченные платья. На самом деле среди приближенных государя оказывалось достаточно состоятельных людей, меньше было среди них бедных дворян, которые могли нуждаться в том, чтобы их передевали на время в платья из царских запасов.

И все же заметим, что надевали богатые одежды на выход и на праздники; дома и в будни выглядели значительно скромнее. Потому и горожане наряду с иностранцами дивились этому великолепию и внимательно рассматривали несравненные одежды знати. Стояли в толпе и иноземные ремесленники, и торговцы, давно осевшие на Москве. Они, подобно русским, стали одеваться по местным обычаям, находя нашу одежду удобной и красивой.

Адам Олеарий рассказывал, что однажды в Москве состоялась большая процессия при участии самого патриарха, который по обыкновению благословлял народ, стоявший кругом. Немцы, находившиеся тут же, не кланялись и не крестились, и тем рассердили патриарха. Но узнав, что это иноверцы, патриарх наказал, чтобы все иностранцы носили в России только свои одежды, и чтобы их можно было без труда отличить.

Этот указ застал многих врасплох, ведь некоторые уже так долго прожили в Москве, что не имели своих старых костюмов, пришлось надевать что попало: и старинную одежду своих отцов, и брать на время платье у знакомых, которое часто оказывалось велико или мало. Московиты, завидев их, смеялись — так нелепо смотрелись несчастные в старых да не по размеру подобранных костюмах.

Интерес русской знати к европейскому платью и быту устойчиво сохранялся. Так — царь Алексей Михайлович (1629—1676), будучи ребенком, носил немецкие епанчи и кафтаны. Боярин Артамон Сергеевич Матвеев (1625—1682), приближенный Алексея

Михайловича, женатый на шотландке, обставил свой дом по-европейски и даже держал труппу актеров. Нарушая дворцовый ритуал, Алексей Михайлович нередко бывал в гостях у своего любимца.

Боярин Никита Иванович Романов (?—1654), родственник царя Михаила Федоровича, находясь в деревне, нередко нашивал французское и польское платье.

Князь Василий Васильевич Голицын (1643—1714) был, пожалуй, самым знаменитым модником того времени. Фаворит правительницы Софьи, возглавлявший Посольский приказ, имел прекрасное образование, говорил на трех языках: латинском, греческом и немецком. По словам современников, отличался «умом, учтивостью и великолепием», в его обширном московском доме, который иноземцы считали одним из великолепнейших в Европе, все было устроено на европейский лад: в больших залах в простенках между окнами стояли зеркала, по стенам висели картины, портреты русских и иноземных государей и немецкие географические карты в золоченых рамах. Потолок украшен изображением планетной системы; множество часов и термометр художественной работы довершали убранство комнат. Ко всему прочему, красавец Василий Васильевич румянился и белился, завивал усы и душил свою небольшую светлую бородку и, может быть, пользовался веером.

Надо сказать, что в допетровской России веера были практически неизвестны; отдельные экземпляры подобных изделий, привозимых иностранцами, называли «опахало харатейное згибное». Термин «харатейной» означал тогда пергаментное. Для царской семьи опахала делали мастера Оружейной палаты и привозили с востока. Опахала царя Михаила Федоровича или царицы Евдокии Лукьяновны были «турской работы» — турецкой. По большей части «перийные» опахальца делали на деревянной, костяной или филигранной (с камнями) ручке со вставленными в нее павлиньими или страусовыми перьями, а иногда матерчатыми и достаточно простыми.

Европейские обычаи в одежде и модах так укрепились, что в 1675 году вышел государев указ, по которому стольникам, стряпчим и дворянам московским, и жильцам велели, «чтоб они иноземских, немецких и иных избычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, також и платья кафтанов и шапок с иноземским образцом не носили и людям своим потомуж носить не велели; а буде кто впредь учнет волосы постригать и платья носить с иноземного образца, или також платье объявиться на людях их, и тем от великого государя быть в опале и из высших чинов написаны будут в нижние чины».

Однако жизнь брала свое, а пристрастие к европейскому костюму оказалось настолько велико, что в 1681 году вышел указ, по которому «всему синклиту» и всем дворянам, и приказным людям при дворе и в Кремле повелевалось появляться не иначе как в коротких польских одеждах. Местный рынок пополнился привозными шляпами, перчатками, платками, чулками, шелковыми лентами, кружевами и отделочными шнурами западного производства.

Глава 2

Драгоценности «числа немыслимого»...

Во времена такого разнообразия одежд знатные модники стремились как можно обильнее убрать свой костюм ювелирными изделиями из золота и серебра и наиболее ценными камнями — алмазами, рубинами, изумрудами, сапфирами и, конечно, жемчугом. Страсть к камням поддерживалась не только благодаря тому, что они являлись символом достатка и положения в обществе, но и убежденностью людей в некой мистической связи человека с определенным камнем.

Желание обладать диковинными украшениями наиболее ярко проявлялась у первых лиц государства, что, впрочем, вполне закономерно. Куда бы ни направлялись царские посланники — на Восток или Запад, — в обязанность им вменялось обращать внимание на редкости «заморские» и приобретать их для

царской казны. А дома, в Кремлевских палатах, именитым иностранным купцам показывали царские сокровища, и вельможи наши допытывались: нет ли где лучше?

Так, в конце 50-х годов XVI века английским торговым людям Ричарду Грею и Роберту Бесту продемонстрировали царскую корону с большим рубином, ювелирные украшения и просили узнать, можно ли в Англии купить подобные и можно ли найти что-нибудь интереснее.

Иван Васильевич Грозный известный своим пристрастием к драгоценностям не скрывал этой слабости ни перед собственными «холопами», ни перед иностранными гостями, и сам любовался камнями, и другим позволял.

Датский посланник Иаков Ульфель, посетивший Москву в 1575 году, описывая прием у Грозного рассказывал, что царь «в платье был бархатном жолтом, драгоценными каменьями украшенном ... на всех пальцах перстни ... во время то как читали пред ним письменные договоры ... недалеко ... от него стоял тогда Богдан Иванович Бельский, которого веселым видом призывая, как возможно ласкательно казал ему свои перстни (оны были у него драгоценные на всех пальцах правой и левой руки)».

Спустя несколько лет, в 1581 году, папский легат Антонио Поссевино внимательно рассматривал царское убранство: «Трон великого князя возвышался над полом на две ступеньки, и его убранство очень выделялось среди прочих блеском и великолепием. Вотканые драгоценные камни с удивительным искусством украшали его золотую одежду. С плечей спускался плащ, сделанный таким же образом. Каждый палец украшали по два — три перстня с оправленными в них большими драгоценными камнями. Был у него и серебряный посох, похожий на епископский жезл, отделанный золотом и драгоценными камнями... Мягкие сапоги, загнутые на подобие клюва, также украшены драгоценными камнями... На нем было две цепи, состоящие из чередующихся золотых шариков и больших драгоценных камней. Од-

на спускалась на грудь, а на другой, более короткой, висел золотой крест, длиной в ладонь, шириной в два пальца. Украшение головы московиты называют короной, на ней много золота, украшена она многочисленными драгоценными камнями немного больше, чем тиара папы, а в прочем от нее не отличается...»

Английский путешественник Джером Горсей (? — после 1626), встречавшийся с уже тяжело больным Грозным, рассказывал, как «каждый день царя выносили в его сокровищницу, однажды царевич сделал мне знак следовать туда же. Я стоял среди других придворных и слышал, как он рассказывал о некоторых драгоценных камнях, описывая стоявшим вокруг него царевичу и боярам достоинства таких-то и таких-то камней...».

Иван Васильевич обратился к кому-то из приближенных: «Принесите мой царский жезл, сделанный из рога единорога, с великолепными алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями большой стоимости; жезл этот стоил мне 70 тысяч марок, когда я купил его у Давида Говера, доставшего его у богачей Аугсбурга...

Этот алмаз — самый дорогой из всех и редкий по происхождению. Я никогда не пленялся им: он укрощает гнев и сластолюбие и сохраняет воздержание и целомудрие; маленькая его частица, стертая в порошок, может отравить не только человека, но даже лошадь». Затем он указал на рубин: «О! этот наиболее пригоден для сердца, мозга, силы и памяти человека, очищает сгущенную и испорченную кровь». Затем он указал на изумруд. «Этот произошел от радуги, он враг нечистоты. Испытайте его: если мужчина и женщина соединены вожделением, имея при себе изумруд, то он растрескается. Я особенно люблю сапфир, он сохраняет и усиливает мужество, веселит сердце, приятен всем жизненным чувствам, полезен в высшей степени для глаз, очищает взгляд, удаляет приливы крови к глазам, укрепляет мускулы и нервы». Затем он взял оникс в руку. «Все эти камни — чудесные дары божьи, они таинственны по происхождению, но, однако, раскрываются для того, чтобы че-

довек их использовал и созерцал; они — друзья красоты и добродетели и враги порока. Мне плохо: унесите меня отсюда до другого раза», — но другого раза не было.

Познания о камнях Иван Васильевич, вероятно, почерпнул из древнего литературного памятника «Сказания о 12 драгоценных камнях», принадлежавшее одному из отцов церкви Епифанию (367—408), известному на Руси с XI века.

«Сказание» повествует о наиболее известных драгоценных камнях Востока. Автор сопоставил свойства драгоценных камней, что были на наперснике первосвященника Аарона, с характерами сыновей Иакова. Он писал, например: «1-й иже камык, нарицаемый сардион (рубин) вавилонский, учермен (красен) же есть образом, яко кровь... силы целебные в нем суть, и лекуют в нем отоки (опухоли), язвы, от железа бывающая, помазывают. Сий камык уподоблен есть Рувиму первенцу, понеже силен и крепок на дело бяше».

Полудрагоценный камень агат — «ахатис» наделялся некой силой, которая отгоняла от человека змей и скорпионов и т. п.

И вера в мистическую силу камней, и любование их цветом, и возможность показать свой достаток — все способствовало тому, чтобы камни в избытке использовали для украшения одежды и внешности.

Любовь к ярким цветам камней: красному, зеленому и синему, белоснежному жемчугу — являлась не просто данью традиций. Женщина подбирала драгоценности для своей внешности, соотносясь с тем, что ей пойдет, а что нет. Белый, как снег, жемчуг подчеркивал белизну ее кожи (натертую белилами), рубины выделяли ее румянец, синие сапфиры — голубизну ее глаз, а изумруды придавали им зеленый оттенок.

Тяжелые одежды из-за невероятного количества драгоценных камней, жемчуга и золотого шитья внушали русским поданным уважение к своему государю, иностранные послы с нескрываемым удивлением рассматривали царские сокровища, поражаясь

его числу. Правда, желание покритиковать (может и заслуженно) у них все же прорывалось. Английский вельможа, служивший при русском дворе в 1557—1558 годы рассказывал о короне Ивана Васильевича. Он заметил, что работа по золоту вряд ли могла быть сделана лучше, «она была украшена и обильно покрыта дорогими драгоценными камнями, между прочим, был рубин, возвышавшийся наверху короны на небольшой проволоке, он был величиной с добрый боб; корона эта была подбита прекрасным черным соболем... Мы видели все платья его величества, очень богато усеянные камнями...».

Но вот сами камни обработаны, по его разумению, плохо. Русские якобы гонятся больше за их размерами, нежели за красивой огранкой, позволяющей насладиться красотой и редкостью камня.

Английский мореплаватель Ричард Ченслер (?—1556), описывая невиданную роскошь царского убранства, одежд и украшений бояр, что «выше всякой меры», отметил, что даже бархатные и парчовые попоны коней густо усыпались жемчугом.

Не меньше, чем драгоценности Грозного, поражали иностранных послов богатства, увиденные ими при дворе его сына царя Федора Ивановича (1557—1598). В 1589 году проходила в Кремле торжественная церемония «поставления» патриарха Иова. На церемонии в числе именитых гостей присутствовали Константинопольский патриарх Иеремия и епископ Елассонский Арсений, который подробно рассказал об этом торжестве.

После своего «поставления» вновь избранный патриарх Иов по обычаю давал обед государю и высокому гостю — вселенскому патриарху и всему приезшему греческому духовенству. В тот же день назначен был новопоставленному Иову прием с дарами у государя и у царицы Ирины Федоровны (сестра Бориса Годунова). Царица поднесла в драгоценной золотой чаше, украшенной превосходными агатами, жемчугов числом в 6 тысяч штук.

Да и не только этот подарок, но и убор Ирины Федоровны поразил гостей. «На голове она имела осле-

пительного блеска корону, которая составлена была искусно из драгоценных камней, и жемчугами была разделена на 12 равных башенок, по числу 12 апостолов... В короне находилось множество карбункулов, алмазов, топазов и круглых жемчугов (гурмыцких); а кругом она была унизана большими аметистами и сапфирами. Кроме того, с обеих сторон ниспадали тройные длинные цепи (рясы), которые были составлены из столь драгоценных камней и покрыты круглыми, столь большими и блестящими изумрудами, что их достоинства и ценность были выше всякой оценки».

Чужестранцы почувствовали «род тихого ужаса» при виде такого великолепия. «Одежда государыни, рукава которой достигали пальцев, была сделана с редким искусством из толстой шелковой материи с многими изящными украшениями. Она по [краям была] искусно усажена драгоценными жемчугами и посреди украшений блистали превосходные драгоценные камни и яркие карбункулы. Сверх этой одежды на царице была мантия, другая, с долгими рукавами, весьма тонкой материи, хотя с виду очень простая и безыскусная по множеству сапфиров, алмазов и драгоценных камней всякого рода, которыми она была покрыта [по краям].

Такою же пышностью отличались башмаки, цепь [монисто] и диадема [ожерелье] царицы».

Не хватало слов для описания подобного богатства, иностранцы уверяли, что «малейшей части этого великолепия достаточно был бы для украшения десяти государей».

Царские регалии Федора Ивановича, которые довелось увидеть послу Римского императора Николаю Варкочу в 1593 году производили не менее сильное впечатление: «...на голове у него был золотой венец, выложенный алмазами, притом очень большими; в руке держал золотой скипетр, тоже убранный камнями; кафтан на нем был красный бархатный, сплошь шитый крупным жемчугом, на шее висело несколько дорогих камней, оправленных в золото и расположенных в виде цепи или ожерелья. На двух

пальцах левой руки его было по большому золотому перстню со смарагдом».

Годунов, может быть, больше, чем его предшественники, тяготел к украшениям и различным диковинным поделкам, это заметили иностранцы еще до того, как он взошел на престол. Николай Варкоч рассказывал, что решено было поднести шурина государя золотое ювелирное украшение в виде верблюда с сидящим на нем арабом, с золотыми корзинами по бокам, украшенными рубинами и алмазами.

Русские вельможи, узнав об этом, заметили, что этого маловато будет и «рекомендовали», а попросту говоря, потребовали «еще золотую цепочку к драгоценности, чтобы было на чем ее повесить... Приложи-де еще золотое кольцо к ней...». Делать нечего — и вместе с верблюдом перешли во владения Годунова и золотая цепь, и кольцо с сапфиром.

Вероятно, сапфиры наш вельможа отличал особенно, поскольку посол Римского императора заметил, что они преобладали в оправах его колец. Может быть, Годунов верил в лечебную силу камня и благотворное его влияние на человека. Надеялся на то, что сапфиры усилят его мужество и развеселят сердце, укрепят его мускулы и нервы, а если страдал глазами заболеваниями, верил, что камни излечат их. А может быть, все гораздо проще и Годунову просто нравился яркий голубой или синий цвет камней....

После венчания на царство новый государь заказал корону, отличающуюся изысканностью отделки, поручил мастерам изготовить гробницу Господню, подобную той, что хранилась в Иерусалиме, «всю ее отлив из золота и украсив драгоценными камнями и золотой вязью. И была она уже почти завершена, вся усыпана топазами и драгоценными камнями, как чечевицей, искусно отделана затейливыми украшениями, так что не только невеже ... было это на диво, но и первые из благородных и те, кто были воспитаны в царских домах при всем сиянии красоты, дивились ее богатому убранству и искусной работе, и даже ум помрачался, зрачки глаз не могли выдержать сверкания камней и сияния блещущих лучей».

Персидские послы, в 1599—1600 годах посетившие государеву сокровищницу, рассказывали, что у «дверей ее стояли два изображения львов, очень неуклюжие: одно, по-видимому, из серебра, другое из золота. Богатства, заключающееся в сокровищнице, столь же трудно представить себе, как и описать, а потому о них умалчиваю. Хранилище царской одежды равным образом представляло ценность невероятную...».

Все эти сокровища: и корона, и украшения одежды, вплоть до золотых и серебряных пуговиц, кольца и цепи, та же невиданной красоты гробница — были разорены и сломаны во время Смуты, и многие отправлены в переплавку на Денежный двор. Годы лихолетья опустошили царскую сокровищницу, которую московские государи собирали на протяжении нескольких веков.

Первый представитель династии Романовых, шестнадцатилетний Михаил Федорович, вступивший на престол в 1613 году, оказался царем разоренной страны и разрушенного, поражавшего когда-то своим величием Кремля. Палаты стояли без кровли и полов, стены сломаны. Плотники и столяры по приказу Земского собора наскоро привели в порядок некоторые помещения, куда переехал царь. Немало трудов положили на то, чтобы восстановить былую роскошь Кремля и царской сокровищницы. По всей стране собирали разворованные и распроданные украшения из Кремлевских палат, с трудом, но изыскивали средства для того, чтобы выкупить их у частных лиц, приглашали для создания новых талантливых иноземных ювелиров и т. п.

И вот уже вновь дивятся иностранцы, глядя на богатое платье Натальи Кирилловны Нарышкиной — невесты Алексея Михайловича. Оно оказалось настолько тяжелым из-за вышивки, жемчуга и драгоценных камней, что у девушки от долгого стояния разболелись ноги.

И вот уже вновь купцы предлагают свои товары и знатным, и простым клиентам. В серебряных рядах продавали разного рода блески, толстую и тонкую канитель (очень тонкая металлическая — золотая

или серебряная нить для вышивания) и еще множество разных цепочек и мелких украшений, что употребляли при вышивке.

И наши модницы уже спешили приобрести этот товар. Княгиня Парасковия Андреевна Хованская просила свою родственницу Агафью Григорьевну Кровкову помочь с покупкой. Агафья Григорьевна расторопно отвечала: «... Писала ты, матушка, штоб тебе купить против росписи покупку, а денег прислано 4 рубли 2 гривны; на три рубли купили канители, да блесок белых и красных, а сорок алтым у меня. Серебра волоченого нет доброго, а как добыюсь куплю, и я пришлю тотчас...»

Но «доброго» все же не нашла. «... Послала я к тебе матушка твое серебро волоченное 6 золотников, дано сорок алтын. Лучше того не добилаась...»

Между прочим, и супругу ее Петру Ивановичу были не чужды подобные хлопоты, что явствует из его переписки с ювелиром Андреем Бутенантом. 9 января 1682 года он сообщал князю из Москвы: «... А по твоему, государю приказу купил я у города кисть жемчуга мелкаго скатнаго весом 16 зол. ... А к камению, государь, твоим не могу по два годе товарищи прибрать. И тот камень и жемчуге послал я к тебе, государю, с твоим человеком к сей грамотке запечатано...

... А старой долг на тебя, государь
моему еще есть 23 р.30 ал.
А за нынешний жемчуг 12 р. 6 ал. 2 д.

Всего 36 р. 3 ал.»

Речь идет о заказе Хованского. Первую его часть — покупку жемчуга Андрей Бутенант благополучно исполнил, а вот со второй вышла заминка. Еще давно князь переслал ему камень — изумруд, для того, чтобы ювелир сыскал для него подобные же. Видимо, задумал какую-то поделку. Ювелир сетовал на то, что уже два года, как он безуспешно ищет к этому изумруду «товарищей».

В следующем письме от 12 января, то есть спустя три дня, ювелир, получив от Петра Ивановича оче-

редной заказ, вновь писал о невозможности исполнить его — обменять золото на цепочки. Вероятно, речь шла о чем-то конкретном, а может быть редком, чего на московском рынке не было. И чтобы вовсе не потерять клиента (за которым, кстати, должок числился), ювелир предлагал хоть зарукавья купить, пока они у него в наличии имеются.

«... послал, государь, к тебе кисть жемчуга и измрудной камень твой, и после того приехал Изихиль Буларт и отдал мне, государь, твою грамоту от декабря 26 дня.

А что ты, государь, пишешь про золото, которое ты, государь, приказал променить на цепочки, и я не мог такой цепочки залесть.

... А будет, государь, тебе предь зарукавье надобно, и ты, государь, изволь ко мне отписать, в какой цена. И ныне у города у меня зарукавье пару десятков будет в розных цене...»

Не менее ценным украшением одежды являлись многочисленные пуговицы. Богатые женщины, образуясь с модой или собственным представлением о красоте, заказывали золотые и серебряные позолоченные пуговицы самых разных размеров. Мелкие использовали в застежках воротников и внутренних одеждах, крупные, величиной в «довольно большое яблоко, которое при ходьбе или езде производят довольно сильный шум», пришивали к опашням.

Особое место в шитье занимало так называемое низанье или саженье жемчугом. Жемчуг оценивался по величине, форме и белизне. В «Памяти, почему знать купить разные всякие купеческие рухляди и товары» советовали: «Покупай жемчуг все белый да чистый, а желтого никак не купи: на Руси его никто не купит».

Лучшим, дорогим считался жемчуг, привезенный с Востока из города Ормуза. Его называли «гурмыжским» или «бурмицким». Добыча велась в Персидском заливе, носившем в старину название «Гурмыжское море». Этот жемчуг продавали поштучно, зернами. Ценился жемчуг кафимский, вывозимый из Ка-

фы (Феодосии). Торговали и своим варзужским, добываемым на реке Варзуге, он же, вероятно, в начале XVI века назывался новгородским. Мелкий жемчуг продавали на вес, на золотники. Речной «жемчуг немалы и хороши и чисты» продавали поштучно.

Хороших мастериц по шитью, низанью жемчугом было на Москве не так уж и много, славились рукодельницы царицыной светлицы и мастерицы некоторых боярынь. Во второй половине XVII века окольничий Василий Волынский известность получил благодаря тому, что его супруга имела самых ловких мастериц по золотому и серебряному шитью, работы которых отличались несравненным художеством. Стяжали славу изделия, выполненные руками мастериц, принадлежавших Анне Алексеевне, жене стольника Ивана Васильевича Дашкова.

Возможно, именно к ним обращались хозяйки и с просьбой выполнить нужную работу, и к ним навещались за новым модным узором. В письме от Авдотьи, ключницы княгини Парасковии Андреевны Хованской, читаем: «... По твоему государыня указу ... ко княгине Анне Володимировне ходила и об узорах била челом, и она пожаловала; и те, государыня, узоры прислала я к тебе, государыня, с Петром Кондратьевым. ...»

Да и толковых мастериц в доме княгини, вероятно, не оказалось. С просьбой расшить узором подбрусник обратилась она к своей родственнице Агафье Григорьевне Кровковой. Но на тот момент ее мастерица приболела. «... Послала я к тебе, государыня, шесть подбрусничков тафтяных, совсем отделаны, что ты изволила прислать в великой мясоед.

Не прогневишь, государыня, что замешкались; по се число были не выстеганы: мастерице было не время, была прохладна*, изломила ногу за три недели до масленицы; и по се число без ноги, только уж ныне за дело принялась. ...»

К сожалению, история не донесла до нас славные имена простых женщин, чье мастерство по шитью

* Прохладна — в покое.

могло соперничать с работой кремлевских искусниц. Единственное, что отличало их, — сравнительно недорогая отделка: «простые камни» из стеклянных сплавов, бусы и бисер.

Рассказывая о рукодельницах, мы несколько отвлеклись от основной темы — ювелирных украшений.

Женщины самых разных сословий питали нежнейшую любовь к сережкам. Как только девочка начинала ходить, мать прокалывала ей уши и втыкала серьги или кольца, обычай этот распространился как среди знатных, так и среди простых людей.

Серьги делали обычно продолговатыми и длинными. Бедные женщины носили медные, более зажиточные — серебряные, богатые — золотые с крупными драгоценными камнями или множеством мелких, называемых «искрами». Иногда серьги мастерили из очень крупных камней, различных по форме: грушевидные, круглые, овальные и т.п. Их высверливали насквозь и вставляли в дырочки жемчужины.

Любили браслеты и кольца. Женские кольца отличались от мужских размером, они были мельче. Золотые или серебряные колечки украшались мелкими камнями, к примеру сердоликом или мелкими жемчужинами, а в мужские массивные кольца вставляли крупные камни.

Женщины и девушки щеголяли множеством цепочек с крестами и образками, богатые носили золотые цепи, на которых висели большие кресты, отделанные финифтью, одевали несколько рядов монист жемчужных и золотых.

В политическом трактате «О причинах гибели царств» автор философически рассуждал, что не нашлось бы в то время человека, «которому было бы чуждо желание богатства и кто поступил бы, как некий благородный грек Фемистокл, который однажды, гуляя, увидел на земле золотую цепочку и, не подняв ее, подозвал одного из младших дворян своих и сказал ему: «Что же ты не поднимаешь эту цепочку, ведь ты не Фемистокл».

Мода на яркий макияж. Красота или безобразие?

Какие драгоценности ни надевай, в какую одежду ни облачайся, но коли лицо «серое», «невидное», никакие шелка и рубины не сделают его привлекательным. Свой лик, красив ли он, нет ли, хотелось украсить не меньше, чем свое тело. Причем работы здесь было предостаточно, только не ленись! Волосы давали возможность мудрить над прическами и создавать десятки вариантов. Лицо можно расписывать красками, придавая внешности простоту или лукавство, кому что нравится.

Прически женские в это время не изменились, замужние носили волосы под головными уборами, заплетая их в одну или две косы, девушки свои косы выставляли на всеобщее обозрение, ходили просто-волосыми.

Сильный пол чувствовал себя более независимо. Если обычай покрывать голову среди замужних женщин строго соблюдался, то мужчины-модники нередко нарушали общепризнанные традиции и на иноземный манер брили бороды и усы, коротко стриглись. Даже сам великий князь Василий Иванович (1479—1533) последовал этому обычаю, но духовенство резко воспротивилось этому. Стоглав «предал неблагословению Церкви» тех, кто отступал от дедовского обычая. Однако подобное «небрежение» продолжало наблюдаться, и отцы церкви продолжали бороться с теми, кто щегольство ставил превыше традиций и порядков.

Митрополит Даниил обращался к модникам в своей проповеди: «Власы же твоя не точию бритвою и с плотию отъемлещи, но и щипцем из корени исторгати и щипати нестыдитесь; женам позавидев, мужское свое лицо на женское претворяши... Лице же твое много умываеши и натрываеши, ланиты червлены красны светлы твориши. Якоже некая брашна дивно сотворена на снедь готовиши... ты украсив, натер, умызгав, благоуханием помазав...»

То есть: «Волосы не только бритвою вместе с телом сбриваешь, но и щипцами с корнем исторгаешь, позавидовавши женщинам, мужское свое лицо на женское претворяешь, моешься, румянишься, душишься, как женщина...»

Он с укоризной вопрошал: «Какая тебе нужна есть выше, меры умыватися и натриватися?»

Да кто знает, какая в том нужда? Может быть, немного переборщили, следуя традиционным наставлениям родителей о необходимости держать себя в чистоте да красоте, а может быть, поддались модным веяниям. Потому и беспокоит митрополита юношество, многие из которого отдавались во власть этим мелочным устремлениям. «Блудные юноши... всегда велемудрствуют о красоте телесной, всегда украшаются вящше жен умывании различными и натираниями хитрыми...»

И не случайно оно его тревожило. Молодое поколение так увлеклось обычаем брить бороду и стричь волосы, что мода эта могла в будущем стать традицией. И в помещенном при патриархе Филарете (патриарх в 1608—1610 гг. и с 1619 г.) в «Требник» «Проклятии брадобритию» подчеркивалось «еретическое» происхождение этой манеры. Глава старообрядчества и идеолог раскола православной церкви протопоп Аввакум (1620 или 1621—1682) в своем обличении порчи нравов при царском и патриаршем дворах обрушился на нее: «... людие, чудитесь безобразству нашему, плачьте... все погубившие в себе образа господню красоту...»

Собственная внешность вызывала у человека немало размышлений. Один красив, другой не очень, третий и вовсе безобразен, но внешность обманчива, поэтому судить о натуре человека по внешнему виду неразумно. Неправильно это, и не внешность определяет уважение и любовь к человеку, а его дела. Так, вероятно, размышлял некий приказной писец. На полях официальной рукописной книги он изобразил человека перед зеркалом и сопроводил рисунок поучительной надписью: «Приникни к зеркалу и посмотри лица своего, да аще красен ся видиши, тва-

ри жь и дела против своя красота и не посрами ее злыми делы. Аще ли злообразен еси, толикое оскудение свое украси добродеением».

Если столько всяких суждений ходило о благолепии мужского лица, то что говорить о женщинах. Правда, они меньше философствовали, а больше времени проводили за зеркальцем: румянились, белились, сурьмились и находили в этом немало удовольствия. Свидетелями этих обычаев стали многочисленные европейские путешественники, побывавшие в наших землях в XVI—XVII веках.

Весьма яркая, наложенная густым слоем косметика на лица наших франтих вызывала у них и удивление и желание найти объяснение такой манере. Находясь в России очень непродолжительное время, не зная обычаев и традиций, они наблюдали только их проявления и считали, что столь яркая раскраска лиц истолковывалась неразвитым чувством вкуса и, как всегда, отсталостью от Европы.

Но вот что любопытно: в современной исторической науке существует мнение (его высказал немецкий исследователь Э. Маттес) о том, что пристальное внимание европейских путешественников к определенной проблеме, например, к пьянству в Московии, вовсе не свидетельствует об отсутствии подобного явления на их родине. Даже наоборот, интерес и вызван тем, что и дома пьянство имело широкое распространение. И если придерживаться подобной теории, то неодобрительные отзывы иностранцев о чрезмерной манере раскрашивать лица косметикой говорят не столько о том, что в Московии была другая культура употребления косметики, сколько о том, что европейский мужчина увидел здесь те же пороки, что и у себя дома, а это усилило его негодование. Хотя это только гипотеза.

Сразу отметим, большинство европейских гостей писали, что русские женщины и девушки очень привлекательны без всяких притираний. А нам необходимо выяснить, кого собственно они могли видеть и кого описывали.

Большую часть повседневного быта любой москвички занимали и домашние дела, и занятия вне дома. Вставали рано, утреннее омовение было обязательным, лечебники рекомендовали мыться мылом и розовой водой (отваром шиповника) или же «водою, в которой парена есть романова трава» (отвар ромашки). Зубы чистили «корою дерева горячего и терпкого и горького, на язык шкнутого (жесткого). Поскольку «лицевая чистота», даже без «утлаждения» специальными притираниями, почиталась «украшением лица женского», женщины из простых семей по утрам непременно «измывали себя». Кто страдал дерматитом, смешивали при умывании «мыльну траву» с чистотелом («корень истолкши класть в мыло — лице будет чисто и бело»).

Домовитые хозяйки готовили еду, ухаживали за скотиной, занимались ткачеством и рукоделием. Нередко барыни являлись собственницами личных земельных угодий, и на их плечи ложились хозяйственные заботы, а во время длительного отсутствия мужа, который мог находиться на государевой службе, занимались организацией всей жизни своего имения, и справлялись со всем они, вероятно, очень неплохо. Тогда-то и родилась поговорка: «Бес там не сообразит, где баба доедет».

Жительницы посадов торговали на рынках, проводили время в мастерских, на огородах, ходили в церковь, в гости, то есть говорить о затворнической, теремной жизни женщин в те далекие времена не приходится. Затворницами были лишь девушки из самых зажиточных слоев бояр-горожан и приближенных к царю княжеских фамилий. О том, что затворнический, «монастырский уклад» жизни и там нарушался, говорит небольшой, но яркий эпизод. Одна из боярышень-невест, выбранная для царя Ивана Грозного, уже после осмотров оказалась «лишенной девства» и, конечно, выбыла из конкурса.

Как видим, иностранцы имели возможность видеть разных дам, они сталкивались с ними и на улицах города, и на рынках, и в гостях у вельмож. Женщины хоть и не садились за стол с мужчинами, но по

обычаю хозяйка выходила к дорогому гостю и подносила ему чарку с вином. Составить общее впечатление об их внешности иностранцы, посетившие Москву, могли без особого труда.

Секретарь английского посла сэра Томаса Рандольфа поэт Джордж Турбервилль (1540?—1610?) в стихотворной форме рассказал своим соотечественникам о нравах и характерах москвитян, которых увидел летом 1568 года.

И женщина совсем не так, как наша,
На лошади верхом и рысью скачет.
На каблуках и в пестрых одеяньях — женщины, мужчины, —
И, не жалея денег всех на это, ступает чинно.
Кольцо висящее у женщин уши украшает,
А иным, по древнему обычаю, ничто гордиться этим не мешает.
Их внешность выражает ум, печаль, походка их степенна,
Но к поступкам грубым при случае они прибегнут непременно.
Нет ничего для них зазорного в разврате,
А безрассудства сотворя, не позаботятся скрывать их.
Пусть муж — последний в их стране бедняк,
А вот жене своей румяна не купить не может он никак:
Деньгами награждает, чтоб красилась она, рядилась
И брови, губы, щеки, подбородок румянами и краской подводила.
Вдобавок женщины к привычке этой известное коварство
прилагают
И, красясь ежедневно, немало успеха достигают.
Так искусно они сумеют краску наложить на лицо,
Что даже самому благоразумному из нас, доверясь даже он
глазам, не мудрено и ошибиться.
Я размышлял, что за безумье их заставляет краситься так часто,
И сравнивал при этом, как ведут они свое хозяйство безучастно.

Турбервилль — единственный из путешественников-иностранцев, кто отметил столь «искусное» наложение косметики, что мужчина вполне мог принять раскрашенное лицо дамы за ее природный румянец. Объяснять, чем вызван обычай, он не стал. А вот приехавший в Москву в 1588 году английский дипломат Джайлс Флетчер задался вопросом и предположил, что «... женщины, стараясь скрыть дурной цвет лица, белятся и румянятся так много, что каждый может заметить. Однако там никто не обращает на это внимание; потому что таков у них обычай, который не только вполне нравится мужьям, но даже сами они позволяют своим женам и дочерям поку-

пять белила и румяна для крашения лица и радуются, что из страшных женщин они превращаются в красивые куклы. От краски морщится кожа, и они становятся еще безобразнее, когда ее снимают».

Интересно, где ему довелось увидеть, как дама «снимает» макияж? Или это всего лишь его, вполне закономерное, предположение? Надо сказать, что имело место и другое объяснение подобной моды.

Адам Олеарий побывал в Москве в качестве секретаря Голштинского посольства дважды в 1634 и 1639 годах. Он родился 1599 / 1600 году, получил хорошее образование, окончил Лейпцигский университет, знал русский и арабский языки. Его ученые познания были столь велики, что русский государь Михаил Федорович предложил ему остаться в качестве придворного астронома и землеведа. Немецкий ученый это предложение не отклонил, но послужить московскому царю ему не довелось.

Посольство ставило перед собой цель — установить торговые отношения с Московией и Персией, и по должности Олеарию надлежало описать свое путешествие. В результате его трудов свет увидела книга под названием «Описание путешествия в Московию...».

Наблюдая нравы и внешность русских, Олеарий, знакомый с бытом европейских жителей, невольно обращал внимание на их схожесть и различия. Так, он заметил, что русские лицом от европейцев не отличаются, «женщины ... среднего роста, вообще стройные, нежны лицом и сложением, но в городах все румянятся и белятся, притом... грубо и заметно, будто кто-нибудь пригоршнею муки провел по лицу и кистью выкрасил щеки в красную краску. Они чернят также, а иногда окрашивают в коричневый цвет брови и ресницы».

Ценитель женской красоты, Олеарий не раз с удовольствием отмечал привлекательность наших дам. Так в гостях у некоего боярина ему довелось познакомиться с родственницами хозяина. «Обе оне были еще очень молоды, хорошенькие лицом и роскошно одеты». И жену ему представил, была «супру-

га весьма красивая собою, хотя и подрумяненная». А на Пасху в царском шествии в свите великой княгини насчитал он тридцать шесть сопровождающих боярышень и девушек. Разодетые в красные одежды, в белых шапочках и белых же покрывалах, сильно нарумяненные, ехали они верхами на лошадях, как мужчины, и, наверное, произвели неизгладимое впечатление своей красотой на немецкого путешественника.

Единственное, чего он не мог понять, зачем разрисовывать и без того красивые лица. Вероятно, он искал причину этого обычая и узнал, что, «навещая соседей или появляясь в гостях, женщина, чтобы быть угодною для всех, непременно должна раскраситься сказанным образом, хотя от природы она и была бы красивее, чем нарумянена, и делается это для того, чтобы природная красота не выдавала безобразия тех, которые имели нужду в искусственной прикрасе. Так случилось раз в нашу бытность в Москве, что жена знатнейшего вельможи и боярина князя Ивана Борисовича Черкасского, прекрасная собою, не хотела было румяниться сначала, но ее тотчас же оговорили жены других бояр, зачем она презирует порядок и обычаи их земли и тем хочет опозорить других, себе подобных, и дело до того довели через своих мужей, что эта красивая от природы женщина принуждена была наконец румяниться и, так сказать, зажигать свечку при светлом сиянии солнца.

Так как беление и румяние происходят открыто, то жених обыкновенно накануне свадьбы между прочими подарками присылает своей невесте и ящик с румянами».

Английский врач Самуил Коллинс, обслуживавший двор и самого царя Алексея Михайловича в 1659—1666 годах, не только подметил манеру ярко румяниться и сильно белиться, но и обратил внимание на то, что белила оказывали пагубное воздействие на организм женщин. От них портились зубы, и многим дамам приходилось чернить их, чтобы скрыть изъяны. Эта традиция сохранилась в Белозерске и Торопце до середины XIX века, известно

также, что в Средневековье этот обычай существовал у монголов и японцев.

Упоминание о моде московских женщин на косметику мы найдем в записках и дневниках многих европейских дипломатов: в бумагах барона Мейерберга, Рейтенфельса, Койэта, Шлессингера и Корба. Они не добавили ничего нового и не выдвинули собственных объяснений появлению этой моды. Со временем появилось множество различных предположений на счет ее возникновения. Считалось, что облачившись в платья из ярких тканей, славянские красавицы видели свое ненакрашенное лицо бледным, эстетически несопоставимым с таким убранством, и это вызывало потребность завершить свой образ, придав ланитам столь же яркие цвета, что преобладали в тканях и драгоценных камнях их уборов.

А может быть, это связано со страстной натурой русских людей, и коли они жили в столь контрастном мире: в природе — холодная зима и жаркое лето, в обществе — богатый и нищий и т. п., то и в своем быту они повторяли этот контраст, и захотелось им видеть свою кожу не просто светлой, а белоснежной, а румянец — ядреный, густой.

Большой знаток русского быта Иван Забелин писал: «Белизна лица уподоблялась белому снегу, естественно было украшать его белилами в такой степени, что в цвете кожи не оставалось уже ничего живого или поэтического и эстетически ценного... Щеки — маков цвет, или щечки — аленький цветочек, точно так же свое идеальное низводили слишком прямо и непосредственно к простому материальному уподоблению красному цветку мака. Маков цвет должен был покрывать, как бы цветок на самом деле, только ягодицы щек; таким образом снегоподобная белизна должна была довольно резко освещаться ярким алым румянцем, который не разливался по всему лицу, а горел лишь на ягодицах. Очень понятно, что при таком сочетании на лице белого и красного цвета требовался и цвет волос на бровях и ресницах наиболее определенный, который как можно сильнее выделял эту писаную красоту всего лица. Конеч-

но, для такой цели ничего не могло быть красивее черных волос соболя, тонких, мягких, нежных, блестящих. Оттого соболю становится исключительным идеалом для характеристики бровей, и черная соболиная бровь, проведенная колесом, является необходимым символом красоты. Все это вместе служило самой выгодной обстановкой именно для светлости и ясности глаз. Ясные очи своим блеском, а вместе и взглядом, указывали идеал ясного сокола, который, по всему вероятно, и ясным обозначался тоже за особую светлость своих глаз...»

В то же время Н. Г. Чернышевский считал, что подобная манера краситься имеет восточное заимствование. «Красивая славянская организация, миловидное славянское лицо искажались сообразно восточным понятиям о красоте, так что русский мужчина и русская женщина, могшие следовать требованиям тогдашнего хорошего тона, придавали себе совершенно азиатскую наружность и совершенно монгольское безобразие.

... Не говорим о том, что иметь черные зубы считалось принадлежностью хорошего тона, — действительно, от белил, употребляемых нашими неиспорченными западом модницами, необходимо чернеют зубы — стало быть, иметь белые зубы может только женщина, не заботящаяся о своей красоте, не соблюдающая условий хорошего тона; а женщины хорошего тона румянились и белились без всякой умеренности, точно так же беспощадно сурмили брови и ресницы, — даже расписывали на лице жилки синей краскою, — все это и теперь можно видеть...»

Василий Осипович Ключевский предполагал, что этот обычай «... делал красивых менее красивыми, а дурных приближал к красивым и таким образом сглаживал произвол судьбы в неравномерном распределении даров природы. Если так, то обычай имел просветительно-благотворительную цель, заставляя счастливо одаренных поступать долей полученных даров в пользу обездоленных...».

По тем или иным причинам красились как знатные, так и простые женщины. Пользовались косме-

тикой дорогой — привозной и дешевой — отечественной. Румянец русский, кисейный, выделялся на кисее из сандала и назывался платеным. Иноземные румяна стоили в восемь раз дороже, нежели отечественные, но несмотря на это были очень широко распространены.

Во второй половине XVII века в Архангельск из Германии и Голландии в бочонках везли туалетные белила и кармин (красный краситель, добываемый из тел бескрылых самок насекомых — кошенили).

Таможенные книги по Устюгу свидетельствуют, что в 1675—1676 годах из Архангельска в Устюг привезли 9 дюжин «бочечек маленьких немецких», их делали из серебра или простого металла для хранения косметики. Спустя два года привезли 3 фунта «руменца», может быть, так называемого лекового (леко — натуральная кость, брусок, кубик). Были еще ступичные или ступочные румяна, их называли бакан турский, то есть турецкий. Бакан — в живописи ярко-красная краска.

Отечественные белила знали давно. Их готовили разными способами, например таким: тонкий листовый свинец свертывали в незамкнутую трубочку, ставили в горшок и заливали древесным уксусом. Если уксуса не было, раствор делали из дрожжей с добавлением меда. Выдержав в течение 15 суток, горшок открывали, и массу свинцовых белил протирали. На основании свинцовых белил, добавляя разные красители, составляли другие цвета.

В Москве белила и румяна покупали у торговых людей в белильных и овощных рядах в Китай-городе. Возле Лобного места, у Василия Блаженного, одно время толкались торговки, громко предлагая свой товар, например холст, а во рту держали колечки, чаще с бирюзой, тоже предлагая их продаже, с некоторыми можно было сговориться и на интимные услуги. А со второй четверти XVII века здесь установили белильный ряд, он располагался недалеко от собора Василия Блаженного, ниже Тиунской избы. Здесь торговали женщины «...белилы и румянцом, приносом в коробьях, накрывая в шалашах», то есть в не-

больших переносных шалашах, лавки здесь возвращались ставить. Каждой торговке под шалаш отводилось пространство в 1/2 сажени (сажень — 2,13 м).

В «Книге об устройстве торговых городских рядов» за 1626 год перечислялись владельцы «шалашей», в основном жены и вдовы стрельцов. В то время в рядах насчитывалось 1368 торговых мест, 541 место принадлежало мелочным торговцам, на 267 скамьях продавали фрукты, калачи и другой подобный товар, насчитывалось 62 бочечных места, где торговали квасом, а вот шалашей было 47, большинство из которых — 33 принадлежали торговкам белилами и румянами. А судя по тому, что даже немолодые горожанки, «с годами утратившие прелесть красоты», всю жизнь пользовались косметикой, торговля шла бойко. Потому и в XVIII веке белильный ряд не прекратил своего существования.

Товар на рынок поставляли мелкие кустарные производители. В переписной книге Москвы за 1670 год значится румянишник Тимофей. Он жил на Пятницкой, по «правую руку если ехать с Живого моста», и соседствовал с шатерным мастером, дьяком и пороховщиком. А на улице Чекенева проживал белильник Мелентий Микитин.

Крупными потребителями этого товара являлись царицы и царевны, опись хормных нарядов конца XVII века дает представление, в каких количествах и откуда в царских палатах появлялась косметика.

В Мастерских палатах Кремля исправно несли службу белильник и румянишница, то есть те, кто отвечал за наличие и изготовление белил и румян, предназначенных царице и царевнам. С 1629 по 1640 год белильником служил Микифор Карпов. Из царевой казны он получал деньги и отправлялся в Торговые ряды. Там в Овощном ряду, в белильном или в москательном, покупал румянец, а в описи позже записывалось: «Белильного ряда торговке Овдотьице Наумове дочери (выплатить) за 13 золотников (золотник равняется 4,266 г) румянцу по 8 денег за золотник; румянец взят к царице в хоромы. ...Овощного ряду торговому человеку Петрушке Иванову за фунт

белил да за 12 золотников румянцу ступочного 4 алтына, 4 деньги, а те белила и румянец к государыне царевне Ирине Михайловне в хоромы...»

Далее, по придворному этикету, румяна передавались тем, кто по службе входил в царевы хоромы — ларешнице, например, или «казначее».

Хранили белила и румяна в белильницах и румяницах, они представляли собой небольшие коробочки, обшитые золотом и серебром, низанные жемчугом, иногда серебряные, украшенные финифтью и камнями. Такие же коробочки служили для клеельницы и суремницы, в них держали клей для волос и сурьму для бровей.

В свою очередь эти коробочки «берегли» в ларцах, ящиках и шкатулках. Кроме них там лежали ароматница, разные бочечки, тазики, чашечки с необходимыми косметическими средствами: бальзамами и помадами, хрустальные скляницы с водами и водками.

У княгини А. Л. Воротынской имелся «ларчик черепажовый обложен серебром, а в нем две суремницы низанные, две белиленки серебряные». Жена стольника М. Ф. Ртищева Прасковья Семеновна являлась обладательницей «ларца кипарисового, оправленного серебром, а в нем белильница, румяница, суремница и клеельница серебряные, золочены...»

В 1685 году в декабре в хоромаш царевны Феодосии Алексеевны велели сделать два погребчика к 32 сулейкам (скляницам), один на четыре грани, другой «на шесть граней о 16 местах, где быть сулейкам».

Склянки, как и ларцы, изготовляли в дворцовых мастерских и привозили из-за границы. В казне царевны Ирины хранились шкатулки деревянные, расписанные золотом или оклеенные «червчатым» бархатом, созданные руками немецких мастеров. В них лежали флаконы — «скляницы» с оловянными или серебряными пробками-завертками «шурубцами». А в шкатулке Софьи Алексеевны хранился золотой ароматник, украшенный алмазами.

Несмотря на такую широкую популярность косметических средств, Церковь пыталась бороться с этим обычаем.

В педагогическом сочинении XVII века «Гражданство обычаев детских» о воспитании в христианском духе, написанном в виде вопросов и ответов, читаем:

«Вопрос. Каковы имуть* быти ланиты, или ягодицы**.

Ответ: Не натиранием, ниже*** присьстроеными**** красками мазаны, но прирожденным и естественным стыдом».

В 1656 году в памяти поповскому старосте Шенкурского острога Федору Прокопьеву об отправлении молебствий по случаю войны со Швецией и Польшей давались рекомендации о необходимости проследить за поведением прихожан в церкви во время богослужения: «... и пришед кто в церковь, православные Християне, мужы и жены, во время святого пения стояли в церкви со страхом и с трепетом и молилися Богу сокрушенным сердцем и смирением, кийждо о своем согрешении, а повестей бы излишних и мирских бесед и говор стоя меж собою в церкви не говорили и не смеялись; и жен в церковь в белилах пущать не велел...»

Считалось неприлично краситься вдове. Поэт, проповедник, общественный деятель, наставник царских детей Симеон Полоцкий (1629—1680) в стихотворении «Вдовство» писал:

Не имей раба красна пред тобою,
ни в красну ризу одежды (облекай) плоть твою;
В доме ти пиров да не сотвориши;
и на чуждые да не участиши;
Гусли ушью да не услаждают;
очи на землю твою да смотряют;
Ягодиц твоих да не румяниши,
бровей не черни, лица не белиши, —
Вся бо сия суть страсти буждение,
наводящая всех осуждение.

Протопоп Аввакум сурово обличал модников. «А прелюбодейца белилами, румянами умазалася, бро-

* Имуть — имеются.

** Ланиты, или ягодицы — щеки.

*** Ниже — и не.

**** Присьстроены — изготовлены.

ви и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны niskи, словеса гладки, вопросы тихи, ответы мягки; приветы сладки, взгляды благочинны, шествие по пути изрядно, рубаха белая, ризы красные, сапоги сафьянные. Как быть хороша — вторая египтяныня Петерфийна жена, или Самсонова Диалида... Посмотри-тко, дурка, на душу свою, какова она красна...»

В литературном памятнике XVII века «Беседа отца с сыном о женской злобе» отец, делясь с сыном своим жизненным опытом, рассказывает своему отпрыску: «Такоже и прокудливая (проказливая) жена нравом злее змия василиска, ибо прехитра себе украшает и опрятни сандалия обувает, и вежда (брови) свои ощиpltет, и духами учинит, и лице, и шью вапами повапит (красками раскрасит) и румяностию, и чернотию во очесех себе украсит, и в одеяние червленое себе облачает, и перстни на руке возлагает и верх главы своя златом и камением драгим украшает и на лукавые дела тщится».

Однако подобные сочинения и отношение в них к женщинам не имели равным счетом никакого значения в народном быту. Народ смотрел на женщину и на ее место в доме гораздо проще и трезвее. Родился человек мужиком на свет — значит, следует ему бабу достать да семью завести, а не умерщвлением плоти заниматься, просто работать и подати платить. Нужна хозяйка печь топить, корову доить, детей растить. Да к тому же он хорошо знает, что и само озлобление авторов всех этих трактатов не настоящее, а напускное и что на деле злобный отшельник далеко не прочь залучить в свою келью «повапленного (набеленного) аспида в опрятных сандалиях».

О том, что народ относился к косметике весьма терпимо, свидетельствует один небольшой эпизод.

В 1653 году в доме муромского воеводы на праздник собрались гости. Пришел и протопоп Логгин и, благословляя хозяйку, спросил: не белишься ли? Гости вместе с хозяином подхватили это слово и накинулись на батюшку. Так что же, что белится? Ты, протопоп, белила хулишь, а ведь без белил и образов не пишут. Рассерженный отец Логгин жестко возразил:

да если таким составом, каким иконы пишутся, ваши рожи намазать, так всем это, пожалуй, и не понравится. Слова-то справедливые, но от воеводы, который, вероятно, только и искал повода, чтобы насолить святому отцу, полетел в Москву донос к патриарху, что-де муромский протопоп Логгин хулит иконы.

Так что мужчины не выражали неудовольствия по поводу раскраски своих подруг и дочерей. Издавна было принято, чтобы жених дарил невесте перед свадьбой маленькое зеркальце, мыло, белила и румяна. Этот обычай сохранился в разных губерниях России до начала XX века, несмотря на то что очень многие женщины вовсе не красились.

В крестьянской семье женщины хоть и пользовались покупной косметикой, больше предпочтения отдавали травам да кореньям, обладающим косметическим эффектом. Узнать о них можно было заглянув в книги с описанием лечебных трав и способов лечения ими, в так называемые Травники и Зелейники, имевшие широкое хождение на Руси. Из них, а больше из домашней практики наши красавицы узнавали, что овсяная мука, смешанная с добрыми белилами и варенная в воде, делала лицо свежим и белым. «Гвоздика часто приятна — очам светлость наводит, мушкатный орех на тощее сердце прият утре (полореха) благолепие лицу наводит». Покупные румяна вполне заменялись бодягой, сухим корнем или свежими ягодами ландыша — ими натирали щеки, использовали свекольный сок, брови чернили (наводили) сурьмой или углем.

Глава 4

Ароматы кремлевских палат

Русские люди знали многие пряности и благовония. Пряности употреблялись в большом количестве во всякого рода «брашнах и снедах и во всяких питьях: в водках, медах и винах». Благовониями называли и спиртовые настойки на душистых растениях, и

ароматизаторы в виде «саше» (высушенные душистые корни и травы, которыми набивались красивые полотняные или шелковые мешочки), и курительные смеси. Но назвать обычай употребления всевозможных благоуханных вод распространенным было бы очень смело, еще Барберини в 1565 году писал, что сыскать душистых и хороших сортов ароматических вод вдовольном количестве в Москве трудно.

На московском рынке эти продукты появлялись в основном стараниями восточных купцов из Константинополя. Бухарские купцы привозили амбру, мускус и пряности, армянские везли ладан и благовония. Из Азии в Европу и Московию привозили мускус; русские купцы закупали его у татар и в XVII веке продавали во Францию.

В то же время в немалом количестве привозили их и европейские купцы — перекупщики. Значительные прибыли от торговли пряностями рождали жесткую конкуренцию среди купечества, рассказывали даже забавный случай, который произошел не позднее 1550 года, во время правления Ивана Грозного.

Некий польский купец, по имени Адриан, торговал в наших землях благовониями. Соперничал он здесь с еврейскими купцами и однажды коварным способом решил устранить конкурентов. Забальзамировав труп некоего казненного человека и уложив его в бочку, он продал ее как пряность купцам-евреям, направлявшимся в Московию. Через подручного сообщил на таможенню, что они повезут контрабанду. Не зная о подложенном трупе, купцы сказали при осмотре, что кроме пряностей у них ничего нет. Таможенные чиновники осмотрели товар и, открыв бочку, обнаружили мумию. Потрясенные увиденным, они лишились дара речи.

Адриан поспешил в Москву и, имея близкий доступ к царю, сообщил государю, что купцы-евреи развозят трупы в бочках по всему свету, чтобы травить христиан.

Неизвестно, насколько правдив этот рассказ, известно только то, что в это время еврейским купцам

запретили торговать в Московии. Так серьезный конкурент был устранен, Адриан наверняка заранее посчитал грандиозные барыши, которые ожидали его в случае удавшейся интриги.

В Архангельск прибывали корабли из Германии, Англии и Голландии, груженные пряностями и благовониями и разным галантерейным товаром: корицей и перцем, кардамоном и анисом, ладаном и сандалом, шпагами и винами, рукомойниками немецкими и очками, зеркалами и шляпами, паникадилами и погребцами для скляниц, мылом и деревянными белильницами. В выписях из Двинских таможенных книг (1654 г.) отмечено: «Пришел с моря Двинским Пудожемским устьем к Архангельскому городу на гальете галанские земли от города Амстердама торговый человек Андрей Логинов сын Гравин, корабельщик Индрик Корсен, 4 человека деловых... И галанец Андрей Гравин явил с тово гальета заморских товаров: 2 ящика ладану, 2 кули корицы, 7 мехов перцу черного...»

Восточные ароматы почитались во многих странах и преподносились в качестве очень дорогих и редких даров. Охота к редкостям, разным хитрым изделиям и курьезным вещицам распространилась среди нашей знати довольно широко. Так, для прогулок, услады глаз и обоняния при царском дворе устроили несколько хормных садов, где росли и плодовые деревья, и красивоцветущие кустарники: сирень, розы, пионы и гвоздика. Когда же время цветения проходило, наступала очередь вкушать наслаждение от привозных благовоний.

К тому же на Руси знали о благотворном влиянии запахов на организм человека. В XVII веке популярный медицинский сборник «Прохладный вертоград» в главе «О науке врача Моисея египтянина ко Александру царю македонскому» рассказывал, для чего и как надо совершать утренние омовения, чем чистить зубы и кроме всего прочего советовал: «... нюхай благоуханные запахи, подобны своему времени, занеже полезно душе и телу благоухание; и скрепится живот, и взвеселится сердце, и взволнется кровь в жилах».

Может быть, этим рекомендациям и следовали.

В августе 1603 года персидский посол Лачин Бек поднес Борису Годунову дары: драгоценные камни, ткани, великолепные ковры, отличный бальзам в золотых сосудах и благовонные коренья. В 1660 году ко двору царя Алексея Михайловича армянские купцы доставили «три сулейки вотки ароматные» и «12 золотников аромату восточного», «жаровню серебряную с сулейкой серебряною с ароматными духами». А в 1663 году индийские купцы поднесли ему «два сосуда масла душистого» и «2 свечки душистые».

Уроженец Курляндии Яков Рейтенфельс побывал в Москве в качестве посланника римского папы в 1670—1673 годах. Тогда рассматривались возможные пути к объединению католической и православной церковей. После поездки Рейтенфельс рекомендовал последующим посольствам уделять внимание тем вопросам и проблемам, которые больше всего интересовали нашего царя. Например, зная интерес русских к всякого рода новостям в области наук, он советовал «... сделать что либо полезное... для виноградников близ Астрахани, которые уже начали пропадать за отсутствием правильного ухода за ними...» или, используя новые достижения в механике и математике, попытаться поднять «громадный колокол в Московском Кремле».

В качестве царского подарка советовал привезти «подарок более ценный по своей замысловатости, нежели по стоимости, например... какие-нибудь благовония или курения...».

В то же время в Москве, вероятно, познакомились с благовонными водами европейского изготовления. Во Франции в XVII веке парфюмерия познала необыкновенный успех, это была эпоха сильных запахов, перебивающих запах тела. Любили тяжелые духи на основе мускуса, амбры* и цивета** с

* Амбра — вещество, образующееся в кишечнике кашалота, который регулярно выбрасывает его. Запах немного морской и слегка мускусный.

** Цивет или сивет — выделение желез внутренней секреции небольшого животного семейства виверровых, обитающих в Эфиопии. Запах очень сильный, но при смешивании с другими компонентами парфюмерных композиций теряет резкость и придает духам оттенки животного тепла и чувственности.

добавлением ароматов жасмина, туберозы и флердоранжа.

Красавицы двора Людовика XIV пользовались мазями с запахом ириса или употребляли испанские воски на основе жасмина. Всеобщее увлечение благовониями привело к тому, что духи делали в домашних условиях. В 1680 году в Лионе свет увидела книга под названием «Французский парфюмер».

При дворе московского государя и в его окружении, среди знати и в привилегированном купечестве XVII века ароматы знали и любили, но дороговизна таких изделий (вод или «саше») не позволяла им широко распространяться в обществе.

В кремлевских палатах для придания воздуху приятного запаха употреблялись курения из различных благовонных составов и ароматных вод. Долгие зимние вечера коротали за игрой в «тавлеи» — шашки или шахматной партией. Минуты раздумий растворялись в сладком душном тепле, пропитанном ладаном или ароматом розы. В то время на половине царевен под неторопливый рассказ няньки, гомона щеглов и снегирей или пронзительных криков попугаев, завезенных впервые еще в XV веке, девушки неспешно вышивали, окутанные собственными фантазиями и ароматами благовоний. Курили, то есть сжигали ладан, или кропили помещение ароматными водами, настоящими на розе, амбре и мускусе.

Ароматические воды, эссенции и духи изготавливались для Московского Кремля в Аптекарской палате. Рецепты их приготовления были известны по европейским изданиям. Редкие снадобья и различные составляющие для лекарств везли из-за границы. В 1645 году немецкий купец Петр Матвеев вывез «из ганстинские земли аптекарские всякие запасы, масла и водки, и сахара, и спирты, и цветы, и травы, и семена, и коренья, и пластыри, и мази, и скляницы».

Травы выращивали в Москве на аптечных огородах, главный располагался под кремлевской стеной, на Москве-реке, другой у Мясницких ворот, третий в Немецкой слободе. Аптечные огороды находились под управлением иноземных ботаников (огородни-

ков), им помогали местные работники. На главном аптечном огороде устроили особую «поварню» (кокторию), в которой дистилляторы ведали «всякое водочное и спиртовое сидение», а равно «всякие травы, цветы, корни и семена».

Травы, что росли в подмосковных лесах, пригодные для аптечных нужд, собирали простые крестьяне. Сохранились записи, подтверждающие такой сбор в августе 1672 года. Тогда заготовили тимьян, базилик, майоран «в хоромы для духов».

Дворцовые записи рассказывают о модных в те времена благовониях, которыми окуривались царские покои. Отметки, сделанные в сентябре 1673 года, упоминали ладан, его в количестве полфунта употребили к «топлям» в Золотую палату цариц.

Большой популярностью пользовалась гуляфная, то есть розовая вода (от персидского слова «гуляф» — роза, розан, шиповник). Готовили ее так: к 2 фунтам свежесобранных лепестков розы добавляли 4 фунта воды и оставляли на сутки. После чего при помощи перегонного аппарата (который к XVII в. уже свободно продавался в европейских аптеках) получали 2 фунта розовой воды. Затем давали бутылки постоять несколько дней открытой, после чего закупоривали.

На спиртовой основе розовую воду делали почти так же: к 2 фунтам розы добавляли не воды, а 5 фунтов винного спирта и давали сутки настояться, после чего методом перегонки получали те же 2 фунта розовой воды.

Не менее расхожей являлась амбровая эссенция, по одному из рецептов она представляла собой спиртовую настойку левкоя, к которой в определенных количествах добавляли серую амбру.

Кроме воскурений в царских покоях витали запахи ароматизированной одежды, то были разные смеси из редких ароматов. Так, в одном из рецептов, написанных доктором Розенбурггом (он в то время врачевал обитателей кремлевских палат) в 1673 году, порошок составили из смеси ладана, бензойной смолы, стиракса (у этих смол сладкобальзамический запах),

корня флорентийского ириса (напоминает аромат фиалки), мускуса, амбры и цивета.

Московские вельможи не отставали от своего государя. У князя В. В. Голицына в двух атласных, цветных, обшитых кружевами подушках хранились «духи трав немецких». Речь идет о «саше», привезенном купцами из Германии.

К тому же модники питали слабость к маленьким изящным вещицам, в которых держали ароматические вещества, будь то сухие травы или ароматные воды. Всякие коробочки, флакончики и курительницы нередко оказывались настоящим произведением искусства и расценивались как часть богатого дворцового интерьера.

Ароматники из хрусталя и яшмы, шкатулки со стеклянными и фарфоровыми пузырьками, наполненные духами, привозили царю посольства из Ирана и Турции. Серебряные и медные курительницы в царских покоях изготавливали кремлевские мастера в виде чаш, или в виде затейливых фигур, или в виде «гор курительниц». До наших дней их сохранилось немного, в XVII веке во время польской и шведской интервенции царская казна была разорена и опустошена.

Сегодня в Оружейной палате можно увидеть три большие курительницы, они выполнены гамбургскими серебряниками из позолоченного серебра и представляют собой крутые горы с замками на вершинах. Подступы к крепости охраняют сторожевые башни и островерхие скалы. Скалы укрывают небольшие жаровни, куда на раскаленные угли лили ароматные масла и бросали благовонные травы. Впервые эти курительницы упоминаются в описях Казенного двора 1634 года.

В описи предметов комнатного обихода царевича Алексея Алексеевича упоминаются серебряные зубочистки, хрустальные зеркальца, ароматники (флаконы) серебряные и многое другое. Подобные вещицы создавались руками славных мастеров; ароматницу «золотую с финифтью... в чепи золотой витой и с кольцом, к ароматнице...» изготовил в 1623 году мас-

теровой Христофор Григорьев, и в то же время мастер Павел Климов позолотил «белиленку серебряную резную с чернью...». В 1679 году для царя Федора Алексеевича было изготовлено двенадцать ароматников, в апреле 1680 года еще шесть ароматников слоновой кости, в августе из рыбьей кости, их сделал мастер костяного, янтарного и часового дела, немец Иван Ган.

В 1676—1677 годах смастерили для государевых хором три кипарисовых ларца. Верхние крышки для них надлежало выполнить «теремком» да вызолотить металлическую оправу, которой должны быть окантованы ларцы, а в этих самых крышках-«теремках» сделать «тайно ароматники».

В 1679 году Федору Алексеевичу в «хоромы сработали двенадцать ароматников одинаковых да два больших о шести мест, розвертные; еще шесть ароматников слоновой кости больших, четыре тройных, два одинаких; еще деланы роматники розвертные осмертные, шестерные и тройные из рыбьей кости».

ИЗ ТЕРЕМА НА АССАМБЛЕЮ (первая половина XVIII века)

Глава 1

От ферязей и опашней к камзолам с золотым галуном

XVII век близился к своему завершению. Поведение и проделки юного царя Петра Алексеевича, разительно отличавшиеся от манер московского боярства, вызывали в обществе недоумение и кривотолки. Могли ли догадываться мамки да няньки, что пройдет совсем немного времени и их чада напялят на себя «поганые» платья иноземные, в которых только что срамиться, парики пудренные приладят и глаза свои поднимут дерзко, без стеснения. Нет, в те годы таких помыслов не было. Все текло по-старому, по-обычному: пили квас, а кто побогаче вина привозные, женщины утешались жемчугом да камнями драгоценными, вышивали, сплетничали, уютно ощущая себя в сарафанах и летниках. Мужья и отцы, что при деньгах да щеголеватые, нашивали кафтаны с высоким козырем, который украшали золотой или серебряной нитью и искусной вышивкой, покупали себе и европейское платье, многие находили его удобным.

И казалось, ничто не предвещало каких-либо изменений в давно сложившемся и привычном укладе русской жизни. Удар по этим порядкам был нанесен с самого верха, откуда ожидать его не могли. Все началось с поездки Петра Алексеевича за границу в 1697—1698 годы.

Подобное путешествие для русского царя представлялось по тем временам явлением совершенно неслыханным. Считали, что ему негоже покидать свои палаты, а коли уж нужда такая появится — можно и бояр послами снарядить. В народе не могли поверить в безопасность государя в такой поездке, и случайно тогда утвердилась легенда, что царя в Европе украли. Якобы в Стокгольме его замуровали в столб и спрятали. Вместо него подсунули басурмана и Антихриста. Подтверждали сказанное тем, что, вернувшись, Петр Алексеевич устроил массовую казнь участникам стрелецкого восстания, а затем ввел иноземные обычаи и моды.

Европа удивила Петра и видом городов, и обликом жителей, бытом и нравами, многое понравилось ему, и многое захотелось изменить у себя дома. Справедливости ради, надо сказать, что и до поездки Петр Алексеевич был знаком с европейскими жителями, часто наведывался в Немецкую слободу, видел, как разительно отличался дом обрусевшего европейца от русского, слушал рассказы о жизни в других краях своих учителей, а в будущем сподвижников — шотландца Патрика Гордона (1635—1699) и швейцарца Франца Лефорта (1655/56—1699). Уже тогда Петр часто носил европейскую одежду, чем вызывал недовольствие бояр. Говорили, что будто после смерти матери, царицы Натальи Кирилловны, в 1694 году патриарх Адриан выговаривал Петру относительно немецкого платья. Царь огрызнулся, посоветовав патриарху не о портных заботиться, а о делах церковных.

Что же касается бранобрития, то в самом начале своей заграничной поездки Петр Алексеевич обмолвился, что изведет в России этот обычай. Так что преобразования скорее всего были вызваны не столько увиденным в Европе, сколько появились вследствие общения с обитателями Немецкой слободы.

4 января 1700 года вышел указ, предписывающий мужскому населению «на Москве и в городах», исключая духовенство и крестьян, «для славы и красоты государства и воинского управления», носить иноземное платье на манер венгерского. По своему

свободному крою оно походило на русскую одежду. Для наглядности у Кремля выставили манекены в новом костюме.

Если придворных обязали исполнить указ, во избежание гнева царя и невзирая на свое отношение к новым модам, то в общей массе знать не торопилась отказываться от привычных одежд. Сохранилось коротенькое письмо А. А. Курбатова к царю от 20 марта 1700 года, в котором он просил печатное подтверждение указа, поскольку тот слабо приводился в исполнение и многие люди считали, что все останется по-старому.

20 августа 1700 года последовал другой указ, который обязывал даже крестьян носить венгерскую и немецкую одежды. Последним сроком для исполнения его назначалось 1 декабря 1700-го, а для женщин 1 января 1701 года. У застав выставили образцы нового покроя — доказательство того, что в новую одежду надлежало облачиться всем и повсеместно. В особом январском указе 1701 года подробно описали вид одежды, ее отдельные части.

В русской одежде запретили появляться в обществе, а «мастеровым» наказали ее «не делать и в рядах не торговать». Неподчинение указу каралось штрафом. Особое внимание уделили парадной одежде, дабы русский двор не уступал в пышности дворам европейских монархов. Платья надлежало шить из дорогих парчовых тканей по последней французской моде.

Надо заметить, что сам Петр Алексеевич не являлся рабом условностей и этикета, не любил носить парик и кружева, был бережлив в личных расходах, раздражался чопорным этикетом австрийского двора и излишествами французского. Симпатии Петра Алексеевича тяготели к Голландии и Северной Германии, где к французской моде относились весьма сдержанно. И это при всем том, что ближайший друг — Франц Лефорт, имевший на него немалое влияние, слыл отпетым щеголем. Европейцы, представленные русскому посольству, рассказывали, что Лефорт носил великолепное платье, выписанное,

по-видимому, из Франции и щедро украшенное драгоценностями.

Переход к новой одежде оказался делом непростым, старое боярство упрямо не хотело принимать этих нововведений; молодежь (с одной стороны) с радостью погружалась в стремительный водоворот новой удивительной жизни, но (с другой) жила с оглядкой на родителей. Молодые люди, возвращаясь после обучения из-за границы, не осмеливались сразу носить европейскую одежду, боялись насмешек родни. Даже в Москве новые моды устанавливались три года, а в провинцию она проникала гораздо медленнее.

В среде небогатого дворянства переход к новому костюму был тяжелым из-за имущественного положения, сменить весь гардероб за короткое время не удавалось. Немаловажное значение для быстрой смены одежды имело и искусство портных. Дворовые портные и вольные мастеровые не умели, а иногда и не хотели шить по новому образцу. Этим искусством они овладевали медленно, а иногда платья шили так плохо, что приходилось издавать указы об их клеймении. И даже спустя много лет встречались платья, сшитые неумело и небрежно, хотя из очень дорогой, красивой ткани.

Повседневная жизнь щеголей и франтих петровской эпохи разительно отличалась от предшествующей. Если раньше моднику достаточно было облачиться в богатые одежды да украшения, то теперь новый покрой платья требовал обучения иным манерам и иному поведению. Простой четкий силуэт мужского кафтана, сшитый из сукна, как бы «оголял» фигуру, делал слишком заметным неловкий жест или некрасивую осанку. Модникам надлежало не столько явить взорам современников дорогое платье, сколько показать личные достоинства, свое умение галантно, с достоинством поклониться, элегантно стоять, легко оперевшись на палку, непринужденно поддерживать беседу, быть интересным собеседником и изощренным на веселую выдумку хозяином гостеприимного дома.

В более сложном положении оказались дамы. Им предстояло для начала побороть стыдливость (кому она была присуща) — платье оголяло шею и руки, и уже потом научиться грациозно двигаться, выучить языки, начитаться «модной» литературы и разговаривать не кривляясь — просто, остроумно.

На помощь молодым людям пришло нехитрое руководство по этикету под названием «Юности честное зеркало», в котором пункт за пунктом объяснялось, что в приличном обществе принято, а что нет. Так, этикет напоминал, что, сидя за столом, «не прилично им (юношам. — *Ред.*) руками или ногами... колобродить, но смиренно есть. А вилками и ножом по тарелкам и по скатерти или по блюду не чертить, не колоть и не стучать, но должны тихо и смиренно, прямо, а не изобоченясь сидеть...

В разговорах уметь слушать, быть вежливым...

Еще же zelo непристойно, когда кто платком или перстом в носу чистит, яко бы мазь какую мазал, а особливо при других честных людей...».

И тому подобное...

Кстати, не только в России выходили подобные руководства. Невоспитанных дворян хватало и в хваленной Европе, и в свое время некоторым монархам также приходилось обучать хорошим манерам своих подданных. В 1624 году при венском дворе «ходило» предписание для младших офицеров, в котором указывалось, как подобает вести себя в присутствии императора и как следует держаться за столом. «...Не должны входить полупьяными... За столом не должны качаться на стульях, или потягиваться на них, или вытягивать ноги во всю длину... Не должны лезть руками в блюдо и бросать кости под стол. Не должны облизывать пальцев, выплевывать на тарелки, а равно утирать нос о скатерть. Не должны так скотски напиваться, чтобы валиться со стула...»

Но вернемся к нашим проблемам. Наука этикета постигалась с трудом, в 1716 году ганноверский резидент Христиан Фридрих Вебер писал: «Я видел много женщин поразительной красоты, но они не совсем еще отвыкли от своих старых манер, потому

что в отсутствие двора (в Москве) за этим нет строгого наблюдения. Знатные одеваются по-немецки, но поверх надевают свои старые одежды, а в остальном держатся еще старых порядков, например, в приветствиях они по-прежнему низко кланяются головой до самой земли. Те русские женщины, которые, побывши с мужьями своими за границей, возвратились в Москву, бросают здесь заимствованные ими в чужих странах обычаи, не желая, чтобы старики смеялись над ними.

В Петербурге же, напротив того, по строгому приказу обычаи эти удерживаются».

Переменить платье легче, чем отвыкнуть от старых привычек. И если костюм русского модника уже ничем не уступал по своему изяществу европейским образцам, то манеры оставляли желать лучшего. Вебер говорил, что женщины в общении с посторонними и иностранцами «до сих пор еще дики и свое нравны, что одному известному немецкому кавалеру пришлось дознать собственным опытом. Когда ... он пожелал было поцеловать у одной девицы руку и награжден был за это полновесною оплеухою».

Такие случаи происходили, конечно, не часто. Да и в разговоре с ганноверцем бойкие хорошенькие девицы быстро освоились. Болтливые франтихи с любопытством расспрашивали Вебера, как там в немецких землях живут их сверстницы, «в таком ли они гнете и унижении, в каком содержатся в России?». Когда же учтивый собеседник дал исчерпывающий ответ на волновавшие их вопросы, начали «вовсе не тихо» говорить, «как бы желали они выйти замуж в тех немецких землях...».

Из-за «слабости женского пола до элегантных кавалеров» и не вышло послать девиц за границу. Была такая идея — по примеру их братьев и за счет родителей послать девушек на хлеба к кому-нибудь в Кенигсберг, Берлин, Дрезден или в другие города для обучения иноземным нравам, языкам и рукодельям. Но родители стали возражать, говорили, что эти юные красотки не устоят перед иноземной галантностью и честь свою подвергнут опасности. Правда,

подвергнуть свою честь опасности можно было и не выезжая в Европу.

Все изменилось в облике наших дам по сравнению с прошлым веком. Костюм, вводимый Петром Алексеевичем, стал полной противоположностью своему предшественнику. Он сложился под влиянием преимущественно французского дворянского костюма XVII века. Ему были присущи величественность и торжественность, свойственные стилю барокко — одному из главных стилевых направлений в искусстве Европы конца XVI — середины XVIII веков. К началу XVIII века костюм получил общеевропейское признание и в упрощенном виде оказался в гардеробе горожан различных сословий. И в то же время в каждой стране он имел свои отличительные особенности. Единым являлся крой костюма, его силуэт.

Он состоял из корсажа-корсета, который надевался на льняную рубашку и плотно схватывал стан при помощи шнуровки, у нас его так и называли — «шнурование». В швы корсажа вставляли косточки китового уса, которые не позволяли фигуре сгибаться и придавали ей горделивую осанку. Корсажи обтягивали дорогой шелковой тканью, носили с разными юбками и распашными платьями. В зависимости от моды их украшали позументом, кружевами, пуговицами и шнурами. Корсажи подчеркивали прелесть тонких талий, а открытые по моде того времени шея и грудь — изящество и грациозность дамы, короткие до локтя рукава — белизну и нежность рук.

Надо сказать, что в XVIII веке роскошные женские формы считали красивыми, никто не изнурял себя диетами, вкушали много и с удовольствием. Представить, как порой затруднительно оказывалось пышнотелым модницам стянуться корсетами, сегодня почти невозможно. История не донесла до нас каких-либо курьезов, связанных с этой деталью женского туалета, о них теперь остается только догадываться.

Впрочем, сохранился рассказ о том, как Петр Алексеевич, танцуя с немецкими дамами, принял

конструкцию корсажа за их ребра. И опрометчиво, вслух выразил свое удивление, заметив, что у «дам чертовски жесткие ребра».

В скором времени привыкли и к корсажам, и к широким круглым юбкам со специальными каркасами. Зимой юбки для тепла сажали на вату, нарядные парадные платья отличались необыкновенной роскошью. Галун — золотая, серебряная или мишурная лента узорного ткачества или кружевного плетения — превращал костюм в очень дорогостоящее изделие. Если в начале века модники удерживались рамками обычая и украшали его сравнительно небольшим количеством галуна, то два-три десятилетия спустя камзолы и женские платья буквально горели золотой отделкой.

Одеться со вкусом в непомерно дорогие платья, щедро украсить драгоценностями, как и раньше, оставалось основной заботой наших знатных красавиц. Жена Петра, милая его сердцу Екатерина, не меньше, чем другие, была обеспокоена своим туалетом. Отпуская супруга за границу, она просила купить редкие в России украшения для костюма.

7 апреля 1717 года Петр Алексеевич писал домой из Брюсселя: «...Посылаю к тебе кружива на фонтанжу* и на агаженты**; а понеже здесь славные круживы всей Эуропы и не делают без заказа, того для пришли образец, какие имена или гербы во оных делать».

Екатерина незамедлительно отвечала ему, извиняясь за причиненные хлопоты: «...Особливо благодарствую за присланные кружива брабанские, которые я також в целости получила. А что изволили вы милостиво ко мне писать, чтоб прислать обрасцы, какие мне еще надобны кружива; и хотя я и не хотела тем затруднить вашу милость, однакож при сем образец посылаю и прошу против оного приказать зделать на фантанжи, толкоб в тех круживах были зделаны имена ваше и мое, вместе связанные...»

Самые модные и самые дорогие туалеты и украше-

* Фонтанж — головной убор.

** Агаженты — отделка платья на груди и манжеты на рукавах.

ния быстро попали в шкафы и шкатулки богатых щеголих, и диадемы на свои хорошенькие головки нацепили, и бриллиантами увесились так, что от царицы не отличишь! А поскольку далеко не все придворные отличались тактом и сдержанностью в проявлении вкуса и достатка, государственным указом определили, что алмазные головные венцы должны украшаться бриллиантами только с одной левой стороны. И запретили украшать платья мехом горноста, его красота осталась доступна только лицам императорской фамилии.

Это решение не сделало наряды модниц менее эффектными. В 30-е годы XVIII века английский посол Клавдий Рондо писал на родину: «Не могу выразить, до чего доходит роскошь двора в одежде; я бывал при многих дворах, но никогда не видел таких ворохов золотого и серебряного галуна, нашитого на платья, такого обилия золотых и серебряных тканей».

На смену ботиночкам и сапожкам пришли остроносые туфли на высоком каблуке. Походка наших модниц изменилась, она стала легче, свободнее. Туфли шили из разных материалов: для улицы и повседневного употребления — из кожи, нарядные и для домашнего пользования — из парчи, атласа и бархата.

Важной деталью к женскому платью и всему женскому облику являлся веер. Расцвет расписных вееров пришелся на эпоху «короля-солнца» Людовика XIV и Людовика XV, то есть на вторую половину XVII — середину XVIII века. В то время на пергаментные веера наносили рисунки гуашевыми красками, на них преобладали китайские, галантные версальские и греческие мифологические сюжеты, в XVIII веке появилось множество изящно трактовавшихся библейских и пасторальных сюжетов. Над каждым веером трудилось сразу несколько специалистов: резчики, позолотчики, ювелиры и живописцы.

В Россию привозили веера, созданные руками саксонских, итальянских и французских мастеров, вееров подлинно русской работы было немного. Веера императриц и богатых придворных делали на золотых остовах, украшая их драгоценными камнями. Придвор-

ные мастера заранее оговаривали со своими заказчиками рисунки. Так, на веере Анны Иоанновны художник изобразил императрицу, одетую в немецкое придворное платье, окруженную греческими богами, статуей Правосудия с мечом и весами. На другом веере он запечатлел эпизод сражения русских и турецких войск на фоне гористого пейзажа с крепостью.

Модницы покупали веера, сообразуясь со своим вкусом и достатком. Дома предстояло научиться легко и непринужденно пользоваться им, разучить его «язык», без знания которого в «приличном» обществе и делать нечего. О «языке» веера мы расскажем в следующем разделе.

Заботы наших красавиц о туалетах год от года становились сложнее, в эпоху охабней и сарафанов о них не ведали. Раньше ведь как было: покупали в рядах понравившуюся материю и давали распоряжение домашним мастерицам, что да как раскроить да пошить. Теперь не так. Разве сравнится домашнее рукоделье с французским туалетом, купленным в Париже или еще каком европейском городе! Туфельки, чулочки, веера, тесьму — все надлежало купить за немалые деньги на родине Моды. Правда, на помощь франтихам уже спешили суда иноземных купцов с надлежащим товаром, а ремесленники и мастеровые люди из Германии или Голландии уже открывали свои мастерские по изготовлению всех этих модных безделиц. Но как станет обидно, если подружка в привезенном платье перещеголяет ее туалет. Надлежало во что бы то ни стало уговорить мужа или батюшку купить в Европе самое новомодное и самое дорогое платье.

Мужчины тоже не остались в стороне от причуд моды. Их одежда своеобразно подчеркнула изменения жизни своего владельца. Он уже не тот прежний боярин, сановито заседающий в богато убранных палатах, — он человек легкий на подъем, галантный кавалер и за столом, и в менюэте, ему и седло, и карета привычны, а потому платье его простое и удобное.

Мужской костюм состоял из рубашки, камзола, кафтана, коротких штанов, чулок и башмаков. Однобортный, прилегающий в талии кафтан доходил лишь до

колен. В боковых швах кафтана и на спине делали разрезы, чтобы шпага, символ дворянского достоинства, не топорщила одежду. Рукав заканчивался обшлагом, воротника, как правило, не было. Повседневные кафтаны шили из суконных тканей, а парадные — из шелковых, парчовых и бархатных. По швам его отделявали золотым или серебряным шитьем, украшали галуном, драгоценными камнями и многоцветной вышивкой. Шили и теплые кафтаны, их подбивали мехом. Причем дорогим, к примеру собольим. Украшали те детали кафтана, что «покажут» мех снаружи, на спинку и рукава «пускали» недорогие меха.

Модники застегивали кафтан на верхнюю и среднюю пуговицы, чтобы продемонстрировать камзол, который почти полностью повторял крой кафтана. Его шили из тех же тканей, что и кафтан, и пришивали длинные узкие рукава. Нарядные концы галстука кисейного, батистового или кружевного мужчины щеголевато выпускали поверх камзола.

Рубашку до 20-х годов XVIII века шили без воротника из белой полотняной или льняной ткани, с прямым разрезом на груди. Потом разрез этот обшивали оборкой, получившей название — жабо. Это самое жабо, в конце концов, и заменило красивые концы галстука, и последний стал просто наматываться вокруг шеи. Рукава рубашки заканчивались манжетами, кружевными или полотняными, которые выпускали из-под обшлагов. Штаны шили до колен из той же ткани, что и верх костюма.

Из отчетов о Великом посольстве узнаем, что и посла и их свите платье шили на казенный счет. В Гааге на аудиенции у высоких особ поначалу русские послы предстали перед взорами европейцев в национальном платье, но по приезде в Амстердам поспешили переодеться в европейское. Закупили перчатки, чулки и башмаки с пряжками, шляпы и шпаги, манжеты и галстуки, «накладные волосы кавалерские» — парики и, конечно же, сукно и «золотую материю», из которых местные портные сшили кафтаны. Тогда же в торговом ряду выторговали для третьего великого посла П. Б. Возницына золотой пояс, который так понравился Петру, что был им «перехвачен».

Когда началась подготовка к отъезду в Англию, сшили новые суконные платья, а к ним приладили «ленты залотные с кистями, что бывают на плече», что-то вроде аксельбантов, купили «мелочевку» для отделки, теплые одежды и меховые «муфи», то есть муфты или рукава выдровые, бобровые, волчьи и лисьи.

Очень скоро Петр Алексеевич от европейца уже не отличался. Он облачился в узкий камзол с наглухо застегнутыми пуговицами и с длинными рукавами — так одевались все зажиточные и степенные горожане Амстердама. А для работы приобрел удобную куртку — босторг, с которой не расставался. Подобные свободные по силуэту просторные куртки сделались в России очень популярными.

Незаменимыми оставались плащи — и накидной, и с рукавами. Зимой же носили шубы, как «старомаernerные» — русские, так и европейского типа.

В первой четверти XVIII века в мужском гардеробе появился сюртук. Его кроили немного длиннее кафтана, прямым и двубортным с отложным воротником. Повседневный суконный надевали вместо кафтана, нарядный подбивали мехом, иногда украшали галуном или нашивками.

Причем модники теперь размышляли не только над тем, какие ткани купить, но и задумывались над цветом и сортом материи, чтобы «вписаться» в окружающую обстановку — негоже на природе и в городе носить одно и то же. Надлежало учесть и свой возраст, и не позориться «молодежными» расцветками, подобрать ткань к лицу и т. п.

Русский поэт и дипломат Антиох Кантемир (1708—1744) в «Сатире II. На зависть и гордость дворян злонравных» писал:

Деревню взденешь потом на себя ты целу.
Не столько стало народ римлянов пристойно
Основать, как выбрать цвет и парчу стройно,
Сшить кафтан по правилам щегольства и моды:
Пора, место и твои рассмотрены годы,
Чтоб летам был цвет, чтоб, тебе в образе,
Нежну зелень в городе не досажал глазу,
Чтоб бархат не отягчал в летнюю пору тело,
Чтоб тафта не хвастала среди зимы смело ...

На современном языке это звучит так: щеголи тех лет изрядное количество денег переводили на свои туалеты, иногда на них можно было купить целую деревню. Вергилий в «Энеиде» писал, что много усилий положили на «организацию римского племени», а нашему франту потребовалось еще больше труда для того, чтобы подобрать ткань для платья — «чтоб летам сходен был цвет», то есть подходил по возрасту, чтобы он шел к лицу.

«Щегольские правила требуют, чтоб красный цвет, а наипаче шипковый не употреблять тем, коим двадцать лет минули; чтоб не носить летом бархат или зимой тафту, или в городе зеленый кафтан, по-неже зеленый цвет в поле только приличен...»

Кстати, о приличии цвета — пройдет немного времени и граф Э. Миних в своих «Записках» (1707—1788) отметит, что «даже седые старики в те годы... не стыдились наряжаться в розовые, желтые и попугайные цвета».

Петровская эпоха привила русским модникам особую страсть к заграничным поездкам. Тяжесть дороги сполна окупалась тем вниманием, с которым встречали его по возвращении на родину. Некоторые молодые богатые щеголи вместо познаний в науках привозили горы барахла: платья и кружева, духи и помады, шляпы и башмаки, тончайшие носовые платки и тому подобную мишуру. Модники, встречавшие их дома, с прилежным вниманием, как урок, выслушивали рассказ своего знакомца о том, «как да что носят в Европе», «да с чем», как разговаривают и пьют кофе, да как любезничают с дамами.

Большим франтом в Петровскую эпоху был светлейший князь Александр Данилович Меншиков (1673—1729). Судьба подарила сыну придворного конюха умопомрачительную карьеру. Сподвижник русского государя, крупный военачальник, генералиссимус, президент Военной коллегии, а после смерти Петра Алексеевича фактический правитель государства, Александр Данилович питал немалые пристрастия к драгоценностям и роскошной одежде.

Когда в 1728 году, в связи с его арестом, описыва-

Торжественное платье князя. XI век.

Украшения древних русичей: бармы, монисто, короны, колты.

Платье князя. XIII век.

Колты, в круглом —
емкость для
(предположительно)
ароматов.

Фрагмент курильницы
в виде головы барса. X век.

Сосуд-масленка. XIII век.

Икона-образок. XIV век.

Кадило. XVI век.

Царское облачение государя Алексея Михайловича. XVII век.

Нарядное
платье
царевны Марфы
Матвеевны.
Конец XVII века.

Серьги
с подвесками.
*Конец
XVI—XVII век.*

Пуговицы-украшения.
XVII век.

Золотая застежка.
XVI век.

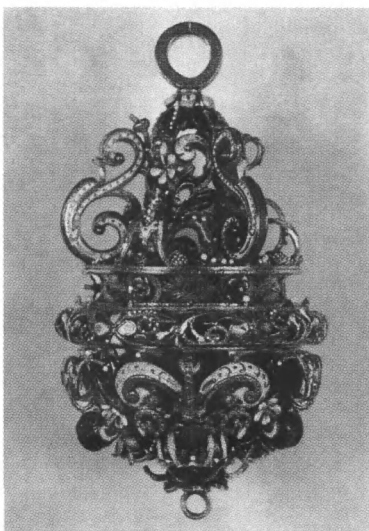
«Терем царевен».
С картины
М. П. Клодта.

«Гора-курильница». XVI—XVII века.

Парфюмерный флакон. XVII век.

Парфюмерный флакон
(«развертный»). XVI век.

Костюм Петровской эпохи. Франц Лефорт.

Карикатура на парикмахера
и его клиента. *XVII* век.

Нарядное платье дамы.
Первая половина
XVIII века.

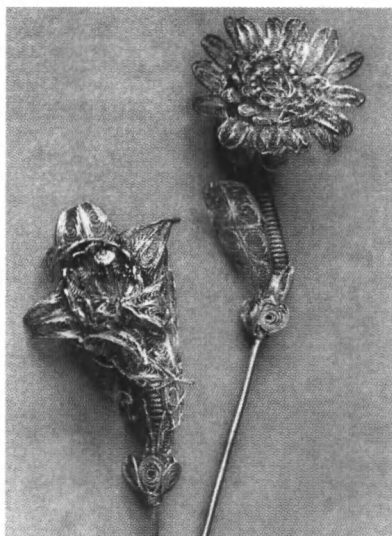
Модели
высоких причесок
и карикатуры на них.
XVIII век.

Портрет неизвестной в русском наряде (кокошник, расшитый жемчугом, жемчужные серьги и бусы). XVIII век.

Парфюмерный флакон с фамилией владельца. Русская частная фабрика. *Середина XVIII века.*

Шпилька в виде цветков на стебельках-пружинках. *Вторая половина XVIII века.*

Веера. *Вторая половина XVIII — начало XIX века.*

Табакерки. Работа европейских мастеров. Вторая половина XVIII века.

Несессер. Работа европейского мастера 1765 года.

Шеголь и модница.
Конец XVIII века.

Карикатура на дам
в «античных» туалетах.
XVIII век.

ли княжеские «пожитки», количество платья оказалось настолько велико, что посчитали «лишними» и, следовательно, подлежащими конфискации 13 пар кафтанов и штанов, сшитых из бархата и сукна различной расцветки, 6 телогреек, 147 рубак без манжет и с кружевными манжетами из голландского полотна, около 50 кружевных и кисейных галстуков, 55 простых и шелковых чулок и 25 париков.

Немало еще и осталось, ведь перечислено лишь то, что подлежало изъятию. Вот что значит щегольство!

Если платье для наших героев стояло всегда на первом месте, то это вовсе не значит, что остальные детали туалета уступали костюму по своей значимости. Обувь, к примеру, требовала от щеголя не меньшего внимания. В Петровскую эпоху мужчины носили тупоносые башмаки, с высоким каблуком и толстой подошвой, их украшали пряжка и большой кожаный язычок.

Сапоги со шпорами, как часть костюма военного, не могли выйти из обихода и довольно широко распространились среди молодежи. В руководстве «Юности честное зеркало» молодым людям напоминали: «Непристойно на свадьбе в сапогах и острогах быть, и тако танцевать, для того что тем одежду дерут у женского полу, и великий звон причиняют острогами, нежели без сапогов».

Причем, как и сто лет назад, красивой казалась узкая ступня, сильно стянутая башмаком. Кантемир напишет по этому поводу:

...Нога жметса складно
В тесном башмаке твоя, пот с слуги валитса,
В две мозоли и тебе краса становитса;
Избит пол, и под башмак стерто много мелу.

«Пот с слуги валитса», поскольку ему, бедному, приходится приложить массу усилий, чтобы вдеть ногу хозяина в тесную обувь. Подобная красота обойдется ее владельцу в пару мозолей, но щеголь готов потерпеть. Заведомо маленький, не по размеру подобранный башмак надеть так трудно, что приходится бить ногой об пол, чтобы «вдаться в него», следовательно, «избит пол». Но эти усилия напрасны, ибо слишком

мал башмачок. И от этих ударов об пол он не надевается, а скользит, потому подошву и натирают мелом. Будет «пот струиться» после такой работы!

Жизнь модников вообще сопряжена с большими трудами: выучить модные движения перед зеркалом, модные выражения, удивить знакомых какой-нибудь необычной и дорогой безделицей — новой помадой с популярным в Париже ароматом, или тростью — палкой с красивым набалдашником, или чем-нибудь еще... И, уж конечно, не пропустить мимо ушей слух о хорошем портном или сапожнике. Эти умельцы вызывали несравненно больший интерес, чем произведения Вергилия или Цицерона. Кантемир, глядя на современные нравы, сокрушенно вздыхал:

Пред Егором двух денег Вергилий не стоит,
Рексу, не Цицерону, похвала достоин.

Егор — славный сапожник того времени в Москве, а Рекс — известный портной. Насколько удовлетворяли они своим мастерством многочисленных заказчиков, не известно, но хлопоты о своем внешнем виде не заканчивались на шитье костюма и обуви, предстояло украсить себя достойными драгоценностями.

Глава 2

За отменную службу наградить бриллиантами!

Изменилась мода на одежду и, разумеется, на ее украшения. Форма пряжек, заколок, пуговиц и мушечниц должна была соответствовать стилю одежды и господствующим вкусам. Так, например, изменилась форма многих ювелирных изделий. Серьги делали с квадратными или трапециевидными подвесками с драгоценными камнями в глухих гнездах. Отдавали предпочтение украшениям в виде розетки с камнями и в виде банта, усыпанного бриллиантами. В это время повысилась роль полудрагоценных кам-

ней, таких, как халцедон, сердолик, моховик. Их ценили за декоративную красоту.

Петр Алексеевич не особенно любил драгоценности. В этом, кстати, ему не подражали. Большой щеголь Франц Лефорт так густо унизывал пальца своих холеных рук кольцами, что вызывал изумление у всех, кто его видел впервые. Удивляли и количество колец, и величина драгоценных камней.

Образ Лефорта — яркий пример модного в то время типа вельможи. Отважный военачальник, он командовал русским флотом в Азовских походах, он еще и ловкий придворный, и политик, и ко всему прочему любитель модной одежды и драгоценностей. Рассказывали, что не меньшее удивление, чем многочисленные перстни, вызывало его головное украшение — повязка из изумрудов, которую он носил «на волосах».

Петр Алексеевич отменил обычай «дарения» платьем и по примеру европейских монархов стал награждать за заслуги перед Отечеством драгоценностями. В качестве награды преподносились кольца с крупными бриллиантами, рубинами или сапфирами, миниатюрные портреты в золотых рамочках, украшенных бриллиантами, трости с набалдашниками из золота или серебра с драгоценными камнями и т. п.

Миниатюрные портреты наш государь увидел в первой поездке по Европе. Они очень понравились ему. В 1698 году в Англии он заказал свои портреты миниатюристу Шарлю Буату. Там же закупили и золото, и алмазы. А в 1717 году Петр писал Екатерине из Голландии: «...Пришли мою портрету, что писал Мор, и свои оба... также и финифтяных маленьких, ибо еще тот мастер жив, который делал в Англии при мне, и ныне здесь...»

Портреты на эмали, да еще в такой пышной оправе, были в петровское время очень высокой наградой и жаловались каждый раз индивидуально, обычно самим государем и только за очень большие заслуги.

Приглянулись ему и табакерки, которые на протяжении всего XVIII века оказались невероятно модны-

ми. Известно, что при встрече Петра с курфюрстиной Бранденбургской Софией-Шарлоттой произошел любезный обмен этими безделицами. Табакерку Петра Алексеевича украшали его инициалы.

И если государь относился к драгоценностям весьма сдержанно, то его подданные по старинке стремились явить на всеобщее обозрение весь свой достаток, красуясь друг перед другом несметным числом ювелирных украшений.

В 1721 году в составе посольства голштинских герцогов в Россию приехал молодой человек по имени Фридрих Берхгольц (1699—1765). Его рассказ о далеком путешествии, новых встречах и знакомствах нашел место в подробном дневнике, записи которого отличаются обилием бытовых зарисовок. Берхгольц писал, что «здесь дамы очень любят драгоценные камни, которыми стараются перещеголять одна другую». Конечно же, не только женщины, большими знатоками драгоценностей были и мужчины.

Наипервейшим поклонником всего самого дорого и редкого являлся светлейший князь Александр Данилович Меншиков. Зная о пристрастии фаворита к драгоценностям и о том, что Петр не поощрял этого, Александру Даниловичу потихоньку предлагали редкие, дорогие украшения. Однажды на званом обеде, только после того как проводили государя, князю показали огромный золотой перстень с гербом. Говорили, весьма древний.

Впрочем, и сам царь баловал любимца. Когда во время Северной войны, в 1706 году, под Калишем (Польша) русские войска генерала Меншикова нанесли крупное поражение шведам, которыми командовал генерал Мейерфельд, Петр Алексеевич наградил своего любимца драгоценной тростью. Ее изготовили по эскизу самого царя. Ювелир усыпал алмазами золотой набалдашник, «а между алмазами 3 места финифтных», верх набалдашника украсил крупным изумрудом. В нижнюю часть набалдашника, в месте, где продевалась лента, мастер поместил два маленьких алмазных колечка, наконечник же сделал золотым.

Подарки европейских венценосных особ отличались не меньшей изысканностью. Датский орден Слона украшали шесть больших бриллиантов, польский король подарил Меншикову шпагу с золотым эфесом, усыпанный алмазами, прусский король — запонку с крупным алмазом.

А сколько презентов в виде разнообразных украшений получал влиятельный вельможа от чиновников, просителей, друзей и знакомых и сколько покупал сам, уже не счесть. Александр Данилович владел сокровищами небывалыми. По описи его имущества в сундуках, ларчиках и футлярах хранились усыпанные драгоценными камнями шпаги, трости, пряжки, запонки, орденские кресты и звезды, осыпанные бриллиантами и жемчугом, золотые орденские цепи, портреты в золотых рамах, отделанных алмазами, «персоны» Петра в золотых рамках, золотые табакерки, украшенные алмазами, бриллиантовые пуговицы, пояса с бриллиантовыми искрами и головные уборы — изумрудные перья с алмазами, какие в то время носили на шляпах, куски литого золота, желтые алмазы, красные лалы, изумруды, белые и лазоревые яхонты, нитки жемчуга и т.п.

В общей сложности чиновники описали 425 предметов различных наименований, принадлежавших Александру Даниловичу, его жене, сыну и двум дочерям. Многие драгоценности записывались под одним номером и называлось только общее число, например «15 булавок, на каждой по одному бриллианту», или «2 коробки золота литого», «2 больших алмаза в серебре», «95 камней лаловых больших и средних и самых малых», так что общее количество предметов было во много раз больше.

Богатство князя позволяло ему делать поистине царские подарки. Как-то, например, он преподнес Екатерине огромный, величиной с палец рубин, он считался чудом «минерального царства» и стал главным украшением ее короны. А ко дню коронации заказал для ее туалета застежку, осыпанную бриллиантами.

Булавки и пуговицы с таким тщанием отливались из золота или серебра и с таким старанием украша-

лись драгоценными камнями, что становились изысканными ювелирными поделками.

В 1728 году сподвижник Петра, генерал-адмирал, граф Федор Матвеевич Апраксин (1661—1728), человек бездетный, завещал своим братьям и племянникам недвижимость, земли, серебряную, позолоченную посуду, столовые приборы и почти каждому из них золотые пуговицы с алмазами. При этом он заметил, что коли «таких всем не достанет, то доделать их против такой же меры».

Драгоценные камни привозили из Китая вместе с лакированными шкатулками, обоями, шелками, искусственными цветами и, конечно, чаем. К середине века в Москве существовали цеховые объединения мастеров медных перстней и запонок, медных и железных серег, серебряных серег, медного пуговичного дела и золотого дела. Знать предпочитала работы европейских умельцев. Было среди них множество честных и талантливых людей, но встречались и жулики.

В начале века работал в Петербурге известный немецкий ювелир по фамилии Рокентин. Однажды передал ему князь Меншиков бриллианты, предназначенные для того самого «грудного убора» Екатерины, в виде застежки для мантии. Рассказывали, что утром 16 января 1724 года явились к мастеру люди от князя с приказом отвезти Меншикову заказ. Ювелир в сопровождении слуги отправился к нему пешком. Возле Адмиралтейства их встретили люди князя, которые сказали, что посланы его сопровождать. Ювелир сел в сани (слугу, он, вероятно, отпустил), которые вдруг свернули совсем в другую сторону и завезли бедолагу за город, в лес, где их поджидали трое подозрительных незнакомцев.

Понятно, что все они, и те в санях и эти, поджидавшие в лесу, были разбойниками. Бриллианты отняли, самого Рокентина раздели, избili и грозили удавить, если он будет кричать. Связали руки и велели до вечера не сходить с места. Ювелир рассказывал, что до 5 часов его сторожили два разбойника, а когда те ушли, он зубами перегрыз веревки, «доплелся до из-

возщика», вернулся домой и дал знать о случившемся самому императору.

В тот вечер Петр Алексеевич «гулял» на крестинах у купца Мейера. Узнав о происшествии, он тут же отправился к несчастному. Выслушал путаный рассказ потерпевшего и распорядился, чтобы на улице задерживали всех подозрительных и вели в полицию для опознания.

На следующий день ювелир начал как-то странно менять свои показания, чем вызвал немалые подозрения и был арестован. Государь предположил, что ювелир сам украл бриллианты и придумал историю о похитителях. Петр Алексеевич лично присутствовал на первом его допросе 18 января и уговаривал заключенного признаться в собственной вине, обещая, что ему «даже не сделают ничего дурного».

Ювелир настаивал на прежней версии. Его били кнутом и повесили на дыбу. Но даже тогда, вися над землей с вывернутыми руками и с трудом преодолевая боль, Рокентин не отступился от своих показаний. От пыток он так ослаб, что на какое-то время допросы прекратили. Ему дали возможность отлежаться, прийти в себя и подослали пастора и жену, чтобы те убедили его сказать правду.

Уговоры пастора и жены не подействовали, и 21 января его снова били и поднимали на дыбу. Экзекуции продолжались с перерывами до 27 января. В тот день он сознался некому чиновнику из Риги в том, что украл бриллианты, потому что несколько лет тому назад его ограбили где-то между Нарвой и Петербургом. Вернуть ничего не удалось, разбойников не поймали, и «удовлетворения» он не получил. То есть решил ювелир, таким образом, отомстить за обиду, нанесенную ему в России. Рассказал, что бриллианты в коробочке закопал во дворе, в куче песка. Там их и нашли.

Да и вообще, при тщательном расследовании Рокентин оказался особой весьма подозрительной. Говорил, что его жена в Германии умерла два года назад, при этом уже десять лет был женат на другой, причем и первая его жена, как оказалось, жива и

здорова. Несмотря на все это, ювелиру обещали прощение.

А та самая застежка, усыпанная бриллиантами, как и было задумано, украсила мантию императрицы в день коронации 14 мая 1724 года.

Глава 3

Белоснежные парики и бумажные бигуди

Новые женские прически до неузнаваемости изменили облик наших красавиц. В допетровской Руси замужние женщины никогда не появлялись с непокрытой головой, теперь же они не только ходили простоволосыми, но и по требованиям моды соорудили на головах своих причудливые укладки. Форма их часто менялась, на некоторые требовались накладные дополнительные волосы, спрос на них оказался настолько большим, что в царствование Петра Алексеевича во все концы страны разлетелись указы о покупке у крестьянок длинных волос.

В начале века модными стали прически из выложенных на лбу двух локонов, а два других спускались на плечи. Поверх прически надевали что-то вроде чепца из белого кружева или газа — фантанж. Но уже к 30-м годам волосы надо лбом гладко зачесывали, а сзади разделяли на множество локонов, прически эти пудрили.

Европейская мода преподнесла своим русским поклонникам не только новую форму причесок, но и подарила новый ритуал всего туалета. Домострой с советами, как дом содержать и как самой трудиться, забросили не на чердаки палат боярских, а на чердаки дворцов. Одни из них уподоблялись итальянскому ренессансному палаццо, другие создавались в стиле барокко. На берегу Финского залива одновременно с царской загородной резиденцией Петергофом выросли многочисленные усадьбы знати: А. Меншикова (Ораниенбаум), М. Головина, Ф. Апраксина, П. Шафирова и многих других. Внутреннее убранство дворцов с их высокими окнами, множест-

вом зеркал, настенной и плафонной живописью, величавыми портретами на стенах предполагало наличие у своих обитателей определенного внешнего соответствия и манер.

Не пристало красавице да моднице суетиться поутру да слуг гонять, это она успеет сделать и позже. Надлежало по новой моде проснуться попозже, понежиться в постели, утопая в кружевах, испить модный тогда напиток кофе, шоколад или чай. Не торопясь пройти к зеркалу и, накинув на плечи покрывало — «завеску», напудриться и нарумяниться. «Завеской» называли покрывало, которое предохраняло одежду от косметических красок, его называли еще пудромантом, пудрамантом или пудромантелем.

Причем такой обычай встречать новый день распространился не только среди модниц, но и среди модников.

Кантемир в сатирах писал:

Зевнул, растворил глаза, выпался до воли,
Тянешься уже час-другой, нежишься, ожидая
Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая;
Из постели к зеркалу одним прыгнешь скоком,
Там уж в попечении и труде глубоком,
Женских достойную плеч завеску на спину
Вскинув, волос с волосом прибираешь к чину...

Изменилась и физиономия нашего щеголя. Где надушенные борода и усы? Нет их, сбрил по указу Петра Алексеевича от 1698 года. Некоторые бояре решили воспротивиться указу, но, когда Петр собственноручно расправился с их бородами, вздохнули и подчинились.

Гладко выбритое лицо (некоторые оставляли аккуратные небольшие усы) украшали длинные локоны парика. Настоящие щеголи имели не по одному, а часто по несколько париков. Старики же, особенно те, коим не приходилось бывать при дворе, носили большей частью собственные волосы. Даже среди знатных вельмож находилось немало противников «накладных волос». Вынужденные повиноваться новым модам, они надевали их в исключительных случаях.

Прижимистый граф Гавриил Иванович Головкин (1660—1734) купил длинный белокурый парик больше для виду, он висел посередине комнаты, своеобразно украшая ее. Берхгольц писал: «... я думаю, что этот парик против его воли привезен ему сыном или подарен кем-нибудь, потому что сам он, судя по тому, что я о нем слышал, никак не решился бы приобрести его и еще менее, износить. Одет он всегда как нельзя хуже: большею частью на нем бывает старомодный коричневый кафтан. О скупости его можно много рассказать; меня уверяли, что если он не превосходит «Скупого» во французской комедии, то, по крайней мере, и не уступает ему».

Мода на парики с длинными локонами продержалась недолго, ей на смену пришла манера собирать волосы парика в пучок и завязывать бантом. В 30-е годы на пучок надели черный мешочек — кошелек, голову осыпали душистой и самой лучшей пудрой, это делали, как правило, по три раза в неделю. Пудрой в те времена служил обычный крахмал с ароматическими добавками. На московском заводе Чиркина в 1724 году предписывали выработать 514 пудов 15 фунтов (8460 кг) крахмала и 18 пудов 22 фунта (304 кг) пудры. Документы, рассказывающие о том, что в 1758 году на этом же заводе выработано пудры и крахмала на 2515 рублей, подтверждают жизнедеятельность заводика и популярность его продукции.

Модой на пудренные волосы и парики мы, разумеется, обязаны были опять-таки Франции. Причуду иметь раньше срока седину связывали со временем правления французского короля Генриха IV (1589—1610). Он рано поседел, а приближенные, подражая ему, обсыпали свои темные волосы мукой со всевозможными добавками, известной в повседневном обиходе под названием пудры. К концу XVI века мода на белоснежные волосы стала в Европе всеобщей. В следующем веке появились парики, они получили распространение в правление Людовика XIII (с 1610 г.). Людовик XIV (правил с 1643 г.), пока был молод, недолго любил накладных волос, но, облысев,

стал ревностным защитником моды на парики и чуть ли не спал в нем.

Впрочем, носили и свои волосы, хитроумно завивая их. Брели небольшие пряди, заворачивали их в бумагу и наворачивали на горячие щипцы. Тогдашний щеголь, по словам Кантемира, очень переживал оттого, что на письма уходило много бумаги, внешность его волновала гораздо больше, чем образованность:

Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не во что завертеть завитые кудри;
Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры...

Что же касается косметики — белил и румян, то на фоне величественного, торжественного костюма стиля барокко они оказались вполне уместны и не вышли из употребления. Только теперь не все дамы красились одинаково ярко. Одним нравился густой румянец, другим — почти неприметный, похожий на естественный.

Популярны стали мушки. Первоначальное их значение было крайне прозаично — это пластырь, под которым скрывали дефекты кожи. Форма мушек менялась от небольших круглых точек, напоминавших родинки, до фигурок, изображавших лошадей, кареты, деревья и т. п.

В это время, как и в прошлом веке, назидательная литература не одобряла использования косметики. В учебнике по этикету «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению» 1717 года, в разделе «Девическое целомудрие», прописано о приличии иметь стыдливый природный румянец, а не искусственный, добытый при помощи всяческих ухищрений. Румянец этот (естественный) «указует» на благовоспитанность, кротость и скромность девицы.

«...Когда на тебя человек взирает покрасне вся, очи свои не возвышай, но зрак свои в землю низпушай.

Украшение девиц, и молодых невест так же, и замужних есть достохвальная фарба, или цвет, и о сем Диоген пишет, что покраснение есть признак к благочестию.

В других странах, когда невеста в день замужества своего имеет идти в церковь предуготовляют, и при ней девицам обретающимся с сахаром и корицею вареное вино, доброй винной суп, подчивают их, дабы кушали. Увещавая, что от того могут быть изрядно красны, когда пойдут в церковь, но еже ли невеста от себя сама не может быть со стыду красна, то винный суп не долго может краску в лице содержать, а кроме того говориться принужденная любовь, и притворная краска не долго постоит.

Говорят: «кто от стыда покраснеет, тот нужды не имеет. Иные ж безумные побледнеют, которое однако не всегда зло бывает, но краснота есть приятнее и похвальнее...»»

Однако подобные советы, как всегда, останутся на бумаге. Что толку в них, если любой галантный кавалер отдаст предпочтение ей — разрумяненной, набеленной да разодетой по последней моде.

Да и подкрашенный щеголь, как и встарь, не редкость. Локоны его парика лишь подчеркивают прелесть розовых щек, истинный Нарцисс! А запах помады не единожды обратит на него внимание какой-нибудь красавицы. Да и сам Петр Алексеевич в заграничной поездке в 1697 году покупал у аптекаря разные «косметики» — «масла коришные, амбра, балсамы, склянки и коробочки деревянные».

Не исчез интерес к благовониям. Лев Васильевич Измайлов, побывав в Пекине в качестве русского посла, привез оттуда множество китайских и японских безделушек, разные чашечки, плосечки, большой запас чая и «ящик с различными благовониями и несколько небольших курительных свечек...».

Простой мужик, конечно же, не гнался за ароматами, за его столом в большем почете были лук, чеснок и всякие разносолы. Датский посланник Юст Юль в 1709—1711 годах писал, что русские «распространяют от себя такой скверный, противный запах, что, прожив три-четыре дня в каком-либо помещении или комнате, окончательно заражают в них воздух и на долгое время оставляют после себя запах, так что (для иностранца) там нельзя оставаться...».

Привозные косметические товары: помады, румяна и пудры (последней в год ввозилось около 2080 кг) — как предметы роскоши облагались относительно высокой пошлиной. Например, с привозимых через сибирские пограничные таможни румяна по тарифу 1761 года взималась пошлина в размере 23,75% с оценки. Продавали косметику в «Белильном ряду», в 1701 году он размещался все там же, ниже Туинской избы, в нем насчитывалось 36 лавок, владельцами которых традиционно оставались женщины.

Покупателей было немало, даже несмотря на то, что простые женщины пользовались домашними средствами и не уступали по красоте богатым напомаженным красоткам. Косметика и парфюмерия, как и раньше, являлись неотъемлемой частью девичьего приданого, в его росписях, наряду с образами, драгоценностями, домашней утварью, значились все те же ароматницы для духов, а в серебряных и костяных ларцах белильницы, румяницы да суремницы. На лубочной картинке «Роспись приданому тебе молодцу удалому...» изображали прием жениха и приводили шуточный текст. Он пародировал длинные росписи приданого, существовавшие в купеческих и мещанских семьях. В нем перечислялись и «праздничный убор, в котором лязят красть через забор», да «два мешка земли», да сама невеста «пригожа и румяна, как обезьяна».

ЖЕМАННИЦЫ И ПЕТИМЕТРЫ (вторая половина XVIII века)

Глава 1

Юбки «пучатся» и расширяются... Мода на фижмы

Ушло в прошлое само воспоминание о теремной затворнической жизни девиц, ассамблеи с менюэтами, балы с полонезами, маскарады и заграничные путешествия вихрем подхватили слабую половину человечества и, окутав ароматами и облаком тончайшей пудры, помчали по свету. Сколько разорительных хлопот доставляло явление моды. Грациозно сидеть, стоять, умело тряхнуть своими надушенными локонами, надлежащим образом болеть, спать, говорить и любить было очень непросто.

Утренние заботы не только не изменились, но и умножились. Наши модницы уже давно научились элегантно отдыхать на софе от десятичасового ночного сна, неспешно проходить с постели до самовара. Откуда они привычно перемещались в уборную, где, как и раньше, два битых часа подвивали волосы, мазали их разными духами, пальчиками терли щеки белилами и румянами... и, «сделавшись красными словно петушиный гребень», налепляли несколько мушек, стягивались «снуровкою», взбивали фижмы или бочки и, разрядясь, чопорно выходили в гостиную. Там, подобрав юбки, садились, не смея более уже ворохнуться, чтобы, не дай бог, не нарушить своего великолепия.

Французская мода властвовала над умами и серд-

цами россиян. XVIII век для Франции стал веком философов, косметики, парфюмерии и Революции. Денис Иванович Фонвизин в письмах к графу Петру Александровичу Панину в 1778 году рассказывал: «Если что во Франции нашел я в цветущем состоянии, то, конечно, их фабрики и мануфактуры. Нет в свете нации, которая б имела такой изобретательный ум, как французы в художествах и ремеслах, до вкуса касающихся. Я хаживал к «*marchandes des mod*» (торговцам модных товаров. — *фр.*), как к артистам, и смотрел на уборы и наряды, как на прекрасные картины. Сие дарование природы послужило много к повреждению их нравов. Моды повсеместно перемениются: всякая женщина хочет наряжена быть по последней моде; мужья пришли в несостояние давать довольно денег женам на уборы; жены стали промышлять деньги, не беспокоя мужей своих, и Франция сделалась в одно время моделью вкуса и соблазном нравов во всей Европе. Нынешняя королева (Мария Антуанетта 1755—1793) страстно любит наряжаться. Прошлого года послала она свой портрет к матери, в котором велела написать себя разряженную по самой последней моде. Императрица (Мария Терезия 1717—1780) возвратила сей портрет при письме, в котором между прочим сии строчки находились: “Ваше приказание худо исполнено: вместо французской королевы, которую я надеялась увидеть на присланном портрете, я нашла в нем сходство с оперную актрисой. Должно быть тут вышла ошибка”».

Уследить за вечными капризами моды непросто. О новостях в платье, модных деталях и аксессуарах при дворе узнавали благодаря присланным из Парижа куклам — «Пандорам», которые представляли парадный и повседневный дворянский костюм. Куклы ежемесячно отправлялись из Парижа в Лондон, а оттуда во все столицы мира — «от Петербурга до Константинополя».

В 1751 году посол в Англии граф Чернышев заказал куклу в три фута ростом и к ней «платья всех сортов, каковые при всяких случаях здешние дамы носят и со всеми к ним принадлежностями». Изготови-

ли три комплекта: «каковые английские женщины всякого звания, равномерно по своим богаткам тожко оттеняся, носят», во время праздников и в публичных собраниях; когда бывают дома и «не в весьма чиновных визитах»; как и в гулянье, в каком они ездят верхом и бывают «в дорогах».

Жить по моде и разорительно и хлопотно, но тем не менее отстать от нее становилось довольно опасно, так можно навлечь на себя неудовольствие знакомых, да и всего общества, которое подобные небрежности не прощало.

Изменение уклада жизни русского дворянства, открытость домов, частые визиты друзей и соседей заставляли хозяев всегда быть начеку и выглядеть так, чтобы не вызвать замешательства у гостей. Между 11 часами утра и 3 часами дня могли «запросто» появиться визитеры: друзья, знакомые и даже малознакомые. Все это люди «своего круга», чьим мнением дорожили и осуждения и насмешек которых боялись. Увидев «неприбранного» хозяина или хозяйку, те могли решить, что пришли не вовремя, а хуже того, что ими пренебрегли.

Появилась необходимость в домашней одежде, простой, удобной, добротной и, главное, модной. В течение дня хозяйка дома несколько раз меняла платье. Утром до трех часов она сидела в своей гостиной в утреннем платье, в чепце блондовом или батистовом и занималась каким-нибудь рукоделем. Потом одевала обыкновенное домашнее, шитое по самой последней моде, но более скромное, чем выходное. Корсажи при этом не стягивали так туго, как при выходе, а для того, чтобы скрыть слабую шнуровку, носили дома большие шали-мантильи, косынки и длинные пелерины с декоративным капюшоном.

Покрой основной женской одежды долгое время не менялся. Для всего XVIII века, за исключением последних нескольких лет, было характерно женское платье с тесно облегающим фигуру декольтированным корсажем и более или менее широкой юбкой. «Новости» касались цвета или рисунка материи, отделки платья, фасона рукавов, длины юбки, формы

выреза корсажа и т. д. Эти изменения быстро распространились среди ветреных красавиц, но так же быстро исчезали, уступая место новым маленьким изобретениям модисток.

Тон в модах, конечно, задавали первые лица государства. Самая известная щеголиха своего времени, императрица Елизавета Петровна, прославилась своим громадным, неправдоподобным количеством платьев в пятнадцать тысяч! Для нее выписывали из европейских магазинов самые дорогие ткани, роскошные кружева, сундуки с чулками и перчатками, коробка с обувью, пуды тончайшей пудры, ароматических помад, благовонных эссенций и прочее. А когда какой-нибудь европейский купец привозил новые ткани, их в первую очередь показывали императрице. Если та или иная материя ей нравилась, она распорядилась закупить ее целиком, чтобы, упаси бог, не встретить платье из нее же на придворной даме.

При этом, по словам В. О. Ключевского, Елизавета жила и царствовала в золоченой нищете — с одной стороны, ворохи дорогих туалетов, маскарады и балы, поражавшие ослепительным блеском и роскошью, с другой — теснота и убогая обстановка ее дворца, неряшливость, куча неоплаченных счетов. Французские галантерейные магазины иногда отказывались отпускать во дворец новомодные товары в кредит.

Красивая и стройная дочь Петра Алексеевича любила производить впечатление в обществе, обожала увеселения, прекрасно танцевала и любила наряды и драгоценности. Она страшно ревновала ко всем хорошеньким женщинам, особенно со вкусом одетым, и всячески унижала их. Обер-егермейстерше Нарышкиной, урожденной Балк, на глазах всего двора срезала ножницами головное украшение из лент. Граф Федор Гаврилович Головкин рассказывал, что придворное платье очень шло несчастной и подчеркивало достоинства ее изумительной фигуры, и потому вскорости ей велели снять каркас с юбки, что сделало и туалет и весь ее облик убогим и нелепым. Но мадам Нарышкина оказалась женщиной предприимчивой и

заказала в Англии костюм, в юбку которого вставили каркас на пружинах, они складывали и поднимали его по необходимости. «Она приезжала ко двору точно божество, затмевая всех своей талией, своим нарядом и видом. В то же мгновение, когда появлялась императрица, пружины падали, и платье и талия теряли свою прелесть; но как только императрица удалялась, пружины снова оказывали свое действие».

В 1742 году Елизавета запретила придворным дамам носить дорогую одежду с серебряным и золотым позументом и регламентировала ширину кружев, чтобы платье пышностью не выделялось. А чтобы дамы не хитрили и не клялись в том, что их дорогие туалеты сшиты до вступления в силу этого распоряжения, старые платья поместили специальной сургучной печатью и милостиво разрешили их донашивать.

Поговаривали тогда, что этот запрет основывался на желании императрицы подражать порядкам Петра Великого, при котором появились некоторые запреты в одежде и украшениях. Но скорее всего государыня хотела уберечь себя от расстройства при виде великолепного туалета какой-нибудь франтихи.

Ее подругой и доверенным лицом была Мавра Егоровна Шувалова, немолодая и некрасивая, но умная и веселая. Эта маленькая женщина «всегда из аффектации» одевалась по-мужски. И в этом наряде ее нельзя было назвать интересной, что, вероятно, делало ее еще более близкой и незаменимой для государыни. А вот Елизавету Петровну мужской костюм красил.

Екатерина Алексеевна рассказывала в «Записках», что многие переодетые в мужской наряд «дамы казались жалкими мальчиками; кто был постарше, того безобразили толстые и короткие ноги; а из всех них мужской костюм шел только к одной императрице. При своем высоком росте и некоторой дюжести она была чудно хороша в мужском наряде. Ни у одного мужчины я никогда в жизнь мою не видала такой прекрасной ноги; нижняя часть ноги была удивительно стройна...».

Переодевание женщин в мужскую одежду началось еще в петровские времена, в нее облачались на маскарадах. Позже носили не только на них, но иногда и в повседневной жизни, особенно те, кому она шла, или из желания выделиться и подчеркнуть свою независимость.

В середине века наши модницы щеголяли различными фасонами платья, они назывались «адриенн», «а-ля черкешенка», платье «по-польски», или «полонез» и т. п. Названия и их форма навеивались различными событиями культурной, светской и политической жизни, но отличались они друг от друга лишь деталями. Так, платье «а-ля черкешенка» шили с длинными узкими рукавами. «Адриенн» имело своеобразно широкий силуэт. Появление этого фасона французский историк костюма Ф. Буше объяснял успехом пьесы Теренция «Андриенна», где героиня, роль которой исполняла знаменитая актриса, после родов одела широкое платье. Фасон вошел в моду во Франции и получил название по имени героини. В России название исказили на «адриенн».

Первое серьезное изменение, коснувшееся кроя платья, преобразившее его силуэт, произошло в конце 50-х годов. Оно затронуло фасон юбки — расширился ее подол. Каркас юбки назывался «панье», его устраивали поверх нижней юбки. Он имел форму колокола и был обшит пятью — восьмью обручами с полосами плотной ткани и со встреченными в нее косточками китового уса.

Из-за этих огромных юбок с «панье» дамы уже не могли пройти в обычную одностворчатую дверь и сесть в обычный экипаж. Ежемесячное издание «Трудолюбивая пчела» сообщало в 1759 году в «Письме к зрителю»: «...красавицы совсем исшалились. Их юбки, которые пучиться и расширяться начали перед вашим отъездом, делают теперь преужасную окружность, которая день ото дня увеличивается... они приобрели в широте то, что в высоте потеряли (вышли из моды очень высокие головные уборы) и против всех правил архитектуры расширяют основание, а верх уменьшают... Многие рассматрительные осо-

бы думают, что с некоторого времени наш пол сделался весьма смелым и что сии китовыми обручами обложенные юбки введены в употребление для того, чтоб нас не близко к себе допускать...».

Мода на «панье» продержалась довольно долго и только в начале 70-х годов в России появились фижмы. Фижмы — тоже каркас из ивовых прутьев или китового уса, который крепился поверх нижней юбки, так же как и «панье», но он стал более эластичным. Фижмы не только не уменьшили ширины юбки, но и расширили ее в боках. Это новшество пришло к нам, разумеется, из Франции, а туда оно попало, по словам французов, в 1714 году из Англии. Русские франтихи очень быстро оценили удобства каркаса. Его эластичность позволяла сжимать юбку локтями, кроме того, подол стал мягким, платье даже слегка изящно колыхалось при движении.

В то время о платьях на фижмах, вернее о их владельцах, рассказывали разные смешные случаи, происшедшие из-за громоздкости юбок. Вот один из подобных анекдотов. «Одна приезжая в Москву иностранка вздумала осмотреть город в наемной карете, которые в то время были редки и по небрежению содержателей обыкновенно покупались для сего старые и рассохшиеся. В эту карету села или, лучше сказать, втиснулась иностранка, одетая в предлинные фижмы, которые крепко упирались от одного конца до другого. Неуместимость фижм в карете послужила к спасению ее от великой опасности. Когда извозчик поскакал под гору к Кузнецкому мосту, тогда отпало у кареты дно, сквозь которое спасительные фижмы не допустили ее совсем провалиться. Народ, видя столь странное приключение, поднял великий смех, остановил карету и спас иностранку, которая от усталости и страха начинала уже задыхаться».

Д. И. Фонвизин (1744 или 1745—1792) опубликовал басню «Леонорины фижмы».

«Леонора носила всегда превеликие фижмы, которые сделаны были из китовых костей. Леандр, муж ее, часто в этом осуждал, но сие ничего не помогало.

Наконец, как родила она сына, то испрашивали отца: какое имя дать новорожденному?

— Иона*, — отвечал Леандр, — для того, что произошел он из чрева китова.

Сей ответ имел такое действие, что Леонора переменяла потом свой наряд».

В конце 60-х годов российских модниц посетила еще одна новость — стали носить небольшой ватный валик, который прикреплялся сзади, под юбку немного ниже уровня талии. Все сборки юбки теперь драпировались не на боках (от чего платье раздувалось вширь), а только сзади.

Эти новшества медленно завоевывали общее признание и удерживались в течение длительного времени. Силуэт платья при этом так менялся, что никакими украшениями нельзя было скрыть старой модели, наши франтихи спешно обновляли свой гардероб, чтобы не подвергаться насмешкам со стороны завзятых модниц.

Популярными украшениями платья в XVIII веке «сделались» ленты и банты. Банты делали из ленты другого цвета и нашивали на подол, грудь и рукава платья. Особенную популярность получила так называемая «лестница» из бантов, которая располагалась по лифу платья. Снизу, от талии вверх до выреза на груди, пришивались бантики, разные по размеру. У талии они были широкими, сверху узенькими. «Лестница» зрительно делала талию более тонкой.

Мода регламентировала и украшения выреза платья, будь то кружева или ленты. Пришел обычай убирать его косынкой или шалью, в основном так носили платье на улице. Косынки, шали и шарфы придавали нарядному туалету дамы или молоденькой девушке много своеобразия и изящества.

С их помощью подчеркивали величавость или

* *Иона* — ветхозаветный пророк, персонаж библейской книги Ионы. Согласно этой книге, Иона пренебрег повелением Яхве, за что тот наказал его. Когда Иона плыл в море на корабле, начался сильный шторм, и, понимая, что это наказание Божье, Иона бросился в воду, и большая рыба (в славянском переводе — кит) проглотила его. Три дня и три ночи пребывал он в чреве кита, взывая к Господу.

грациозность фигуры — стройность талии, легкость движений или горделивость осанки. Большие газонные или кисейные косынки, модные в 70-е годы, концы которых закладывались под край выреза корсажа, создавали впечатление высокого бюста, при котором талия казалась еще тоньше.

Умению красиво носить косынку или шаль придавали немалое значение, и женщины затрачивали массу усилий, упражняясь в этом искусстве перед зеркалом. Однако научиться ему было далеко не просто. По словам француза Белькура, посетившего Петербург, некоторые барышни в косынках: «Как ни стараются ... хорошо одеться, у них все выходит нескладно. Три, четыре косынки, одетые без вкуса, делают их похожими на кормилиц, нарядившихся в детские пеленки. А те, что открывают грудь, переступают пределы приличия, так что парижанин принял бы их за женщин на содержании...»

С домашними утренними туалетами носили чепцы, величина и форма которых зависели от причесок. При очень высоких укладках к большой тулье пришивали широкую накрахмаленную оборку, с уменьшением прически маленькими становились и чепчики. Белый легкий чепец создавал впечатление опрятности, освежал лицо молодой женщины и смягчал желтизну вялых щек старухи. Какое-то время их носили даже вне дома с нарядными платьями, но эта манера не имела широкого распространения.

Особенно примечательны стали шляпы 70-х годов. На высокую прическу водружали, например, модель парусного судна, либо цветочную корзину, либо рог изобилия с ниспадающими из него цветами и плодами. Сколько материалов шло на их создание! Шелковые, бархатные и парчовые ленты, соломка, бумажные и кожаные украшения в виде цветочных гирлянд или виноградных гроздей. Какие только сюжеты не использовали шляпные мастера в моделировании изделий! Модницы соревновались друг с другом, заказывая самые причудливые и еще невиданные по образцу шляпки, такие, что не носили в кругу знакомых.

А вот разнообразием обуви красавицы похвастаться не могли. Модель туфель не менялась почти до конца века. Ходили в кожаных, шелковых, парчовых или глазетовых на более или менее высоких каблуках. Их украшали пряжками, бантами или розетками. Знатные дамы в парадных случаях надевали туфельки, расшитые жемчугом и драгоценными камнями, на красных каблучках. Красные каблучки означали знатное происхождение. Этот аристократический обычай существовал во Франции при последних трех королях.

Приметным и необходимым украшением костюма и всего облика милой жеманницы оставались веера. Во второй половине XVIII века их делали пергаментными и шелковыми. Станки вееров мастерили из черепахового панциря или дерева, украшали перламутром и драгоценными металлами. Золотые веера Елизаветы Петровны с бриллиантами, изумрудами и рубинами были так тяжелы, что она жаловалась на это неудобство.

Но все же красота веера заключалась не столько в отделке его станка, сколько в рисунке, который наносился на его пергаментную или шелковую основу. Причем разрисовывали их не только художники, набившие руку в этом ремесле, но и известные живописцы, такие, как Ватто, Буше или Фрагонар. Изображались на веерах изящные воздушно-пасторальные, мифологические сюжеты, или картинки, «на злобу дня», с прогуливающимися дамами и кавалерами на фоне узнаваемых дворцов и садов.

На одном из вееров Елизаветы Петровны, украшенном бриллиантами, художник изобразил Диану и Актеона с группой обнаженных нимф. Веер был подписан художником Василием Никоновым, работавшим в Санкт-Петербурге в 1752 году. А на оборотной стороне веера был нарисован греческий поэт и певец Арион (ок. 600 до н. э.), плывущий на дельфине. Сквозь пергамент просвечивалась надпись: «Верный мастер Андрей Морозов». К деятельности этого мастера относится документ из книги высочайших повелений в Придворной конторе за 10 декабря

1770 года. «Веерному и футральному мастеру Морозову за употребленные материалы к делу и за починку с 1752 по октябрь 1753 комнатных вееров и футралов уплатить 250 р.». Сумма эта в елизаветинские времена была значительной.

Веера не только дополняли наряд светской женщины, но, как писал журнал «Смесь» в 1769 году, «... они прекрасны и полезны, исправляют должность зефира, отвращают солнечные лучи, от которых загорают и княжеские лица, прикрывают не весьма хорошие зубы и непристойные усмешки».

Другая заметка по поводу веера добавляла: «Великих дарований красавицам свойственно иметь сведения о том, сколько раз махнуть веером так, чтобы косыночка, закрывающая их грудь, приняла то прекрасное положение, при котором вопреки булавок видима быть могла восхищающая непорядочность; так же известно им, сколько ударов веера потребно для того, чтобы сия косыночка пока закрылась, или сколько оных нужно для того, дабы приятным образом развеять свои волосы, придавая им восхищающее положение, которое, кроме опахала, никакая рука смертная доставить им не может».

Однако у веера было еще одно важное назначение. Веером делали знаки своим возлюбленным и кавалерам, существовал так называемый «язык вееров». Казалось бы, невзначай переложенный из одной руки в другую веер решал судьбу возлюбленного. Случайно оброненный, поднесенный к губам, открытый на четверть, резко сложенный, он передавал разнообразные состояния души, скрытые желания, мог предостеречь или назначить свидание с указанием точного часа и места.

Облачившись в модные туфельки, закутавшись в шаль, в экстравагантной шляпке, с таким веером женщины спешили ко двору. Придворные дамы и дамы, «коим приезд ко двору дозволен», одевались с необычайной роскошью. Носили платья из самых дорогих привозных тканей с богатой отделкой, золотыми и серебряными нашивками, осыпанными драгоценными камнями, с тончайшим дорогим кру-

жевом. А если красавица обладала исключительными внешними данными, то ей ничего не стоило затмить собой даже ее императорское величество. К тому же стоимость платья порой простиралась до астрономических размеров, что, безусловно, подрывало благосостояние дворянских семей. Все вместе побудило издать ряд правительственных указов, предписывающих дворянам соблюдать определенные нормы в шитье одежд и их украшении. В 1782 году он требовал не «употреблять таких вещей, коим одна только новость дает цену». Запрещалось отделять платья золотым и серебряным шитьем или кружевом шире двух вершков (9 см). В указе пояснялось, что делалось это, дабы «наблюдать более простоту и умеренность в образе одежды их...».

Другой указ повелевал дворянам ношение платья в столицах и при дворе «Ея Величества», тех цветов, которые присвоены губерниям. «...Государыня предполагать изволит, что сие Высочайшее дозволение только приятнее всем будет, поколику служит оно к сбережению собственного их достатка на лучшее и полезнейшее и к отвращению разорительной роскоши...»

Хотя есть несколько иная версия появления этого распоряжения. В те годы сын Екатерины Павел и его жена Мария Федоровна (принцесса София Доротея Вюртембергская) путешествовали по европейским странам. Кроме того, что венценосные особы проявили некоторую своевольность в политических взаимоотношениях с представителями европейских домов, они истратили уйму денег на свои «маленькие» прихоти. Великая княгиня вернулась из Франции страстно влюбленной в ее моды. Вместо того чтобы заказать вещи через торговые дома, такие, как «Бертен», и добиться значительных скидок, она закупала понравившиеся вещи, не торгуясь, и привезла домой 200 ящичков газа, мелких вещей и разных принадлежностей туалета на очень значительную сумму. К тому же Мария Федоровна «захватила» в Петербург новых камердинеров и предполагала произвести переворот в области прически. Отношения же матери и сына оставляли желать лучшего, и говорили, что импе-

ратрица не могла более чувствительно уязвить его и его супругу этим самым распоряжением.

Так это или нет, точно не известно, но сразу же после обнародования указа журнал «Вечерняя заря» (1782) поместил на своих страницах «Эпитафию широким накладкам и высоким прическам»:

Бывала ли кому толикая печаль?
Бывало ли кому кого-нибудь так жаль?
Пресекая наш покой, скончалася утеха,
Настал плач вместо игр, веселия и смеха.
Крушишь, прекрасный пол, лей токи горьких слез!
Твой минул век златой, прошел, протек, исчез.
Накладок, волосных громад уж ты лишился,
Того, о чем всего ты более крушился;
Но ежели конец пришел нарядам сим,
Прискорбный кипарис воздвигни в память им,
Да сей надгробною потомки разумеют,
Что прежних уж они накладок не имеют,
И что прически их не так уж высоки.
Прохожий! Ах! Скажи, простите, лоскутки!

А вот следующий указ, наповал сразивший российских щеголих, был связан с разрывом дипломатических отношений с революционной Францией. В 1793 году в императорском указе, данном Сенату под № 17.111, предписывалось пресечь ввоз в Россию французских товаров, «доколе в Государстве сем порядок и власть законная в особе Короля восстановиться...».

В нем говорилось, «что большая часть товаров служит единственно к излишеству и разорительной роскоши, другие же могут быть заменены произведениями и рукоделиями собственными...». В число товаров, с которыми следовало расстаться хотя бы на время, вошли: веера, вина, кареты, кольца, кружева, зеркала, «веники травные для чищения платья» и т. п.

Страдания модников описать невозможно. Иван Андреевич Крылов посвятил им стихотворение «Утешение Анюте».

Ты грустна, мой друг Анюта:
Взор твой томен, вид уныл,
Белый свет тебе постыл,
Веком кажется минута.

.....

Так тебе, Анюта, жаль,
Что французски тонки флёры,
Щегольские их уборы,
Легки шляпки, ленты, шаль,
Как цветы от стужи вянут —
Скоро уж они не станут
Веять вокруг твоих красот:
Время счастья их пройдет.

.....
Чувствам сладким аромат
На прелестный твой наряд
Флора сенска* не восплещет.

Конечно, в столицы доставляли контрабанду, в пьесе Крылова «Модная лавка» разыгрывается сцена, в которой хозяйку такого магазина подозревают в хранении нелегально ввезенных товаров, чем приводят ее в неопиcуемый ужас.

Как бы там ни было, никакие запреты не могли заставить щеголих и франтих изменить главным своим принципам: одеваться в самое новое, европейское или сшитое у самого дорогого портного и проявлять вкус и немалую ловкость в самых мелких деталях туалета.

Хлопотной, суетливой жизни щеголих того времени вряд ли можно было позавидовать, откуда взять время и средства, чтобы не пропустить ни одной модной мелочовки, научиться с легкостью носить одежды, красиво двигаться, изящно наклонять голову, дуть губки или сохранить важную небрежность. Эти манеры, лишённые простоты и естественности, дали дамам прозвище — жеманницы.

Рассказывали, что эти ветреные красавицы, занятые своими туалетами, откладывали замужества, ожидая поклонников таких, которые бы и чинами, и положением своим, и достатком были бы равны их отцам. Что толку от ровесников, которые сами еле еле сводили концы с концами и разоряли своих родителей с единственной целью — модно одеться. Уж лучше выйти замуж за немолодого, состоятельного и обеспечить себя возможностью по три раза на день менять туалеты и покупать драгоценности, равные по красоте и цене царским.

* Флора сенска — французские духи.

В провинцию известия о разных переменах в одежде доходили со значительным опозданием, иногда в несколько лет. В 1779 году в помощь столичным и провинциальным щеголихам издали журнал «Модное ежемесячное сочинение, или Библиотека для дамского туалета», а в конце века журнал «Магазин общепользных знаний» и «Магазин английских, французских и немецких новых мод и проч.». Последний размещал на своих страницах рекламные объявления французских магазинов и описывал европейские наряды, которые корреспондент видел на известных модниках. В одном из номеров корреспондент писал: «Платье и прекрасный головной убор срисовал я за несколько дней пред сим с королевы в Тюиллерийском Дворце».

В 1791 году журнал сообщал о том, что «Г-жа Теильярд... имеет честь предуведомить через сие [объявление. — *Ред.*] Дам, которые удостоят ее своею доверенностью о предметах новейшего вкуса у нее изготовляемых, из всякого сорта прекрасных шелковых материй для весны и лета, одинаких, с полосками, муцатых и пр. и пр.». Благодаря таким, правда, немногочисленным сообщениям и рисункам моделей одежды модницы могли и рассмотреть наряды, и даже узнать их цену, не выходя из дома.

Например, предлагалось платье под названием «Робы* по фантазии»: «...оно начинается от половины груди и идет по подолу, с хвостом, рукава и часть корсета из шелковой материи цвету Дофинова глаза и других цветов, остальная же часть робы из Лионского флеру с рисовкою стоит оно 84 лив; из белого крепу 72 лив; из полосатого флеру, или броше 66 лив; из лино 66 лив».

Хотя, надо сказать, что и журналы не способствовали быстрому проникновению мод в провинцию. Путеводитель конца XVIII века «Ручной дорожник для употребления по пути между императорскими столицами» рассказывал, что «нет ниче-

* Р о б ы (robe) — платье (*фр.*).

го смешнее, как видеть наших деревенских щеголих, одетых не по рисунку или описанию знающей свет барыни, а по рассказам своей бабушки, которая увидела городскую модницу в лавке и, приехав домой, рассказала все до последней булавки своей внучке...».

Как же тяжело было этим модницам чувствовать себя забытыми и оторванными от блистательной жизни столицы! И манерами своими, и одеждой они невыгодно отличались от петербургских красавиц. Пока сидели дома, вроде бы не чувствовали своей ущербности, но коли судьба забрасывала в Петербург, то тут-то и становилось очевидно, как отстали от света, как нелепы и неэлегантны в своих нарядах. В 1770 году «Трутьень» (№ 9) якобы от лица молоденькой ветреницы из какой-то губернии посвящал нас в ее переживания.

«...Батюшка покойник, скончавшись третьего года, избавил меня от ужасных хлопот и беспокойства. Ты удивишься, как я тебе скажу; у вас в Петербурге и в голову никому это не входило. Послушай, да не засмейся: уморишь, радость! Я принуждена была смотреть за курами, за гусями и деревенскими бабами — ха, ха, ха! Рассуди, радость, сносно ли благородной дворянке смотреть за эдакою подлостью... я знала только, как и когда хлеб сеют, когда садят капусту, огурцы, свеклу, горох, бобы и все то, что нужно знать дураку приказчику. Ужасное знание! А то, что делает нашу сестру совершенною, я не знала. По смерти батюшкиной приехала в Москву и увидела, что я была совершенная дура. Я не умела ни танцевать, ни одеваться и совсем не знала, что такое мода. Поверишь ли, мне стыдно признаться, я так была глупа, что по приезде только моем в Москву узнала, что я хороша! Рассуди теперь, как меня приняли московские щеголихи. Они с головы до ног меня засмеяли, и я три месяца принуждена была сидеть дома, чтобы только выучиться по моде одеваться. Ни день ни ночь не давала я себе покоя, но, сидя перед туалетом, надевала карнеты (чепчики), скидывала, опять надевала, разнообразно ломала глаза, кидала взгляды, румяни-

лась, притиралась, налепливала мушки, училась различному употреблению опажала, смеялась, ходила, одевалась... и, словом, в три месяца все то научилась делать по моде. Мне кажется, ты удивляешься, как могла я в такое короткое время всему, да еще и сама, научиться. Я тебе это таинство открою: по счастью попалась мне одна французская мадам, которых у нас в Москве довольно. Она предложила мне свои услуги... и что она в состоянии сделать из меня самую модную щеголиху...»

Французские модистки и их лавки под названиями «Храм вкуса» или «Музей новинок» появились в России в екатерининские времена. Они снабжали модников самыми свежими, самыми изысканными товарами из Парижа. Иван Иванович Голиков (1735—1801), известный историк и археограф, автор знаменитого труда «Деяния Петра Великого», рассказывал об одной известной модистке, живущей в Москве в 1793 году, мадам де Биль.

«Из описи ее товаров видно, что оных у нее находилось на несколько сот тысяч рублей. Товары сии состояли из множества галантерейных вещей, суконных материй, чулок, перчаток, шляп... душистых вод, эссенций и проч. Улица, на которой был сей французский магазин, запиралась, так сказать, каретами, друг перед другом спешили раскупать товары и раскупили все за один год».

Те же предпринимательницы предлагали свои услуги по обучению молодых девиц некоторым наукам, а главным образом поведению и манерам. О таких «учительницах» узнавали через знакомых или из объявлений, которые француженки размещали в «Московских ведомостях». В одном из них некая: «Мадам де Мога... уведомляет, что если кто пожелает отдавать своих детей-девиц на ее содержание... для обучения французскому языку и географии, то она тех желание не преминет удивлять; показывая при том благородные поступки... Живет на Мясницкой улице, в доме вдовы Карповой у Красных Ворот».

Не известно, насколько нужна была девицам гео-

графья, но французский язык, а заодно и те советы, что могла дать опытная дама, пригодятся в любом случае.

Глава 2

От кафтанов до фраков

Хлопоты модного юношества о туалетах, а заодно и своем месте в обществе, которое добиться можно было, по их разумению, лишь благодаря внешнему лоску и модным манерам, оказывались столь же бесконечными, как и женские. Сатирическая литература середины и второй половины XVIII века всячески высмеивала жалкие их попытки стать значительными и респектабельными с помощью помад и модных безделиц. Маркиз Караччоли в «Модной книге» писал: «Прежде чинов можно было добиться умом и старанием, теперь этого не потребуется изрядно голову напудрить, иметь на платье несколько рядов кружев... несколько платков, всегда опрыскиваемых амбровую или лавандовую водою, и несколько прекрасных нововымышленных слов...»

Отечественные сатирические журналы «И то и сие» М. Д. Чулкова, «Адская почта» Ф. А. Эмина, «Смесь» и «Трутень» Н. И. Новикова и другие ядовито высмеивали наших модников, давая им обидные прозвища. Петиметрами называли светских щеголей, суетонами — суетных людей, придававшихся пустой светской жизни, а вертопрахами — легкомысленных и ветреных людей.

Все то, о чем так серьезно размышляли наши герои-модники, все, чему они посвящали большую часть своей жизни, подвергалось ироничной критике. Сатирический журнал «Вечерняя заря» в «Наставлении молодому Суетону» от 1782 года писал:

Когда ты, Суетон, во свет теперь вступаешь,
И благородным в нем почестся ты желаешь,
Коль хочешь жизнь свою по моде провождать:
Законы нужные ты должен наблюдать.
Не бывши просвещен нравоученьем модным,

Не можешь в публике казаться благородным,
Постой, остановись, помедли в свет вступать.
По моде ты чешись, по моде одевайся,
Румянься и белись, духами окропляйся,
Помадою тупей * душистою своей мажь,
Приборной, щегольской, имей ты экипаж...

Наряду с модной одеждой — модные манеры. Если юноша хотел зарекомендовать себя человеком значительным, то просто обязан был научиться с эдакой легкостью и непринужденностью «повертывать одну за другою две или три табакерки в руках своих, вынимать часы то английские, то парижские... Поправлять часто кружева и уметь хорошенько их выказывать, вынимать для показа карманный платок, намоченный благоуханными водами, и иметь вид всегда занятого человека».

Ему надлежало находиться в непрерывном движении, громко обращаться к собеседнику, вскакивать с кресел и бежать навстречу знакомым с тем только, чтобы задать вопрос об общем приятеле. В разговоре такие франты часто употребляли «нововымышленные» слова, несли полную околесицу, не к месту смеялись или, оборвав на полуслове разговор, заговаривали с другими и третьими. Считалось хорошим тоном волочиться не за одной, а сразу за несколькими дамами, постоянно менять свои симпатии, крутить по два-три романа и, вдруг внезапно порвав со всеми, таинственно заглядываться на какую-нибудь новую пассию.

Но попробуйте-ка при такой жизни обойтись без надлежащих средств. Промотав состояние родителей на увеселения, одежду, украшения и подарки, на массу учителей, опутанный долгами, вертопрах иногда все же задумывался над своим отчаянным положением. В 1792 году в журнале «Зритель» И. А. Крылов писал, что векселя, выданные портным, сапожникам и другим ремесленникам, щеголь и в двести лет оплатить не в состоянии. И потому в скором времени приходилось молодому человеку искать невес-

* Тупей — прическа со взбитыми впереди и зачесанными назад волосами, от французского слова *toupet* — чуб.

ту среди богатых, пусть и не очень молодых, не очень умных и не очень красивых дам. А уж если говорить о поиске невесты, то перво-наперво нужно было позаботиться о модном платье.

Мужской костюм, как и женский, долгое время сохранял свой силуэт. Вид кафтана почти не менялся, несколько уменьшилась высота обшлага на рукаве, немного укоротились его полы. Застегнутый на три-четыре средние пуговицы, кафтан обрисовывал талию. Щеголи расширяли его юбку на боках, вшивая в подкладку пластинки китового уса, грубую парусину или волосяную ткань, чтобы талия казалась еще тоньше.

Мужской гардероб обновился домашним шелковым или бархатным халатом под названием шлафрок, который отделявали шалевым воротником и обшлагами другого цвета. Например, голубой атласный шлафрок шили с обшлагами из палевого атласа, а носили с красными бархатными кюлотами — короткими панталонами, светло-серыми чулками и светлыми башмаками. Теплые халаты подбивали ватой или мехом и мехом обшивали. Некоторые вельможи наказывали вышивать на них орденские звезды. Особым шиком считалось принимать в таком виде гостей ниже по сану. Г. Р. Державин вспоминал, что граф Н. И. Панин принимал обер-офицеров в сером атласном шлафроке и французском колпаке с лентами.

В конце 70-х годов или в самом начале 80-х из моды вышли складки на юбке кафтана. Новые кафтаны кроили со скошенными передними и гладкими задними полами, с более высоким стоячим воротником и с узкой спинкой. К началу 90-х франты влезли в прямополые кафтаны с очень узкой спинкой и высокой талией, правда, старики и солидные люди сторонились этой моды. К середине века камзол утратил рукава, а к концу века его шили из белых шелковых тканей или парчи.

Существенным образом не менялся и покрой коротких панталонов — кюлотов. Если до 60-х годов чулки натягивали («накатывали») на обшивку кюлотов, то позже обшивка их у колен проходила поверх чулка и кюлоты закрывали колена.

Сатирический журнал «И то и сию» в 1762 году так описал модника того времени: «...платье на нем все играло и тихие зефиры колебали его кисточками, которые висели на кафтане его подле петель; голова у него была напудрена, тонкие его манжеты и ленточки на шпаге заставляли всякую красавицу вздохнуть о нем от чистого сердца. Он выступал замысловато и нес перед собою зонтик, а по-русски подсолнечник или тенник, кто как изволит».

Богатые дворяне не только сами щеголяли в подобных туалетах, но и слугам своим заказывали пышные одежды — ливреи. Ливреей назывался костюм, состоявший из тех же кафтана или сюртука, камзола и коротких штанов. Одежда обшивалась золотым или цветным галуном. Эта мода распространилась даже в среде провинциальных дворян, пытавшихся во всем подражать богатейшим столичным.

О туалетах последних ходили легенды. Рассказывали, что Андрей Кириллович Разумовский (1752—1836), сын последнего гетмана Украины, был самым отъявленным мотом и щеголем своего времени. М. И. Пыляев писал, как однажды к его отцу явился портной со счетом 20 тысяч рублей. Кирилл Григорьевич очень удивился стоимости платья и наведалься в комнату своего отпрыска, где в гардеробе одних жилетов насчитал несколько сотен. «Разгневанный отец повел графа Андрея в кабинет и, раскрывая шкаф, показал ему кобеняк и мерлушечью шапку, которую носил в детстве.

— Вот что носил я, когда был молод, не стыдно ли тебе так безумно тратить деньги на платье, — сказал гетман.

— Вы другого платья и носить не могли, — хладнокровно отвечал сын. — Вспомните, что между нами огромная разница: вы — сын простого казака, а я — сын российского фельдмаршала.

Гетман, любивший и сам отпустить острое словцо, был обезоружен ответом сына».

Да как попрекнешь сына, если парадное платье Г. А. Потемкина (1739—1791) оценивалось в 200 тысяч

рублей, что приблизительно составляло годовой оброк 40 тысяч крестьян. Кафтан был отделан шитьем и шелковыми вышивками, камзол атласный или из матового шелка расшит золотом, серебром, драгоценными камнями, цветной фольгой и жемчугом. Короткие штаны застегивались у колена серебряной или золотой пряжкой. Дополняли этот костюм белые шелковые чулки иногда с цветной или золотой стрелкой и черные туфли с большой пряжкой.

Богатейший человек, граф Петр Борисович Шереметев (1713—1788), живший со «всевозможным великолепием», удачно женившись на не менее богатой красавице княжне Варваре Алексеевне Черкасской, удвоил, а то и утроил свое состояние. И уж конечно, не отказывал себе в самых дорогих платьях. «Одежды его, — писал князь М. М. Щербатов, — наносили ему тягость от золота и серебра и ослепляли блистанием очи, экипажи у него были выписаны из Франции, ... в доме его было столько предметов самой утонченной роскоши, что он, не готовясь нисколько, мог каждый день принять у себя императрицу».

В свою очередь, и сын его, Николай Петрович (1751—1809), воспитанный в тех же традициях, постоянно пополнял свой гардероб кафтанами, камзолами и штанами из парчи, бархата, атласа и глазета, шитыми золотом или серебром; кафтанами и камзолами из простого сукна с шитьем и без шитья, а когда пришла в 70-е годы мода на фраки, то и они заняли положенное место в шкафах.

К услугам российских великосветских модников были известнейшие парижские магазины и лучшие портные. Модникам поскромнее надлежало сыскать хороших портных в своем городе — это наипервейшая забота любого франта. «Московские ведомости» предлагали своим читателям массу мастеров, уверявших потенциальных клиентов в своем отменном искусстве. Но, пока сыщешь умелого, столько сил и средств в пустую переведешь!

Немало бы рассказал наш герой-щеголь, если б мог, о своих мытарствах с этими портными. Соберется он, бывало, на гулянье в Екатерингоф, заранее

узнает, будут ли там его пассив «N» или «X», и велит портному сшить самое модное платье. А шельмец закройщик мало того что отечественную ткань выдаст за импортную и сдерет с него в три шкуры, он еще и костюм испортит. То заузит так, что на спине швы лопаются, то длину модную не «даст», то еще что-нибудь. Какой уж тут праздник!

Да и домашние мастера, зачастую, только назывались портными. Героиня комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» госпожа Простакова, увидев сшитый слугой Тришкой кафтан, пришла в ужас.

«А ты, скот, подойди поближе. Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя, первое, растет; другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения. Скажи, болван, чем ты оправдаешься?»

Тришка. Да ведь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вам докладывал: ну, да извольте отдавать портному».

Что и говорить, не права хозяйка, решившая сэкономить таким образом. Надлежало обратиться к уже известному закройщику, молва о котором пронеслась по столице. Достаточно взглянуть на отлично сшитые обновки модников и выспросить, во сколько обошелся заказ да кто его выполнил. Искусство настоящего мастера оценивалось высоко, что явствует из эпитафии «На смерть славного закройщика Брокера, умершего в августе 1773 года», напечатанной в петербургском журнале «Старина и новизна».

Закройщик умер здесь мужских одежд Брокер,
Который платье шить имел отменный дар;
Он был Оракулом для щегольства и моды,
У знатных всех ему отверстны были входы;
И щеголем никто назваться здесь не мог,
Когда не им одет, за деньги или в долг;
В том нужды нет, но в том, что трытская та пара
Рукою кроена искусного Брокера,
Что шила оную французская игла,
И пыль от веников его на нем легла;
Что в сутки сделана она в его покое,
И что за труд он взял противу прочих в трое:
Таких достоинств муж не мог бессмертен быть,
И долгу не успел собрать, ни заплатить,
От всех мирских сует под камень сей сокрылся,

Конечно, он за долг взаимный огорчился?
Но как бы ни было, а всем Брокера жаль!
А паче щеголям великая печаль,
Что платью некому им шить теперь по моде,
Чтоб франтами себя оказывать в народе,
Прельщать и брать в полон сердца красавиц тех,
В мужинах, кои чтут, достоинств вместо всех,
Наряды и то се, что золотом ни блеснет.
Не сетуйте, Брокер, авось либо воскреснет.

Только обсудили эту печальную новость, как за ней пришла очередная, для модников небогатых неселая — в моду вошли фракы. Где сыскать средства на новый костюм? И старое платье на новое не переделывать: покрой изменился значительно.

Фрак — изобретение английское, его носили как повседневную одежду в среде буржуа. В начале 70-х годов мода на него пересекла Ла-Манш и оказалась во Франции, где встретила массу поклонников, и уже очень скоро фрак завоевал признание у всего европейского дворянства. Строгий, простой английский костюм был своеобразным противопоставлением пышному французскому. Некоторые надели его не задумываясь, как очередную новинку моды, другие выражали тем самым свое одобрительное отношение к независимой и удачной политике этой страны. Англия, торжествующая на морях, владычица богатых земель восточной Индии, противопоставлялась Франции, истощенной непрерывными войнами, роскошью двора и крайне запутанной в своих доходах и расходах.

Собственно, тогда и началось медленное разделение модников на два лагеря, один из которых тяготел ко всему английскому, а другой — к французскому. В 1772 году в России, по словам журнала «Живописец», появилось подражание английским модам, правда, тогда оно не укоренилось, и французская все же одержала вверх.

Что же касается самого фрака, то в отличие от кафтана он имел скошенные или подрезанные передние полы, стоячеотложной воротник и, как правило, не украшался. В течение времени он несколько видоизменялся, и к началу 90-х годов его шили с ко-

роткими фалдами. Английский фрак носили с панталонами в обтяжку или лосинами с невысокими сапогами. Французским называли парадный фрак, с фалдами ниже колен и округленными передними полами, его украшали шитьем, носили с кюлотами, чулками и туфлями. К фракку полагался жилет, появившийся с ним одновременно и являвшийся, по существу, модифицированным камзолом.

Революционная Франция в 90-е годы принесла в Россию моду на короткие жилеты, едва доходившие до пояса, коротенькие фраки с высоким до ушей воротником и торчащими до плеч жабо. Шили костюм из яркого сукна. Носили при этом маленькие круглые шляпы и сапоги с большими отворотами. Очень модной деталью туалета был лорнет.

Поклонников этих одежд решила высмеять сама императрица, чтобы отвадить от подражания французам и чтобы в России от подражания революционной моде не перешли к политическому подражанию. Она велела вырядить петербургских будочников в такой же «щегольской» костюм и дать им в руки лорнеты. В таком виде городская стража приветствовала модников, встречавшихся на улице. Будочники подходили к франтам, шурились в лорнеты и говорили им, как друзьям: «Bonjour!» После чего и жабо, и лорнеты довольно быстро исчезли.

Влиянию моды оказались подвластны все слои общества. Люди самого разного дворянского достоинства, самого разного достатка, самые обычные горожане и горожанки стремились одеться как можно изящнее и моднее и, по возможности, чаще покупать и шить новые костюмы. Это положение ярко отражено в стихотворении под названием «Стихи о праздничных обновлениях, сочиненные 1791 года, Н. М.»:

Суетится всяк, хлопочет
Для праздничных наших дней,
Всяк обновки делать хочет
На себя и на людей.

Все ряды людьми набиты,
В магазинны ж не пройтить;
К портным щеголи все сбиты,
Всяк толкуя, как что сшить.

Из конца в конец всяк мчится
И торопится поспеть,
Чтоб обновок не лишиться
И чтоб в первой день надеть,

.....

Лишь бы в праздник показаться,
У качелей проблестев,
С богачами поравняться,
Денег гроша не имев.

И в то время как суетится всяк, и спешит выбрать галантерейный товар и сшить себе обновку, некоторые модные господа вновь и вновь все пристальнее рассматривают не изысканных французов, которых можно было видеть в кругах русской аристократии (французы эмигранты наводнили наш двор и задавали здесь моду), а загадочных англичан. Если французская мода культивировала изящество и изысканность, английская допускала экстравагантность и в качестве высшей ценности выдвигала оригинальность.

Русские путешественники обращали внимание на любую мелочь, отличающую своего соотечественника или француза (которого, как им казалось, они уже знали досконально) от англичанина. В 1796 году на страницах московского журнала «Приятное и полезное препровождение» нашла место заметка «Россиянин в Англии».

«Ныне англичане стали модным народом, — писал автор, — англичанки прекрасны! Белы, румяны и имеют хорошие черты лица и приятный стан. В этом они похожи на наших россиянок... Отличаются от наших красавиц некоторою скромностью. Они не столько живы, как чувственны, нежны, великие охотники до музыки и танцев... в обществе они больше разговаривают о политике, о министерстве и о состоянии государства, нежели о нарядах... богатые люди во многом умереннее наших...»

Подражание европейским модам разделило русское общество на две части: одна из них, проживающая в Петербурге, превозносила английский стиль, другая, проживающая в Москве, — тяготела к фран-

цузскому. Хотя в обеих столицах было большое число здравомыслящих людей, которые сдержанно и трезво относились к любым модным веяниям.

Впервые задумались над тем, что же такое мода, впервые обратили внимание на то, что она оказалась сильнее любых законов и распоряжений. Русские писатели-сатирики с интересом натуралистов изучали это явление.

Писатель Николай Иванович Страхов (1768—1811(?)) в книге «Рассматриватель жизни и нравов» вспоминал: «Я вступил в свет во время коротких кафтанов. Вскоре единодушно приняли кафтаны с высокими лифами и узкою спинкою; потом начинали шить лифы ниже. Фраки красного цвета, с черными костяными пуговицами изгнаны были фраками палевого цвета; вскоре одержали победу полосатые сукна, а над ними светло-голубое или бирюзовое сукно. Камзолы уступили место сражения фуфайкам без пуговиц, настало владычество жилетов с пуговицами на двух сторонах и потом на одной. Перемены пуговиц были бесчисленны. Вместо них носили так называемые оливки с кисточками разного вида, за ними следовали стальные бочечки, маленькие стальные пуговицы звездочкою, шитые по материи блестками, подобные фарфоровым, медные пуговицы шипиком, такого же вида шелковые и гарусные, медные, которые впоследствии времени возросли величиною в пятак, с портретами и коньками, за стеклами, дорогие стальные и стразовые...»

Писатель задавался вопросом, отчего же так часто происходят все эти изменения, почему мода не останавливается на удобном и практичном платье, почему она словно сама себя подгоняет? В результате размышлений он пришел к довольно простому выводу — быстротечность эта связана с тем, что как только мода доходит до мелкого дворянства, то тут же отвергается богатыми, которые ни в коем случае не хотят уподобляться бедным. Правда, это явление было свойственно щеголям не только XVIII века, оно проявилось гораздо раньше.

Бриллиантовые подвески и... блошинные ловушки

Огромной статьей расходов в бюджете модника являлась покупка драгоценностей. И хотя в предыдущие столетия страсть к ним была не меньшей, в век вертопрахов и капризных щеголих она разгорелась с невиданной силой. Желание представить себя не только в модной одежде, но и украшениях, которым не найти и равных, — стремление любого франта. В то время модными считались ювелирные изделия с крупными камнями: алмазами, сапфирами, изумрудами и рубинами, обрамленными бриллиантами, стоимость которых нередко составляла годовой доход небогатого дворянина.

Рассказ о ювелирных украшениях хочется начать с истории работы придворного «брильянтщика» Иереми Позье. Во-первых, потому что он соблаговолил написать о ней, а во-вторых, потому что рассказ о некоторых моделях украшений и о том, как они создавались, дает общее представление об изделиях, которые носили в те годы.

Иереми Позье родился в 1716 году в Швейцарии. В 1729 году его отец в поисках лучшей жизни вместе с маленьким сыном отправился в Россию. Надо сказать, что такой выбор оказался не случаен, в Москве жил и работал его брат — хирург Петр Позье.

Сначала мальчика записали сержантом в армейский полк, а перед смертью отец устроил сына в 1731 году в Петербург в ученики к «брильянтщику» французу Граверо, специалисту по огранке алмазов, который получал заказы от двора ее императорского величества Анны Иоанновны. Правда, водился за ним грешок, он любил выпить, пьяным был груб, часто избивал и жену, и своего ученика. Позье приходилось мириться с таким положением и надеяться на то, что, овладев профессией, он обретет независимость и состояние.

Случай помог ему сделать первый и главный шаг в

работе — показать свои навыки клиентам. Русская императрица питала нежную страсть к бриллиантам. Однажды, когда из Китая пришел караван с товарами, среди которых было множество драгоценных камней, она пожелала увидеть собственными глазами, как ловкие пальцы мастеров превращают неброские тусклые камни в великолепные, играющие разноцветными искрами бриллианты.

Анна Иоанновна распорядилась, чтобы мастеров перевели во дворец, в комнаты, находящиеся недалеко от ее покоев. На протяжении нескольких месяцев она заходила к ним чуть ли не каждый день и наблюдала за работой. Правда, чаще трудился один Позье, Граверо пил и на службу не являлся.

Как-то раз ее величество обратилась к юноше: «Ты еще молод, хотел бы ты, чтобы я послала тебя в Китай с посланником Деланом, чтобы выбрать камни, которые там скупают на мой счет?»

О чем раздумывать, да, конечно, он согласен и искренне благодарен за это предложение. Деловая поездка за границу, в страну, наводненную ювелирными камнями из Индии, Цейлона и других соседних стран, в любом случае была очень полезна для начинающего мастера. Это давало возможность познакомиться с грандиозным рынком поделочных камней, завязать полезные связи и т. п. Сколько различных фантазий уже рисовалось в воображении юноши, какие планы вынашивались! Но, увы, все они оказались несбыточными из-за смерти императрицы.

После девяти лет обучения молодому мастеру не без труда удалось избавиться от Граверо. Наставник ни в какую не хотел его отпускать и всячески оттягивал этот момент. Самостоятельную работу Позье начал с мелких заказов, скопил немного денег, взял помощника и со временем приобрел клиентуру из числа знатных вельмож, с которыми успел познакомиться, работая при дворе. Он проявлял себя не только как хороший огранщик, но и как предприниматель. Позье рассказывал: «Когда у меня завелись кое-какие деньги, я начал торговать цветными камнями, привезенными контрабандою купцами китайских карава-

нов, так как самому мне позволено было вывозить их только для двора. Это дело оказалось довольно прибыльным. Имея возможность самому отделять их, я умел показать сокровища в лучшем виде и продавал их вельможам с хорошим барышом».

В 1740 году правительницей России (правда очень ненадолго, до 1741 г.) стала Анна Леопольдовна. Получив в распоряжение казенное имущество — драгоценности предшественников, она, как-то перебирая их, решила некоторые переделать на свой вкус. Граф Линар, фаворит Анны Леопольдовны, знакомый с Позье, послал за ним, желая представить ко двору. Ювелир не замедлил явиться.

«Надо, — сказала Анна Леопольдовна, — чтобы вы помогли нам сломать некоторые вещи, которые я хочу переделать по последней моде». Позье понял, что речь идет не столько о работе, поскольку разломать изделия могли и без него, сколько о знакомстве. Учтиво поблагодарив за оказанное доверие, он все же осторожно заметил, что эта работа золотых дел мастеров, а он лишь режет, обрабатывает и оценивает драгоценные камни. Анна Леопольдовна показала на собственноручно разломанные украшения и уверила его в том, что особых навыков не потребуется. Камни вытащили, и правительница щедро расплатилась с мастером пустой золотой оправой. Позже Позье очень удачно продал ее и на вырученные деньги купил драгоценные камни.

Искусные работы Позье, аккуратность, честность и готовность оказывать кредит заказчикам, как правило, вельможам императорского двора, его осторожность и умение избегать придворных интриг привлекали к нему много заказов. Его знакомыми и клиентами стали первые вельможи империи: Бирон, Левенвольд, Линар, Лесток, Шувалов, Воронцов, Разумовский и другие, что, в свою очередь, открывало ему двери в покои Елизаветы, Петра III и Екатерины II.

Рассказывали, что жена Бирона Бенигна до самоубийства любила бриллианты. Анна в угоду своему любимцу тратила огромные средства на покупку кам-

ней и жемчуга для платьев его жены. Одно такое платье стоило 100 тысяч рублей, другое 400 тысяч рублей.

Петр Иванович Шувалов при первом удобном случае представил Позье Елизавете Петровне. Первым ее заказом стала бриллиантовая звезда. Мастер выслушал пожелания и решил, что для начала он сделает модель украшения из воска, чего до него не делали, вставит туда настоящие камни и покажет императрице, чтобы услышать ее замечания.

Этим приемом он приятно удивил Елизавету, ей и камни понравились, и понравилась выдумка с восковой моделью. А вот о цене поспорила, она показалась ей высокой. Однако Позье настоял на своем, заметив, что почти ничего не берет за работу и что его цена — стоимость чуть ли не одних камней. Елизавета позволила себя убедить.

Когда же ювелир преподнес готовое изделие императрице и она поблагодарила его и расплатилась, кто-то из фрейлин невзначай заметил, будто бы камни в восковой модели казались значительно крупнее. Возмущенный Позье с трудом сдержался от колкого ответа, но настроение, конечно, испортилось. Спустя время справедливость восторжествовала. Очень приятно было узнать, что Елизавета Петровна справлялась о цене изделия у других мастеров, и они назвали цену выше той, что запросил Позье. Честь ювелира не пострадала.

Работы хватало всегда, поступали заказы и от частных лиц, и от двора на изготовление ювелирных украшений — подарков посланникам иностранных держав. Камни крупные и мелкие шли на отделку табакерок, колец, застежек, пряжек и т. п.

В 1750 году Позье побывал в Швейцарии, навестил своих родственников и в подарок Шувалову и Елизавете Петровне, у которых получил разрешение на поездку, привез «пачку бронзовых медалей». Императрице они так понравились, что она попросила выписать этого мастера для работы в Россию.

А вот какие «вещицы» заняли место в шкатулке императрицы. Елизавете Петровне Позье преподнес маленькое «художественное яичко, на котором был

изображен из брильянтов двуглавый орел и ее имя и которое открывалось посредством маленькой пружинки и могло служить коробочкой для туалета», табакерки «во вкусе еще неизвестном в России» и маленькое ожерелье из «брильянтиков» «очень красивого рисунка, которое можно было надеть на шею, будто ниточку. Она сейчас же его надела, воскликнув с восторгом: «Господи, как это мило и удобно!»

Кольцо с маленькими часиками, осыпанными алмазами, императрица надела на палец и сказала: «Если бы у вас была с собой моя рука, вы не могли бы вернее сделать кольцо по мерке».

О своих заказчиках, о модных в те годы украшениях ювелир, к сожалению, почти не пишет, есть, например, лишь коротенькое сообщение о том, что Елизавете Воронцовой он сделал украшение в виде букета из бриллиантов, а еще рассказывал, что, когда по воскресеньям во дворце устраивался бал, на котором присутствовало по 3 тысячи человек, вероятно богато разодетых, «брильянтов придворные дамы надевают изумительное множество. На дамах сравнительно низшего звания бывает брильянтов на 10 000—12 000 рублей.

Они даже в частной жизни никогда не выезжают не увешанные драгоценными уборами, и я не думаю, чтобы из всех европейских государынь была бы хоть одна, имевшая более драгоценных уборов, чем русская императрица. Корона императрицы Елизаветы, стоящая чрезвычайно дорого, состоит, так же как и все ее уборы, из самоцветных камней: из рубинов, из сапфиров, из изумрудов. Все эти камни ни с чем не сравнятся по своей величине и красоте. Таково впечатление, вынесенное мною из этого двора, который я имел время изучить, прожив при нем около 30 лет».

Если дамы «сравнительно низшего звания» надевали на себя драгоценностей на 10—12 тысяч рублей, то столько же стоило лишь одно кольцо с крупным редким камнем богатого вельможи.

Для сравнения приведем пример. В конце века скромное поместье могло оцениваться в 3 тысячи рублей, имение получше в 7 тысяч, а то и в 70 тысяч

рублей. Или, к примеру, 30 десятин земли продавали за 350 рублей. Конечно, можно было бы долго рассуждать о том, что в одной губернии земля дороже, а в другой дешевле. Но даже эти примеры дают некоторое представление о том, какие капиталы «носили» на своих руках или платьях наши вельможные предки.

Когда на престол вступил Петр III, Позье получил довольно любопытный заказ. В то время к императору приехали из Голштинии родственники — дядя, принц Георг Голштинский и его семейство. Ювелиру заказали украшения сразу в несколько уборов, чтобы языкастые придворные дамы не сказали: «Смотрите-ка, эти иностранки чуть ли не голые приехали к нам». Поскольку цена на украшения с натуральными камнями была бы очень высока, решили использовать вперемешку драгоценные и фальшивые камни. Последние, разных цветов, Позье так изящно поместил в изделие с настоящими бриллиантами, «что невозможно было догадаться, что камни не настоящие». При дворе эти уборы произвели огромный эффект, «наши дамы надивиться не могли, как это у них так много вещей и таких отличных камней, и с таким искусством подобранных и отделанных. Как только я явился ко двору, меня обступили и спрашивали: настоящие ли это камни? Я, разумеется, не разуверил их, как и сговорился с принцессами. Император, которому известна была эта хитрость, приходил в восторг, тем более что это его избавило от слишком большого расхода для тетки и племянницы».

Екатерина Алексеевна после вступления своего на престол в 1762 году уже через несколько дней вызвала мастера к себе и сказала, что поручает ему пересмотреть отобранные казенные украшения и разломать для переделки все то, что уже вышло из моды, и пустить на изготовление новой короны.

Но Позье давно вынашивал мысль о возвращении на родину, заказ и не один он, разумеется, выполнил, но втайне готовился к отъезду. Уехать официально — почти невозможно, известного своими работами мастера не выпустили бы из страны. Но поскольку случай имел место и ювелир, как и обещал, вернулся в

Россию, то и второй раз он заявил, что вместе с семьей едет в отпуск. После чего без особенных проволочек получил разрешение на выезд. В 1764 году семья Позье уехала на родину в Швейцарию. В Россию они не вернулись.

Его место заняли другие. В обеих столицах работало немало ювелирных мастеров, как немало было желающих заказать, переделать и купить новое украшение. В Петербурге славились работы Ж. П. Адора и И. Г. Шарфа.

Предпринимательская деятельность европейских ювелиров здесь, как и везде, подвергалась немалому риску. В 1770 году «Московские ведомости» в разделе объявлений сообщали о некоем Жане Шабере де Тардие, которого обворовал новгородский купец. Тардие привез на продажу драгоценные камни, ювелирные украшения и косметику. Подробный список вещей был размещен им в газете в надежде на то, что покупатель узнает товар по описанию и заявит о воре.

Спустя три года тот же господин де Тардие дал объявление в «Ведомостях» о собственной торговле, но только косметикой. Француз предлагал посетить его собственный дом у Кузнецкого моста и приобрести румяна и модные духи. Вернул ли он украденные товары, неизвестно.

Самыми популярными украшениями второй половины XVIII века, как мы уже упоминали раньше, оказались изделия с крупными драгоценными камнями, обрамленными бриллиантами. Сияние бриллиантов, яркость синих и голубых сапфиров, нежность зеленых изумрудов и торжественность малиново-красных рубинов прекрасно дополняли тяжелую драгоценную ткань костюма придворной знати. Особенно нравились щеголихам броши или серьги в форме бантов.

Для высоких причесок создавали серебряные или золотые заколки в виде цветков. Их длинный стебель в своей верхней части заменялся тонкой пружинкой. Даже при самом легком движении головы цветки красиво покачивались, повергая завистниц в неописуемый трепет. Дивное украшение!

Испанский посланник де-Лирия из Петербурга писал: «Я был при многих дворах, но могу уверить, что здешний двор своею роскошью и великолепием превосходит все богатейшие дворы, потому что здесь все богаче, нежели в Париже».

Дополнением к костюму и всему образу дворянина стала палка или трость, ее носили как штатские, так и военные мужи. Если до 80-х годов модной считалась высокая трость с небольшим круглым набалдашником из стали, серебра или золота, то в 80-е годы модники отдали предпочтение набалдашнику из слоновой кости в виде яйца или шляпки гриба, в котором иногда помещался свисток. Столичные щеголи освистывали театральные постановки или игру актеров и производили такой неприличный шум, что это в скором времени вызвало строгий запрет.

В те же годы популярность пришла к тонким тростям с загнутой ручкой и двумя кисточками на шнурке. До 90-х годов носили палки с золотой, серебряной или фарфоровой ручкой, украшенной камеей. Иногда в ручку вставляли лорнет или часы. Покупали толстые бамбуковые трости с черным шелковым шнурком и с двумя желудями. Делали для щеголей суковатые лакированные дубинки или короткие толстые трости, в костяную ручку которых вставляли зрительную трубку.

Тростями и палками гордились, у иного важного вельможи трость стоила не одну тысячу. Трость графа Кирилла Разумовского из агата с алмазами и рубинами оценивалась в 20 тысяч рублей. Князь Лобанов-Ростовский собрал целую коллекцию тростей, которую купил у него граф И. И. Воронцов-Дашков за 75 тысяч рублей.

Что трости и кольца! Некоторые вельможи буквально усыпали свои платья драгоценностями. Кирилл Разумовский имел мундир, залитый бриллиантами; Потемкин заказал шляпу, украшенную бриллиантами, которая оказалась так тяжела, что ее невозможно было носить на голове. Играя в карты, он элегантно расплачивался бриллиантами, правда, не

очень крупными. Зубов не только украшал одежду бриллиантами, но и по несколько штук носил их в кармане, время от времени вынимал их и наслаждался игрой света.

Князь Г. Г. Орлов преподнес Екатерине Алексеевне достойный подарок — алмаз величиной в 300 карат. В 1773 году он купил его в Амстердаме у армянского купца. Камень вставили в резную серебряную оправу и укрепили в верхней части Российского державного скипетра. Он сохранился до сегодняшних дней и известен под именем «Орлов» (подобные крупные камни, а в мире их не так много, имеют свои имена и, конечно, свои легенды).

Один из богатейших людей екатерининской эпохи, светлейший князь Александр Андреевич Безбородко (1747—1799), государственный деятель, дипломат, буквально купался в роскоши. Изумляли всех праздники, которые он устраивал в честь знаменательных событий в своем доме, например по случаю заключения мира с турками в 1793 году или в 1796 году в честь приезда в Петербург шведского короля Густава IV.

Его великолепный дом поражал богатством. Лестницы его дворца были устланы азиатскими коврами, стены украшены картинами, потолки — огромными люстрами, диваны затянуты дорогим атласом с золотыми кистями, а вазы, в которых стояли цветы, осыпаны жемчугом, изумрудами и другими драгоценными камнями... Пораженный таким великолепием шведский король, как тогда рассказывали, воскликнул: «Это настоящий волшебный дворец!»

В торжественные дни Безбородко приезжал ко двору в роскошной золоченой карете, в не менее роскошном костюме, который украшали ленты, Андреевская звезда и густо усыпанные бриллиантами пуговицы на кафтане и пряжки на башмаках. Конечно, это далеко не все, чем мог похвастаться богатейший вельможа, рассказывали, что дома в шкапулках у него хранилось несметное количество драгоценностей.

К тому же князь был страстным охотником до

женского пола, не пропускал ни одну хорошенькую актрису или танцовщицу и брал их на содержание. На него князь не скупился, и многие красотки неплохо обогащались за счет слишком щедрого волокиты. Влюбившись как-то в итальянскую певицу Дави, он отпускал ей ежемесячно «на прожиток» по 8 тысяч рублей золотом, когда же однажды подарил ей 40 тысяч рублей, вмещалась Екатерина Алексеевна. Узнав об этом эпизоде, она распорядилась выслать итальянку из Петербурга в 24 часа. Расставаясь с ней, несчастный вельможа подарил на прощание денег и бриллиантов на 500 тысяч рублей.

Не знаем, насколько быстро утешился князь. Но вернемся к нашим модным безделушкам. Среди них особое место в XVIII веке занимали табакерки. Обычай нюхать табак распространился как среди мужчин, так и женщин. Он пришел, конечно, из Франции. Изнеженные щеголи и жеманницы употребляли табак с ароматическими добавками. Табакерки делали из золота, серебра, слоновой кости, дерева и даже бумаги, многие из них, украшенные драгоценными камнями, были изготовлены весьма известными ювелирами.

Табакерки стали той мелочью, которой оказалось приятно занять руки, отвлечься на ее содержимое, когда в разговоре брали паузу, когда надлежало сменить тему или просто выйти из комнаты, прервав тем самым нежелательное объяснение. А кроме этого, табакерка выступила в роли посредника между влюбленными, она помогала им скрывать чувства от нежелательных глаз.

Приходит, скажем, некий волокита в дом к хозяйке или дочке, и прямо на глазах у мужа или отца передает ей любовную записочку. Вернее, он передает табакерку, будто бы угощая своим табаком. Записку передавали из рук в руки вместе с коробочкой или вкладывали в нее. На таком маленьком клочке бумаги писали, например:

Мое ты утоли, красавица, мученье,
В известно место нам явился в воскресенье...

или:

Явись, суровая, явись хотя в ряды,
И тамо учини конец моей судьбы...

Та, которой предназначалось это послание, под благовидным предлогом выходила в другую комнату, где читала его, писала ответ, который передавала таким же способом.

Табакерки, разумеется, чаще использовали как простые шкатулочки, в которых хранили мелкие украшения.

Вернулась в то время мода на так называемые привески, теперь их называли шателены, они стали неотъемлемым украшением корсажей дамских платьев и кафтанов кавалеров. Шателен — широкая цепочка с большим плоским крючком наверху. К нему прикреплялись часы, медальоны, брелоки и ароматницы. Иногда цеплялись даже миниатюрные несесеры, в которых хранили несколько флакончиков для духов, ногтечистку, косметические кисточки или лопатки.

В то же время далеко не миниатюрные несесеры стояли на туалетных столиках наших модников. Их делали из оникса (черно-белого или слоистого коричнево-белого) и многоцветного агата, украшая надписями галантного содержания, такой, например: «Надежда на твою верность — это мое единственное счастье».

А еще была в моде вещь для нас, современников, необычная, даже мало приятная, — блошинная ловушка. В конце века ее носили на груди на шелковой ленточке или золотой цепочке. Ловушку делали в форме трубочки из дерева, слоновой кости, серебра или золота. В трубочке проделывали дырочки, снизу ее закрывали, открывая верх, в него помещали стволик, намазанный медом, сиропом или какой-либо другой липкой жидкостью.

Образ красотки с подобным украшением, наверное, современным модникам романтического настроения не создаст.

Прически на сале, с мукой или крахмалом

Большое разнообразие ювелирных украшений, всякого рода отделки к пышному платью, будь то бантики, ленточки или шали, требовали соответственных причесок. Если в 30-е годы женщины носили пудренные волосы, которые надо лбом низко зачесывались, а сзади разделялись на множество локонов, спадавших на спину, то в 70-е годы прически выросли в высоту, являя собой целые сооружения из лент, цветов, перьев и волос. Они носили самые замысловатые названия: «шишак Минервин» или «по-драгунски», «Рог изобилия», убор «а-ля бель пуль» и т. п. С середины 80-х годов прически делали уже низкими, волосы завивали в мелкие локоны, на спину же ниспадал шиньон. В конце века волосы перестали пудрить, а вслед за этим исчез и шиньон.

Такое краткое изложение истории причесок за пятьдесят лет не дает, конечно же, никакого представления ни о виде их, ни о тех трудностях, с которыми приходилось сталкиваться нашим модницам. Мы попробуем обратиться к воспоминаниям, критическим заметкам, сатирическим статьям и даже государственным указам того времени, чтобы оживить наш рассказ.

Сатирический журнал «И то и сию» в 1769 году общал своим читателям: «До сих пор завивали волосы и ставили кудри наподобие заливных труб и винных бочонков; я ныне упражняюсь в изобретении новой манеры. Выдумка моя состоит в том, чтобы ставить кудри наподобие цветка розы и припудривать волосы красною с некоторой белизною пудрой...»

Николай Страхов рассказывал, что во времена моды на высокие прически, украшенные страусиными перьями, не всякая женщина могла ездить в гости в дома с низкими дверями, да и в каретах они сидели мучительно изогнувшись. Тогда же рассказывали о том, что где-то с обладательницей такой высокой прически произошел пренеприятный случай. Она

коснулась волосами люстры с горевшими свечами и прическа загорелась. «Пожар потушили», но этот курьез нашел отражение в эстампе, автор которого изобразил даму с пожаром на голове и пожарников, заливающих ее водой из труб и растаскивающих ее горящие волосы крючьями.

Надо сказать, что мода на высокие прически не всем женщинам нравилась, в «Дворянском гнезде» И. С. Тургенева бабка Лаврецкого вспоминала, как тягостно было носить взбитые кверху волосы: «Поставят тебе войлочный шлык на голову, волосы все зачесут кверху, салом намажут, мукой посыплют, железных булавок натыкают — не отмоешься потом; а в гости без пудры нельзя: обидятся, — мўка!»

Волосы зачесывали к войлочному шлыку кверху, от него они укладывались по сторонам в косые крупные букли, а позади к затылку прикрепляли шиньон. Такая прическа называлась «западная собачка».

Муку с ароматическими добавками (или пудру), которой обсыпали волосы, делали цветной — розовой, палевой, серенькой, «a la vanille», «a fleur d'orange», «mille fleurs». Речь идет о цвете ванили, апельсиновом цвете и о ярком, пестреньком цвете «тысячи цветов». Это далеко не самые экзотичные названия, которые встречались во второй половине XVIII века. Как вам нравятся: «плюсовый» (красно-бурый), который имел оттенки «мечтательной блохи», «блохи, упавшей в обморок». По прихоти моды цвета получали названия «блошиной спинки» или «блошиного брюшка», «парижской грязи» или «гусиного помета». Некоторые цветовые обозначения («цвет бедра испуганной нимфы» или «влюбленной лягушки») установить уже почти невозможно, так как забыты анекдоты и различные ситуации, породившие эти названия.

Чтобы пудрой, разноцветной или белой, ровно обсыпать всю поверхность парика, устраивались просторные специальные шкафы. Туда вставала только что причесанная особа, дверцы шкафа закрывались, и сверху на нее мелким дождем сыпали пудру. Благовонная пыль равномерно опускалась на го-

лову. Были и другие способы, например, «щеголиха держала длинную маску с зеркальцами из слюды против глаз, и парикмахер пудрил дульцем — маленькими мехами или шелковой кистью».

Потом убирали прическу гирляндами цветов, перьями, наколками, драгоценными камнями — в зависимости от достатка.

Были между парикмахерами великие артисты своего дела. Некий француз Леонар, парикмахер несчастной королевы Марии Антуанетты, во время революции переехал в Россию. Про него рассказывали, как однажды, причесывая графиню Разумовскую, он выдумал новое украшение. Графиня спешила на бал и хотела блеснуть прическою, в то же время ничего оригинального для украшения волос не было: цветы, перья, бриллианты — все уже так старо и избито. Леонар, в раздумье прохаживаясь взад-вперед по комнате, ожидая вдохновения, увидел в уборной графа короткие штаны из красного бархата и, осененный внезапной идеей, схватил их, разрезал ножницами, собрал огромным пухом и устроил графине оригинальный, дотоле невиданный головной убор, имевший в обществе громадный успех.

В то время укладка волос отнимала уйму времени. За туалетным столиком иные щеголихи проводили бесконечные часы. Софья Васильевна Капнист-Скалон, дочь поэта и драматурга Василия Васильевича Капниста, писала о красавице Вере Ивановне Верещагиной, которая дни напролет проводила перед зеркалом, а когда собиралась ехать на бал, «...то с утра до ночи парикмахер пудрил и причесывал ее голову...».

А представьте, что таких модниц в городе не одна и не две, как же справиться ему с большим количеством клиенток? Опытных мастеров и мастериц особенно не хватало. Князь М. Щербатов рассказывал, что выдался случай, когда в Москве работала лишь одна «уборица» для волос женских, и случалось, что девицы и молодые женщины укладывали волосы за трое суток до торжества и, чтобы сохранить прическу, спали сидя!

И в «Петербургских», и «Московских ведомостях» выходили объявления об умелых крепостных парикмахерах, которые предлагали воспользоваться их услугами. «Приехавший из С-Петербурга парикмахер господина Алымова, который чешет волосы самым последним вкусом, живет в Пречистенской части», или «Приехавший из С-Петербурга парикмахер господ Свешниковых, Михайла Тихонов, объявляет Почтенной Публике, что он, будучи несколько времени в С-Петербурге, научился убирать, также и накладывать Дамские наколки самого последнего фасону, а притом привез с собой пудру, помаду и гребенки, живет близ Покровских ворот, в доме князя Хованского» («Московские ведомости», 1799 г.).

Правда, никто не гарантировал, что слова на бумаге не разойдутся с делом. Накрутит такой умелец косяк да кривую прическу — обидно до слез!

Знатные и богатые люди не рисковали, парикмахеры, что их обслуживали, были людьми известными в их кругу. А что касается придворного церемониала уборки волос, то он проходил так чинно, как во времена фараонов. Пока парикмахер мудрил над волосами императрицы, Екатерина Алексеевна общалась с придворными, имевшими доступ в ее апартаменты. Статс-секретарь Адриан Моисеевич Грибовский рассказывал: «В 12 часов слушание дел прекращалось, государыня выходила в малый кабинет для прически волос... прическа оканчивалась не более как с четверть часа. В сие время приходили оба великие князя, а иногда и великие княжны для поздравления с добрым днем; после государыня выходила в уборную для наколки головного убора, что так же не более четверти часа продолжалось; при сем присутствовать могли все те, кои имели в уборную вход...»

Чересчур высокие прически осмеяла государыня в собственной комедии «Имянины госпожи Ворчалкиной». Комедию представили в 1772 году в придворном театре. А эпизод с прической разыгрывался так: героиня комедии молоденькая девица Олимпиада обращается к прислуге: «...Однако посмотри пожалуй, Прасковья, какво у меня на голо-

ве убрано? Кажется не высоко. (На голове отменно высоко убрано.) Матушка не жалуется высокому убору; Но ведь ее именины сегодня, так хотелось получше нарядиться.

П р а с к о в ь я. Ныне кто говорит — получше нарядиться, тот разумеет повыше. Изрядно! Нарочито высока!»

Невероятная высота взбитых волос и обилие всевозможных украшений, особенно у придворных дам, невольно притягивали взоры гостей, что в присутствии императрицы являлось верхом неприличия. В конце концов их размер решили регламентировать.

По указу от 1782 года «Об уборе дам, имеющих приезд ко двору» надлежало «...на голове уборы носить не выше двух вершков, разумея от лба». И пришлось подчиниться, не отказывать же себе в привилегии и удовольствии выезда в свет.

Мужские прически выглядели значительно скромнее. С середины века вплоть до 90-х годов господствовала мода на букли — волосы парика укладывали горизонтальными завитыми локонами над ушами. По сравнению с женскими мужские прически не требовали столько времени, хотя мастеров они предполагали не менее опытных. Немало оказывалось мужчин, тяготившихся обязанностью следить за модными прическами и частенько наведываться к парикмахеру. Для таких модников-лентяев предприимчивый французский парикмахер Мюльет предлагал парики из тонких белых ниток, которые, по его словам, легки и покойны и, надевая их, не нужно помадиться толстым слоем сала или обсыпаться мукой.

Если светским франтам и заняться-то больше нечем, кроме как ухаживать за своей внешностью, то солдатам приходилось несладко. Перед военным парадом, который принимал сам государь, они должны были предстать перед взорами монарха во всей красе, и, кроме вычищенного парадного мундира, пола-

галось иметь прическу с буклями. Из-за недостатка парикмахеров, волосы им, как и девицам перед балом, укладывали заранее, и солдатам приходилось спать сидя или вообще не спать.

Причесывание, которое проводил «кауфер» (парикмахер), начиналось с того, что на волосы накладывали муку, разведенную в воде. Когда она подсыхала и на голове образовывалась корка, волосы укладывали, посыпали пудрой и привязывали косичку.

Здесь, кстати, стоит сказать о том, что Григорий Александрович Потемкин обратился к Екатерине Алексеевне с предложением отменить ношение париков в армии: «...Завивать, пудрить, плесть косы, солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет. На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами».

Да и сатирические журналы тех лет не раз в язвительной форме обращали внимание своих читателей на этот дурацкий обычай. Так, во время громких побед нашей армии во время Русско-турецкой войны (1768—1774) журнал «Пустомеля» злорадствовал над поверженным противником, а заодно подтрунивал над прическами русских солдат. Он писал, что как-то муфтий задался вопросом: «...от чего русские солдаты несравненно превосходят храбростию турок?» Его приближенные долго искали ответа и «... наконец заключили, что храбрость сия и неустрашимость происходят от завивания и пудрения волос. Муфти предложил сие султану, и свое разрешение, чтобы всем янычарам обрить бороды и завивать волосы. Султан приказал немедленно требовать у министра некоторой доброжелательной нам (туркам) державы, чтобы для турецкой армии выписал парикмахеров, пудры, помады...».

В следующей заметке эта тема получила развитие, якобы житель некоего союзного Турции европейского города рассказывал, что «... по требованию Порты набираются у нас по всем местам парикмахеры и готовится бесчисленное множество пудры и по-

мады; что в скором времени к блистательной Порте и отправится.

...Все жители нашего города небеспричинно опасаются, что не ходить им с завитыми и напудренными волосами до того времени, пока заведутся новые парикмахеры... Поговаривают, что министерство наше вознамерилось к Порте отправить несколько тысяч книг о парикмахерском искусстве».

Из Константинополя тем временем приходили неутешительные известия: «Почти никакого не видим мы средства к нашему избавлению, уж и парикмахеры нам не помогают!.. Повсюду в Турецких областях российский летает орел...», и поэтому «Муфтий приказал всех присланных к нам... парикмахеров употребить к строению флота; неизвестно, какой и от сего успех будет...».

Вот в такой курьезной форме преподнес своим читателям журнал «Пустомеля» известие о победе русского оружия. С одной стороны, радостно за победу, а с другой стороны, и, правда, задумаешься, неужто солдату больше заняться нечем, как к бою готовить свою прическу, не лучше ли вовсе лишить его этой салонной утехы?

Но мода на букли задержалась надолго и провинциальные дворяне и помещики в домашних условиях налаживали производство необходимых им косметических средств. Так, в «Инструкции о домашних порядках», составленной в 1757 году дворянином Тимофеем Петровичем Текутьевым, нашли место и рецепты приготовления различных настоек на кореньях и травах, правила варения мыла, и в том же разделе поместил он параграф «Пудра делать». Правда, рецепта не дал, хоть место в рукописи для этого оставил, может быть, не нашел, может быть, решил, что экономичнее пользоваться крахмалом, рецепт приготовления которого находился на той же странице.

А некоторые и вовсе не мудрствовали. Александр Радищев описывал встречу с молодым человеком, волосы которого были «примазаны» даже не мукой или крахмалом, а ...квасом!

Румяна да белила пудрами и фунтами

Во второй половине XVIII века косметические средства не только не утратили своей прочной позиции в повседневной жизни щеголих и модников, но и обрели еще больший вес среди них. Например, мушки, являвшиеся одно время лишь пластырем, скрывавшим прыщи, а потом украшением лица, теперь, как когда-то веера, стали обладателями «немного» интимного языка. В это время к ним пришла колоссальная популярность. Маленькие круглые мушки приклеивали на лицо, шею, грудь или плечи. Расположенная в том или ином месте, она имела свое название и особый смысл. Приклеенная возле глаза, она говорила о влюбленности своей хозяйки, на носу — характеризовала ее дерзкой, на подбородке — шаловливой, на губе — кокетливой и т. д.

А пудра и румяна, постоянные спутники дам и некоторых кавалеров, теперь, как никогда раньше, обрели популярность у последних. Причем красились не только вертопрахи, но и вполне серьезные мужи.

Жан Жак Руссо в «Исповеди» рассказал о Фридрихе Гримме — писателе, критике и дипломате, о том самом, с которым имела длительную переписку российская императрица Екатерина Алексеевна. Он писал, что тот «отличался большим фатовством, несмотря на свои круглые мутные глаза и неуклюжую фигуру, и претендовал на успех у женщин, некоторые из них почитали его за человека великих страстей после комедии с мадемуазель Фель. Эта история ввела его в моду и привила женские вкусы: он начал прихорашиваться, туалет сделался для него серьезным делом; всем было известно, что он красится. Я долго не верил этим слухам, но затем стал верить и не только по улучшению цвета его лица или потому, что находил баночки из-под белил на его туалете, но потому, что, зайдя однажды утром к нему в комнату, я застал его за чисткой ногтей при помощи специальной щеточки; это занятие он гордо продолжал в моем присутствии. Я решил, что человек, который каждое утро

проводит два часа за чисткой ногтей, может потратить несколько минут, чтобы замазать белилами недостатки своей кожи».

В России, как, впрочем, и в Европе, над модниками посмеивались. Денис Иванович Фонвизин рассказывал басню «Свинья и петиметр». «Один из тех молодых людей, которые называются петиметрами, ехал верхом. Свинья, выдравшись из навозу, шла по улице. Петиметр, нимало не щадя ближнего, наскочил на свинью. Вспоткнулась лошадь. Петиметр упал и задавил было свинью.

— Чтоб черт взял свинью! — вскричал петиметр. — Платье мое все в грязи от проклятой скотины.

— Чтоб черт взял этого сорванца, — сказала свинья, — щетина моя вся в пудре!»

Если уж мужчины красятся, то что говорить о женщинах. Русский богач и меценат Н. А. Демидов, посетивший родину моды, в 1771—1773 годах писал: «Красота женского пола в Париже подобна часовой пружине, которая сходит каждые сутки, равным образом и прелесть их заводится всякое утро; она подобна цветку, который рождается и умирает в один день. Все сие делается притиранием, окроплением, убелением, промыванием. Потом прогоняют бледность и совсем закрывают черный и грубый цвет, напоследок доходит очередь и до помады для намазывания губ, и порошка для чищения зубов. Наконец являются губки, щетки, ухвертки, и в заключение лодилаванд, разные духи, эссенции и благоухания; и всякой из сих чистительных составов и сосудов разное имеет свое свойство; надлежит сделать белую кожу, придать себе хорошую тень, загладить морщины на лбу, в порядок привести брови, дать блеск глазам, розовым учинить губы; словом, надобно до основания переиночить лице, и из старого произвести новое».

Братья Гонкур в книге «Женщина XVIII века» рассказывали о том, что во Франции наложение румян производилось уже по иерархическому принципу. «Существовали целые постановления и правила о способе употребления румян. Большая или меньшая яркость румянца соответствовала положению, зани-

маемому в обществе женщиной; так, например, принцессы употребляли более яркие румяна и густо покрывали ими щеки, тогда как для буржуазок допускался только слабый намек на румяна. Спрос на них в то время был так велик, что какое-то торговое общество предложило уплатить в 1780 году пять миллионов франков только за привилегию, дающую ему право продавать лучшие румяна, чем известные до того в торговле».

(Небезынтересно, что использование косметики в качестве отличительного признака существует и по сей день. Любопытные российские туристы заметили, что в румынском портовом городе Констанца проститутки красят губы разным цветом помады в зависимости от их опытности. Начинающие жрицы любви пользуются бледно-розовой помадой, опытные, со стажем — черной. Говорят, что удобно и девушкам и клиентам. И клиенты не ошибаются в своем выборе, и девушки ведут себя друг с другом подобающим образом.)

Наши красавицы XVIII века, так же как и французские, пускали в ход все косметические средства, чтобы очаровать и соблазнить кавалеров.

В 1791 году в Петербурге побывал японец Дайкокуй Кодаю, капитан шхуны, потерпевшей крушение в наших северных водах. Впервые оказавшись в Северной столице, он с интересом наблюдал столь непривычную для него бытовую жизнь петербуржцев. Внимательно разглядывал парники, зелень на подоконниках, узнавал японские и китайские безделушки в домах дворян. Впрочем, его интересовали и многие стороны их частной жизни.

Яркое впечатление на него произвели красотки из публичного дома. Бывалый моряк удивился миловидности служанок, девушки подавали вино, закуску и фрукты. Эти юные особы, нарумяненные и напудренные, с прическами, украшенными искусственными цветами, по мнению японца, вовсе не походили на прислугу. Потом появились девятнадцать молодых женщин, хорошо одетых, украшенных цветами, по виду напоминавших немок. Поклонившись, они

все уселись на стулья, капитан смотрел на их очаровательные лица и думал, что на родине про таких восторженно сказали бы: «При взгляде на них от восторга рыба утонет, дикий гусь на лету упадет».

Вообще, по словам капитана, женщины в обществе были все накрашены — слегка напудрены и чуть-чуть нарумянены. Правда, здесь нужно сказать несколько слов о том, как красились в Японии.

Косметику там знали с древнейших времен. Женщины сильно белились, каноны красивого японского лица связывали с образом горы Фудзи. Лоб — вершина горы, волосы, прическа — снег на ней. Белила делали из белой глины и рисовой муки. Некоторое время было модно брить брови, чернить зубы и даже красить нижнюю губу в зеленый цвет. С VII века японцы знали румяна и помаду, растение, из которого делали красную краску, завезли из Египта через Индию и Китай. Только в середине XIX века европейская косметика вытеснила национальную. Так что для взгляда японца, привыкшего к косметике, русские женщины не казались сильно разрумяненными да напудренными.

Краска на женских лицах (часто и на мужских) не удивляла ни азиата, ни европейца. Европейский «свет» «горел» притираниями, «белел» пудрой и благоухал ароматами помад. Как это ни смешно, но можно сказать, что Европа догнала наших модниц в их чрезмерном употреблении румян, которое имело место в прошлые века и так поражало заезжих иностранцев.

Провинциальные модницы не отставали от столичных. Рассказывали, что когда Екатерина Алексеевна путешествовала по России, то на остановках она принимала местных чиновников, помещиков и купцов с женами. Мужчины допускались к ее руке, а женщин она целовала в щечку. После таких приветствий императрице приходилось уходить в туалетную комнату, чтобы умыться, поскольку по окончании приема все лицо государыни оказывалось в чужих белилах и румянах.

Что же касается самой Екатерины Алексеевны, то,

возможно, в юности она не употребляла румян, но если и употребляла, то ни в таких количествах, как принято было при русском дворе. Ее матушка, рассказывая о приготовлениях к бракосочетанию дочери в 1745 году, писала: «...Волосы Великой Княжны не были напудрены; платье ее было из самого великолепного... серебряного glasse... Ее слегка подрумянили, и цвет ее лица никогда не был прекраснее, как тогда...»

Вообще же какой-то излишней склонности императрицы к косметике и парфюмерии современники не отмечали, единственное, в чем Екатерина Алексеевна себе не отказывала, так это в ежедневном умывании льдом, который сохраняет упругость и свежесть кожи. Хотя румянами она пользовалась, как и все. Рассказывали такой анекдот, связанный с ними.

Однажды во дворце кто-то разругал мраморный бюст императрицы. Приближенные убеждали государыню в необходимости расследования такой дерзости, поимке виновного и строгого его наказания. А Екатерина Алексеевна не выказала ни малейшего неудовольствия и сказала, что, «вероятно, это кто-нибудь из пажей хотел посмеяться над тем, что я иногда кладу себе на лицо румяны. Велите только вымыть бюст».

Елизавета Петровна Янькова, урожденная Римская-Корсакова, за долгие годы своей жизни (1768—1861) стала своеобразной живой летописью московского барства и рассказывала, что в то время приехать куда-нибудь без румян считалось верхом неуважения к окружающим. Нужно было нанести пудру на лицо и шею, причем краситься (в некоторых случаях и одеваться) в мужском обществе считалось в порядке вещей. «Помню, однажды я приехала в собрание, прошла прямо в туалетную и остановилась перед зеркалом поправить свои волосы. Передо мною стоит одна Грознова и румянит свои щеки. Один барин, стоявший сзади нас, подходит к ней и говорит: «Позвольте, сударыня, вам заметить, что левая щека у вас больше нарумянена», она поблагодарила и подрумянила и правую щеку. Теперь румянят-

ся потихоньку, а тогда это составляло необходимое условие, чтобы явиться в люди».

Закрепилось и обыкновение наносить румяна с разной интенсивностью, кто-то нравился себе румяненным более ярко, кто-то менее. Однажды Алексей Григорьевич Бобринский (сын Екатерины и Григория Орлова), ему шел в ту пору восемнадцатый год, симпатизируя столь же молоденькой фрейлине Екатерине Васильевне Энгельгардт, с жаром уверял присутствующих, что у Катеньки больше ума, чем у всех прочих женщин и девиц в городе, потому что и одевается она менее крикливо, и румянится меньше.

В день бала многие девицы утром лишь слегка подкрашивались румянами для того, чтобы потом, вечером еще нанести их и в то же время «не алеть» лицом.

Особенно любили румяна и белила женщины купеческого сословия. По свидетельству Александра Радищева, новгородская купчиха Аксинья Порфентьевна Дементьева — «страшная» щеголиха, даже в свои шестьдесят лет изрядно пользовалась косметикой. Белоснежное лицо ее алело румянцем макового цвета, что было совсем немудрено, ведь по ее распоряжению покупали на год запасу белил Ржевских три пуда (почти 50 кг) и тридцать фунтов (12,9 кг) румян листовых!

После посещения городка Валдай Александр Николаевич писал: «Кто не бывал на Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайских разрумяненных девок?»

В деревнях косметические средства были не чужды ни девкам, ни замужним бабам. Николай Яковлевич Озерецковский (1750—1827), естествоиспытатель, действительный член Петербургской Академии наук, путешествуя по северной части России в 1785 году, подробно рассказывал о том, как красились посетительницы Валаамской ярмарки, что устраивалась близ городя Сердоболя, на берегу Ладожского озера.

«Деревенские женщины и девки ранее всех от сна пробуждались и вставали немедленно, бросались к

воде, чтоб умываться. Действие сие продолжается у них не мало времени, но потому, что оне, во-первых, полощутся водою, потом моются мылом, которое, смыв, натираются белилами, и, натеревшись, стоят или сидят на судах без всякого действия, давая время белилам хорошенько вобраться в кожу. После сего бережно смывают их с лица; и как многие из них зеркал не имеют, то смотрятся в воду и помощью сего зеркала уравнивают на себе подложную белизну, которую наконец прикрашивают румянами...

Многие без сомнения уборку сию похулят, особливо за излишнее употребление белил, которые состояются из вредной свинцовой извести, но поелику деревенские женщины убираются таким образом только во время ярмарки, а в домах у себя в одни большие праздники, то беленье сие ни мало лиц у них не портит, а доказывает их опрятность, веселость духа и охоту нравиться, когда есть кому казаться...»

Покупали косметику, как всегда, в знаменитых Рядах, чьи популярность и посещаемость нисколько не снизились. Здесь, в центре города, торговали товаром на любой вкус и кошелек. Ряды — место встреч щеголей и щеголих. Ведь где, как ни там, не только узнаешь о новых товарах, но и увидишь, пощупаешь их, а заодно и себя покажешь, поддержишь репутацию знаменитого модника да других посмотришь. А если выезжать не хотелось, в ряды можно было послать прислугу или обратиться к знакомым с просьбой, чтобы те порекомендовали разносчиков этих товаров и направили их по вашему адресу.

Зазывали в Ряды и рекламные объявления в газете «Московские ведомости». Издание выходило с середины XVIII века, и если в 90-е годы объявлений о косметике было очень немного, в основном к продаже предлагалась недвижимость, крепостные люди, книги, кареты, лошади и «кинарейки», то в последние годы уходящего века количество объявлений о косметических товарах возросло.

В 1799 году «Ведомости» извещали о том, что в Овощном ряду некий купец Григорий Курлянов вме-

сте с кофейными мельницами продавал «...наилучшие румяна в фарфоровых горшках с розовым маслом, коим цена 1 рубль». А «против Лобного места... в лавке под № 7 получены... притиранья для лица самые лучшие по 70 копеек склянка; румяны розовые по 25 копеек банка...».

Продавали косметику и сами производители. «Ведомости» писали, что на заводе П. Сухраева и Беляева в 1751 году в числе других красок было изготовлено 2 тысячи горшочков румян «против французских», то есть лучше французских.

Во второй половине XVIII века к началу царствования Екатерины Великой (императрица с 1762 г.) в России имелось четыре крахмальных и пудренных заводов и пять румянных. Спустя тридцать с лишним лет число их увеличилось, работало уже пятнадцать крахмальных и пудренных заводов, пять румянных и, кроме того, четыре помадных завода. В 1792 году в книге Ф. Туманского «Российский магазин» в статье о ремеслах Петербурга указывалось, что в городе существовал помадный Российских цех с Управой и помадных мастеров числилось 41 человек.

Большую конкуренцию им составляли иностранные производители. «Московские ведомости» в 1799 году сообщали, что комиссионер, живущий между Тверской и Малой Дмитровкой, предлагает от французского производителя Шатонефа «самую тонкую пудру и помаду». Пудра № 1: ваниль по 12 рублей, виолет, роз, олье, маршаль по 10 рублей пуд; № 2 виолет и маршаль по 8 рублей пуд; № 1 помада: жасмин, жонкиль, роз, флердоранж по 18 рублей; № 2 ваниль, грандюшес, маршаль, бергамот, букет, мильфлер, оранж, олье, цедр, франштан и виолет по 12 рублей; № 3 по 6 рублей; также имеется густая помада разных духов по 6 рублей дюжина; пудра для лица № 1 из сарочинского пшена по 1 рублю; № 2 по 50 копеек фунт».

Его же изделия продавались и на Никольской улице в кондитерской лавке грека Ивана Фомина.

«В Константинопольской лавке, у Михаила Псаиды, что на Сретенке... выписаны товары: индей-

ские шали... арабские, турецкие и др. ... парчи, турецкий табак, розовое масло и вода; чистый бальзам де Мекка, да для курения в покоях молдавская в коробках смола».

«Продаются ... на Большой Ордынке... в доме священника, у живущего в оном доме недавно приехавшего иностранца следующие вещи: капли для зубов... всякие благоухания, как то: «О де Колон», «О де Лаванд», духи всякие, пудра, помада и прочее...»

Об уровне цен этих товаров можно узнать, сравнив их с ценами на другие предметы.

Если верить рекламе, то «пудра 1-го номера с разными духами пуд 10 рублей, 2-го номера 8 рублей, 3-го номера 6 рублей, помада лучшая в банках с разными духами 10 рублей, 2-го сорта 6 рублей, 3-го сорта 3 рубля».

«Румяны фунтовые алые по 10 рублей, а розовые по 8 рублей фунт; в золоченых горшках румяны алые и розовые, за каждый горшок по 70 копеек; в живописных глубоких табакерках румяны по 80 копеек».

В то же время десяток куропаток стоил 80 копеек, корову можно было купить за 35—45 рублей, вот и считайте, дорогая косметика или нет!

Может, стоит отдать предпочтение домашним косметическим средствам? О них узнавали от мамок да нянек, соседок и подруг, о них же читали в различных европейских изданиях, посвященных домашним проблемам. Популярным средством для смягчения кожи и придания ей нежности считали парную говядину. Ею на ночь обкладывали лицо. Чтобы кожа стала гладкой и белой, делали «маску» из семян дыни, протертых с бобовой мукой. С прыщами боролись с помощью отвара из иссопа и т. п.

И дороговизна косметики, и небывалый интерес к ней вызвали потребность публикации в 1791 году перевода французской книги «Дамской туалет содержащий в себе разные воды, умывания и притиранья для красоты лица и рук, порошки для чищения зубов, паты* для белизны рук, помады для губ, средства для

* Паты (pate — фр.) — тесто.

отращивания и краски волос, ароматические ванны для всего тела и секрет для хороших румян и белил».

Во вступительной статье русская дама — переводчица несколько слов добавила от себя лично: «...сия книжка в теперешнее время не бесполезна, быть может, нашему полу. Не нужно здесь много говорить, сколь этим в нынешнее время занимается наш женский пол... Наконец, узнавши случаем и опытом, что все заключающееся в сих трех книжках воды для туалета, эссенции, ароматические уксусы для туалета, сиропы, всякие духи и прочее сему подобное, которое мы толь дорого покупаем у французов, можно делать с такою же доброю и еще гораздо дешевле и здесь, а не в одной Франции».

Пудру, например, основой которой были крахмал или мука, советовали ароматизировать, добавив амбры, или поддержать крахмал несколько суток под свежими цветами жасмина, меняя их каждый день. Писали, что таким образом достигается нежнейший аромат.

Румяна составляли «из кармину с тальком пережженным и растертым в мыльный порошок... Дамы употребляют эту краску для возвышения живости глаз своих».

А вот несколько рецептов очистительных и тонирующих лосьонов:

«Вода, делающая лицо приятным.

Возьми двенадцать лимонов и каждый из них разрежь в четверо, положи их в хорошее белое вино, и употребляй его...»

Хотя появлялись рецепты посложнее, как этот, к примеру:

«Самая прекрасная вода для красоты лица,
употребляемая

Арагонскою герцогинею.

Возьми полбутылки козьего молока и пшеничной муки и, размесивши на оном тесто, сделай хлеб, который посади в печь в легкий дух, и вынь его скорее, чтоб он не слишком поджарился, а потом возьми мякиш из одного хлеба и кусочки обмакни в другое свежее козье молоко, и оставь так на шесть часов. Потом

возьми двенадцать лимонов и, счистивши с них кожу, нарежь их в маленькие кусочки. Так же возьми белков из двенадцати свежих яиц и выжми их в воду, которую смешай с упомянутыми вещами, и прибавь туда одну унцию жженой яичной скорлупы, одну четверть камфоры, цукару две драхмы, белой корали две драхмы, все сие истолки в порошок, смешай с вышеупомянутыми вещами и положи в слоновый кубик и перегони, откуда и выйдет самая прекрасная вода, делающая лицо прекрасным и изстребляющая с лица все пятна».

Вообще, французский составитель постарался не пропустить ни одного известного тогда косметического средства, которое способствовало и созданию красоты и ее сохранению.

Глава 6

В плену ароматов

После того как щеголиха или фронт «облачали» свои лица положенными модой «косметиками», оставался последний штрих, завершающий весь туалет, — духи.

Модников того времени и представить невозможно без обилия ароматов. Франция диктовала моды на всевозможные ароматические продукты, и в XVIII веке страсть к ним была невероятно большой. Двор Людовика XV (правил с 1715 г.) получил название «парфюмированный двор» благодаря запахам, которые ежедневно распространялись от одежды, вееров, носовых платков и мебели. Мадам Помпадур отдавала предпочтение «Португальской воде» и «Маслу Венеры». В состав «воды» входили апельсин, лимон, бергамот и роза. «Масло» благоухало ирисом, сандалом и тоже розой. В то время модными считались запахи цветов. Ароматические воды могли состоять лишь из одного компонента и носить простые, все объясняющие названия: «Розовая», «Лавандовая», «Флердоранжевая», «Померанцевая», «Фиалковая». Нередко в состав таких вод добавляли амбру и мускус.

У ароматических вод и туалетных уксусов появился конкурент — одеколон, который соединил в себе ароматы розмарина, флердоранжа, бергамота и лимона. Одеколон имел широчайшее употребление: его добавляли в воду во время принятия ванн, в вино, капали на сахар, в воду для полоскания рта, в воду для стирки, для инъекций и т.д.

Страстным его поклонником был Бонапарт. Он выливал на себя в месяц до шестидесяти флаконов одеколona. Поставщик двора Его Величества Императора Жан-Мари Фарина создал для Наполеона удобный флакон в виде валика, чтобы носить в сапоге. Император любил душистое мыло и даже в свои последние часы просил курить ароматические таблетки с запахом любимой туалетной воды.

А вот сильных, чувственных духов Жозефины Богарне он не переносил. Она любила запахи мускуса, сивета, амбры и ванили. Кроме последнего компонента, мускус, сивет и амбра являются парфюмерным сырьем животного происхождения и придают духам оттенки животного тепла и чувственности. Жозефина ежегодно тратила на духи целое состояние. Говорят, что будуар ее настолько пропитался этим запахом, что и через семьдесят лет стены еще хранили его.

Во второй половине XVIII века во Франции появились крупные парфюмерные фабрики, начинался промышленный этап в развитии парфюмерии. Ширис организовал свое производство в 1768 году, Л. Т. Пивер — в 1774 году, Лантье — в 1795 году. В 1775 году в пригороде Сент-Оноре открыл производство Убиган. Его благовония знали прелестницы и щеголи всей Европы и России. Он был поставщиком двора и готовил отвары, настойки из тимьяна и майорана, розовое, миндальное, камфарное и гераневое масло.

В 1790 году Николай Михайлович Карамзин писал из Франции: «... нигде не продают столько ароматических духов, как в Париже». Среди таких удовольствий, как кофе, утренняя газета в отеле, он назвал еще и французского парикмахера — «говоруна, вяля, который наскажет вам множество забавного

вздору о Мирабо и Мори, о Бальи и Лафаете, помажет вам голову прованскими духами и напудрит самую белою, легкою пудрою...».

Туалетные комнаты французских модников и модниц, их спальни, будуары, обои, покрывала, занавески и даже шерстка любимых домашних собачек — все благоухало духами, одеколонами, ароматами кремов, мазей и притираний.

Русские щеголи не заставили себя ждать, содержимое их кошельков перекочевало в кошельки торговцев благовонными товарами. В русский язык прочно вошло слово *духи* — обозначающее парфюмерное изделие, ароматическую жидкость, настой душистых веществ на спирту. До этого времени пахучие жидкие вещества, употреблявшиеся для ароматизации, назывались ароматными водами.

Знатные вельможи выписывали этот товар из Франции, остальные имели возможность покупать привозной европейский товар на улицах своего города. Стоили духи не дешево, что подтверждается строчками из стихотворения И. П. Елагина «На петиметра и кокетку», написанные в 1752—1753 годах:

Тут истощает он все благовонные воды,
Которыми должат нас разные народы,
И, зная к новостям весьма наш склонный нрав,
Смеется, ни за что с нас втрое деньги взяв.
Когда б не привезли из Франции помады,
Пропал бы петиметр, как Троя без Паллады.

Рекламные отделы «Московских ведомостей» пестрели объявлениями о продаже парфюмерных изделий. В 1799 году они сообщали, что «у Серра и Рыбы», прибывших сюда из С.-Петербурга, можно купить и оливки, и масло, и вина, и настоящий (заметьте, настоящий!) «О де Колон». Подделки уже тогда нашим героям-модникам были известны.

На Большой Ордынке некий недавно приехавший иностранец продавал модные благоухания, как то: «О де Колон, духи всякие, пудру, помаду...»

Пожалуй, не найти было модницу или модника, который бы остался в стороне от захватившего весь свет увлечения благовонными товарами. А сколько

потребовалось времени, чтобы перепробовать все то, что предлагал европейский рынок, обсудить достоинства новинок и покритиковать уже надоевшие легкоузнаваемые запахи. Находились такие предприимчивые дамы, что собственноручно пробовали изготовить модные духи или «саше».

«Дамской туалет, содержащий в себе разные воды...», предлагал несколько рецептов. «Цветочную эссенцию» рекомендовалось приготовить таким образом: взять жестяной ящик с несколькими рамками, утыканными иголками, каждая из которых накрывалась чистой холщовой тканью. В ящик на каждую из этих рам, на холст, выложить цветы тех растений, чей запах хотели бы выделить, например цветы роз или ландыша. Когда ящик наполнялся этими рамками с цветами, разложенными на холстах, им день давали отстояться. За это время под весом рамок и цветов наполнение ящика оседало, и в него добавляли новую порцию цветов. Ароматные цветочные масла постепенно пропитывали холст. Все это выдерживали несколько дней и, когда запах становился достаточно крепким, снимали холст, складывали его вчетверо, укладывали в тиски и отжимали масло.

Был и другой способ. Цветы укладывали в горшок слоями, пересыпая их обыкновенной солью. Смесь закупоривали и на сорок дней ставили в погреб. После чего высыпали содержимое горшка в сито, куда стекала эссенция. Затем ее переливали в бутылку, заполнив на $2/3$, и ставили на солнце на двадцать пять — тридцать дней, чтобы эссенция очистилась.

Рецепт «Оранжевой воды» (состояла из цветов померанца-бигарадии, горького апельсина) сопровождался словами о том, что сейчас она «находится в величайшем употреблении, потому что имеет в себе благовоннейший и приятнейший запах; она также с успехом употребляется от истерических припадков».

Благоуханные воды часто составляли из очень большого количества растительного сырья. В одном флаконе могла оказаться ароматная жидкость, насыщенная запахами цветов гиацинта, фиалок, жасмина, роз, васильков, ландыша, розмарина, корня ири-

са, мяты, майорана, мялисы, гвоздики, корицы, мускатных орехов и лимона.

Ароматные лепешки, курительные свечи и другие ароматизаторы для помещений готовились на основе ладана, стиракса, амбры, мускуса, сивета с добавлением разных благовонных вод. Для ароматизации белья использовали пряности: гвоздику, корицу, тмин или пахучие растения, такие, например, как мята, розмарин или чабер.

Князь Григорий Александрович Потемкин питал большую слабость к ароматам. Один из самых его роскошных праздников, устроенных в честь Екатерины Алексеевны, проходил в мае 1791 года в Таврическом дворце. В зимнем саду «для услаждения чувств скрытые курительницы издыхали благовония, кои смешивались с запахом цветов померанцевых и жасминных деревьев и испарениями малого водомета, бьющего лавандною водою».

Упомянул о популярных в те годы курительницах с ароматами Гавриил Романович Державин в 1795 году в стихотворении «Приглашение к обеду»:

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В графинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются...

И аромат курительниц, и аромат духов, пропитавший платье и всю ее до кончиков волос, — все это прекрасно; но, увы, неосяземо. Аромат хотелось «держать в руках». На помощь щеголихам пришла фантазия парфюмеров, они придумали тестообразные смеси из благовоний, которые лепили в виде шариков и носили с собой, их называли «Благовонные яблоки». В состав смеси входили ладан, стиракса, мастика, благовонная эссенция, гвоздика, сандал, мускусный орех, смирна и амбра. Ее разбавляли розовой водой в таком объеме, чтобы получилась вязкая масса.

А еще изобрели, например, миниатюрный флакончик в форме улитки со зрительной трубочкой посередине. Усядется красавица в театральное кресло,

поднесет двумя пальчиками к своему глазику чудесную вещицу и вдохнет аромат любимых духов. И колыхнувшийся слегка воздух, возможно, донесет это благоухание до ее страстного поклонника, и почувствует он внезапное волнение... Ах, до чего прелестно!

Флаконы и шкатулки, в которых хранили парфюмерию и косметику, доставляли своим видом немало радости модникам и модницам. Флаконы делали как стеклянными, так и из золота и серебра, их украшали всевозможной отделкой, самые красивые были европейские, они рекой текли на российский рынок. Простенькие и обычные, что заказывали у местных стеклодувов, украшали именами владельца, так, на одном из таких выгравировано: «Графины Варвары Алексеевны Шереметевой».

Туалетцами называли коробочки для хранения флаконов и косметических принадлежностей, таких, как щеточки и зубочистки. Их делали из драгоценных металлов, слоновой кости и цветного камня. Если по роскоши исполнения с ними не сравнится ни одно сегодняшнее изделие для хранения косметики, то функционально оно ничем не отличалось. Например, коробочка для румян имела три отделения: одно длинное — для кисточки; два поменьше — для румян и мушек. Флакончики для духов, одетые в ажурные золотые оправы с драгоценными камнями и эмалью, и ароматники нередко украшали такими надписями: «Своим выбором я доволен» или: «Я думаю о Вас» и т. п.

Глава 7

Противники косметических «ухищрений»

Непомерное влечение к косметике и парфюмерии, царившее среди поклонников моды, вызывало серьезные нарекания в их адрес русских писателей-просветителей. Ничто, кроме собственной внешности, не волновало модников, ничего, кроме наслаждения, «празднества и безумного таскания», о которых

говорил еще в XVI веке московский митрополит Даниил.

Писатель и естествоиспытатель Андрей Тимофеевич Болотов в своих мемуарах писал: «...случилось мне в сей раз (в 1773 году) видеть мещанское гульбище (в Туле) и довольно изрядное... Только я не мог без досады смотреть на вымазанные уже слишком много и размалеванные румянами лица...»

А. Н. Радищева пугали не столько «размалеванные» лица, сколько внутренний мир этих модниц и пети-метров, писатель искренне сокрушался: «...у вас на щеках румяна, на сердце румяна, на совести румяна, на искренности... сажа. Все равно румяна или сажа...»

К тому же мода на косметику уже не знала никаких возрастных границ, красились и совсем юные франтихи, и давно утратившие молодость. А уж как нелепо выглядит постаревшая красавица в ярком румянце с замашками молоденькой невесты!

«Трутень» в объявлении «Из Мещанской» язвительно оповещал своих читателей: «Есть женщина лет пятидесяти. Она уже двух имела мужей, и ни одного из них не любила, последуя моде. Достоинства ее следующие: дурна, глупа, упряма, расточительна, драчлива, играет в карты, пьет без просыпу, белится в день раза по два, а румянится по пяти. Кто хочет на ней жениться, тот может явиться у свах здешнего города».

Лукавый автор заметки, опубликованной в «Зрителе», представил ночной столик такой великосветской львицы: «...Она спит, и все ее прелести раскладены на уборном столике: зубы... близ зеркала... волосы накинута на зеркало, ... нежный румянец... и белила... в баночках...»

А о том, как обманулся наивный юноша, приняв немолодую даму за юную прелестницу, рассказывал сатирический журнал «Всякая всячина»:

«Почтенные господа, известно вам, что девушки не охотно близко к себе допускают женихов. Вы знаете, что есть и такие проворные, кои умеют искусством казаться совсем инако, нежели как они сотворены. Они распишут губы розовою краскою, щеки брус-

ничною; лоб, нос, бороду, шею и грудь белилами; брови распишут колесом и намажут их обще с волосами Грузинскою краской; жилы наведут карандашом, и издали, одним словом, покажутся красавицами.

Никогда человек более влюблен не был, как я влюбился во свою невесту. Но лишь я женился, нашел я на другой день во своей спальне по утру, вместо прекрасной, молодой, женщину, коя бы могла быть матерью той, в которую я влюбился...»

Писатель Николай Иванович Страхов напоминал: «...чтобы не ошибиться в выборе жены, ныне весьма нужно тонко знать химию, или иначе в косметический магазин чаще наведываться о новых изобретениях подделывать безобразных под вид красавиц и старух под вид шестнадцатилетних».

Он же насмеялся над российскими мотами, которые спускали немалые состояния на эту безделицу. «После покойного господина Промотаева продается деревня разоренная, состоящая в 500 душах. По избыточеству ее и угодиям отдается за сходную цену 5000 рублей. Да в доме его продаются также несколько тысяч дюжин новых и мало поигранных карт, несколько сот пуд французской пудры, 10 кадок помады, 2200 аршин косных лент, два сундука шпилек... бутылочек, скляночек бывших с духами 6725...»

Журнал «Вечерняя заря» в ноябре 1782 года пытался растолковать нашим модникам, что иностранцы, сколачивающие большие состояния на нашей склонности к импортным мелочам, существуют за счет российских товаров, так стоит ли уж так способствовать их обогащению?!

За то, что мы лишь хлеб и золото им давали,
Они нарядами нас щедро снабдали:
Явились духи со спиртами у нас,
Превкусные плоды, ранеты, ананас,
Сутуга, шпильками став, вновь переродилась,
И медь сибирская в булавки превратилась;
Вдруг пудра сделалась из нашея муки,
И ею заняты у всех уж сундуки...

Мы уже упоминали о знаменитом указе под № 17.111 о запрете ввоза модных товаров из Фран-

ции, который вызвал буквально переполох среди отечественных модников и модниц.

На это событие господин Страхов ответил произведением «Плач Моды»: «...Рыдай возлюбленное щегольство и ветренность! Стонай со мной, дурачество и роскошь!» — восклицает Николай Страхов, предвкушает конец этой абсурдной разорительной страсти к безделицам. Он пишет от лица несчастной Моды, которой наконец пришел вроде бы логический конец.

«О! Праведное заблуждение! Прилично ли пылиться иною какой-либо пылью, кроме пыли французской? Увы! Отныне французская пудра не будет тучами летать в уборных, а благовоние жервеевой помады не услышит отныне ни один щеголь и щеголиха. Подлые пудрица и помадишка посрамят навеки кудри большого света, и вскоре под бременем сей пыли и мази самая модная голова заразится постоянством и рассудительностью. Да возплачут со мной все щеголи и щеголихи, которым для доказательства ума и достоинства прежде стоило только качнуть благоуханною головою и тряхнуть душистыми кудрями!

...Увы! Умеренность всюду водворяется! Стены без французских обоев... щеголиха не будет убираться на выписанном табуре, а щеголь вертеться на заморских креслах и канапе.

...Апрельский ветер ежегодно придувал к петербургским берегам плывучие магазины с модными товарами; Майский мчал их обратно с здешними сокровищами, и в обороте с новыми безделками; в Августе успевали приплывать оные за новыми деньгами...»

Что касается умеренности, то Николай Иванович заблуждался, она не «водворилась». Модники пережили и эту напасть, стали ввозить контрабанду, опасно... но прибыльно.

Бессмысленная борьба с щегольством утомила ее противников и вызвала некоторое примирение с ним. В конце века, когда модный свет уже утолил свою жажду гигантским количеством притираний, помад и румян, Иван Андреевич Крылов в стихотворении «К другу моему А. И. К<Лушину>» (1793) писал о красотках своего времени, не столько высмеивая

их манеры и увлечения, сколько подтрунивая над своими любовными томлениями, когда даже немолодая и не очень интересная дама броской модной «раскраской» пленяла его.

.....
Уметь любить и милым быть.
Вот чем тогда я занимался,
Когда с Анютой повстречался;
Из сердца мудрецов прогнал...

.....
И от ученья отказался

.....
Едва прошла одна неделя,
Как я себя не узнавал:
Дичиться женщин перестал,
Болтливых их бесед искал —
И стал великий пустомеля.
Все в них казалось мне умно:
Ужимки, к щегольству охота,
Кокетство — даже и зевота —
Все нежно, все оживлено;
Все прелестью и жаром блещет,

Все мило, даже то лино*,
Под коим бела грудь трепещет.
Густые брови колесом
Меня к утехам призывали,
Хотя нередко угольком
Они написаны бывали;
Румянец сердце щекотал,
Подобен розе свежей, алой,
Хоть на щеке сухой и вялой
Природу худо он играл;
Поддельна грудь из тонких флеров,
Приманка взорам — сердцу яд —
Была милей всех их уборов,
Мой развлекая жадный взгляд.
Увижу ли где в модном свете
Стан тощий, скрученный, сухой,
Мне кажется, что пред собой
Я вижу грацию в корсете.
Но если, друг любезный мой,
Мне ложны прелести столь милы
И столь имеют много силы
Мою кровь пылку волновать, —
Представь же Аннушку прелестну,
Одной природою любезну —
Как нежный полевой цветок,
Которого лелеет Флора,
Румянит розова Аврора...

* Л и н о — тонкое полотно.

Вот о чем так долго предпочитали не говорить мужчины, но то, что женщины знали и без их откровений. Раскрашенная красotka притягивала мужские взоры словно магнит. Похоже, эта тяга передавалась из поколения в поколение с молоком матери (ведь, как мы уже знаем, косметика и парфюмерия существовали не одну тысячу лет). Крыловские строки — одна из самых первых попыток своеобразного примирения с косметикой и даже оправдание ее.

МОДНИЦЫ И ОНАГРЫ В ПОГОНЕ ЗА «СВЕТОМ» (XIX век)

Глава 1

Женский туалет. Кругооборот моды

Бурный XVIII век подходил к своему завершению, его стремительность с вошедшими в моду путешествиями, капризно меняющимися архитектурными стилями от барокко к рококо, от рококо к классицизму, непостоянство моды — все преображало внешний облик жителей Европы и России. Около середины 90-х годов коренным образом изменился силуэт женского и мужского костюма. Возникновение новых форм связывали с господством классического стиля, который провозглашал «естественность» наиглавнейшей своей чертой. Идеал красоты искали в античных женских образах. Великая французская революция 1792 года, разрушившая политическую систему страны, уклад жизни дворянства и аристократии, уничтожившая сначала своих врагов, а затем и своих приверженцев, подвергла сомнениям веками устоявшиеся жизненные ценности и заставила модников (оставшихся в живых или вернувшихся из эмиграции) изменить свой облик. Пышный дворянский костюм с «панье» или фижмами оказался низвергнут так же, как и ее преданные поклонники. На смену широким юбкам и узкой талии, затянутой корсажем, пришли прозрачные туники, в которых щеголяли когда-то римские модницы.

Французский писатель Луи Себастьян Мерсье

(1740—1814) в те годы так описывал одну из щеголих: «Что за шум слышится? Кто эта женщина, появлению которой предшествуют рукоплескания? ... Какая толпа теснится вокруг нее? Что это, неужели она голая? Нет, не может быть, я сомневаюсь. ... Я вижу легкие шелковые панталоны, что-то в роде полукафтана, очень открытого спереди, легкий газ художественно прикрывает бюст. Прозрачная батистовая рубашка позволяет видеть всю ногу, украшенную над коленом золотыми обручами, и эти легкие покровы так возбуждают воображение, под ними формы кажутся такими привлекательными, что, право, задаешь себе вопрос: не выиграла ли бы общественная стыдливость, если бы их совсем не было?»

Античные моды перекочевали в Россию и завоевали массу поклонников. Введению ее способствовала французская художница-портретистка Л. Виже-Лебрэн, жившая в Петербурге с 1795 по 1801 год. По ее совету на одном из придворных балов все дамы оделись в белые «античные» платья. Вскоре мода из придворных кругов разошлась в кругах не столь титулованных и покорила сердца щеголих разного сословия и достатка.

Платья называли именами римских богинь Галатеи, Дианы, Минервы или Венеры. Их шили с высокой талией, от которой ткань ниспадала свободно, образуя легкие складки.

Новая мода живо обсуждалась в салонах и на страницах печати, все более или менее уважающие редакторы не замедлили откликнуться на злободневную тему. Журнал «Магазин общепользных знаний и изобретений...» в 1795 году сообщал, что «длинные, щеголеватые талии, которые с давнего времени всеобщее имели одобрение, благодаря богине моды, вдруг оставлены. ... На несколько дюймов под грудью обвивается около тела в шесть дюймов шириною и на спине пушистым бантом сложенный, вишневый, до полу простирающийся и маленькими желтыми или черными звездочками испещренный пояс.

Длинное платье по плечам и отчасти по длинным узеньким рукавам убирается коротенькою слегка

струящеюся сорочкою. С низу украшается оно обшивкою из вишневых лент, которая сверху сопровождается легоньким шитьем. Грудь покрывается ... [шитым платком]. На правом плече висит на золотой антиковой цепочке ... небольшой медальон, который всегда продевается под пояс и накоротке лежит сверх онаго. Перчатки палевые. Башмаки такого ж цвета, с самыми плоскими каблуками».

В те годы рассказывали, что «если бы не мундиры и фраки, то на балы можно было бы тогда глядеть как на древние барельефы и на этрусские вазы... И право, было не дурно: на молодых женщинах и девицах все было так чисто, просто и свежо; ... не страшась ужасов зимы, они были в полупрозрачных платьях, кои плотно охватывали гибкий стан и верно обрисовывали прелестные формы; поистине казалось, что легкокрылые Психеи порхают на паркете. Но каково было дородным женщинам? Им не так выгодно было выказывать формы; ну что ж, и они также из русских Матрен перешли в римские матроны».

Давайте на минуточку предположим, что наша героиня-щеголиха впервые выпорхнула в свет в эти самые годы. Мы постараемся рассказать о тех проблемах, которые ставила перед ней капризная мода, и о том, в какие заботы погружала.

Итак, ей впервые предстоит появиться в обществе в новом наряде. Вместе с матушкой они долго решали, какую ткань предпочесть. Мода рекомендовала муслин, батист или кисею. На примерке она надела раскроенное платье и, взглянув на свое отражение, ужаснулась. Простенькая ткань обвисала и не имела никакой формы. Девушка обернулась к маменьке со слезами на глазах: «от чего же» щеголихи воображали туниками, юбки которых образовывали изящную конусообразную форму?

Надо думать, маменька знала «от чего...». Дело в том, что модницы придумали небольшую хитрость, они носили под платьем две исподние юбки. Одну из них повязывали «сверх бедерных костей», другую, узенькую «на ладонь шириною» — под грудь. Именно они и способствовали «рождению миловид-

ной расширяющейся формы». Правда, такой наряд шел лишь женщинам с длинной талией, те же, у кого она была от природы короткой, в новом покрое выглядели довольно нелепо.

Узкое полупрозрачное платье надевали на такую же прозрачную рубашку, и некая дама как-то заметила, что если следовать подобной моде и дальше, то вскоре, видимо, придется ходить и вовсе без одежд. До этого не дошло, рубашки начали шить из более плотных материй. Например, кисейные платья одевали на батистовые рубашки, а потом вместо рубашек стали носить трико, украшая ноги и руки золотыми обручами.

Правда и тогда находилось немало противников подобных туалетов. Николай Михайлович Карамзин писал в 1802 году: «Теперь в приличном собрании смотрю я на молодых красавиц девятого — надесять века и думаю: где я? В Мильтоновском ли раю, в котором милая Натура обнажалась перед взором блаженного Адама, или в кабинете живописца Апелла, где красота являлась служить моделью для Венерина портрета во весь рост?

Действие всесильной моды, которую, подобно Фортуне, должно писать слепую! Наши стыдливые девицы и супруги оскорбляют природную стыдливость свою, единственно для того, что француженки не имеют ее, без сомнения, те, которые прыгали контрадансы на могилах родителей, мужей и любовников! Мы гнушаемся ужасами революции и перенимаем моды ее! Знаем, что нынешний парижский свет состоит из людей без всякого воспитания, без всякого нежного чувства и, следуя старой привычке, хотим соглашаться с его новыми обыкновениями!»

Подобные рассуждения щеголих не волновали, а вот климат наш, частенько совсем не располагающий к этим туалетам, доставлял серьезные проблемы. В холодную пору наша героиня насквозь промерзала в своем модном наряде, но стоически терпела эту невзгоду, зябко кутаясь в прозрачную шаль. Все так усердно следовали законам моды, что зимой часто болели, а некоторые от простуд умирали. Эти

красавицы увядали словно цветы на морозе, так ска-зали бы приверженцы мод, приверженцы здравого смысла говорили, что дамы эти гибли, как осенние мухи. Красота требует жертв!

Правда, выход нашли: поверх платья набрасывали красиво драпированные шали. Летом предпочтение отдавали тончайшим тканям, а зимой шерстяным.

Но вернемся к нашей красоте. Ей надлежало зор-ко следить за появлением новых модных тканей, но-вых расцветок, новых отделок в виде кружев, тесьмы, платков, искусственных цветов и т. п. В этом рассчи-тывать приходилось на подружек и маменьку, зна-комцы которой выезжали в Европу. Хотя, что касае-тся подружек, то моды порой делали из подружек за-клятых врагов.

Рассказывали такой случай. В те годы в каком-то уезде две дамы поспорили, что нынче моднее: голу-бые шляпы или картузы. Спорили они с таким жар-ом, что под конец основательно рассорились. Дамы разъехались по своим дамам, но и тогда никак не могли успокоиться и только пуще нервничали. Мужья, чтобы положить конец этой размолвке, реши-лись вызвать друг друга на дуэль. И очень может быть, она и состоялась, если б одна из дам не заболела от этих переживаний и в скором времени не скон-чалась. Вот до чего доводила наших щеголих безжа-лостная мода!

Безопаснее обратиться за советом к журналам. Важно одной из первых заметить свежие детали туа-лета или обновленный крой платья, и еще важнее вовремя блеснуть своими познаниями в кругу зна-комых.

Вот, скажем, головные уборы. К этим легким газо-вым, батистовым и кисейным платьям с кокетливым длинным хвостом у юбки полагались не менее кокет-ливые чепчики светлых пастельных тонов. Чепчики украшали кружавчиками и шелковыми ленточками-завязками.

Как-то однажды открыла наша героиня-модница журнал «Магазин общепользных знаний и изобре-тений с присовокуплением Модного журнала, раскра-

шенных рисунков и музыкальных нот», и вот тебе новость! Январский номер его за 1795 год рассказывал, что взятие Варшавы (речь идет о подавлении Польского восстания, которое успешно провел Суворов) дало повод к созданию головных уборов, которые своим видом и названием напоминали о тех событиях. Модницам предложили «Варшавский чепец». «Тулья его делается из сложенного разными складками атласу, который бывает цветом белый, алый или фиолетовый. Опушка делается из узких атласных лент положенных мелкими складками, кои цветом обыкновенно бывают зеленые, наподобие лаврового венка; но часто и палевого цвета».

Другой новинкой стал «Суворовский чепец». «...Цветом бледно-красный. Правая оного сторона подкалывается, нижний край опушается черными перьями, которые также наискось около тульи обвиваются».

Журнал рассказывал о том, что мода на русские шляпки распространилась по всей Европе.

Очень удачно вышло, что наша красавица заглянула в этот номер, пропусти такую новость — и прослынешь невеждой. Кроме заметки о шляпках журнал рассказывал о модах в Англии и Германии, часто упоминались башмачки, такого же цвета, что и платье — «с самыми плоскими каблучками». Прочитала о них и вспомнила, как училась в них красиво ходить и как мучилась ее матушка, привыкшая к обуви на каблуке.

От выработанной походки оказалось не так просто отвыкнуть. Туфельки с плоской подошвой, с лентами вокруг ноги требовали плавной, скользящей поступи. Такое движение никак не получалось, и дамы смешно, по-гусиному, переваливались с ноги на ногу и тяжело, грузно ступали на полную ступню. А движения в модных платьях и узеньких туфельках должны были походить на движения в танце. Многие дамы и девицы обратились за помощью к учителям. И только несколько лет спустя, в 1802 году, свет увидела книга под названием «Искусство сохранять красоту. Подарок российским дамам и девицам», в которой поясня-

лось, «каким образом ступить прилично». «При всяком шаге должно ногу подавать вперед, держа пяту вверх поднявши, носки протянуть вниз и не спускать пяты прежде носка. Неся ногу вперед, утверждать тело на бедрах, не шататься и не торопиться».

«Каким образом женщины должны держать себя в походке и поклонах: надобно держать тело прямо и непринужденно, крепко утвердивши оное на бедрах, голову поднять вверх, свободно и непринужденно двигать шею; плечи как можно опустить и подать назад, руки держать подле тела несколько впереди; локти прижать к бедрам, а кисть руки положить в другую перед собою.

Чтоб поклониться по правилам, надлежит тело подать несколько назад, держа голову как можно прямо, нагнуть колени весьма низко, ровным движением и без торопливости и подняться таким же образом».

Но эта наука не должна поглотить все время и внимание, мода постоянно предлагала что-то новое, и пропустить его считалось недопустимым. Египетская кампания Наполеона принесла во Францию, а оттуда и в Европу моду на одежды из восточных тканей, яркие шали и разнообразные восточные украшения. Наступило время ампира.

Стиль ампир (что в переводе с французского *empire* — империя) завершил эпоху французского классицизма. Он зародился во времена Империи Наполеона I. В архитектуре он опирался на художественное наследие императорского Рима, древнегреческой архаики и Древнего Египта и проявился в виде массивных подчеркнуто монументальных форм. Центральное место в декоре занимала античная символика императорской власти. В платьях и ювелирных изделиях прослеживались древнегреческие и древнеегипетские мотивы. Одежда потеряла легкость силуэта, крой платья приобрел сухую четкость и геометричность.

На смену прозрачным светлым тканям пришли плотные и цветные. Накупила наша героиня длинных прямых шарфов, которые носила на плечах или на обнаженных руках, давая возможность кон-

цам шарфа живописно развиваться. Цвета этих шелковых, батистовых, газовых и шерстяных шарфов и шалей были самыми разнообразными, хотя преобладали яркие — оранжевый, пунцовый и абрикосовый.

Популярными стали восточные головные уборы: алжирские чалмы с султанами и тюрбаны, прически и шляпы, украшенные перьями. Модница прочла в журнале об истории султана и уже не раз в обществе знакомых хвастала своими познаниями. «Магазин общепользных знаний» рассказывал почти в каждом номере об истории модных предметов: опахалах, булавах, искусственных цветах, в том числе и султанах. История последнего якобы восходит к мифологии. «Музы на острове Крит имели спор с Сиренами, которые, желая над ними получить преимущество в пении, формально заставили их показать в нем свое искусство. Сирены были побеждены, и в наказание отрезали музы у них крылья и связанный из сих перьев пук прилепили к своему головному убору».

Перчатки шили очень длинными, почти до плеч, из светлых тканей: белых, желтоватых и бледно-зеленоватых тонов. На каждый выход следовало одевать совершенно свежие перчатки. Модницы всегда имели в запасе несколько новых пар.

Чулки украшали вышивкой, например гирляндами дубовых, виноградных или лавровых листьев.

Наша героиня, как и все щеголихи, сшила себе мешочек-сумочку, которая заменила карманы. Узкое платье совсем не предполагало их наличие. Кстати, и у ее матушки были такие мешочки для рукоделия, они назывались помпадур (по имени маркизы Помпадур (1721—1764), фаворитки Людовика XV). Теперь такие же именовались ридикюлями. Их шили из мягких тканей, вышивая на нем модные рисунки. В них носили рукоделие, которым тогда очень увлекались, платочки и косметику. мода на ридикюли часто менялась, нужно было уследить за новшествами в их размерах, тканях и отделке. Прояви наша героиня фантазию, придумай новый рисунок, сообразный ее платью или украшению к нему, может, и станет она

законодательницей новой моды и обратит на себя внимание завистливых подружек-щеголих.

Кстати, о вышивке. Это увлечение захватило русских модниц от мала до велика. Достать новый рисунок, научиться новому шитью, который «возвысит Дамской наряд и увеличит ... натуральные прелести Грации», вот чем озадачились красавицы. В 1801 году газета «Московские ведомости» № 5 сообщала, что в Университетской книжной лавке продается перевод Лейпцигского издания 1795 года «Собрание разных узоров, во всех родах шитья употребляемых...». Три его тома стоили по тем временам немало — 60 рублей!

Если молодежь и модницы «со стажем» находили столько очарования в новой моде, то старики, чья жизнь прошла в царстве длинных пышных бархатных юбок и туго затянутых корсетов, посмеивались, глядя на платья с талией, проходящей чуть ли не под мышками, и куцым коротким платьем — виднелись щиколотки (оно укоротилось в начале XIX в.). И не только костюм подвергался их нападкам, но и сам уклад жизни молодежи.

«Господи, помилуй! только и видишь, что молодежь одетую, обутую по-французски; и словом, делом и помышлением французскую. Отечество их на Кузнецком мосту, а царство небесное — Париж. Родителей не уважают, стариков презирают и, быв ничто, хотят быть все... Старухи и молодые сошли с ума. Все стало каша кашей. Бегут замуж за французов и гнушаются русскими. Одеты как мать наша Ева в раю, сущие вывески торговой бани либо мясного ряду... Ох, тяжело! Дай, Боже, сто лет здравствовать государю нашему, а жаль дубины Петра Великого: взять бы ее хоть на недельку из кунсткамеры да выбить дурь из дураков и дур. Господи, помилуй, согрешил грешный».

Так рассуждал герой заметки графа Ф. В. Ростопчина дворянин Сила Андреевич Богатырев, так рассуждал и сам граф и еще многие, кто отнюдь не восторженно наблюдал за преданностью русских модниц всему французскому, будь оно даже сомнительного свойства.

Пока старшее поколение и люди, не особенно подверженные ее влиянию, укоризненно качали головами, глядя на прожженных щеголих, молодежь, в свою очередь, посмеивалась над древними туалетами своих бабушек и дедушек. И все же прочные платья на фижмах, сшитые из бархата, люстрина, атласа или гродетура, продолжали носить наряду с туниками.

Например, в июле 1803 года императрица Елизавета Алексеевна во время ее визита с Александром I в Сухопутный кадетский корпус на демонстрацию запуска воздушного шара надела такое платье из блестящего сиреневого шелка. На балах, ужинах и в собраниях еще долгое время можно было увидеть пожилых людей, преданных традициям екатерининских времен, в старинных туалетах. Да и купечество наше отдавало предпочтение дорогим тяжелым тканям и старинным покроям. Облачившись в одежды из них, украсив свои шею и руки нитками бус, браслетами и кольцами, сделавшись похожими на новогодние елки, щедро украшенные гирляндами, они выходили на праздничное гулянье.

Марта Вильмот, уроженка Ирландии, гостившая у родственника Екатерины Романовны Дашковой в самом начале XIX века, рассказывала в письмах к своим домашним обо всем интересном, что видела в России. Купеческая чета настолько потрясла ее своим экзотическим видом, что девушка изобразила их в послании довольно подробно.

«Тут (в Петергофе на празднике. — *Ред.*) впервые я увидела настоящую русскую купчиху. Хочу описать ее наряд, но, боюсь, ты не поверишь, что в такую жару она облачилась в затканную золотом кофту с корсажем, расшитым жемчугом, юбку из дамаска, головной убор из муслина украшен жемчугом, бриллиантами и жемчужной сеткой, и все сооружение достигает пол-ярда высоты. 20 ниток жемчуга обвивали шею, а на ее толстых руках красовались браслеты из 12 рядов жемчуга (я даже сосчитала). Разряженная купчиха прогуливалась рядом со своим бородатым мужем, одетым в исключительно русское платье: зеленый плисовый кафтан, полы которого доставали

ему до пят... Не могу высказать, какое удовольствие доставила мне эта пара...»

Купечество даже спустя не один десяток лет предпочитало легким «эфирным газам, тонким, как паутина» золототканую парчу и бархат.

Вернемся к модным платьям. Античный костюм изменялся, увеличилась глубина выреза платья, укоротилась юбка, да так, что видны стали щиколотки. Тунику придумали носить с меховой опушкой (ее прозвали туникой в русском стиле). Расширился рукав платья, образовав небольшие буфы.

Наша опытная щеголиха примерила на себя очень миленький нарядец — канзу. Так называли большую косынку (иногда канзу называли лифом, не пришитым к юбке) из легкой ткани или кружев с длинными концами, которые перекрещивались на груди и завязывались на талии. Модницы ловко завязывали его, и вроде бы призванный прикрыть обнаженные плечи и грудь, он лишь подчеркивал их оголенность. Канзу полюбился и, даже видоизменяясь, получая другое название, оставался в женском гардеробе еще долгое время.

Не забывала наша героиня и о том, что сами французы в то время увлеклись английскими модами. Тогда, на рубеже двух столетий, парижские щеголихи признавали только английские туалеты. Чтобы не лишиться заказов, многие их портнихи уезжали в Лондон и оттуда удовлетворяли прихоть капризных заказчиц.

Из английских одежд, получивших постоянную прописку на российской земле, можно назвать спенсер — коротенькую курточку с длинными рукавами. Его носили мужчины и женщины. Спенсер, обычно утепленный, надевали поверх платья и летом и зимой, с ним (да и не только с ним) носили берет из черного бархата с двумя белыми перьями.

Модной и любимой деталью туалета был шлейф. На умение непринужденно и элегантно носить его в обществе обращали большое внимание. Марта Вильмот писала матери: «Китти облачила меня в белую атласную юбку, поверх нее надела креповое платье с

великолепной турецкой отделкой ... Шлейф платья был закреплен наверху совершенно в ее манере, но вместо ленты через плечо шла такая же, как на платье, отделка с блестящей золотой кистью, которая свисала с плеч до того изящно, что даже князь Барятинский, которому 65 лет, явился на другой день к княгине с комплиментами по этому поводу, причем с самым серьезным видом. Все описываю столь подробно, ибо кисть эта произвела необыкновенную сенсацию, а моя манера поддерживать шлейф обсуждалась по всей Москве и на 5 верст в округе».

Простим ей некоторую самовлюбленность, Марта была восторженной девушкой и любящей дочерью, ей так хотелось порадовать матушку своими успехами и достоинствами. А мы допустим, что наша героиня освоилась с этим искусством ничуть не хуже и могла соперничать со многими модницами.

Поскольку речь зашла о выездах, несколько слов скажем о балах, где она могла блеснуть своей красотой. Уже сами сборы на них оказывались хлопотными и волнующими. Перед балом наша красавица отдыхала, потом приходил парикмахер, который не один час мудрил над ее прической. Затем домашние девушки помогали надеть платье, подносили украшения, а под конец очередь доходила до косметики и духов.

Марта Вильмот писала о приготовлениях: «...слуги, горничные, помада, пудра, румяна, чай, кофе, бриллианты, жемчуг, табакерки — все вверх дном и все в одной маленькой гардеробной. Умоляю, нарисуй себе эту картину, представь, как, подобно множеству бабочек, выпархивающих из куколок, мы выходим из дома в платьях из серебряных кружев, с алмазными лентами в волосах, с длинными бриллиантовыми серьгами и в прочих драгоценностях».

Не правда ли, волшебно! Но такая восторженность характерна для молоденькой веселой иностранки, для которой все ново, беззаботно. Опытные красавицы, за спиной которых множество балов и собраний, театров и визитов, заученно и скрупулезно погружались в эти сборы. Они-то знали, что появиться в обществе в платье, с некстати пришитым бантом или с

цветком, приколотым не там, где следовало, и вмиг подвергнешься колким насмешкам.

А приготовления к праздникам небогатых дам и девиц были неприхотливы. Городские балы отличались простотой и весельем, в отличие от величавых придворных. В 1805 году на балу у Петра Тимофеевича Бородина, откупщика и московского Креза, собралась «тьма народа». «...И жар, и духота, — писал современник. — Прыгали до рассвета. Много было хорошеньких личиков, но только в начале бала, а с одиннадцати часов, и особенно после ужина, эти хорошенькие личики превратились в какие-то вакханские физиономии от усталости и невыносимой духоты; волосы развились и рассыпались, украшения пришли в беспорядок, и платья обдергались, перчатки промокли, и проч. и проч.»

Мамаши этих красавиц стояли поодаль и в коротких промежутках отдыха всячески помогали своим чадам привести себя в порядок, правда, усилия их почти не достигали желаемого результата. На них ложилась ответственность и за выбор жениха, которого самой матушке, может быть, удастся сыскать на балу, и за подготовку дочерей к выходу. Предбальные хлопоты оказывались не столько пышными, сколько карикатурными.

Матушка с раннего утра гоняла слуг в магазины и к парикмахерам. «Иван! Сходи к мадам Мегрон, узнай, готово ли платье моей Лизаньки. Федор! Поди к г-же Рисс, выбери пару белых атласных башмаков, как можно уже — что за дело, если будут жать ногу. Беда, у Лизаньки такая большая нога! Алексей! Попроси г-на Франка, чтобы он сам пришел примерить корсет, который я ему заказала; но, Бога ради, чтобы шнурки были двойные: крепкие и прочные; скажи ему, что они всякой раз рвутся. Беда, если Лизаньку не стянуть: она похожа на раскормленную купчиху...» («Московский телеграф», 1825).

Затянут Лизоньку в корсет, так что и вздохнуть она не сможет, оденут «золушкины» башмачки, вденут в платье, перчатки натянут и всунут в руки маленький веер и маленький альбомчик, куда она будет записы-

вать ангажирование. Хотя куда там! Самой маменьке придется упрашивать щеголей потанцевать с Лизонькой. Не прояви она смекалку и хитрость, ее чадо так и простоит одна весь вечер.

Правда, ни маленькая ножка, похожая на копытце, ни роскошные туалеты, усыпанные сверкающими алмазами, ни самая модная прическа — еще далеко не все, что необходимо настоящей щеголихе. Надлежало научиться держаться и танцевать легко, изящно и раскованно под придиричвыми взглядами знакомых, мало знакомых и вовсе незнакомых людей. Здесь уже требовался талант актрисы. Что толку с того, что красавица заучила движения танца, что она прилично обращается с веером или шлейфом, ведь все это она делает дома перед зеркалом, почти без зрителей, если не считать близких, которые ее не смущают. А вот как научиться под критическими взглядами наслаждаться изяществом танца, манерой откидывать хвост шлейфа или придерживать край платья? Чувствовать эти движения не заученными, а естественными, не стесняться этих взглядов, а дать им в полной мере насладиться своей ловкостью и красотой, сделать их неотъемлемой частью своей жизни, ощущать потребность в них. Только изучив эту премудрость, наша героиня могла считать себя и настоящей щеголихой, и покорительницей мужских сердец.

Кстати, время от времени наши писатели напоминали читательницам о том, чтобы они не забывали, как важно оставаться такой вот легкой на подъем, ухоженной и обольстительной даже после замужества.

В комедии А. С. Грибоедова «Молодые супруги» муж охладел к жене, которая стала абсолютно равнодушна к выездам. Его друг Сафир пытается помочь ей и объясняет причину такой холодности Ариста.

.....
Зачем отбросили свои таланты вы?
Искусством нравиться пренебрегать не надо.
Вы хороши собой хотя и без наряда,
Но что вы, как теперь, одеты не всегда?
Зачем не ездите в собранья никогда,
Которых можете быть первым украшеньем?

Эльмира:

Ужели кисея, надетая удачно,
Ему заменит взор мой ласковый, безмрачный?
Ужель неискренний восторг, похвальный бред,
Который так легко всем уделяет свет,
Захочет он сравнять с горячностью тою,
С которой может он быть мной любим одною?

Задумчиво размышляет она и принимает предложение друга Сафира — одевается во все модное, требует у мужа закладывать лошадей, чтобы ехать на балы, ужины и т. п. Супруги счастливы, на чем и заканчивается эта коротенькая комедия.

Хотя наша героиня — настоящая модница, которую ни на секунду не покидало желание нравиться себе и окружающим. Вернемся к ее одеждам. Пока речь шла только о летних и легких платьях, а ведь и верхние, теплые требовали не меньшего внимания. Носили тогда салопы, утепленные ватой или мехом, плащи, огромные меховые муфты. В начале века модным стал безрукавный плащ — клок, стеганный, шелковый, длинный до самых пят. Наиболее ревностные поклонницы английских мод шили клоки из клетчатых тканей.

Средств на одни только плащи требовалась уйма. Так, плащ, надеваемый для визитов, не должен был походить на тот, что предназначался для прогулок, а этот последний уж никак не мог походить на щегольской, что накидывали на плечи, когда выходили из итальянской оперы. А если припомнить необходимые туалеты для верховой езды, для визитов, шубы, шляпки, перчатки и обувь, не говоря о ювелирных украшениях, так, пожалуй, никаких доходов не хватит.

«Журнал для милых» в 1804 году в № 7 разместил шутивную заметку под названием «Что должно проживать в год женщинам». Автор составил подробный перечень товаров, необходимых семнадцатилетней щеголихе в течение одного года. Заметим, что речь пойдет о столичной дамочке.

Одних булавок и шпилек ей потребуется на 50 рублей, на «шнурование» — 7 рублей, на головные

уборы — 290 рублей, на платья, шлафоры, шубы и тулупы — 700 рублей, башмаки обойдутся в 300 рублей, драгоценности встанут в очень солидную сумму — 52 500 рублей. Но и разные мелочи стоили немалых денег: лорнет, книги и бумаги — 100 рублей, конфеты — 200 рублей, веера — 10 рублей, гребни для волос — 25 рублей, карнавальные маски — 2 рубля. После тщательного подсчета затрат на ткани для туалетов, содержание служанок, выплат парикмахеру и т. п. вышла сумма в 55 743 рубля.

Памятуя о том, что платить за все придется ее родителям, он уведомил читателя, что папенька и маменька на себя и содержание дома тратили значительно меньше — 30 тысяч рублей!

И уже ни в какое сравнение не шли скромные расходы провинциальных, деревенских и пожилых модниц. Так, преклонных лет жеманница проживала в год всего лишь двести с лишним рублей! Что ж, остается лишь посочувствовать родителям или супругу молоденькой транжирки.

Отечественная война 1812 года внесла изменения в туалеты русских красавиц. Патриотичным казалось и не говорить по-французски, и вернуться к исконно русскому костюму. Оделись в сарафаны, приладили на головы кокошники — и нашли себя очень недурными. Причем сарафаны, расшитые золотом, производили столь величественное впечатление, что задержались в туалетах на долгое время. Носили шляпки «а-ля кутузов» и коленкорое платье «а-ля витгенштейн».

Правда, вскоре все вернулось на круги своя, и французские моды, приправленные украшениями, рожденными в России, вновь стали властвовать над сердцами модниц. Одно время на платье или в волосах носили букетики искусственных цветов под названием «александровский», в честь славной победы русского оружия в Отечественной войне. Цветы для него подбирались по начальным буквам имени Alexander, и состоял такой букетик из анемонов, лилий, желудей, амарантов, акаций, гвоздик, веселых глазок, плюща и розы (названия цветов были латинскими).

Наша героиня, уже не очень молоденькая к 1815 году, еще не отказалась от платья с короткой талией и шила его из модной ткани в розовую или голубую полосочку, которые велела отделывать множеством «непреренно белых воланов». Рукава ее платьев расширились, у плеча их украшали рюшки. Старую одежду не выбрасывали, кто побогаче отдавал нуждавшимся родственникам или прислуге, кто победнее шил из нее шали или ридикюли.

О головных уборах, популярных в ту пору, можно было бы говорить бесконечно. Французские журналы с 1815 по 1830 год предлагали более 10 тысяч различных форм шляп и чепчиков с лентами, с цветами, с гирляндами, левантиновые, соломенные, бархатные и т. д. Дамы проявляли завидное терпение, выбирая из такого разнообразия то, что непременно бы им пошло.

В 20-е годы XIX века мода наконец вернула линию талии на положенное ей место. Вновь появились пышные юбки и пышные рукава. Талию затагнули в корсеты, да так сильно и ловко, что даже далеко не худенькие красотки умели показаться стройными. По словам Н. В. Гоголя, в 30-е годы на Невском проспекте встречались прелестные модницы с невероятно тонкими талиями. «Здесь вы встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда: тоненькие, узенькие талии, никак не толще бутылочной шейки, встретясь с которыми, вы почтительно отойдете к сторонке, чтобы как-нибудь неосторожно не толкнуть невежливым локтем; сердцем вашим овладеет робость и страх, что как-нибудь от неосторожности, даже дыхания вашего, не переломилось прелестнейшее произведение природы и искусства».

Вот до чего развилось искусство менять внешность, сообразно причудливой моде. Наша героиня, вероятно, тоже велела горничной затагнуть талию как можно туже. Может быть, и в обморок пару раз упала с непривычки. Чересчур туго стянутые корсеты затрудняли дыхание и заставляли воздерживаться от обильной трапезы.

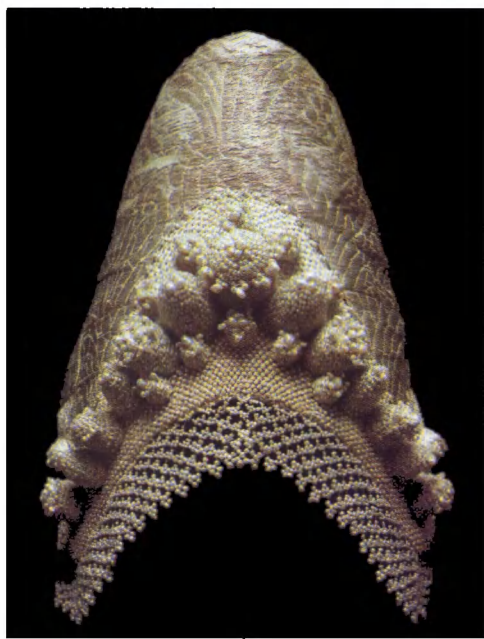
С неослабевающим вниманием следила она за

Портрет А. К. Воронцовой в придворном платье.
Художник А. П. Антропов, 1763 год.

Модница из города
Торонца в праздничном
убранстве.
Конец XVIII века.

Кокошник
(золотая нить, жемчуг).
*Конец XVIII — начало
XIX века.*

Со страницы «Моды»
журнала «Галатей»
за 1829 год.

Из журнала «Галатея»
за 1839 год.

Модники на прогулке. Журнал «Галатея». 1839 год.

Брошь.

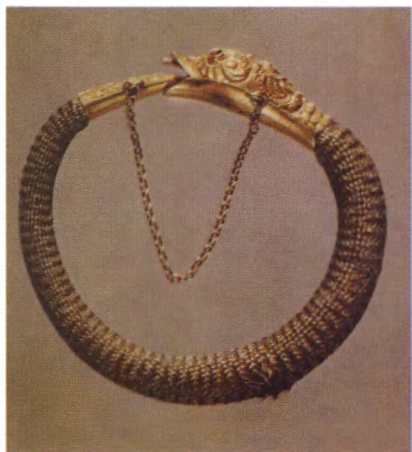
Браслет.

Серьга.

Русские ювелирные украшения. *Первая половина XIX века.*

Волосяной браслет.

Украшение для прически
в виде колосьев.

Костюм середины XIX века. Н. И. Бер и Н. М. Бер.
Художник В. А. Тропинин. 1850 год.

«Вдержки» для юбок. 1866 год.

Дамы в кринолинах перед зеркалом.
Из журнала «Модный магазин». 1866 год.

Карикатура на турнюр.
Конец XIX века.

«Нарядный туалет»
из журнала «Нива». 1876 год.

Из русских популярных журналов мод за 1895—1897 годы.

Туалет для прогулки и приемов. Из журнала
«Модный свет и модный магазин». 1895 год.

Модели шляпок из журнала «Модистка». 1897 год.

Цилиндр с футляром. *Конец XIX — начало XX века.*

Манжеты с футляром. *Конец XIX — начало XX века.*

Парфюмерные флаконы отечественных фабрик. *Вторая половина XIX века.*

Упаковка для «Сельского мыла».
Конец XIX века.

Пудреница.
Начало XX века.

Флаконы для духов русских фабрик и шатлен. *Конец XIX века.*

«За туалетом». Художник З. Я. Серебрякова. 1909 год.

публикациями «Московского телеграфа». Журнал рассказывал и о туалетах, и о стильных украшениях салонов. Из небольших заметок она узнавала, что в начале 1825 года большой популярностью пользовались ночные лампы в виде небольших готических пирамид и что модными подарками на Новый год были фигурки из слоновой кости, изображавшие Аполлона или Венеру, а главное, выяснила — во что следовало одеться, чтобы нанести новогодний визит. Журнал рекомендовал «платье бархатное черное или фиолетовое, у которого корсет со складками и накладка из бархата или блонд; тюрбан с белым эспри или райскою птичкой; черные шелковые чулки ажур; башмаки из черного атласа и черного или белого кашемира...».

Тюрбаны и токи, изготавливаемые в модных лавках, которые надевали сами или с помощью служанки, носили только в театр и в обыкновенные выезды. Когда же собирались на бал или в концерт, то тюрбаны, цветы или перья должны были укладываться мастером своего дела — парикмахером и только тогда, когда дама уже облачилась в свой нарядный туалет.

Мода менялась стремительно. Вот еще салопы не сношены, манто совсем недавно новое купила, а в моде уже рединготы, журнал писал, что «щеголихи, у которых есть кареты, надевают большие рединготы из дра-зефира или серо-белого каотина с двойными отворотами и карманами. Сии рединготы делаются на вате и с беличьим или шиншилловым воротником». А тут доченька (у нашей героини наверняка уже взрослая дочь) тюрлюрюлю атласный выпрашивает, такой, как у ее подружки. Длинная шелковая накидка и впрямь была изумительна, шелест шелка завораживал, он и назывался так в подражание издаваемому звуку. Наша героиня, слыша это волнительное шуршание, вспоминала свою юность; платья из шуршащих шелков носили и в конце XVIII века.

Каждый новый день приносил новые хлопоты, как не заказать блондовое на атласном чехле платье, кружевное, золотистое. Без него, пожалуй, и выйти невозможно! А еще пару атласных да три бархатных,

хоть пару грогроновых. Грогрон — лучший шелк — стоил немалых денег. А на днях в опере увидела даму в платье белого дамá с черными кружевами, как не расстроиться, ведь и ей самой вполне бы пошло. Да, что и говорить, по сравнению с настоящими щеголихами ее гардероб просто беден. Рассказывали, как графиня Мария Григорьевна Разумовская, большая модница, не жалевшая ни себя, ни времени, ни денег на модные туалеты, собираясь из Вены возвратиться в Россию, просила своего приятеля, служившего в Петербурге в таможенном ведомстве, помочь пройти через таможду.

— Да что же намерены вы провезти с собою? — спросил он.

— Безделицу, — отвечала она. — Триста платьев!

С такими аппетитами не посоревнуешься, а здесь уже новая напасть — рукав платья сильно расширился. Еще раньше наметилось его расширение в верхней части, а к 30-м годам он стал огромным, его называли буф. Н. В. Гоголь писал, что эти пышные рукава «похожи на два воздухоплавательных шара, так что дама вдруг поднялась на воздух, если бы не поддерживал ее мужчина; потому что даму так же легко и приятно поднять на воздух, как подносимый ко рту бокал, наполненный шампанским».

Эти рукава доставили нашей щеголихе бесконечные проблемы. Буфы сминались и теряли всякий вид под верхними одеждами. Сперва она попробовала подшивать туго накрахмаленные нижние рукавчики, но, увы, не помогло. Изобрели специальные каркасы для рукавов, их делали, как и каркасы для юбок, из ивовых прутьев или китового уса. Правда, каркас этот вызвал очередную проблему, он оказался настолько объемным, что и усаживаться в карету, и ездить в ней было очень неудобно. На помощь пришло механическое устройство, изобретенное парижскими механиками — господами Пуссе и Жосселином. Они сделали маленькую пружинку, она сжимала и разжимала рукав, когда это было необходимо.

Мода на широченный рукав продержалась довольно долго, до 40-х годов. Потом буфы уменьшились и

опустились ниже локтя, к 50-м годам они виднелись в нижней части рукава, а затем и вовсе исчезли.

Жизнь франтихи состояла из вечного разрешения тех или иных проблем, доставляемых модой. Ведь платье, перед тем как его решали сшить, обсуждалось со знакомыми или родственниками до мельчайших подробностей. А сколь ответственное дело — выбор ткани! Помните разговор гоголевских дам — «приятной во всех отношениях» и «просто приятной» о «миленьком» ситце, которым восторгалась «во всех отношениях приятная дама». Или обсуждение очаровательной материи с узенькими полосочками на голубом фоне, где «через полосочку все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки...» и т. д. Любая модница и сегодня вам скажет, что удачно подобранная ткань для платья — полдела в создании туалета, иначе либо «пестро» окажется, либо не к лицу.

Наша героиня, как правило, не знала особенных забот с выбором тканей. Она распоряжалась, чтобы ткани для просмотра ей привозили на дом, заходила по настроению в модные лавки и магазины. Но ее небогатым соперницам приходилось набираться терпения и в поисках недорогой материи толкаться в торговых рядах, особенно в дни распродаж.

Распродажа, или как ее еще называли «Остатки, или дешевые товары», устраивалась купцами раз в год — на Фомину неделю. Продавали только остатки тканей, начиная с дорогого бархата, воздушных газов или индийской кисеи и кончая дешевыми тафтяными лентами, толстым миткалем или тридцатикопеечным ситцем.

Рассказывали, что целая тьма народа, словно пестрая река, состоявшая из женских шляпок самых разных цветов и размеров, плыла вниз по Ильинке к магазину господина Матьясова. Магазин находился на втором этаже, куда, невзирая на крутую лестницу, с боем прорывались покупательницы. Расталкивая друг друга остренькими локотками, уже не извиняясь и не обращая внимания на отдавленные ноги, разорванные кружева на юбках, сбитые в сторону шляпки и растрепанные прически, они протискивались к прилавкам.

Основное сражение происходило возле них. Одна выхватывала кусок ткани из рук другой покупательницы, вторая пыталась через них дотянуться до того лоскутка, что ей еще издали приглянулся, третья, удерживая отрез ткани, силится вытащить еще один, а сзади напирает толпа тех, кто и вовсе не может добраться к вожаденному месту. Крики, ругань; говорили, что дело и до драк доходило.

Торговые ряды были хороши летом, зимой же, когда от холода и торговаться не хотелось, богатые предпочитали ходить по магазинам. В Москве, на Кузнецком Мосту, рядом с многочисленными европейскими магазинчиками, открывались и отечественные. В доме княжны Долгорукой располагался «Русский магазин». Покупатель важно проходил на второй этаж по мраморной лестнице, уставленной кадками с комнатными цветами. Не торопясь рассматривал представленные в разных отделах косметические товары, ювелирные изделия, ковры и хрусталь и, конечно, ткани. Разборчивым, капризным покупателям, привыкшим к импортным товарам, предлагали широкий ассортимент тканей собственного производства, который нередко оказывался лучшего качества. Продавали хлопчатобумажные ткани, кашемир и полубархат, очень модные «креп-шине» и «креп-рошель». Московские шелка и парча, изготавливаемые на фабрике господ Сапожниковых, считались самыми лучшими в Европе. Представляете, шелковые материи, выпускаемые на фабрике господина Кондрашова, были до того хороши, что их выдавали за французские и даже не выставляли в «Русском магазине»!

.. Модницы возвращались домой с покупками и начинали мучительно размышлять о том, какое же платье они сошьют из купленного отреза. О том, что «пойдет» к лицу, а что нет. Стоит ли рисковать и кроить «по-новому», удачна или неудачна новая модель. С приятельницами эти обсуждения выглядели приятно так, как у гоголевских дам. «Просто приятная дама» воскликнула:

«— Да, поздравляю вас: оборок более не носят!

— Как не носят?

— На место их фестончики.

— Ах, это не хорошо, фестончики!

— Фестончики, все фестончики: пелеринка из фестончиков, на рукавах фестончики, эпалетцы из фестончиков, внизу фестончики, везде фестончики.

— Нехорошо, Софья Ивановна, если все фестончики.

— Мило, Анна Григорьевна, до невероятности; шьется в два рубчика: широкие проймы и сверху... Но вот, когда вы изумитесь, вот уж когда скажете, что... Ну, изумляйтесь: вообразите, лифчики пошли еще длиннее, впереди мыском, и передняя косточка совсем выходит из границ; юбка вся собирается вокруг, как бывало в старину фижмы, даже сзади немножко подкладывают ваты, чтобы была совершенная бель-фам».

Не станем утверждать, что именно так говорила наша модница, но ее, совершенно точно, волновали и длина лифа, и крой юбки. Правда, главная проблема — еще впереди, надлежало сыскать выкройку.

Долгое время российские дамы могли довольствоваться лишь картинками и описаниями нарядов в журналах. В Англии и Франции бумажные выкройки появились в 20-х годах. В России они оказывались редкостью и заполучить их можно было только через великосветских красавиц, выписывающих туалеты из европейских столиц. Поскольку наша модница вращалась в петербургском свете, эту проблему она решала с меньшими затратами. Дамам из провинций оказывалось несладко, до них выкройки доходили еще реже. А потому они порой становились поводом к серьезному раздору между модницами.

«— Так у вас разве есть выкройка? — воскликнула во всех отношениях приятная дама не без заметного сердечного движения.

— Как же, сестра привезла.

— Душа моя, дайте ее мне ради всего святого.

— Ах, я уже дала слово Прасковье Федоровне. Разве после нее.

— Кто же это станет носить после Прасковьи Федоровны? Это уж слишком странно будет, с вашей стороны, если вы чужих предпочитаете своим.

— Да ведь она тоже мне двоюродная тетка.

— Она вам тетка еще бог знает какая: с мужниной стороны... Нет, Софья Ивановна, я и слышать не хочу; это выходит: вы мне хотите нанести такое оскорбление... Видно, я вам наскучила уже; видно, вы хотите прекратить со мной всякое знакомство».

В итоге и эта проблема разрешалась. Платье готово, теперь его надлежало украсить разными деталями. Может быть, подойдет небольшой шарф — эшарп, его отделявали оборками, кистями или вышивкой, журналы советовали модные узлы. Или шаль! Тонкие из газ-марабу и газ-риса сохранили свою популярность на долгие годы.

А как велика роль этих деталей! Н. В. Гоголь описывая дам губернского города рассказывал: «... Все было у них продумано и предусмотрено с необыкновенною осмотрительностью; шея, плечи были открыты именно настолько, насколько нужно, и никак не дальше; каждая обнажала свои владения до тех пор, пока чувствовала, по собственному убеждению, что они способны погубить человека; остальное все было припрятано с необыкновенным вкусом, или какой-нибудь легонький галстучек из ленты, или шарф легче пирожного, известного под именем поцалуя, эфирно обнимал и обвивал шею, или выпущены были из-за плеч, из-под платья, маленькие зубчатые стенки из тонкого батиста, известные под именем скромностей. Эти скромности скрывали наперед и сзади то, что уже не могло нанести гибели человеку, а между тем заставляли подозревать, что там-то именно и была самая погибель».

Наша опытная модница, конечно, прекрасно знала обо всех этих тонкостях оболъщения и умела столь же искусно и непринужденно расположить шарфик на своем наряде. Однако очень полюбила она огромные и теплые кашмирские шали из драгоценной шерсти тибетских коз, похожие на шелковые, но легкие и очень-очень дорогие. А тут, на днях, такая печаль случилась, на балу у «Х» довелось ей оказаться возле лампы, с которой капало масло. Испор-

тила шаль! Два больших пятна уже не сведешь и на выход не наденешь.

Но больше волнений доставляли нашей героине шляпы. Они требовали самого внимательного к себе отношения, пропустил новость касательно цвета и ты попадешь под остренькие язычки более проворных щеголих. Появилась, к примеру заметка, что черные атласные шляпы «выходят из употребления» и «вместо них носят шляпы из белого гроденапля» (плотный шелк), проворно закажи такую и опять внимательно следи за объявлениями, которые некоторое время будут успокоительно вещать: «Белые гроденаплевые шляпки еще не вышли из моды, их убирают цветною тафтою и полосатыми лентами с букетами нерасцветших роз».

А летом все московские щеголихи водрузили на головы стружковые шляпы, украшенные розами, лесными или полевыми гвоздиками или маками.

Кстати о цветах, журналы тех лет рассказывали своим читательницам, когда и где появилась мода на искусственные цветы, из чего они изготовлялись и какие из них считались лучшими. Цветы не только украшали зимние и летние головные уборы, но и одежду. «Цветы для шуб в употреблении светлые, как-то: зеленого остролистника, или алый...» — сообщал «Московский телеграф». Искусственными цветами украшалась прическа: «если в уборку головы идут бриллианты, тогда туберозы или белые розы заменяют герании или гранатовые листочки». С украшениями из живых цветов советовали быть осторожнее, поскольку иногда от их аромата некоторым дамам становилось дурно.

Светлые длинные лайковые перчатки носили с платьями с короткими рукавами. Дамы аккуратно натягивали их так, чтобы не образовывалось ни единой складочки, чтобы красиво обрисовывалась форма рук. Модницы оставляли открытыми небольшую часть руки в самом верху, это казалось верхом элегантности.

К тому же появился еще один вид перчаток с обрезанными пальцами. Журнал «Молва» за 1831 год рас-

сказывал, что «дама хорошего тона не может теперь даже дома обойтись без перчаток с обрезанными пальцами. Они бывают шелковые или из шотландской бумаги разных приятных цветов». Шотландской бумагой называли ткань, сотканную из специально обработанной хлопковой нити, а такие перчатки без пальцев называли «митенки».

Не вышли из моды веера, их делали маленькими, с каким-нибудь модным рисунком (обезьянки, к примеру). Дамы носили их за поясом, мода рекомендовала некоторые правила пользования ими. Так, в театре, когда дама уставала от лорнета, она могла положить его на край ложи, «но веер никак не должно выпустать из рук».

Мы рассказываем о модницах и щеголихах, чьи туалеты продумывались в мельчайших деталях, с невероятной тщательностью и старанием, и ни разу не сказали о тех, кто был совершенно равнодушен к подобным занятиям. Многие дамы и девицы одевались по своему усмотрению. Они не считались с велением моды, внешностью или стилем, одевались просто — в то, что нравилось. Их туалеты порой представляли собой чудовищное смешение старой и новой моды. Шляпы пестрели невероятно яркими, не гармонирующими друг с другом цветами. Вместе с тяжелыми ожерельями и монистами носили новомодное украшение под названием «севинье». И если на руки она надевала модные длинные перчатки, то на ноги могла, не задумываясь, надеть грузные старенькие башмачки. И если одну ее ручку украшал роскошный французский браслетик, то другую — широченное запястье, усыпанное драгоценными камнями. И не разобраться, что из какой эпохи, и не понять, что подделка, а что драгоценная вещица.

Середина века ознаменовалась обращением к французскому придворному костюму середины XVIII века. Если представляемая нами героиня дожила до этого времени, то ей было уже не меньше семидесяти с лишним лет, но поверьте, это не возраст для настоящей щеголихи. Графиня Разумовская, по словам Пыляева, очень любила Париж и уезжала туда

каждые три года. Несмотря на утомительную дорогу, она «одним духом доехала до Париже — ей было тогда 84 года; приехала она довольно поздно вечером, а на другой день, утром, как ни в чем не бывало гуляла по любимой своей rue de la Paix. В то время в Париже находилась старая венская приятельница и ровесница графини, княгиня Грасалькович, урожденная Эстергази, славившаяся тоже необыкновенною своею бодростью, несмотря на свои преклонные лета. Узнав, что Разумовская одним духом доскакала до Парижа для заказа нарядов, княгиня с завистью воскликнула: “После этого мне остается только съездить на два дня в Нью-Йорк!”»

Так вот, в 51-м году появился кринолин — широкая юбка на обручах, последовательно соединенных друг с другом тесьмой. Мода на кринолины существовала до 1867 года и бесследно исчезла.

Наша франтиха непременно должна была заказать такое платье. Хотя было оно и тяжеловато: широкая юбка затрудняла движение и особенные неудобства вызывала у кавалера, сопровождавшего даму.

О кринолинах, во время их появления в России, писали так много и неодобрительно, как ни об одном другом туалете. Писали, что везде в Европе они уже отошли и, разумеется, не могли надолго прижиться из-за своих невероятных и совершенно неудобных размеров. Хотя это было не совсем так, и побывавший в России в 1859 году французский писатель Теофиль Готье рассказывал, что русские щеголихи, как и французские, носили кринолины.

Писали о массе неудобств, доставляемых ими, о том, например, что современные кареты не вмещали в себя дам с такими юбками и что некоторые модники жалеют, что не сохранились вместительные старинные кареты. В том же году журналист из «Современника» (Т. 63, №6) рассказывал, что «... гулянье в Летнем саду убедило меня решительно в неслыханном безобразии кринолинов. О, Боже! До чего может довести мода! Неужели эти самошевелиющиеся юбки, надутые как шары, красивы и удобны? ... Умоляю иногородних дам и барышень: не увлекаться безо-

бразной модой кринолина — и торжественно от-
вергнуть его».

Журналы не останавливались на этом и из номера в номер продолжали сообщать о нелепостях, происходящих с этими юбками. Так однажды на балу кавалер, танцующий с дамой, заметил из-за произвольно колыхающегося платья цвет ее панталончиков. О чем он тут же сказал своей даме. И несмотря на это вопиющее неприличие и со стороны дамы, и со стороны кавалера, дама, рассказывали, не сняла кринолина и стала носить другое нижнее белье, которое не выглядывало из-за края юбки.

И что уж совсем невероятно, однажды в открытое окно в комнате, где сидели дамы в кринолинах, ударила молния. Она попала в металлические обручи юбок, ткань на них загорелась, и дамы, хоть и не пострадали, страшно перепугались.

В одном из изданий того времени в шутливой форме рассказывалось, как некий господин, чья жена носила это модное платье, обращался в газету с просьбой убедить публику «устроить такую школу, в которой бы мужчин учили ходить с дамами, имеющими слабость носить кринолины. Вести под руку модную даму, по его мнению, довольно хитрая наука...».

Можно привести и еще один смешной эпизод. Родители одной девицы не хотели отпускать ее на бал, где она могла встретиться с предметом своих грез, против которого они были настроены. После долгих уговоров и наставлений, с которыми строптивая дочь не соглашалась, мать заперла ее в собственной комнате на третьем этаже. Но девушка оказалась бойкой. Она собралась на вечер со всей тщательностью, разумеется, надела кринолин, отворила окно и, ни капельки не страшась, выпрыгнула из своей «темницы». Кринолин сыграл роль парашюта, девушка благополучно приземлилась на землю, отряхнулась и поспешила на бал. Говорят, что родители так и не заметили ее отсутствия.

Бывали случаи, когда кринолины пытались запрещать. Но мода оказывалась сильнее. Некоторое время спустя тот, кто их бранил, начинал их носить.

Кстати, когда две смелые модницы, которым надоело ходить в этих юбках, появились в обществе в платьях простого покроя, видимо рассчитывая произвести фурор и обратить на себя внимание, то они всем показались жалкими. Их платья, на фоне торжественных кринолинов, выглядели обвислыми, как «плакучие ивы». Трюк не удался.

И это при всем том, что кринолины были очень затруднительны в носке. Нижняя часть юбки вечно пачкалась от уличной грязи. Аккуратные дамочки старались ходить как можно осторожнее, но край юбки поднимать неудобно, и если даже удавалось, то брызги так или иначе попадали на нижнюю часть платья. Казалось бы все говорило о том, что кринолин не имеет право на существование. Так нет, ничего подобного, завезли в столичные магазины удобную ткань для нижней юбки, в широкую черно-красную горизонтальную полоску! А еще придумали нехитрое устройство для того, чтобы поднимать край платья в сырую погоду. Его называли «вздержкой». Металлический крючок размещали спереди и сзади платья на изнаночной стороне. В том же месте укрепляли шнурок, его длина не превышала середины юбки, а на конце его крепилась металлическая петля с четырьмя отверстиями для еще четырех шнурков. Концы этих шнурков расходились веером и пришивались к подолу платья на некотором расстоянии от его края. Когда подол надо было поднять, эта петля «вздергивалась» на крючок, а закрепленные снизу шнурки поддерживали ткань сверху. Чтобы она лежала красивыми мягкими складками, эти шнуры пропускали через колечки, пришитые к низу юбки.

Так что хитрые щеголихи победили в борьбе с неудобствами, кринолины устояли. Они покорили сердца всех модниц: и богатых, и бедных. Кринолины надели светские дамы и те, кто во всем им стремился подражать.

Журнал «Мода» 1857 года (№1) напоминал: «Женщина хорошего тона никогда не наденет ничего яркого, ничего эксцентричного, чтобы могло обратить на себя внимание публики. Она, напротив, отличает-

ся простотою, но простотою утонченной, изящной, артистической, грациозной».

В другом номере он рассказывал о том, что многие дамы забылись и на блестящие балы приходят в атласных ботиночках. «Пожалуйста, не подражайте им, если вы хотите быть похожими на женщину большого света и высшего круга. Для балов существует только единственная обувь, состоящая из белого, тонкого и прозрачного чулка и атласного белого или черного башмака; всякая другая обувь носит печать дурного вкуса. Эти мелочи кажутся ничтожными, но они весьма значительны для женщин хорошего тона, они даже значительнее, нежели платье и бриллианты».

Мода столь разнообразна, что истинная ее поклонница имеет возможность выбирать из огромного многообразия одежд и украшений то, что идет только ей, подчеркивает только ее прелести и скрывает только ее недостатки. Красота и изысканность присущи простоте туалета, а не его пестроте.

Журналы сообщали, что лучшие магазины платья в Петербурге принадлежат господам Жульен-Бастиду, Дюбуа-Делилю, разнообразием товаров могли похвастаться Лионский и Английский магазины. Не хуже иностранных отечественные товары в Гостином Дворе, в лавках Масленникова, Меншуткина и Погребова.

Ко всему прочему, дамам предлагался грандиозный выбор тканей, цветов, кружев, вуалей и сопутствующих украшений, так стоит ли себя выставлять на посмешище ради одной модной шляпки!

В середине века некоторые немолодые щеголихи, не считаясь с возрастом, водрузили на свои все еще ветреные, но уже побеленные сединой волосы кокетливые круглые шляпки — амазонки. Новизна и красота их, видимо, ошеломили всех. Модные шляпки выглядели так игриво, что только подчеркивали возраст весьма зрелых дам, которых тогда прозвали «последняя попытка». В те годы гулял такой стишок:

Что в семнадцать лет отлично,
И в двадцатых не грешно,
То под тридцать неприлично,
А под сорок — пресмешно.

Правда, наша героиня уже вряд ли осмелилась бы надеть такую шляпу, мы будем надеяться, что здравый смысл сопутствовал ей в выборе туалета. За свою долгую жизнь она переменила массу нарядов, были у нее греческие туники, она носила корсеты, так туго стянутые, что своим видом напоминала стрекозу, шила громоздкие рукава и надевала тяжелый кринолин. Она переменила множество чепцов и шляпок, ходила в туфельках без каблуков и с каблуками и, точно, не могла пожаловаться на однообразие моды.

А что же новое поколение щеголих? Что выпало на долю тех, кто родился позднее, и, увы, не застал этот трепетный античный наряд или чепчики «а-ля крокодил»?

Мода их не обделила. Журнал «Модный магазин» в 1866 году извещал своих читательниц: «В настоящее время торжество остается за античным. Платья отделяются камнями, ... иероглифами... талии очень укоротятся...» В Петербурге «... одна весьма богатая и хорошенькая великосветская дама явилась на большой бал... в совершенно новом и весьма изящном головном уборе. Нечто античное, грациозное». Только, конечно, мода не вернула прозрачные туники и туфельки на сплошной подошве.

Журналы все настойчивее обращали внимание читательниц на то, что следует одеваться сообразно собственной внешности и собственному кошельку, а не гнаться за умопомрачительно дорогими нарядами богатых щеголих. А вот кринолин уже надоел, ему искали замену, и пока еще не могли придумать ничего стоящего. Понадобилось три года, чтобы изобрести нечто изысканное и невиданное. Им стал турнюр, который вошел в моду в 1870 году.

Турнюр — все то же специальное приспособление в виде ватной подушечки или конструкции из ткани с металлическими пластинами для формирования особого силуэта женского платья. Его подкладывали к юбке сзади у талии, отчего линия спины становилась нелепо оттопыренной (на сегодняшний взгляд). Тогда такого выражения не употребляли, напротив,

женщины в подобном наряде казались грациозно изогнутыми. О вкусах не спорят.

Турнюры вызвали некоторое замешательство в обществе. А. П. Чехов писал: «Мода капризна и причудлива. Мы не удивимся, если дамы начнут носить лошадиные хвосты на шляпах и буферные фонари вместо брошек. Нас не удивят даже турнюры, в которые «для безопасности» мужа и любовники будут сажать цепных собак».

Ходили слухи, что на борьбу с турнюрами встанут государственные мужи, обложат модников высокими налогами, что создадут даже общества, целью которых будет искоренение мод на турнюры. Но модниц не проведешь! Лучше прослыть нелепой в новом платье, сшитом по последней парижской моде, чем оказаться в числе тех, кто сам придумывал унылые скромные фасоны.

Широчайший выбор тканей позволял создавать умопомрачительной красоты туалеты. Жилетки подчеркивали узкую талию, основная юбка могла быть гладкой, или в складку, или в рубчик, сверху причудливой драпировкой укладывалась еще одна юбка, ее иногда скалывали сбоку красивой пряжкой. Туалеты делились на простые и сложные. Простые шили из одной дорогой или дешевой ткани, отделанной вышивкой. В сложных соединялись три или четыре вида материй. Подчеркивая достоинства друг друга, соседствовали бархат, атлас и кружева.

Во времена такого разнообразия фасонов и моделей костюмов решили наши щеголихи считать обладательницами отменного вкуса лишь тех, кто способен туалетом подчеркнуть достоинства собственной внешности, а не являть свету пуды тканей и горы взбитых кружев. Таким талантом особенно отличались дамы из светского общества, которым усиленно пытались подражать все остальные. Выходило не всегда.

«Можно быть красивой, остроумной, грациозной, хорошо воспитанной, и все-таки не быть вполне светской женщиной! Это качество исключительное, оно дается как результат воспитания, традиций и чего-то

прирожденного, но такого, без чего не может выйти совершенного типа светской женщины; и потому этот тип, в полном значении слова, встречается редко...» — писал журнал «Модный магазин» (1877, № 9).

Анна Каренина, героиня одноименного романа Л. Н. Толстого, женщина вполне светская, обладала именно тем тонким изысканным вкусом, о котором так много говорили.

«Анна была не в лиловом, как того непременно хотела Кити, но в черном, низко срезанном бархатном платье, открывавшем ее точеные, как старой слоновой кости, полные плечи и грудь и округлые руки с тонкою крошечною кистью. Все платье было обшито венецианским гипюром. На голове у нее, в черных волосах, своих без примеси, была маленькая гирлянда анютиных глазок и такая же на черной ленте пояса между белыми кружевами. ...

Теперь она (Кити. — *Ред.*) поняла, что Анна не могла быть в лиловом и что ее прелесть состоит именно в том, что она всегда выступала из своего туалета, что туалет никогда не мог быть виден на ней. И черное платье с пышными кружевами не было видно на ней; это была только рамка, и была видна только она, веселая и оживленная».

Отличало этих модниц и то, что свои одежды, на создание которых уходило немало времени, денег и фантазии, они носили с такой простотой и легкостью, будто родились в них. И будто нет и не было ничего удобнее и лучше, чем эти платья с турнюрором, будто только они одни и созданы для того, чтобы явить миру всю прелесть женской фигуры.

Усталость от турнюроров появилась в конце 80-х годов. Журнал «Вестник моды» в 1888 году писал: «Мы говорили уже много раз, что турнюроры совсем выйдут из моды и вполне элегантные женщины носят уже платья гладкие. Только весьма немногие носят еще маленькую подушечку и два ряда стали, один длинной в 25 см, другой 35 см».

В 90-е годы мода под влиянием нового стилевого направления в европейском искусстве — модерна, внесла коррективы в силуэт женского костюма. По-

крой платья заметно упростился. Его линии стали более плавными, а фасоны разнообразными. Носили туалеты с рукавами-буфами, с очень изящными талиями и узкой в бедрах юбкой или лишь слегка приталенной, а то и вовсе свободной по покрою. Тогда же женский гардероб пополнился блузами из легких светлых тканей (крепдешин, маркизета, батиста), отделанных ручной вышивкой в тон, кружевными вставками и мережкой. Удобства их оценили женщины самых разных возрастов.

И воздушные рукавчики, и тонюсенькие талии, и узкая юбка, расширявшаяся книзу, делали женскую фигуру похожей на тонкий стебель цветка или на опрокинутый высокий фужер. Популярность вновь получил образ томной, манерно усталой красавицы. Франтихи облачились в закрытые до подбородка, волочащиеся по полу платья, отделанные трепетными воланами, с рукавами, похожими на взбитую пену. Ступали особой скользящей неторопливой походкой, скрывая лицо полями шляпки или вуалькой. Они, вероятно, ничуть не завидовали туалетам своих бабушек и находили новый стиль весьма привлекательным. Да к тому же если уж возникало желание надеть модные встарь туалеты, то возвращали их к жизни легко и непринужденно, обновив некоторые детали.

А повседневные заботы модниц ничуть не отличались от хлопот предшественниц. И волнений с модными туалетами достаточно и средств на них уходило, как всегда, изрядно. Вот как-то прошел слух, что вроде бы вновь возвращаются кринолины. Это известие повергло наших франтих в ужас. Журнал «Наше время» в 1893 году в февральском приложении «Моды» успокоил своих читательниц: «Пронесшийся слух о моде на кринолины, так напугавший женщин со вкусом, оказывается лишенным всякого основания. Хотя юбки начинают носить гораздо шире, чем в прошлом году, и подбивают их легкой волосяной материей, но до кринолина еще далеко».

Юбки кроили в то время узкими в бедрах, правда, ниже они основательно расширились за счет трех складок, заложенных сзади, и окружность подола на-

считывала три, а то и пять метров в зависимости от плотности ткани.

Кроме платьев, четко разделенных на юбку и лиф, шили цельнокроеные приталенные и свободные, так называемые «ампирные» платья с высокой талией. В 1893 году в модном приложении к журналу «Нива» писали, что «носят платья времен Империи, однако эта мода прививается довольно туго и то преимущественно в великосветском кругу». И, по мнению журнала «Наше время», далеко не всем аристократкам удавалось правильно понять идею туалета. Их стремление как можно больше оголить свое тело заставляло усомниться в их вкусе. Хотя говорят, что о вкусах не спорят. Что ж, вполне справедливо. Однако дамы эти смело утверждали, что подобные туалеты сшиты не по их образцу, а предложены парижанами. А вот это заявление, по мнению журнала, — суцая клевета!

«Мы рекомендуем вам зайти из любопытства к Виоле, в агентство парижской прессы, перелистать модные журналы за последние месяцы. Сделав это, вы увидите, что если там и нарисованы барыни в сорочках «империи» и барыни с «директорскими» талиями под мышкой, если вы заметите декольте, вызывающее улыбку, и платья, которые держатся на одних только помочах, если вы заметите все это, то дайте себе труд сосчитать много ли таких. Счет сей же час обнаружит перед вами, что подобные модницы составляют ничтожное меньшинство; большинство же бальных нарядов — не говоря уже о концертных — отличается очень приличными вырезами, каковые делались и прежде; талии почти на месте, и платья с плеч не валяются».

Осуждению, как всегда, подвергались модницы, особенно заботившиеся о вычурности своего туалета. На страницах того же издания доктор медицины Е. Мейнерт опубликовал статью под названием «Гигиена мод», в которой предостерегал женский пол от вредных для здоровья туалетов.

«Представьте себе даму, роскошно и богато одетую! Сколько нужно внимания и заботливости с ее стороны, чтобы ничто не испортилось в ее артистическом

туалете, в ее необычайной эффектной прическе; элегантной шляпке или шали, живописными складками драпирующейся вокруг ее стана. При этом волосы ее напудрены — как осторожно должна она ступать, как умело держать в равновесии голову, чтобы ни одна пылинка пудры не упала на платье! Вы, господа, вероятно, заметили, что расфранченные дамы никогда не решаются поворачивать одну голову, а, в случае необходимости, двигаются всем корпусом, как те куклы, которые выставлены в окнах магазинов».

Господин доктор припомнил и вредные корсеты, и тесную обувь, и очень узкие юбки, обратив внимание читательниц на то, что все они основательно стесняют движения, делают их неестественными, тем самым способствуя развитию плохого кровообращения, что впоследствии может вызвать самые серьезные заболевания.

При всем этом журналы тех лет наперебой рекомендовали женщине очень тщательно следить за своей внешностью и туалетом и делать это тем прилежней, чем старше она становилась, поскольку с возрастом необходимость в уходе за телом и лицом все больше и больше возрастает, а не наоборот, как полагают многие. Годы не придают красоты, морщины, заболевания, тусклые волосы добавляют уныния и сделают внешность старше, чем она есть на самом деле. В то время как ухоженная, с хорошо уложенными волосами и по возрасту со вкусом одетая старушка вызовет самые приятные эмоции и, возможно, покажется даже значительно моложе!

Умеренность, здравый смысл, художественное воображение не только не помешают в подборе туалетов, но сделают свою хозяйку ослепительной.

Надо сказать, что в XIX веке нападки на щеголих не были уже такими острыми как раньше — общество смирилось с женской натурой — вечно все менять и тратить на это большую часть своей жизни и средств. В то же время вопрос о мужчинах, пристрастившихся к модной мишуре, оставался долгое время злободневным. Щеголям того времени доставалось от журналистов изрядно.

Господство фраков

Каждый юноша посредством портного, парикмахера или купца старался придать себе вид значительного и важного господина. И потому о всякой, пусть незначительной, части убора у него происходил самый серьезный совет, и порой казалось, что вся его «жизненная деятельность состоит лишь в познании мод». Николай Иванович Страхов писал: «Подобно как кисть живописца живообразует простой кусок холста, так равно игла портного может учинить вас людьми; ибо без сей иглы не можете вы включены быть в округ большого света».

Рассказывали, что в конце XVIII века щеголи старались одеваться «с иголки» и, заметив на ком-либо, к примеру, обувь новейшего фасона, буквально краснели от стыда. Им казалось, что хуже них уже никто и не одет. Чтобы не оказаться в подобной ситуации, они следили за малейшими изменениями в модах по журналам, а главным образом пристально наблюдая за известными модниками, которым не стеснялись подражать.

Фрак в 90-е годы шили из цветного сукна, одно время популярны были красные фраки с черными пуговицами. Их кроили с узкими длинными фалдами, а талию располагали довольно высоко. Жилет шили из атласа другого цвета, а галстук делали таким широким и пышным, что он закрывал подбородок.

Мода на расцветки тканей менялась стремительно и превращала жизнь своих поклонников в настоящий ад. Дошел слух до Петербурга, что в Париже начали носить палевого цвета фраки, молодые люди всполошились, бросились, все как один, в магазины да к портным и не успели примерить обновку, как слышат, будто бы в Париже уже все переменялось и теперь самыми желанными сделались фраки из полосатого сукна. Печаль и уныние воцарялись в сердцах наших щеголей.

И если с расцветкой ткани возникали такие про-

блемы, то что сказать о покрое платья! Бывало, на улице уже весна, а модники еще не заказывали себе новых одежд, потому что прошел слухок, что будто бы законодатели мод начали удлинять лифы. А поскольку слух этот был какой-то уж очень далекий и слабый и ничем пока не подтверждался, то ждали несчастные, когда же наконец решиться их судьба и мода во всеуслышание заявит о своих новинках.

И все-таки, несмотря на частые изменения отдельных деталей и цвета мужского платья, силуэт его оставался прежним. Например, в 1791 году модный журнал предлагал мужчинам фрак из темно-голубого, темно-серого или полосатого фриза. Фризом называли грубую недорогую шерстяную ткань со слегка вьющимся ворсом. Но самым замечательным в этом наряде считался жилет. Его красота состояла в тройных отворотах разного цвета. Это был «писк» сезона. Верхний отворот шили, например, из зеленой ткани с белыми полосками, на второй брали материю палевого цвета, третий был пунцовый атласный. Кажется, три жилета друг на друга надеты.

Правда, журналы подтрунивали над его поклонниками, говорили, что скорее всего какой-нибудь англичанин надел для тепла три жилета, а щеголи решили, что это модная новинка и заказали по три отворота.

Но вообще и цвет, и фасон, и длина платья еще далеко не самое главное в образе франта. Нужно было преподнести себя в модном туалете, «выказать» всю красоту свою, подчеркнуть нужным движением новомодный покрой или умопомрачительной красоты галстук с заколкой. Этому искусству за пять минут не научишься, и потому дома перед зеркалом стоило потренироваться необходимым движениям. Н. И. Страхов шутливо советовал: «Оглаживайте сукно и обирайте с онога малейшие пушинки. То наклоняйте вниз голову, то возносите оную к зеркалу, то отступайте от онаго на конец комнаты, то паки к нему подходите. Сами себе кланяйтесь и откланивайтесь в зеркале: представляйте, что будто вы к кому

подходите или с кем-либо встречаетесь; изображайте собою человека, который вступает в собрание, делает разные ласки девицам и танцует с ними...

Оправляйте модный ваш воротник; сто раз вытягивайте оной до ваших ушей и прищуривайте глазки, дабы всмотреться, подлинно ли цвет сукна вам к лицу. Не забудьте самого важного дела: вспомните о лифе, который, так сказать, составляет душу вашего кафтана и всех нарядов. ... Чем оной лиф выше, тем выше ваши достоинства, а чем уже спинка, тем больше ваш разум».

В те же годы появилась среди молодежи мода на неучтивость и грубость. М. И. Пыляев рассказывал, что щеголи, заслышав в свой адрес насмешку или грубое слово, тут же пускали в ход трости, которые всегда носили с собой и с которыми не расставались. «Вежливость считалась предрассудком, и молодые люди, разговаривая с женщинами, надвигали шляпу на лоб. Когда старики выказывали вежливость, молодые осыпали их насмешками».

На взгляд юношей, в этой развязности сквозило что-то новое, свежее, что противопоставлялось отживающей старине с ее поклонами, полупоклонами и вечным шарканьем. Да и вообще, мода на коротенький фрак, обтягивающие панталончики, вихрастые прически без нелепых париков и пудры, колкости и резкости, которыми так нравилось возмущать стариков, — всё пришлось по душе нашим героям. И вдруг в 1796 году словно гром среди ясного неба — жилеты и фраки запрещены!

Император Павел посчитал манеру подражать модам революционной Франции опасной и непристойной. Все изменилось менее чем за сутки — одежды, прически, походка и даже выражение лиц. Появление в общественных местах во фраке и круглой шляпе расценивалось как неблагопристойное, развязное поведение и жестоко преследовалось. Поклонников фраков, коих встречали на улице, тотчас препровождали в часть. Некоторые ослушники лишались чинов и оказывались в ссылке. Вновь пришлось вытаскивать из сундуков да шка-

фов однобортные кафтаны и камзолы. В происхождение не верилось...

По распоряжению Павла провели полную унификацию чиновничьей одежды, ввели единый статский мундир для всех губерний. Им стал длиннополый кафтан темно-зеленого сукна, такой же, как был в прусской армии. Только у нашего, российского, воротники и обшлага шили из тканей тех цветов, что были на гербе губернии. Сам герб изображали на пуговицах кафтана. Старомодные кафтаны и напудренные парики вытащили из старых сундуков, они пришли на смену элегантным фракам.

Бесчиновых людей: купцов, нигде еще не служащую молодежь, разночинцев, художников и музыкантов — обязали носить партикулярное платье такого покроя немундирных цветов; людей состоявших на службе — платье своего ведомства. Военный покрой и военная форма распространились даже на официальный костюм придворного ведомства. Придворный штат Михайловского замка получил мундиры малинового цвета, а в Зимнем носили красные. Камзол шили белоснежным, с белыми штанами носили высокие ботфорты со шпорами.

Смерть Павла в 1801 году вернула все на свои места, уже через пару дней в Петербурге появились модники во фраках, на их головах красовались круглые шляпы вместо треуголок, а на ногах сапоги с отворотами вместо ботфортов. Щеголи удовлетворенно вздохнули.

Со временем, в 10-х годах XIX века, фалды фрака стали заметно выше колен и платье, по разумению пожилых людей, походило на домашнюю курточку. Затем фалды опустились ниже, а верх рукава сделали пышным. Талия же располагалась настолько высоко, что про тогдашних щеголей говорили, будто те носят фраки с талией на затылке.

Если костюмы претерпевали хоть какие-то изменения, то образ жизни этих молодых людей оставался прежним. В заметке «Модная жизнь», напечатанной в 1815 году в журнале «Кабинет Аспазии», матушка, глядя на своего сыночка, не переставала удивляться.

Не понять ей отпрыска. Он, по примеру всех петербургских франтов, начинал день в полночь. Облечившись во фрак, с тросточкой, перчатками и надушенным платком, уезжал на бал или в гости. В шесть часов утра возвращался оттуда, спал, в два часа дня пробуждался, в семь вечера, когда уже пора было садиться ужинать, он обедал, занимался своим туалетом и в полночь снова отправлялся развлекаться.

«Повеса, враль пустой, без сердца, без души», герой комедии «Петиметр в деревне», князь Блесткин, рассказывает о том, каким должен быть модный щеголь:

Кто хочет в свете сем известным нынче быть,
Тот должен всех людей с ума почти сводить;
Наружностью одной умнее всех казаться,
Мазурку танцевать и ловким быть стараться;
На всякого кидать насмешки гордый взор,
А в обществах болтать смелее всякий вздор;
В спектакли всякой день торжественно являться,
Обегать ложи все, чтоб только показаться;
Иль с кем-нибудь шуметь и брать высокий тон;
Из кресел делать всем иль ручку, иль поклон;
В антрактах наводить на ложи все лорнетку,
Отыскивать кругом знакомую кокетку;
Иль новые bon-mot соседям отпускать,
Иль споры заводить, чтоб только покричать;
На всех крыльцах шуметь, рассказывать секреты,
И с нетерпеньем ждать иль дрожек, иль кареты;
Оттуда полететь в уединенный край,
Где модных всех красот, хоть список сочиняй;
Где их обманывать стараться невозможно,
И с ними заводить истории коль можно;
Ревнивых осаждать, и чем-нибудь бесить ...
Ну словом, так сказать, везде героем быть!

Подобный стиль жизни для большинства светских повес был естественным, но далеко не у всех хватало на него средств. Как всегда, деньги и еще раз деньги! И одна мысль о том, что произойдет страшное — что кредиторы придут получить по векселям, что грозит позор, что двери всех приличных домов закроются перед ним, — приводила нашего модника в ужас. А сколько было тех, кому пришлось с горечью расстаться со столичной жизнью, с Невским проспектом, с оперой, с балами и праздниками в Петергофе и возвратиться в деревню к своей бедной матушке, которая все эти годы собирала для своего чада крохи с не-

большого поместья и аккуратно высылала своему непутевому сыну. Хорошо тем, кто мог рассчитывать на богатых родителей да родственников, а если таковых нет? Тогда женитьба, только женитьба!

Без долгов жить удавалось лишь очень обеспеченным. Если полистать журналы первой половины XIX века с разделами мод, то убедишься, что щеголь, послушно следовавший всем рекомендациям моды, должен был погрязнуть в долгах в течение одного года. Мода предлагала на каждый сезон или новый цвет ткани на одежду, или новое сочетание цветов, а главное, массу мелких, очень дорогих и необходимых аксессуаров к туалету: тростей, перчаток, галстучных булавок, шарфов, платков и т. п.

Например, «Прибавления» к журналу «Московский телеграф» в 1825 году советовали надеть для визитов в Новый год фрак фиолетового цвета с бархатным воротником, бархатный жилет цветом «a la valliere» с золотыми цветочками, еще жилет из белого пике. Пике — белоснежная хлопчатобумажная ткань (редко шелковая) с выпуклыми узорами. Жилеты из белого пике являлись символом респектабельности. Щеголи вместо одного жилета носили сразу три (отголосок моды на жилеты с тройными отворотами). Надевали черный бархатный, на него красный, а поверх — суконный черного цвета. Модные жилеты шили узенькими и застегивали на половину, в вырезе жилета виднелись рубашка и пять пуговиц на ней. Причем пришивали разные пуговицы: одна могла быть золотая, украшенная эмалью, другая из сердолика, третья из черепахового панциря или перламутровая и т. д. Воротнички рубашек расшивали гладью, рисунки изображали гирлянды ландышей или мирта.

Рукава фрака надлежало сшить так, чтобы непременно виднелись манжеты рубашки, застегнутые запонками с бриллиантами или перламутровыми пуговицами. Белые панталоны заправляли в сапоги, потом носили и навыпуск.

Если для вечера или в концерт следовало облачиться в черный фрак, а летом в светло-зеленый, то на неофициальные визиты и на прогулку надлежало надеть

сюртук, который получил распространение в первые десятилетия XIX века. В отличие от фрака он имел полы и застегивался на длинную застежку, сверху был небольшой треугольный вырез с отложным воротником. Модными считались сюртуки очень узкие, изящно обрисовывавшие талию. Их шили из зеленого или синего сукна с бархатным воротником и лацканами и с металлическими пуговицами в два ряда.

Однако истинному щеголю недостаточно иметь один или два отлично сшитых фрака или сюртука, нужно обзавестись одеждой на все случаи жизни. Журнал «Московский телеграф» в 1825 году настоятельно рекомендовал: «1. Полные пары платья: французскую, большого туалета, бальную, для малых вечеров, для верховой езды, неглиже, без карманов, для выезда на охоту. 2. Сюртуки: утренний с одним рядом пуговиц, для верховой езды, с пелериной, для простых прогулок, белый Английский с перламутровыми пуговицами, Прусский с круглым воротником, с шалью и меховой опушкой, гусарский с бренденбургскими и снурком. 3. Плащи: бальный, с шиншиллой, для прогулки... Но вот что еще не решено: сколько должно иметь галстуков? У одного щеголя насчитали только цветных 72; у другого цветных 154!»

Галстуки походили в ту пору на шейные платки. Кусок ткани сворачивали по диагонали, охватывали шею спереди и, скрестив сзади концы, завязывали узел под подбородком. К слову, женщины в наше время так иногда повязывают платочки под пальто или плащ. А в начале XIX века эта мода делала мужские галстуки такими пышными, что в них утопал подбородок и чуть ли не вся нижняя часть лица. Тогда же носили и неширокие галстуки, а в журналах за 1826 год сообщалось, что «высоких галстуков совсем не носят».

Но если молодой господин не являлся отъявленным модником и мог называться «неприхотливым щеголем», журнал рекомендовал ему иметь парутройку туалетов на каждый день. На утро «фрак синий или черный, два жилета, в галстук булавка с бриллиантом или рубином, золотой лорнет на золотой цепочке, часы Бреге или Леруа с привесками.

Вечером темный или серый сюртук, черный галстук; ни часов, ни колец не надевают и вместо лорнета должен быть карманный пистолет, на стальной, вороненой цепочке» («Прибавления» к «Московскому телеграфу», 1826, ч.12, №21—24).

Очень хлопотна повседневная жизнь наших героев, успевай только по лавкам да магазинам разъезжать, узнавать о новых тенденциях в модной одежде да изыскать средства для их приобретения. Останется ли время поразмышлять над удобствами и красотой новых туалетов? Вряд ли. Зато у той части мужского населения, которая так раболопно не повиновалась модам, хватало времени на то, чтобы обсудить преимущества новых или старых одежд.

Фрак пришелся по душе далеко не всем. Герой комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Чацкий заявляет:

Пускай меня объявят старOVERом,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал все в обмен на новый лад:
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую —
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям,
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки!..

«Эка невидаль — критика! Можно подумать, что-то новое сказали! — наверное, так рассуждал щеголь. — Сколько веков нас стыдили, с нас — что с гуся вода!» Гораздо важнее не проморгать в лавке украшения к своему туалету, чем прислушиваться к мнению противников модных одежд. Вот к примеру, тросточка. На первый взгляд — безделица, а без нее никуда! Тросточки делали разными: из черного или розового дерева, китовых усов, витые — из белой и черной или из двух черных палочек, роговые — желтого цвета с крючком наверху или с перламутровым набалдашником. Очень дорогими были тросточки из рога носорога, а самой модной в 20-е годы стала бамбуковая палочка с золотой собачьей или петушиной головой. Щеголи придумали особую манеру но-

сить ее. Палочку брали посредине и, как бы в рассеянной задумчивости, подносили ее конец в виде собачьей морды к губам. Вероятно, дамы не пропускали мимо своих внимательных глазок таких меланхолических красавцев.

Модной мелочью, способной изменить облик франта до неузнаваемости, стали очки. Журнал оповещал своих подписчиков о том, что мода на зеленые стекла уже прошла и «что щеголи носят ныне вместо зеленых очков — синие».

Небольшая, но важная деталь туалета — кожаный кошелек для денег. Моднику очень часто приходилось его демонстрировать и в лавках, и в магазинах. Нет-нет, вовсе не такой, как у торгашей-разносчиков. Щеголи носили кошельки, раскрашенные в модный цвет резеды, расшитые шелками и отделанные металлом.

Часы и необходимость, и неперемное украшение туалета. Часы носили и на цепочках с привесками, которые продевали сквозь жилетные петельки, и шили специальные кармашки для них и в нижнем платье, и в самих жилетах.

Причем все эти мелочи должны были соответствовать внутреннему облику своего господина. Тогда считалось «интересным» представлять себя романтиком. Идеалы романтиков материализовались во всем — и в творчестве, и в характерном внешнем облике. Поклонники романтического направления, с его вечным мучительным разладом идеала и действительности, с его вечными темами «мировой скорби», «мировым злом» и «ночной» стороной души, отказались от ярких тканей и отдали предпочтение черному. Стиль романтиков того времени исключал какое-либо белое пятно в мужском костюме. Теофиль Готье писал, что «было модным тогда в романтической школе быть бледным, синеватым, зеленоватым, немного мертвеннее, если это возможно».

Романтиками называли не только тех, кто зачитывался романтической литературой и пытался быть похожим на ее героев. «Романтиками» называл В. Г. Белинский московских славянофилов. По его

словам, они смотрели на жизнь не с практической точки зрения. Современные технические достижения ими воспринимались презрительно, особое место в их жизни находили такие понятия, как «идея», «дух», «любовь» и т. п. В то время как Петербург представлял их противников — «классиков», которые считали себя людьми деловыми и практичными и не «витали в облаках».

Надо было очень неплохо разбираться в модных литературных или социальных течениях того времени, чтобы понять, почему тот или иной господин или госпожа надевали пеструю или черную одежду.

В «Прибавлениях» к «Московскому телеграфу» за 1825 года в № 14 журналист, судя по всему, перепутал романтиков от литературы с романтиками-славянофилами. «Одежды и экипаж показывают ныне, к которой партии в литературе кто принадлежит. Романтики ездят в ландо, или стангопах, запряженных двумя разношерстными лошадьми, любят пестроту, например фиолетовые сюртуки, розовые или лиловые жилеты, русские панталоны, цветные шляпы. Дамы-романтики носят пейзанские шляпки, цветные ленты, три браслета на одной руке, один браслет на другой и убираются иностранными цветками.

Классики поступают совсем иначе. Экипаж их — семейный берлин, или трехместный кабриолет, лошади вороные, платье темных цветов, галстуки просто из тонкого батиста с бриллиантовой булавкой. Дамы-классики не терпят марабу, пестроты в нарядах. Цветы, которыми они убираются — розы, лилии и другие цветы, — классические».

Интерес к истории или историческим событиям тоже находил отражение в модах. Носили двухугольную шляпу «веллингтон» — по имени английского военного деятеля лорда А. Веллингтона (1769—1852), популярного в России в начале века. Цилиндры с широкими полями под названием «а ля Боливар», названные в честь лидера освободительного движения в Латинской Америке Симона Боливар (1783—1830). Причем модники, не питавшие к нему симпатии, носили шляпы с узкими полями —

«морилью», названные в честь политического противника Боливара.

В 30-е годы произошли изменения в покрое фрака, его талия опустилась на положенное ей место и кроилась очень узкой. Пышный рукав у плеча демонстрировал, как бы между прочим, хорошо развитые плечи и широкую грудь, при этом кисти рук должны были быть изящными и тонкими.

Одежды надлежало не только шить по моде, но и носить так, чтобы показать все достоинства тканей и украшений. Например, рединготы, напоминавшие сюртуки, такие же длинные, с такой же высокой застежкой, носили с шалями светло-серого цвета из зефирного сукна и с шелковыми того же цвета пуговицами. В 1833 году «Дамский журнал» советовал мужчинам, «имеющим репутацию знатоков щегольства», носить рединготы из «неразрезного бархата, подбитые плюшем, или астраханской объяринной матерью».

Плащи, чья история уходит в глубокое прошлое, любимы были, пожалуй, не меньше, чем когда-то епанчи. Молодые щеголи носили их широченными да такими, что находившись в фээтоне, укрывали плащом весь экипаж. Такой плащ подбивался тогда очень модным синим бархатом цвета «элодин».

Плащ «альмавива» (широкая накидка без рукавов) получил свое название по имени графа Альмавивы — героя комедии Бомарше «Женитьба Фигаро», а еще такой плащ называли испанским. Ходил в нем и А. С. Пушкин, изящно закинув одну полу на плечо. Тогда же носили английский каррик — сюртук (популярны были коричневый и гороховый цвета) с маленькою пелеринкою или капюшоном. М. И. Пыляев рассказывал, что какое-то время в Петербурге очень модным портным считался господин Руч. Рекламируя эти два мужских одеяния — «альмавиву» и каррик, он «в виде живых вывесок пустил» ходить по Невскому молодых людей, двух братьев, в качестве, как бы мы сейчас сказали, моделей. «Для этих живых вывесок бралась ежедневно из манежа лошадь, на которой в означенные часы ехал шагом один из братьев,

великолепно задрапированный в альмавиву, другой же в английском каррике шел рядом по тротуару...

Через полчаса опять встречали братьев, но их роли переменялись: верхом на лошади ехал уже другой брат, а первый выступал по тротуару, драпируясь в альмавиву. Братья где-нибудь под воротами менялись костюмами».

Европейская одежда все глубже и глубже проникала в самые разные слои русского общества; даже купечество, долгое время преданное старинным длиннополым сюртукам, начинало посматривать на платья, предлагаемые французскими портными. Идея о том, что модный костюм откроет тебе любые двери и преобразит жизнь, навязчиво преследовала людей самого разного социального положения. Устремив взоры наверх, туда, где вальяжно расположились великосветские львы, они с жадностью всматривались в их образы, стараясь изобразить из себя нечто подобное.

Об этом явлении писал В. Г. Белинский: «...Большой свет в Петербурге, еще более чем где-нибудь, есть истинная *terra incognita* [неведомая земля (*лат.*)]. — *Ред.*] для всех, кто не пользуется в нем правом гражданства; это город в городе, государство в государстве. Не посвященные в его таинства смотрят на него издалека, на почтительном расстоянии, смотрят на него с завистью и томлением, с какими путник, заблудившийся в песчаной степи Аравии, смотрит на мираж, представляющийся ему цветущим оазисом; но недоступный для них рай большого света, стерегомый булавою швейцара и толпою официантов, разодетых маркизами XVIII века, даже и не смотрит на этих чающих для себя движения райской воды. Люди разных слоев среднего сословия, от высшего до низшего, с напряженным вниманием прислушиваются к отдаленному и непонятному для них гулу большого света и по-своему толкуют долетающие до них отрывистые слова и речи, с упоением пересказывают друг другу доходящие до их ушей анекдоты, искаженные их простодушием. Словом, они так заботятся о большом свете, как будто без него не могут

дышать. Не довольствуясь этим, они изо всех сил бьются, бедные, передразнивать быт большого света — а *force de forger* — (с помощью воображения — *фр.*), достигают до сладостной самоуверенности, что они — тоже большой свет».

И если в Москве — купеческом городе — одевались просто и мещанские платья являли собой пеструю смесь национального русского и немецкого костюмов, то в Петербурге даже последний чиновник старался одеваться у порядочного портного и носить «на руках хотя и засаленные, но желтые перчатки...».

Простота и элегантность одежды модников высшего света комично копировалась франтами простого сословия. Рассказывали, что в Париже один остро слов назвал таких модников онаграми, что в переводе означает дикий осел.

В очерке «Онагр» Иван Иванович Панаев (1812—1862) описал туалет своего молодого героя. «Его сюртук превосходно обрисовывает его талию: правда, он немножко узок ему и жмет под мышками, но, говорят, модные сюртуки все таковы; булавка с огромным камнем зашлифовывает длинные концы его узорчатого галстука; на бархатном жилете, испещренном шелковыми цветами, висит золотая цепь с змеей, у которой красный глаз под яхонт... Кругом его на десять шагов воздух напитан благоуханием от жасминных духов в соединении с фиалковой помадой...»

Как истинный онагр молодой человек превосходно знал все обычаи, переходящие из большого в маленький свет, и ни в коем случае не позволял себе уклониться от них. С благоговением неизобразимым, с чувством робким и трепетным смотрел он на львов, с которыми встречался на улицах и в трактирах, и усиливался рабски подражать им во всем».

Одеться вычурно, научиться сложно излагать свои мысли оказывалось наипервейшей их задачей. В этом они походили на литературных франтов, которые выражались витиевато и напыщенно. Вместо того чтобы сказать «я близок к смерти», говорили, например, «закваска смерти уже бродит во мне» и т. п.

На прогулку такой франт одевался пестро и крикливо в какой-нибудь зауженный донельзя сюртук и васильковый плюшевый жилет с невообразимым галстуком, нелепой булавкой, прицепив к нему целую кучу цепочек с многочисленными брелоками. А на балы являлся в сияющем белом жилете с рисунком в виде золотых цветочков и т. п.

Он молодец, и в цвете лет,
Он вечно завит, распомажен,
К нему лазоревый жилет
Безукоризненно прилажен,
А по лазури все цветы;
Сюртук с иголки, и брюки
Невероятной пестроты;
В перчатках стянутые руки,
И сверх перчатки — бриллиант...
Он в полном смысле слова — франт!
Брелоков бездна: рог и ножик,
И барабан и паровоз;
Духи — экстре из тубероз,
И фонари у круглых дрожек!..
Сам бодрости своей не рад,
В пальто на полосатой байке,
В четырехместной таратайке,
Один он скачет в Летний сад.
Он у Дюссо, как будто дома,
Кричит: «Матюшка! поскорей
Подай мне коньяку иль рому
Да Редерер похолодней!»
На стороне его все шансы,
Он обольстител легких дам:
Всегда собой доволен сам,
Он в их кругах поет романсы.
Он врет и хвастает без мер,
Как Хлестаков, почти невольно,
Всегда твердя самодовольно:
«Diantre, мон шер, ком са кут шер!»

Великосветские щеголи не носили пестрых одежд, не привлекали к себе внимания суетой и кривляньем, а свою исключительность и значимость подчеркивали строгим туалетом и сдержанными манерами. Появилась мода на скуку и хандру — сплин. Образ великосветского «льва» — это некая смесь сдержанного англичанина и утонченного француза. Журнал «Мода» за 1857 год писал: «Держатся они точно так же прямо, как их туго накрахмаленные воротнички: ни сучка ни задоринки; каждая необходимая

складка на их платье должна быть непременно на принадлежащем ей месте, изогнутый как-нибудь изящно корпус — есть верх изящества...

Посмотрите, вот парочка их выступает по бульвару, нога в ногу, размеренным шагом, ни шире, ни уже, как того требует хороший тон, как того требует их приличная наружность, неподражаемый образец бон тона.

Локти немного назад, руки облиты желтыми или светло-розовыми перчатками. Один из них начинает рассказывать что-то и желает рассказывать с увлечением; он делает жест рукой, но, Боже мой! сколько изящества в этом жесте; широкий рукав безукоризненного покроя сюртука спустился немного к локтю, кажется для того только, чтобы показать ослепительный белизны рукавчик рубахи, рукавчик так искусно отогнутый, так ненаглядно стянутый двойною запонкою, что кажется игрушкой, выточенной из слоновой кости...

Физиономия говорящего ничего не выражает: она и не должна ничего выражать; игра физиономии при разговоре решительный *mauvais genre* (дурная манера. — *Ред.*). Зато глаза, о! как дивно эти глаза выражают то презрение к предмету рассказа, то превосходство рассказчика над описываемыми им людьми и обстоятельствами!..

Пусть накрахмаленного человека преследуют пожар, наводнение — он не изменит своего размеренного шага, он не допустит, чтоб его облипший вокруг талии сюртук неграциозно распахнулся... Чем жарче на дворе, тем походка его медленнее, шаги размереннее; он часто снимает шляпу и так же осторожно и изящно укладывает ее на прическе: жарко... Жара для него хуже ада: допустить испарину на свое душистым мылом вымытое, душистую пудрою вытертое лицо, позволить, чтобы пот подмочил артистическую прическу, — помилуйте, да это хуже всех казней египетских... Это, одним словом, *mauvais genre*».

Как ни обратить внимания на такого господина! В Петербурге, в два-три часа пополудни, на Невский выходили все модники. Демонстрируя свой наряд

или свою коляску, новые детали туалета или головной убор, они старались запомнить силуэты чужих платьев, понравившихся им, и со знакомыми обсудить театральные новости. Сколько нарядных господ можно было здесь повстречать, увидеть собственными глазами самые модные туалеты, самые изысканные фраки.

Кстати, о фраках. Как ни странно, время не примирило их противников. Уж полвека он в моде, а то там, то здесь услышишь нелестные отзывы о нем. Русский писатель Михаил Николаевич Загоскин (1789—1852) не упускал случая покритиковать этот наряд. Еще в конце 20-х годов в комедии «Благородный театр» его герой актер Посошков любит узорчатым кафтаном:

Какой костюм! Я рад и весел, как дитя!
Куда, подумаешь, как мода прихотлива!
Что лучше этого? и прочно и красиво,
Так нет! Дай выдумать — и что ж? Дурацкий фрак...
Ну можно ли сравнить?..

В записках «Москва и москвичи» в разделе «Два слова о нашей древней и современной одежде» Михаил Николаевич писал, что если современный сюртук еще как-то «походит еще на человеческое платье», то фрак, с нелепо вырезанным передом, уж никак не может казаться величавым и красивым. Наоборот, он «смешон и безобразен». Хотя, замечает Загоскин, «красота и величавость одежды дело еще второстепенное», основное ее значение заключается в том, что она укрывает тело человека от «холода и непогоды». И вот этой главной своей функции фрак не выполняет. «Мы в двадцать градусов морозу носим узенькие фраки, которые не застегиваются на груди, и шляпы, которые не закрывают ушей. На это есть шубы и теплые фуражки, скажут мне. Да, конечно! Но в какую гостиную я могу появиться с фуражкой в руке — и не в сто ли раз лучше надевать распашную шубу сверх платья, которая уже сама по себе защищает меня от холоду?»

Писатель размышлял о французских модах и о том, что русские люди нелепо подражают им, чтобы

казаться такими же «образованными». «Неужели просвещение и образованность зависят от покрова платья?» — удивленно вопрошал он своего читателя.

Человек здравомыслящий, даже если он и являлся поклонником фраков, задумывался над словами писателя, в чем-то соглашался с ним, с чем-то спорил, но нашим героям, франтам и щеголям, не до чтения. Надлежит каким-то образом изыскать немалые деньги, чтобы пальто заказать или новую шубу справить.

Иностранцев цены на меховые одежды приводили в ужас. Теофиль Готье, посетивший Петербург в 1859 году, писал: «Молодые люди, не военные и не служащие, одеты в пальто на меху, цена на эти пальто удивляет иностранца, и наши модники отступились бы от такой покупки. Мало того, что они сделаны из тонкого сукна на куньем или нутриевом меху, на них еще пришиты бобровые воротники стоимостью от двухсот до трехсот рублей в зависимости от того, насколько у них густой или мягкий мех, темного ли он цвета и насколько сохранил белые шерстинки, торчащие из него. Пальто в тысячу не представляет собою чего-то из ряда вон выходящего, бывают и более дорогие. Это и есть незнакомая нам русская роскошь».

Речь не идет о речном бобре, который стоил сравнительно недорого, имеется в виду мех калана — камчатского бобра. Темный мех его был невероятно густым, плотным и очень красивым. Знаменитая пушкинская строчка «Пушистым снегом серебрится его бобровый воротник» упоминает именно эту пушнину.

А что за дивная манера кутаться в шубу! Не всякий щеголь с первого раза научится, запросто накинув ее, продеть одну руку в рукав, а другую, всунув небрежно в карман, глубоко запахнуть ею. Изящно? Еще как! Да и не только, надетая таким образом, шуба надолго сохраняла домашнее тепло. Подняв ее воротник, надев ватную или норковую шапку, наш модник в своей карете еще долгое время наслаждался на лютom морозе уютным теплом квартиры.

И еще одна деталь туалета — перчатки. Казалось

бы мелочь, но перчатки в XIX веке были возведены в такой высокий ранг, что являлись чуть ли не опознавательным знаком, по которому можно было судить о достоинствах или недостатках владельца. Перчатки не снимали почти весь день, их носили и дома, заменив медные ручки межкомнатных дверей, от которых они темнели, на хрустальные. Их шили из кож и тканей под цвет фрака в начале века, в середине самыми модными стали желтые перчатки, черные и белые цвета завоевали симпатии в конце века.

Журнал «Мода» за 1857 год писал: «Сколько мыслей скрывается в перчатке, начиная от смиренной шкурки кролика и от бумажной, замшевой до лайковой перчатки, вышитой шелком! Сколько безконечных значений в различных оттенках лайки. Денди, не говоря ни слова, высказывает, что он едет верхом или что он делает визиты; что он отправляется на свадьбу; едет к посланнику, к портному, швее или в театр. Взгляните на его перчатки и судите сами».

А сколько забот они приносили своим владельцам! Отправляясь на торжественный вечер, модники на всякий случай брали с собой пару свежих перчаток. Если перчатки рвались или пачкались по дороге и при себе не оказывалось запасных, щеголь приказывал кучеру свернуть к ближайшему французскому магазину и покупал новые. А если по каким-то причинам чистых перчаток достать было нельзя — вечер пропадал.

Интересно, сколько времени уходило на то, чтобы подобрать перчатку по размеру да чтобы она сидела на руке безукоризненно?! Парижские мастера спешили на помощь своим клиентам, изменяя способы их застежек.

В романе И. А. Гончарова «Обломов» знакомец Ильи Ильича молодой человек по фамилии Волков, модник и франт, «ослепляя» еще заспанного хозяина дома «свежестью лица, белья, перчаток и фрака...», просвещал его модными новинками.

«— Видели это? — спросил он, показывая руку, как вылитую в перчатке.

— Что это такое? — спросил Обломов в недоумении.

— А новые lacets! [шнурки (*фр.*)] Видите, как отлично стягивает: не мучишься над пуговкой два часа; потянул шнурочек — и готово. Это только из Парижа...»

Господин Волков не сказал о том, как часто эти самые маленькие пуговицы, которые так трудно застегнуть, отрывались в самый неподходящий момент. Представьте, что возле подъезда уже ждет карета. Наш напомаженный, с завитыми локонами фрак бросает в зеркало последний взгляд перед выходом. И фрак отлично сидит, и булавка с первого раза удачно сколола новый галстук, и цепочка от часов видна настолько, насколько этого требует последняя мода, и перчатки с цилиндром — последний штрих в туалете нашего героя. Уже бьют часы и пора выходить, возможно, он уже опаздывает. И в тот самый момент, когда он натягивает перчатки, маленькая желтенькая или беленькая пуговка стремительно вырывается из его пальцев и, словно пуля, летит в стену или зеркало. Какая досада!

Зато как поднимается настроение перед выездом на какой-нибудь бал, когда и волосы парикмахер уложил как нельзя удачно, и новые туфли не жмут, и одежда сидит как влитая, и пуговицы на перчатке не только не оторвались, а сразу послушно вошли в крохотные петельки.

Внимательный глаз, скользнув по одежде и ее украшениям, мог безошибочно определить социальный статус ее владельца. Журналы тех лет напоминали своим современникам о том, что мода подарила такое многообразие тканей, фасонов платья, а главное, таких мастеров, что при желании и развитии собственного вкуса можно одеваться как нельзя лучше, не позориться крикливыми цветами одежды и кучей дешевых побрякушек.

Изящные, простые и вместе с тем самые изысканные костюмы создавали мужские портные, великие мастера своего дела — господи Флорио, Шармер, Сарра, Оливье. В то время как простоватые щеголи отдавали предпочтение вычурным, нелепым туалетам господина Ассысалова.

Во второй половине XIX века прошла мода на тон-

кие мужские талии, а их линия переместилась немного ниже, отказались тогда и от многоцветности фраков, и от полосатых и клетчатых брюк. Цветные фраки и пестрые жилеты обнаруживали теперь «дурной тон» своего владельца. Фрак и брюки черного цвета с белоснежным жилетом стали отличительным знаком респектабельности, символом преуспевания, достатка и высокого положения в обществе. На смену пышным галстукам пришли более скромные в виде узкой ленты с плоским бантом, закреплявшейся сзади под воротничком при помощи пряжки.

Лучшие фраки в Москве шили в фирме «Сиж», которая располагалась в Малом Гнездниковском переулке. Простые строгие линии фрака предполагали статную фигуру и хорошую осанку, при их отсутствии костюм терял свою представительность. Чтобы скрыть недостатки фигуры, некоторые мужчины были вынуждены надеть корсет. Журнал «Модный свет и модный магазин» в 1884 году оповещал своих читателей о том, что «платье без корсета хорошо сидит особенно при несколько сильно развитой груди. Назначение корсета заключается именно в том, чтобы поддерживать слишком подвижные формы тела».

Обязательной деталью к фраку стали рубашки с вшитым пластроном — туго накрахмаленной грудью. Они оказались сущим наказанием для модников. Пластрон надлежало носить ослепительно белым с отлично заутюженными складками. Он требовал тщательного ухода — особой стирки и глажения. Не каждый щеголь мог себе позволить кучу сменных рубашек, для них шили съёмные пластроны, которые крепились на спине и талии завязками. От избытка крахмала пластрон слегка коробился и делал грудь своего владельца нелепо выпуклой. Носить его оказывалось рискованно: господин, претендующий на безупречность своего костюма, мог оказаться в нелепом положении, если завязки при движении ослабевали.

Сюртук, постепенно укорачиваясь, стал прообразом современного пиджака, его носили и мастера-вышивальщики, и чиновники, и разночинная интеллигенция, и дворяне.

«Золотая молодежь» и «бонвиваны»* разных возрастов конца XIX века старались одеваться по картинкам новейших модных журналов или по фотографиям аристократов и миллионеров. Но даже люди, следящие за своей внешностью, в большинстве носили костюмы, сшитые далеко не по последней моде, так как она менялась медленно и только в деталях. Так, костюм пятилетней давности не казался нелепым или смешным. Более внимания уделяли безукоризненному качеству и чистоте своих одежд.

Темные вечерние или светлые летние костюмы требовали совсем небольших дополнений — ослепительной белизны рубашки, дорогого галстука и булавки, кольца, портсигара и часов, желательно от знаменитых ювелиров.

Глава 3

Ювелирные изделия из волос

Мода на античность в конце XVIII — в начале XIX века внесла изменения в ювелирные изделия наших модниц. Помните нашу героиню, которая появилась на своем первом балу в тунике? Так вот представьте, в каком положении она оказалась, когда выяснилось, что ни в ее шкатулке, ни в шкатулке матушки не сыскать ни колечка под греческий наряд, ни браслетика. Конечно, молоденькую девушку на ее первый выход одевали скромно и драгоценностями не увешивали. А вот матушке пришлось внимательно пересмотреть свои сокровища, что-то отдать ювелиру починить да почистить, а что-то и вовсе переделать по модным образцам.

На смену украшениям с бриллиантами, сапфирами и изумрудами пришли подражания античным изделиям. Прозрачные и столь любимые в XVIII веке камни вытеснились на некоторое время украшениями с резными полудрагоценными камнями — геммами. Популярны стали слоистые агаты, ониксы, в

* Бонвиван — от *фр.* bon — хороший, vivant — живущий.

которых художник сочетал скульптурные и живописные изображения.

Ф. Ф. Вигель в «Записках» рассказывал, что «бриллианты, коими наши дамы были так богаты, все попрятаны и предоставлены для ношения царской фамилии и купчихам. За невероятную цену стали доставать резные камни, оправлять золотом и вставлять в браслеты и ожерелья. Это было гораздо античнее».

Как-то подружка нашей героини похвасталась браслетиком, который носила на ножке, это показалось так восхитительно, что захотелось обязательно заполучить подобную безделицу. Цельнометаллические браслеты, украшенные насечкой и гравировкой, носили и на руках, и на ногах. Их делали мастера оружейных заводов в Туле. Несмотря на то, что себестоимость изделий была грошовой, магазины назначали на них цены, сравнимые разве что с ценами на золотые изделия. Здравомыслящие люди укоризненно покачивали головами: мыслимое ли дело, за жестянку, пустяк — такие деньжищи!

Н. И. Страхов в «Переписке моды...» сокрушался: «Можно сказать, что философский камень ныне сыскан, ибо сталь учинилась золотом щегольского света, и притом выдумщики сего железного золота могут переманивать в свой карман подменное и настоящее золото».

А еще нравилось нашей моднице носить одну серьгу в ушке, такая манера показалась очень изящной, в павловские времена этой модой бравировали лихие гусары.

Несмотря на то, что мода рекомендовала украшения с полудрагоценными камнями, бриллианты надевали на придворные балы. Драгоценности у нас любили и носили в таком количестве, что давали иностранцам повод считать, что здесь они дешевы. Женщины унизывали кольцами все пальцы рук, тяжелые подвески серег оттягивали уши, а масса браслетов различной формы обхватывала запястья. Блестели прически, украшенные диадемами, золотыми

обручами, венками из искусственных цветов и золотых колосьев и т. п.

В начале XIX века Марта Вильмот с сожалением писала сестре, что ее задумка купить в России недорогие камни и таким образом обогатиться не удалась. «Увы, мой воздушный замок растаял бесследно, ибо бриллианты здесь в той же цене, что и в Англии, тем труднее понять, отчего их так много».

Так что украшения с алмазами хоть и вышли из моды, все же не залеживались в шкапулках своих владельцев. В то же время масса совершенно новых вещей, созданных в классическом стиле и в стиле ампир, заняла место в ларчиках наших модниц.

В 1812 году, когда патриотичным казалось отказаться от французского языка и парижских мод, когда достали старые бабушкины одежды и нашили себе сарафанов, тогда-то и вернулось увлечение старинными украшениями: широкими браслетами-запястьями, длинными серьгами, головными уборами, усеянными жемчугом.

Правда, уже через пару лет под влиянием модного литературного направления, сентиментализма, ювелиры создали массу новых украшений. Особой популярностью пользовались медальоны с локонами возлюбленных или медальоны с их миниатюрами, браслеты и кольца, всевозможные украшения с какими-нибудь «чувствительными» девизами. В 1828 году новинкой стал браслет-«эсклаваж», или «сердечная неволя». Журнал «Московский телеграф» в №12 писал: «Так называют новые браслеты, соединенные цепочкой с кольцом, эти браслеты вывозят из Одессы; замок у них утвержден сердечком, которое отпирается маленьким ключиком. Известная девица Надежда едва ли не первая в Париже явилась с таким браслетом, играя роль Федоры в модной пьесе “Эльва, или Русская сирота”».

Актриса Надежа (Надежда) попала во Францию, как предполагали журналисты, с русскими войсками в 1814 году.

Спустя несколько лет такие же браслеты, украшенные эмалью, все еще выдавали за новинку. «Дамский

журнал» (№38) за 1833 год сообщал: «Появился новый род эмалевых браслет. Сии браслеты, богато отделанные, соединяются с кольцом посредством небольшой цепочки, которая движется, извиваясь от кисти руки до одного из пальцев. Отделка цепочки и кольца должна быть в одном роде с браслетами. Это фантастическое украшение надевается равномерно на перчатку».

Наша героиня, к этому времени немолодая дама, с удовольствием носила их. Одно время считалось модным надевать по несколько браслетов на правую руку и один на левую.

Кстати сказать, некоторые мужчины тоже носили браслеты. Один из знакомых А. С. Пушкина рассказывал, что поэт надевал браслет под одежду на левую руку выше локтя. Его браслет украшала зеленая яшма и «турецкая надпись». И что вроде бы этот браслет представлял собой два обруча, один из которых располагался у кисти, а другой — у локтя, а между собой они соединялись цепочкой.

Пристрастие же к прозрачным драгоценным камням в то время снова усилилось. Прически украшали золотыми и серебряными гирляндами и букетами разноцветных камней. В середине 20-х годов модная дама могла прочесть в журналах, что на балах и вечерах приветствуется обилие бриллиантов. Ими украшали головные уборы, кольца, заколки, броши и различные ожерелья, которые надевали по несколько сразу, а если одно, то такое же широкое, как браслет. Самым модным считалось золотое ожерелье, состоящее из пяти медальонов, скрепленных пучками роз.

Из Парижа доходили слухи о невероятно богатых бриллиантовых диадемах, которые входили в моду. Были они настолько широкими, что волосы виднелись только на макушке. Нашей героине очень приглянулась диадема в форме дубового венка, усыпанная изумрудами. Были диадемы в форме букетика ландышей, мирта и т. п.

Если балы восхищали взоры присутствующих огнем бриллиантов и блеском золота, то в театр надле-

жало украсить скромно, надеть лишь серьги и фермуар. Фермуаром называли недлинное ожерелье.

«Ужасно» понравилось модницам всех возрастов головное украшение под названием «фероньерка» — обруч или цепочка с драгоценным камнем посредине, который спускался на лоб. Фероньерку надевали так часто, что, по замечанию журнала «Молва» за 1831 год (№36), она начала выходить из моды из-за того, что «уже слишком много отдавали предпочтения по сравнению с прочими украшениями, злоупотребляли, так сказать, и вкус и приличие».

Все эти украшения казались многим дамам столь неотъемлемыми и необходимыми деталями туалета, что даже в дни траура при дворе, когда носить их считалось неприличным, одна щеголиха решила закрасить блестящие бриллианты густым черным лаком и все же явиться в них.

Наряду с украшениями из драгоценных металлов с камнями широкое распространение получили совсем простенькие изделия. Газета «Молва» в 1832 году (№75) сообщала, что к числу недорогих, но модных украшений относятся черные бархатные ленточки, которые надевали на шею и скрепляли кулоном или брошкой из стекларуса. Этот милый убор дополнялся таким же бархатным браслетом, застегнутым стекларусной пряжечкой, и серьгами из стекларуса.

Серьги к тому времени выросли в длину, и журнал «Молва» в следующем году напоминал своим читательницам, что популярными остаются необыкновенно длинные серьги, бриллиантовые или жемчужные, которые представляли собой виноградную или смородиновую ветку с цветами и плодами.

Мужские украшения по сравнению с предыдущей эпохой стали несравненно скромнее. Уже никто не осыпал свои камзолы драгоценными камнями, никто не носил трости с набалдашником, украшенным золотом и бриллиантами, никто не заказывал шляп с невероятным числом драгоценных камней. Строгие фраки и сюртуки потребовали не менее строгих и изысканных ювелирных изделий.

Здесь несколько слов хочется сказать не столько о модных изделиях, сколько о том, что представляли собой в ту пору собрания драгоценностей некоторых миллионеров. Представление о них дает рассказ М. И. Пыляева о загадочном графе В-ком. Говорили, что он имел богатое собрание картин лучших мастеров, но прославился в начале века коллекцией драгоценных камней и редких ювелирных вещей, которые хранились в застекленных шкафах его кабинета. «Коллекция его золотых эмалированных табакерок считалась первою в Европе; между ними находились известные в целом свете двенадцать эмалированных табакерок с живописью знаменитого Петито. Табакерки эти некогда принадлежали французскому королю, и о них существовало много рассказов. Несколько столовых сервизов В-кого тоже изумляли богатством и изяществом, особенно золотой сервиз со вставленными драгоценными камнями. Между редкостями В-кого был известный ... сапфир, изменявший свой цвет после захождения солнца В настоящее время такие камни, как описанный сапфир, теряющий свою окраску при искусственном освещении, не представляют редкости: сапфиры, переходящие при свечах в фиолетовый и розоватый цвет, ценятся в десять раз ниже тех, которые не теряют своей настоящей синей окраски. Таких камней и помимо сапфиров в настоящее время существует много, как напр., хризобериллы, дихроиты и т. д.»

Вероятно, Михаил Иванович все же пишет не о сапфире, а об александрите — разновидности хризоберилла. Эти минералы добываются в разных уголках планеты, а у нас, на Урале, такой камень был впервые найден в 1834 году минералогом Н. Норденшильдом и назван по имени царевича, впоследствии царя Александра II.

Пыляев рассказывал, что граф уделял своей коллекции уйму времени: «Все петербургские ювелиры собирались у него ежедневно, как на биржу, по утрам и приносили вещи или брали их из его витрин. Известный ювелир Я. Д. Дюваль вел для него даже переписку с Парижем, Лондоном и Амстердамом, и

через тогдашнего банкира барона Раля им переводились за границу и получались оттуда огромные суммы денег».

Но как ни велика и ни роскошна такая коллекция, всех бриллиантов на себя не нацепишь — немодно и неприлично. Широкую популярность получили золотые булавки для галстука с античными сюжетами, например, в виде маленького золотого тирса. Тирс — жезл Диониса и его спутников, увитый плющом и виноградными листьями с шишечкой наверху. Носили булавки в виде небольшой кисти винограда с двумя эмалевыми листками или в виде золотого крестика, покрытого черной эмалью. Часто булавку украшал лишь один камень — бриллиант или жемчужина.

Рассказывали, как одна заботливая и немного навивная мамаша, увидев на одном богатом моднике изящную булавку с крупной жемчужиной, обратила внимание своего сына на такое скромное и в то же время изящное украшение. Бедная матушка и догадаться не могла, что это была редчайшая жемчужина ценой в состояние.

Непременным мужским украшением оставались кольца. В 1826 году журнал «Московский телеграф» (№13—16) предлагал щеголю обязательно обзавестись широким золотым перстнем, который занимал всю нижнюю фалангу пальца. Его носили на мизинце. На одной стороне кольца изображались фрукты, а на другой — цветочная гирлянда. Спустя несколько лет, в 1831 году модникам советовали обратить внимание на перстни с сердоликом. Небольшой прямоугольный камень обрамлялся золотом, на нем вырезали две готические буквы или герб.

В 30-е годы мужчины и женщины вновь оценили красоту цепочек и подвесок. Мужчины носили золотые цепочки на шее в петлицах фрака или сюртука. Женщины украшали ими свои прически и платья. Цепочки выступили в роли подвесок, к ним крепились часы и брелоки. Разнообразные шателены, как встарь, украсили туалеты своих поклонниц.

Однажды наша героиня засмотрелась на портрет своей еще молодой матушки. Красивая нарумянен-

ная дама, с высокой пудреной прической, была одета в пышное платье из золотой парчи, украшенное шателеном. Нашей героине стало немножко грустно оттого, что все в жизни повторяется, и оттого, что она так скоротечна. Чтобы немного развеять эти печальные мысли, она полистала «Дамский журнал» за 1833 год.

Двенадцатый номер поместил на своих страницах заметку о булавке «шаривари», которую прикалывали к лифу платья. К булавке прикреплялись три цепочки, они соединялись на какой-нибудь стороне и имели привески в виде курильницы, печатки и т. п.

В 43-м номере статья рассказывала об одной моднице, что носила шателен в виде маленького кошелька, сшитого из черного атласа с цветной вышивкой. Кошелек держался на двух золотых цепочках, которые, в свою очередь, прикреплялись к золотому крючку, цеплявшемуся к поясу платья. Кошелечки шили из бархата, отделанного кружевами или блондами, и цепляли к крючку из агата или металла, украшенному эмалью или резьбой. В таком кошелечке носили батистовый платок, обыкновенный кошелек, несколько визитных карточек и ключи.

Шателены, по словам журнала «Северный цветок» (№38), утратили популярность к 1859 году.

Мода предлагала массу интересных вещей. Начали, к примеру, украшать женские прически различными бархатными сетками. Их отделывали золотой тесьмой, драгоценными камнями, жемчугом или недорогими стеклянными бусами. Такая сеточка укладывалась на косе, и с нее «премиленько» свисали длинные кисти бус. Журнал «Мода» (№5) в 1857 году рассказывал о забавном случае, связанном с подобным украшением.

На каком-то большом обеде у одной из дам разорвались нитки бус, что украшали ее волосную сетку. Бусины не только раскатились по всему столу, но и в большом количестве оказались в тарелке ее соседа графа N. Сей эпизод очень расстроил графа, известного гурмана, который в ту минуту самозабвенно поглощал отменные трюфели. Когда же стеклянные бу-

синки оказались частью его кушанья, лакомство пришлось отдать лакею, и граф, по свидетельству очевидцев, «следил печальным оком за трюфелями, как следят за исчезающим видением».

Невероятными по красоте и материалу были ювелирные украшения из волос. Не удивляйтесь, именно из обычных человеческих волос. Журнал «Мода» в 1857 году (№ 1) сообщал, что французский ювелир Лемоннье изобрел особую технику плетения. Например, кругленькая коротенькая косичка, сплетенная из большого числа тонких волосяных прядей, становилась браслетом после того, как ее укрепляли золотыми деталями, а застежку украшали бриллиантами. Если волосы были темными, то изделие удивляло своей необычностью. А живой неповторимый блеск светлых волос и искусное плетение создавали иллюзию металла, похожего на платину. Сливаясь с настоящим золотом, переливаясь драгоценными камнями, украшение становилось подлинным шедевром ювелирного искусства. Лемоннье создал целую коллекцию таких поделок, она состояла из всевозможных гребней, рукояток кинжалов, искусно оплетенных прядями, флаконов для духов и браслетов.

Но известность украшения из волос получили еще раньше. Гоголевский герой повести «Невский проспект» художник Пискарев, очарованный красотой некой незнакомки, видит во сне предмет своего обожания, видит ее всегда разной и всегда прекрасной.

«Боже, какая радость! Она! Опять она! но уже в другом виде. О, как хорошо сидит она у окна деревенского светлого домика! Наряд ее дышит такую простоту, в какую только облекается мысль поэта. Прическа на голове ее ... Создатель, как проста эта прическа и как она идет к ней! Коротенькая косынка была слегка накинута на стройной ее шейке; все в ней скромно, все в ней — тайное, неизъяснимое чувство вкуса. Как мила ее грациозная походка! Как музыкален шум ее шагов и простенького платья! Как хороша рука ее, стиснутая волосяным браслетом!»

В середине века страсть к всевозможным дорогим

и замысловатым украшениям оказалась так велика, а армия их поклонниц так выросла, что представительницы титулованного общества решили отказаться от них. Они вернулись к скромным, дорогим и изысканным камням. Журнал «Мода» в 1857 году в №1 не без доли иронии сообщал: «Камей (всякого рода и коралловые) есть по преимуществу принадлежность аристократии. Обыкновенная женщина отдаст предпочтение изумруду, рубину, аристократка — камее».

Правда, подобная мода не распространялась на ювелирные изделия, которые надевали на придворные балы. Букетики цветов на скромных платьях, сшитых по заказу в Англии у лучших портных за невероятные деньги, были прикреплены изысканными бриллиантовыми булавками. Трогательная бархатная ленточка удерживалась на шее драгоценным редчайшим камнем. Две-три нитки отборного жемчуга с простеньким на первый взгляд белым платьем из тафты оценивались в состояние. Хотя при этом не следует забывать о том, что придворный этикет не позволял щеголять в украшениях более дорогих, чем у членов императорской семьи.

Драгоценности императорской фамилии по своей красоте и дороговизне не знали себе равных. Фрейлина двора Анна Федоровна Тютчева в своем дневнике в день крещения великой княжны Марии Александровны записала: «Когда я пошла поздравить цесаревну, она показала мне великолепные украшения из драгоценных камней, которые ей подарил государь, государыня и наследник цесаревич: диадему из рубиновых звезд с расходящимися бриллиантовыми лучами и такую же парюру на корсаж. Цесаревна подарила мне красивую брошку из жемчугов с бриллиантами».

Парюрой называли ювелирное украшение или набор украшений, включавший в себя до пятнадцати предметов. Так называемая большая парюра состояла из диадемы, ожерелья, серег, браслетов, колец, пуговиц, застежек и т. д. и предназначалась для придворных торжеств.

Журнал «Вестник моды» за 1888 год (№4) сообщал, что количество женских ювелирных украшений столь велико, что «нынче самой молоденькой девушке дают в приданое настоящие царские ларчики, и каждый год она прибавляет к своим безделушкам какую-нибудь красивую драгоценную вещь». Среди них всевозможные гребенки и шпильки с бриллиантами, золотые булавки с драгоценными камнями, украшения для причесок с жемчугом или камнями, броши и заколки в виде фибул, кольца, браслеты, серьги и т. п.

Во второй половине XIX века изменилась форма многих изделий. Вышли из моды длинные серьги с привесками, им на смену явились небольшие, они не всем пришлись по вкусу. Немолодые модницы отдавали предпочтение традиционно длинным серьгам, которые притягивали внимание своей величиной и отвлекали взоры от морщинистой, увядающей кожи. Модницы, не имевшие возможности по первому веянию моды сменить ювелирные украшения или даже переделать старые на новые, также носили серьги, купленные еще в середине века.

Модными считались круглые серьги, состоящие из одной жемчужины, одного сапфира или изумруда, окруженного мелкими бриллиантами. Носили круглые небольшие или овальные броши. В центр изделия помещался полудрагоценный камень, окруженный бриллиантами, или вместо него мастера вставляли какие-нибудь старинные монеты или медали.

С бальными платьями носили, как выразился корреспондент журнала «Вестник моды» за 1888 год (№4), «колье всех сортов: жемчужные, бриллиантовые в виде ошейника». Корсажи платьев украшали мелкими бриллиантами, выкладывая их в виде различных цветов и листьев. Браслеты делали из жемчуга и драгоценных камней, молоденькие модницы обожали браслеты, на замочке которых крепился шарик. Перестали носить круглые узкие браслеты, отдали предпочтение широким, украшенным камнями. Тонкие золотые кольца с крупными драгоценными камнями унизывали женские пальчики.

Что касается бриллиантов, то, по замечанию автора этой заметки, написанной в 1888 году, в «настоящее время бриллианты не дороги на месте, а потому не мешает воспользоваться случаем, чтобы купить их». Правда, замечательно звучит?

Мы не станем выяснять финансовые возможности разных франтов и щеголих из самых разных социальных слоев русского общества, а обратим ваше внимание лишь на то, что в конце XIX века, как никогда раньше, возросло увлечение драгоценностями.

В 1894 году журнал «По морю и суше» (№38) рассказывал: «Особенно в моде теперь драгоценности, их все больше и больше надевают. Начали носить даже длинные серьги, которые не были в моде со времен наших бабушек. Более всего носят жемчуг, особенно в виде колье в несколько жемчужных рядов, перехваченных бриллиантовыми пряжками. Кроме того, теперь начали украшать переднюю часть корсажа ценными камнями: жемчугом, рубинами, сапфирами и даже изумрудами... Мода на камни столько распространилась, что даже ручки зонтиков отделывают теперь сапфирами и рубинами... волосы тоже украшают камнями...»

А корреспондент журнала «Вокруг света» за 1895 год (№27) спешил известить своих читателей, что «один знаменитый лондонский башмачник... изготовил для леди N пару вышитых туфель, украшенных рубинами, изумрудами и сапфирами за 4500 фунтов стерл.». И это еще не все, некая вдовствующая маркиза заказала пару туфель, украшенных бриллиантами, причем стоимость драгоценных камней простиралась до 12 тысяч фунтов стерлингов (свыше 100 тысяч руб.).

А еще рассказывали, как некая дама (очень богатая) потеряла в Париже в Большой опере один из крупнейших бриллиантов, весом в 25 каратов (по размеру с некрупный грецкий орешек). Камень выпал из оправы.

Наши модницы не отставали от иноземных по роскоши и богатству. Так одна из представительниц богатейшего и замечательного рода Демидовых, навещая как-то свою приятельницу, потеряла крупный

бриллиант, он тоже выпал из оправы. Когда она вернулась домой и обнаружила пропажу, то подняла на ноги весь дом, камня не оказалось. Вечером она вновь заехала к знакомой, чтобы деликатно справиться о возможной находке. Хозяйка ничего не знала, но тут же приняла меры. Слуги начали искать и ... нашли! Камень был такой невероятной величины, что одна из служанок приняла его за пробку от графина и водрузила на полагающееся, как ей показалось, место. Целый день необыкновенный бриллиант венчал собой графин с водой. Журнал «Нива» (1892, №49) успокоил читателей, бриллиант вернулся к хозяйке. Говорят, камни любят своих владельцев.

К драгоценным камням в это время появился почти научный интерес. Дамы не только бравировали величиной драгоценных камней (которые, как и сейчас, были редкостью и принадлежали богатым людям страны), но и стремились удивить знакомых собственными познаниями в области минералогии, рассказать почти фантастические истории, связанные с добычей и обработкой камней. Обо всем этом писали тогда журналы «Вокруг света», «Нива», «Иллюстрированный мир» и др.

В конце века свет увидела книга М. И. Пыляева «Драгоценные камни», в которой автор рассказал и об истории знаменитых исторических камней, и о местах, где их добывают, об их обработке и, конечно, упомянул о лучших столичных ювелирах. В Петербурге «по богатству драгоценных камней первым считался господин А. Д. Иванов», а в Москве славились художественной чеканкой на серебре и золоте господина Хлебников и Овчинников. Может быть, именно к ним надлежало обратиться с заказом на портсигар...

Мода на «курение табаку» в середине века распространилась даже среди женщин. Казалось бы, совсем недавно их нежное обоняние не переносило этого ужасного запаха. В самом конце XIX века курили папиросы, сигары, «крученки», а вот трубки почти вышли из употребления. Продавали папиросы под названиями «Царские», «Сенаторские», «Баронские», «Княжеские», «Заря», «Бабочка», «Константинополь»

ские», «Роза», «Небывалые», «Успех», «Золотая марка» и др. В коробки с папиросами вкладывался листочек с предсказаниями или стихами. Папиросы носили в алюминиевых, никелевых, черепаховых, кожаных, серебряных и золотых портсигарах; чем состоятельнее человек, чем тоньше его вкус, тем изящнее оказывался его портсигар. Некоторые из портсигаров, изготовленные руками мастеров известных фирм, такой, как, скажем, К. Фаберже, являлись произведениями ювелирного искусства. Украшенные вензелями своих владельцев, их гербами или еще чем-либо по вкусу владельца портсигары отделялись крупными драгоценными камнями.

Многие курили папиросы, вставляя их в элегантные мундштуки, которые делали из стекла, янтаря, пеньки, дерева или тростника. Когда подходили на улице к неизвестному человеку и просили у него закурить, то приподнимали шляпу и говорили: «Позвольте закурить». Воспользовавшись любезностью незнакомца, опять приподнимали шляпу, легко кланялись, на что в ответ получали вежливый взаимный поклон.

Наш рассказ об украшениях, конечно, далеко не полный, можно было бы вспомнить о той роли, которую они играли в жизни своих владельцев, о тех хлопотах, что доставляли они, о том, как ювелиры состоятельных людей следили за их чистотой и переделывали по новой моде устаревшие изделия, и еще об очень многом. Мы же коснулись лишь некоторых новостей в моде на ювелирные изделия, чтобы представить заботы модников по выбору и смене драгоценностей.

Глава 4

Опальные румяна

Изменения, которые произошли в конце XVIII века в дамском платье, повлияли и на макияж. Вы еще не забыли нашу героиню, что вместе с маменькой отправлялась на свой первый бал? Юной красавице ни к чему румяна да белила. В светлой тоге, с белокурым пуч-

ком волос на ветреной головке, с намеренно выбившимися завитыми локонами, с нежной, не тронутой косметикой кожей, она казалась ожившей богиней.

Матушке новый наряд не шел. Фигура грузновата, ткань платья не для ее возраста — уж очень прозрачна, низкий пучок ей и в молодости не шел, а нарумяненное лицо напоминало деревенских баб да девиц, раскрасневшихся от работы в поле. Расстроилась до слез. На помощь пришла дочка: «Ах, что вы, маменька, право! Кто же сейчас румянится!»

Она проворно распорядилась принести воды. После того как матушка умылась, слегка набелилась и лишь коснулась губ неяркой помадой, молоденькая «богиня» улыбнулась: «Вот теперь вы бесподобны!»

Старшей так не казалось, но спорить с дочкой не хотелось. Туалет менять не будешь, и с модой не поспоришь.

Яркая косметика у молодого поколения щеголих была не в чести. Новые туалеты не соответствовали старинной манере краситься. Прошло увлечение на одежды из тяжелого бархата и парчи, на бесчисленное количество бантиков и пышные веера, а с ними и на высоченные пудренные прически, на яркий румянец и кокетливые мушки. И большую роль сыграла не только мода на одежду, но и мода на новых героев художественной литературы.

В конце века в литературе господствовало сентиментальное направление, зародившееся в Европе и Америке во второй половине XVIII века. Оно было представлено творчеством Жан Жака Руссо, а в России Николаем Михайловичем Карамзиным. Сентиментализм объявлял чувство, а не разум господином человеческой природы, влияющим на поведение и поступки человека. Вслед за сентиментализмом в литературу ворвалось романтическое направление. В Европе его представляли Э. Т. Новалис, А. Гофман, В. Скотт, Дж. Байрон и другие, а в России одним из создателей этого направления стал Василий Андреевич Жуковский. В дальнейшем наиболее ярко романтизм проявился в произведениях М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева.

Русские дамы конца века стали завзятыми читательницами, чего нельзя было сказать об их бабушках и прабабушках. Увлеченные героинями романтических произведений, любовными томлениями и переживаниями, модницы стремились подражать их чувствам, настроению и внешнему облику. Бледность и томность пришли на смену оживленным лицам. Да и вообще модной становилась женщина бледная и печальная — «знак глубины сердечных чувств». Ведь еще Овидий писал, что всякий влюбленный должен быть бледен. Бледность — признак любви.

Румяные щеки пристало иметь крестьянке, «благородная женщина должна убегать такого недостатка: сухощавость, бледность, томность — вот ее достоинства...» — с сарказмом замечал журнал «Зритель» в августе 1792 года. В. А. Жуковский в «Алине и Альсима» скажет, что хоть и «мила для взора живость цвета, / знак юных дней; / но бледный цвет, тоски примета, / еще милей».

Вообще яркие искусственные, да и природные румяна оказались в почете лишь у провинциалок и купчих, которых уже давно обвиняли в полном отсутствии и вкуса, и меры. Столичные щеголихи свысока взирали на румяные лица красавиц «внутренних губерний» и называли их свежесть дурной манерой.

Однако подобная мода оспаривалась немолодыми дамами с увядающей кожей, для которых косметика являлась необходимостью, и теми, кто был критически настроен по отношению к женщинам с бледными лицами. Уже в начале XIX века многие вернулись к румянам. Молоденькая Марта Вильмот отдавала предпочтение собственному природному румянцу, она писала, что многие дамы красились довольно ярко: «Естественный румянец я предпочитаю румянам, особенно если ими пользоваться на манер московских дам». Ее очень удивила внешность одной знатной молоденькой грузинки: «Тонкие черты юной княгини говорили о природной красоте, но она сильно красилась (по обычаю своей страны), под слоем румян совершенно терялась прелесть ее прекрасного лица, и мы видели перед собою лишь неподвижную безжизненную маску».

Мода разделила дамское общество на тех, кто не пользовался румянами, и тех, кто не мог без них обойтись. Что делать, если кожа не так свежа?

Полемика вокруг румян развернулась на страницах журналов.

В 1806 году «Дамской журнал» опубликовал заметку «О румянах», составленную в форме диалога некой французской дамы и английского милорда. Дама защищала румяна, а ее собеседник всячески противился их употреблению. Договорились до того, что сравнили негодование женщин, которое могло быть вызвано запретом румян, с негодованием, вызванным в свое время распоряжением о бритье бород. «Возьмем, к примеру, Петра Великого. Когда он уничтожил стрельцов, никто ему не препятствовал; но лишь выдумал обрить русским бороды, недовольные тотчас возмутились... Со своей стороны, не ручаюсь за безопасность того, кто осмелился бы запретить модницам румяниться!» — заключила Нинона.

Немолодая женщина, увы, не может похвастаться красотой кожи: «... не век останешься в пятнадцатилетнем возрасте... Мужчины приневоливают нас всегда казаться милыми, для того потребно помощью искусства разцветать увядшие прелести...»

Умело наложенные румяна возвращают лицу и привлекательность, и живость. К тому же Нинона пользуется качественной косметикой: «Взгляните на мой туалет: он не для щегольства, а для сбережения здоровья. Белил совсем не употребляю; пудру держу без всякой примеси; моюсь свежеею водою из реки, а не колоневою. Что касается до моих румян, так это, по уверению моего парфюмера, настоящая квинт-эссенция растений».

Англичанин будто только и ждал этого суждения о компонентах и тут же обрушил все свое красноречие на эти самые составляющие: «Тебя обманывают, Нинона. Невозможно, по химии, разрушать растения на первые начала так, чтобы выходили из них румяна. Этот порошок всегда составляется из ядовитой мази, особливо когда продавцы, под видом улучшения, подпускают в него часть белил, сурика и других ме-

таллических приготовлений, как то висмут, свинцовую известь и прочее...»

Подобные доводы не убедили собеседницу отказаться от своих привычек, более того, она согласна рисковать здоровьем, лишь бы не выглядеть так жалко, как выглядят англичанки с их бледностью и болезненной изможденностью.

«Мне часто случалось видеть в спектаклях англичанок, у которых цвет лица томный и, так сказать, мертвый...»

Честерфильд, так зовут ее приятеля, тут же обвинил во всем искусственное освещение, при дневном свете, уверял он, кожа на лицах его соотечественниц обладает всеми утонченными оттенками натуральных цветов. Нинона не стала спорить, она осталась при своем мнении. Закончили их спор заявление Честерфильда о том, что румяна были изобретены женщинами легкого поведения. Хитрая подруга лукаво заметила, что после подобного замечания она не будет пользоваться румянами, но и ему придется довольствоваться лишь ее дружбой, а не любовью.

Румяна, споры о которых растянулись на десятилетия, давали возможность некоторым сплетницам злословить в адрес друг друга, на страницах альманаха «Кабинет Аспазии» за 1815 год некая дама с иронией говорила о знакомой: «... госпожа С... всех пленяет красотой (ведь румяна здесь не дороги)...»

Героиня драмы М. Ю. Лермонтова Нина между прочим скажет:

Но в Петербурге кто не бледен, право?
Одна лишь старая княжна,
И то — румяны!..

Старшее поколение людей, выросшее на модах прошлого века, уже не меняло своих привычек. На балах и собраниях можно было встретить седоволосых стариков, одетых по старинке в пудренные парики, камзолы и чулки. Они благоухали мускусными или амбровыми духами, а пожилые женщины красовались кокетливыми чепчиками и ярким румянцем на увядших ланитах.

В повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» (1833) графиня и в старости «сохранила все привычки своей молодости, строго следовала модам семидесятих годов и одевалась так же долго, так же старательно, как и шестьдесят лет тому назад», и так же, как и раньше, красилась румянами.

Постепенно мода на «все античное» ослабила свои позиции, пришло увлечение историческими костюмами, будь то французские моды XVIII века или костюмы более ранних эпох.

По словам М. Ю. Лермонтова, в салонах Петербурга собиралось общество, пестреющее нарядами и туалетами самых разных веков: «В одеждах их встречались глубочайшая древность с самой последней выдумкой парижской модистки, греческие прически. Увитые гирляндами из поддельных цветов, готические серьги, еврейские тюрбаны, далее волосы, вздернутые кверху *a la chinoise*, букли *a la Sevigne*, пышные платья наподобие *фижм*, рукава, чрезвычайно широкие или чрезвычайно узкие».

Лермонтов пишет о прическе, что носили китайские женщины, и прическе, названной в честь маркизы Севинье (1626—1696) — знаменитой французской писательницы, с обликом которой были знакомы русские по картинам. В ее прическе волосы, разделенные прямым пробором, ниспадали с висков множеством завитых локонов.

Иногда прическе давали имя мастера, который ее создал, — Сержана, Крууза, Нарциса или Нарденя. Большую часть волос собирали на макушке, где из них делалась свободная причудливая петля, укрепленная вертикально. Ее украшали ниткой жемчуга и перьями. Оставшаяся часть волос, по обе стороны лица у висков и над ушами, закручивалась в локоны, красиво закалывалась и опускалась, прикрывая мочки ушей.

Разнообразие одежд и причесок невольно влекло за собой разную манеру наносить макияж, и в конце концов румяна вновь прочно обосновались на туалетных столиках наших модниц. В лавке плутоватого француза в 20-е годы продавались помада «Тубе-

роза», духи «Резеда», притирание «Молоко девушки» и, конечно, румяна «Роза».

В праздничные дни в городской пестрой толпе гуляющих можно было встретить нарядных и румяненных женщин — жен мелких чиновников, компаньенок, экономок, швей, цветочниц... В произведении Г. Т. Полилова-Северцева «Наши деды купцы» описывается день тезоименитства императрицы Марии Федоровны, в 30-е годы его отмечали 22 июля, праздник сопровождался гуляньем и фейерверком в Петергофе.

«В самый день праздника петергофское шоссе представляло собою живописное зрелище... Пестрая толпа пешеходов шла по обеим сторонам дороги, сперва по деревянным мостовым, а затем по плотно утоптаным дорожкам. Облако пыли оковывало всю эту живую реку. Роскошные туалеты дам, сидевших в экипажах, несмотря на все предосторожности, покрывались массою пыли, многие из них нарочно отправлялись из города в старых платьях, чтобы дорогою, подъезжая к Петергофу, переодеться в самом экипаже. Тщательно заставив открытую коляску зонтами, завесив всевозможными шальями, петербургские модницы наряжались, притирали лицо белилами, румянами, пудрились... одним словом, совершали весь туалет. Как весело гоготала толпа, когда проезжавший мимо красивый гвардеец, как бы нечаянно, сталкивал ради шутки эти эфемерные преграды и все эти модницы полуодетые появлялись на показ толпы».

Праздники сменялись буднями и в середине века новые поколения модниц решили внести изменения в свой облик. Для начала изменили прически. Если в первой половине XIX века женские прически открывали лоб и прикрывали часть щек и шею, то во второй половине все было с точностью до наоборот.

Короткие передние волосы завивали на папильотках, кудельки укладывали на лоб, а остальные завитые волосы разделяли на две части. Их зачесывали кверху и закалывали. Таким образом на лоб нависали завитушки челки, а шея и большая часть лица

оголялись. Разнообразные пучки вообще были очень популярны.

Тогда же стали вновь ярко румяниться и белиться. Журнал «Мода» в 1857 году (№5 и №23) писал о том, что мода «раскрашивать лицо приняла в Париже баснословные размеры... Румяна в моде, но белила имеют преимущество; к ним неразлучно употребляется и синяя краска, которую проводится вокруг глаз полоса, придающая лицу вид страдальческий, утомленный, болезненный, интересный: это считается хорошим тоном».

Правда, сам корреспондент не видел в этом ничего хорошего, рисовая пудра так густо покрывала женские лица, а глаза так сильно замазывались черной краской, что, по его мнению, такая красавица глазами походила на угольщика, а белизной неживой кожи на Пьеро.

Авторы многочисленных статей о косметике призывали русских женщин вооружиться здравым смыслом и быть разборчивее в ее выборе. В 1863 году журнал «Модный магазин» (№ 22) писал: «Мы должны сообщить нашим читательницам, как исторический факт, манию современных европейских женщин разрисовывать свои лица. У вас есть брови и ресницы, но они белокуры и не густы, а мода требует, чтобы они были черны и чтобы взгляд был поэтический и глубокий, как у гаремных красавиц. Тогда вы запасаетесь таинственным карандашом и слегка проводите им по бровям и ресницам; а если глаза ваши не прорезаны классической миндалиной, вы удлиняете их посредством того же карандаша. Иные дамы нетерпеливы и дают слишком много воли таинственному карандашу, так что разрез глаз доходит у них до висков — тогда это делается чудовищно. Кроме карандаша есть коричневая краска, которой намазывают под глазами, что придает им, как говорят, удивительный блеск и одушевление, хотя для непосвященных в тайну искусства темные круги под глазами кажутся только болезненным проявлением. Затем есть разные кремы для убеления и смягчения кожи, кармин для окрашивания щек, голубая лазурь для проведения жилок на плечах и на шее.

Все эти средства доведены в настоящее время до возможного совершенства и не делают такого вреда, как прежние белилы и румяна, но какая же порядочная женщина станет себя разрисовывать?! К тому же эти косметики очень дороги — промышленность пользуется слабостью женщин к самоукрашению».

Журналы уже не пытались бороться с пристрастием к косметическим товарам, но теперь чаще, чем когда-либо, рассказывали о работе ученых и промышленников над улучшением качества. Румяна пытались делать более стойкими, чтобы они не осыпались в течение дня, искали новые составляющие для белил, от которых бы кожа не только не портилась, но и, напротив, становилась свежей и упругой.

На страницах журнала «Воскресный досуг» (1864, № 67) автор заметки «Хорошо ли румяниться и белиться?», рассказывая о вреде цинковых белил, рекомендовал пользоваться такими, как «Blanc francais», созданных на основе талька, или «Eau de perles», состоящих из смеси крахмала, талька и извести.

Румяна продавались в виде порошков и помад. «Rouge en poudre» наносили на щеки при помощи маленького узелка из батиста или кисеи. Правда, они очень быстро осыпались с лица. А вот румяна «Rouge en pomade», изготовленные в виде крема или помады, оказывались самыми практичными. На кожу их наносили пальцем, они не осыпались и даже не размазывались от слез.

Продавали так называемые «листовые румяна». Их делали так: красящееся вещество наносили на бумагу и давали ему высохнуть. Кусочек шерстяной материи смачивали в воде, терли ею бумажку с краской и, после того как тряпочка покрывалась красной краской, наносили ее на щеки.

Румяна «Rouge en crépons» получили свое название от слова «крепоны» — куски шелкового или крепового газа, свернутые в виде узелка. На такие узелки накладывали румяна и с их помощью красились. «Крепоны» довольно долго удерживали краску, и ими пользовались продолжительное время.

Лучшими румянами считались кремообразные «Rouge au carmin en pots», они состояли из кармина и талька, а продавали их в фарфоровых горшочках.

В Париже работала фабрика «Monin», выпускавшая разнообразные румяна, заполнившие и наш российский рынок.

Для подкрашивания жилок и вен делали краски голубоватые и синеватые, для чего смешивали тальк с лазурью. Эти краски тоже продавали в фарфоровых баночках. Дамы, набелив лицо или руки, брали маленькую растушевку, обмакивали ее в эту краску и прорисовывали на своем лице или руках вены. Рассказывали, что умелые «художницы» делали это очень искусно. Кавалеры придавали немалое значение таким жилкам, они казались им «немыслимо» нежными.

Сажа употреблялась в краске для бровей и ресниц, ее соединяли с маслом и мылом, чтобы она не осыпалась и была эластичной.

Парфюмерно-косметические фабрики выпускали кремы для «омоложения» и смягчения кожи, устраняющие ее дефекты и недостатки; масла для ванн, жидкости для укладки волос — фиксатуары, жирные помады для этих же целей и многое другое. «Вода» против загара и от веснушек, произведенная во Франции, называлась «Lait antéphé lique»; крем, рекомендованный на ночь, — помада «Помпадур»; летний легкий крем, освежающий кожу, — «Crème foide mousseuse», «Султанские» помады обещали сберечь кожу от загара и предохранить от веснушек.

Правда, журнал «Модный магазин»(1863, №4) не советовал модницам обольщаться их эффектными названиями, такими, как «Султанские» помады, «Бальные» притирания или «Серальские воды». «Чудесные свойства их, ежедневно прославляемые на последних страницах газет, большею частью принадлежат к области фантазии». А содержащиеся кислоты при постоянном их употреблении могут нанести ощутимый вред здоровью, что, по заверению автора, случалось нередко. Поэтому рекомендовали делать кремы самим в домашних условиях, используя нату-

ральные продукты, что не только сберегало деньги, но и вреда не приносило.

Домашняя нехитрая и надежная косметика всю соперничала с покупной. Так, с давних пор знали и ценили эффект льда, который освежал и сохранял упругость кожи. Марта Вильмот не без гордости писала матери о том, что и она храбро приобщилась к этим обычаям. «Каждое утро мне приносят пластинку льда толщиной со стекло стакана, и я, как настоящая русская, тру им щеки, от чего, как меня уверяют, бывает хороший цвет лица...»

В косметических целях использовали сметану, молоко, свежие огурцы, клубнику и прочее, что с давних пор помогало в уходе за кожей.

* * *

Молодые люди с неменьшим вниманием относились к своей внешности, и потому не сказать о мужской косметике было бы несправедливо.

В то время когда юные красавицы осваивались с туниками и греческими прическами, щеголи коротко остригли свои довольно длинные волосы и отпустили бакенбарды. Модно считалось подкрашивать волосы в темный цвет или носить белокурые волосы и темные бакенбарды. В 20-е годы густые бакенбарды шли от самых ушей и сходились на подбородке. Одно время модной была прическа с длинной челкой, которую зачесывали на глаза. Потом волосы завивали на папильотки, поднимали их спереди в виде петушиных гребней и называли «а-ля коки».

Укладывали волосы с использованием различных помад. Щеголь так густо покрывал ими волосы, что, по словам современников, блестел головой «словно индеец». К тому же помады портили шляпы, подкладка их моментально пропитывалась жиром.

Некоторые модники еще пользовались румянами, но большинство ограничивалось тем, что обильно окропляло себя духами.

Женщины относились к разрумяненным и наду-

шенным представителям сильного пола по-разному. Одни эту манеру не приветствовали, другие не видели ничего предосудительного в том, что их современники, как и древние римляне, окропляли себя благовониями и проводили изрядное количество времени за туалетом. Третьи твердо стояли на том, что все хорошо в меру.

Сестра Марты Вильмот Кэтрин с нескрываемой неприязнью говорила о московских молодых повесах. Она писала в 1806 году: «Одетые в новые костюмы, напудренные и напомаженные, они неслышной походкой появляются у дверей, пытаясь пробраться в этот ужасный мир старших, а французы-наставники смотрят, какой эффект произвел первый поклон их воспитанников». Ей по сердцу другие, что служат в Петербурге при дворе или в армии и не столько думают о красоте своей внешности, сколько о долге и службе.

Насколько модная мишура вошла в повседневную жизнь мужчин, иллюстрируют произведения наших писателей. А. С. Пушкин в «Евгении Онегине» описывал туалетный столик своего героя:

Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возят нам,
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, —
Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые,
И щетки тридцати родов
И для ногтей и для зубов.
Руссо (замечу мимоходом)
Не мог понять, как важный Грим
Смел чистить ногти перед ним,
Красноречивым сумасбродом.
Защитник вольности и прав
В сем случае совсем неправ.

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.

Эти строки относятся к рассказу Руссо о Гримме, о том самом, что так усердно следил за своей внешностью. Пушкин двумя строками своего произведения примирил поклонников и противников моды, его фраза «быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей» как афоризм дожила до наших дней.

Герой лермонтовской поэмы «Сашка» — точная копия молодого повесы Онегина:

Он ловок был, со вкусом был одет,
Изящно был причесан и так далек.
На пальцах перстни изливали свет,
И галстук надушен был, как на бале.

Утро молодого человека рисует Иван Иванович Панаев. Его герой Петр Александрович Разнатовский после занятий с учителем танцев, (некоторые движения в мазурке ему никак ловко не давались) переходит к туалету и зовет своего слугу.

«— Гришка, завиваться! — закричал молодой человек. Через пять минут Гришка, в засаленном сюртуке, с сережкой в ухе, явился перед барином. Гришка воспитывался в цирюльне на Гороховой, в той самой цирюльне, на окне которой золотыми буквами начертано: «Зало для стришки и зафивки волос цена 20 ко. се. И выбрить».

Барин развалился на стуле перед зеркалом, замурлыкал что-то из «Фенеллы»*, закинул назад растрепанную голову, и Гришка приступил к своей должности. Три раза охлаждали и три раза раскалялись щипцы; голова барина покрывалась завитками; барин только изредка поморщивался и вскрикивал: «Больно, болван!»

По окончании завивки Гришка отворотил бесконечные рукава сюртука своего, подшитые поскон-

* «Фенелла, или Немая из Портучи» — (1828) опера французского композитора Даниеля Франсуа Обера (1782—1871).

ной холстиной, растер на грязных ладонях пятирублевую помаду «Violette» и принялся отделявать голову барина.

— Гришка! Помадь пожирнее да виски фиксатуаром натри, — говорил барин».

«Уборка волос», как говорили раньше, завершена. «Весь в завитках, смотрясь в зеркало и прищуриваясь, барин начал прохаживаться в своем кабинете между стульев и пощелкивать языком».

Мода на прически в первые три десятилетия предлагала их широкий выбор, носили «a la jeune France» («во вкусе молодой Франции»), «a la Russe» («по-русски»), «a la moyen age» («по-средневековому»), «a la Titus» («как у Тита»)*. Здесь были и кудельки, и гладко подстриженные волосы, но объединяло их довольно короткая длина.

Так получилось, что мы в основном говорили о молодых героях, что же касается зрелых мужей, то картину дополняют строки из стихотворения Н. А. Некрасова «Папаша»:

Поздно привык он ложиться,
Поздно привык он вставать,
Кушая кофе, помадиться, бриться,
Ногти точить и усы завивать.

Кстати об усах, усы требовали от своего владельца, пожалуй, столько внимания и забот, как ничто более в мужском туалете. Николай Васильевич Гоголь в «Невском проспекте» посвятил замечательнейшие строки сему предмету мужской гордости: «Все, что вы ни встретите на Невском проспекте, все исполнено приличия: мужчины в длинных сюртуках с заложеными в карманы руками... здесь встретите бакенбарды... усы чудные, никаким пером, никакою кистью неизобразимые; усы, которым посвящена лучшая половина жизни, — предмет долгих бдений во время дня и ночи, усы, на которые излились восхитительнейшие духи и ароматы и которых умастили все драгоценнейшие и редчайшие сорта помад, усы, кото-

* *Titus* (39—81) — римский император из династии Флавиев.

рые заворачиваются на ночь тонкою веленевою* бумагою, усы, к которым дышит самая трогательная привязанность их поссессоров** и которым завидуют проходящие».

Заботы об усах занимали в мужском туалете такое значительное место, что многие писатели того времени рассказывали о разнообразных косметических приемах, с помощью которых форма усов, их цвет и густота доводились до безупречного состояния.

Герой рассказа В. М. Гаршина «Денщик и офицер» Стебельков при помощи складного зеркальца в желтой деревянной оправе и «Венгерской» помады доводил свои усы до возможного совершенства. Тургеневский франт лейтенант Ергунов «усы красил персидскою фаброй, которая, впрочем, отливала больше багрянцем и даже зеленью, чем чернотой».

Наш герой-франт выкрасил свои усы, завил и обмазал их помадой, велел парикмахеру уложить волосы в модную прическу. Бакенбарды тщательно расчесал и ногти отполировал специальной пилочкой. В конце концов, по словам Козьмы Пруткова***, «ногти и волосы даны человеку для того, чтобы доставить ему постоянное, но легкое занятие». Теперь оставалось завершить свой туалет последним штрихом — духами.

Глава 5

Ненавистные «начули»

В XIX веке парфюмерное производство в Европе определилось как искусство, у него появились свои законодатели и мастера высокого класса: Герлен создал знаменитую «Воду императрицы», Молинар

* Веленевая бумага — самая высокосортная и гладкая бумага того времени.

** Поссессор — обладатель, владелец, от *фр.* possesseur.

*** *Козьма Прутков* — коллективный псевдоним Алексея Константиновича Толстого и Владимира Михайловичей Жемчужниковых.

«Папоротник» («Fougere»). В мир парфюмерии, где до этого времени главенствовали только французские мастера, пришли парфюмеры других стран, все увереннее заявляли о себе фирмы Англии, Германии и Италии.

Еще в XVIII веке была основана английская фирма «Floris», знаменитая духами «Santal wood» и «Ormond» с запахом папоротника, «Red-Rose», «Lili of the Valley» с ароматом ландыша, «Stephanotis» (переводится как «букет новобрачной») или «Malmaison» с запахом гвоздики и мужские духи «Elit».

Другой фирме «Geo F. Trumper», основанной в 1875 году, любители духов благодарны за «Wellington», «Skye» и «Eau de Portugal» («Португальскую воду»).

В Германии в конце XVIII века появилась фирма «Muelhens», известность которой принес «Originale de Cologne 4711».

Огромный российский рынок быстро знакомился с произведениями этих парфюмерных домов. Ароматы вместе со своими владельцами — путешественниками, дипломатами, чиновниками и купцами — неоднократно пересекали границы многих государств.

В первой половине XIX века интерес вызывали парфюмерные произведения, созданные на основе цветочных запахов с примесью амбры и мускуса. Не менее популярным было и розовое масло. Марта Вильмот рассказывала домашним, как некий господин, прибывший в Россию из Константинополя в 1803 году, подарил Дашковой три флакона розового масла, один из которых княгиня оставила себе, другой отдала племяннице, а третий — Марте. Девушке понравился запах: «Не правда ли, письмо это хорошо пахнет? Я его надушила».

Со временем число поклонников розового масла только возросло. Продавцы этого популярного товара внакладе никогда не оставались. Бывали случаи, когда купец закупал розовое масло с одной-единственной целью — поправить пошатнувшееся финансовое положение, одна такая операция гарантировала прибыль без особого коммерческого риска. Един-

ственное, что вставало на пути от продавца к покупателю — высокие пошлины на таможне.

Некий предприимчивый крепостной крестьянин, а фактически — купец, Николай Николаевич Шипов, оказавшись в сложном материальном положении, решил поправить его торговлей розовым маслом. Чтобы повысить доход от операции, он в 1832 году пытался скрыть товар от таможни. Но товар обнаружили, конфисковали, задержали на очень длительный срок, что в итоге сделало всю операцию убыточной.

Конечно, были и удачливые контрабандисты и честные предприниматели, и везли они не только розовое масло. В России парфюмерию любили ничуть не меньше чем в европейских или восточных странах.

Император Николай I отдавал предпочтение духам «Parfum de la Cour» («Придворные духи»), в его комнате рядом с большим трюмо стояли сабля, шпаги и ружье, а на приделанных к раме трюмо полочках — склянка духов, этих самых «Придворных».

Не меньше любили духи в обществе не столь титулованном. Об их популярности рассказывают записки французского путешественника, писателя, маркиза де Кюстина, побывавшего в России в 1838 году.

Маркиз, наделенный литературным талантом, к тому же обладал тонким обонянием и чуть ли не единственный из путешественников сразу обратил внимание на запахи чужой страны. В Петербурге он поселился в гостинице своего бывшего соотечественника господина Кулона. «Воздух комнаты был насыщен каким-то странным запахом гипса, извести и пыли, смешанным с запахом мускуса». Запахи мускуса и амбры постоянно преследовали маркиза: «Русские распространяют вокруг себя довольно неприятный запах, дающий о себе знать даже на расстоянии. От светских людей пахнет мускусом, от простонародья — кислой капустой, луком и старой дубленой кожей». В Москве на гуляньях возле Новодевичьего монастыря опять «... запах кожи, спиртных напитков, кислой капусты, пива, сала от солдатских сапог, мускуса и амбры от господ — смешивались самым невыносимым образом и не давали воз-

можности дышать». В Нижнем Новгороде «... к обычному букету русских запахов присоединились обильные винные испарения...».

Аромат мускуса к этому времени вышел из моды и в Европе, и в России. В газете «Молва» (№ 73) еще в 1832 году сообщали о том, что этот запах «изгнан из хорошего общества», и нам остается предположить, что либо маркиз большую часть времени сталкивался с представителями «другого» общества, либо несколько предвзято относился к нашим соотечественникам.

Справедливости ради заметим, что от запахов некоторых духов, вернее от их количества, страдали и сами их поклонники. Мода на обильное окропление себя и своих одежд прочно вошла в быт франтов и щеголих. Правда, у некоторых подобная лавина ароматов вызывала, как сейчас говорят, аллергию: тошноту и головную боль, но лечились опять-таки ароматами — нюхали одеколон.

Светские обычаи и вежливость рекомендовали духи в ограниченных количествах, особенно резкие. Их навязчивость вызывала раздражение присутствующих и давала повод подозревать владельцев в нечистоплотности и желании замаскировать собственный неприятный запах.

Вообще упоминание о косметических средствах и духах все чаще и чаще встречается в художественной литературе и начинает играть в ней заметную роль. Парфюмерия и косметика так же, как и силуэты платьев, и архитектурные стили, определяли эпоху, социальное положение своего владельца, оценивали его вкус и становились незримым звеном, связующим прошлое и настоящее.

Писатели XIX века пытались раскрыть роль духов в жизни человека. Немецкий философ Артур Шопенгауэр (1788—1860) назвал обоняние основным чувством памяти, поскольку ничто, кроме запахов, не вызывает в человеке так внезапно и отчетливо воспоминаний о давно прошедших событиях.

В произведениях И. С. Тургенева чувственные запахи мускуса и амбры заставляли героев вспомнить о прошлом, вызывали волнение, тревогу и грусть. В

«Дворянском гнезде» старуха княжна Кубенская, раз-
румяненная и надушенная амброй «Richelieu», в свои
семьдесят лет и всем своим видом, и своим характер-
ром являлась олицетворением ушедшего века.

Героиня повести «Несчастливая» Сусанна воспомина-
ла отца, которого всегда боялась и от которого всегда
пахло амброй. Амброй пахли и конфеты, которыми
он угощал ее. «А придешь, увидишь эти большие уны-
лые комнаты, эти пестрые штофные мебели, этого
приветливого и бездушного старика в шелковой «ду-
льетке» нараспашку, в белом жабо и белом галстуке, с
манжетками на пальцах, с «супсоном» пудры (так вы-
ражался его камердинер) на зачесанных назад воло-
сах, захватит тебе дыхание душный запах амбры, и
сердце так и упадет».

А в «Истории лейтенанта Ергунова» охочий до
женского пола Кузьма Васильевич был завлечен в
разбойничью ловушку красавицей Колибри. Пора-
женный и неожиданной встречей, и красотой моло-
денькой девушки, простодушный лейтенант не по-
дозревал, какая угроза нависла над ним. А смуглянка
Колибри усилила его влечение сильным запахом му-
скуса, курительными свечками, песнями и танцами,
чтобы потом опоить его зельем, убить и ограбить.

В обществе, где внешность определяла социаль-
ное положение человека, духи подчеркивали не
только принадлежность своего владельца к той или
иной социальной прослойке, но характеризовали
его вкус и воспитание. В романе А. Ф. Писемского
«Масоны» немолодая вдова полковника Зудченко
Миропа Митриевна хоть и жила «в весьма грязном и
безлюдном московском переулке», за собой следила
и все еще модничала, одевалась весьма франтовато,
«... волосы на ее висках были, сколько возможно, опу-
щены низко; бархатная черная шляпка с длинными и
высокоприподнятыми полями и с тульей несколько
набекрень принадлежала к самым модным, называе-
мым тогда шляпками Изабеллины; платье мериносо-
вое, голубого цвета имело надутые, как пузыри, рука-
ва... и, сверх того, от всей особы ее веяло благоухани-
ем мусатовской помады и духов амбре».

Хотя в любом правиле — свои исключения. В рассказе А. П. Чехова «Актерская гибель» «... даровитый артист был в прюнелевых полусапожках, имел на левой руке перчатку, курил сигару и даже издавал запах гелиотропа, но, тем не менее, все-таки сильно смахивал на путешественника, заброшенного в страну, где нет ни бань, ни прачек, ни портных».

Гелиотроп — травянистое растение, цветущее мелкими бархатистыми сиренево-фиолетовыми цветками, с запахом ванили. «Сильный, очень приятный и знакомый запах поразил его (Литвинова. — *Ред.*). Он оглянулся и увидел на окне в стакане воды большой букет свежих гелиотропов» (И.С. Тургенев «Дым»).

Живой нежный аромат цветов противопоставлялся чувственным, животным запахам мускуса и амбры, которые олицетворяли уже не только моду прошедшего века, но и довольно посредственный вкус. Во Франции во времена Второй империи (1852—1870) императрица Евгения, законодательница мод и устроительница придворных праздников, привила обществу любовь к пьянящим запахам, созданным на основе пачулей.

Пачули — парфюмерное сырье растительного происхождения — полукустарник рода погостемон, растущий в тропиках, из сухих листьев которого получают пачулевое масло. Запах его очень необычен, он одновременно камфорный, землистый и древесный. Если Ее Величество наслаждалась этим ароматом, ощущая его изысканность, вероятно, как и большинство ее подданных, то последующее поколение воспринимало запах пачулей с нескрываемым раздражением.

«Первое, что поразило его (Лаврецкого. — *Ред.*) при входе в переднюю, был запах пачули, весьма ему противный» (И. С. Тургенев «Дворянское гнездо»).

В рассказе Н. В. Успенского «Любовное объяснение» горничная Саша укоряет своего воздыхателя Васю:

«— А что я от тебя видела? Раз только купил у разносчика духов пачули, да и те пропали.

— Я спрятал их в кухне с хомутами. Барыня при-

шла и стала ругать меня: «чем, говорит, это воняет?» Я сказал, что сырмятными кожами, а она не поверила. «Нет, говорит, это пачуля. Поддай сюда!» И унесла с собою, а куда девала — неизвестно».

Неприятен этот запах и Леониду Андреевичу Гаеву из «Вишневого сада». Между персонажами рассказа В. М. Гаршина «Медведи» заходит разговор о медвежьем жире, от которого якобы хорошо растут волосы. И Ольга Павловна заказывает себе такую помаду для волос у аптекаря, который интересуется, с каким запахом она должна быть: «... Непременно-с, непременно-с, Ольга Павловна. Даже с духами. Вы что предпочитаете — пачули или иланг-иланг?»

«Иланг-иланг» тоже духи, созданные из цветов тропического дерева с одноименным названием. Они обладают душистым ароматом, похожим на гиацинтовый и нарциссовый. Между ароматами пачулей и иланг-илангом весьма значительная разница, но и те и другие пользовались большой популярностью в обществе. Но вообще модными становились ароматы тонкие, нежные.

В рассказе А. П. Чехова «Толстый и тонкий» герой, уважаемый чиновник, «такой же красавец и щеголь», как и в гимназические годы, благоухал «хересом» и «флердоранжем». «Херес» — это понятно что, а «флердоранжем» называли цветы апельсина, здесь имеются в виду духи на их основе. Цветы за свой запах пользовались большой популярностью, они символизировали целомудрие, и невесты украшали ими свой подвенечный наряд.

«Гелиотроп», «иланг-иланг», «флердоранж», назовем еще «лоделаванд» — это ароматическая вода, получаемая от перегонки лаванды, вот, пожалуй, наиболее распространенные в то время духи. В «Истории лейтенанта Ергунова» щеголь «Кузьма Васильевич надел новый, с иголки мундир... и, побрызгав на себя лоделавандом, вышел из дому». В «Пестрых письмах» М. Е. Салтыкова-Щедрина: (Федот Архимедов. — *Ред.*) «каждое утро казанским мылом моется и лоделавандом рот полощет». В произведении Н. Я. Данилевского «Беглые в Новороссии» «Аксентий

с хозяйским слугой курил на раскаленных плитках лоделавандом, прогоняя запах недавнего обеда».

Пристрастием к духам, созданным на основе цветочного сырья, отличалась последняя русская императрица Александра Федоровна. Юлия Александровна Ден, ее подруга, рассказывала о пристрастиях Ее Величества к парфюмерии. Александру Федоровну трудно было назвать модницей в том смысле, который мы вкладываем в это понятие, имея в виду, что такая дама не пропустит ничего новенького из товаров, поступивших на прилавки или в обиход под названием модных, будь то мебель, одежда, галантерея или парфюмерия. За модой Александра Федоровна не гналась. «Никогда не забуду, — пишет Юлия Ден, которую императрица по-дружески звала Лили, — как неприятно поражена была Государыня, когда ей предложили надеть узкую юбку.

— Неужели вам действительно нравится такая юбка, Лили? — спросила она.

— Видите ли, Ваше Величество, — растерялась я. — *C'est a la mod.*

— Да разве это юбка? — возразила она. — Что же, Лили, докажите мне, что в ней удобно. Попробуйте-ка пробегитесь. Посмотрим, как вы в ней бегаете».

Ногтей она никогда не полировала, не делала маникюр, потому что этого не любил сам Николай Александрович.

«Гостиная Ее Величества, известная как Лиловый будуар Императрицы, представляла собой чудную комнату, где можно было наблюдать пристрастие ее хозяйки ко всем оттенкам лилового цвета. Весной и в зимнее время воздух в ней был пронизан ароматом сирени и ландышей, которые целыми корзинами присылали во Дворец с Ривьеры... Вторая гостиная представляла собой просторную комнату, где предметы убранства и обивка мебели были всех оттенков зеленого цвета. По желанию Ее Величества в углу была пристроена небольшая лесенка и антресоли, которые весной утопали в фиалках».

Любовь к цветам определила пристрастие государыни к парфюмерии. Юлия Ден вспоминала, что она

очень любила духи под названием «Белая роза» парфюмерной фабрики «Аткинсон». Они, по словам императрицы, были прозрачными, без всякой добавки и бесконечно ароматными. В качестве туалетной воды она использовала «Вербену».

Дочери же любили парфюмерию больше, нежели их матушка. Девушки занимали две спальни, одна из них принадлежала Ольге и Татьяне, другая — Марии и Анастасии. «Просторная комната, разделенная портьерой, служила их высочествам туалетной и ванной... Принимая вечером ванну, они добавляли в воду духи, а для ее смягчения — миндальные отруби. Как и их Августейшая родительница, девочки обожали парфюмерию непременно фирмы «Коти». Татьяна предпочитала «Jasmin de Corse» («Корсиканский жасмин»), Ольга — «Rose the» («Чайную розу»), Мария Николаевна то и дело меняла духи, но чаще всего останавливалась на «Сирени», а излюбленными духами Анастасии Николаевны были «Фиалка».

* * *

Кроме духов и одеколонов XIX век знал и предлагал модникам массу различных освежителей воздуха для помещений, «саше» для ароматизации белья и одежды и ароматизированных вод для ванн.

Письмо все той же Марты Вильмот отцу, написанное в самом начале века, рассказывает об экзотической, на взгляд девушки, курительнице.

«Как приятно, что посылка с всякими пустяками смогла хоть немного развлечь вас! Догадались ли вы, что любопытная вещица из Тулы — это приспособление для окуривания комнат? Внутри кладется древесный уголь, поджигаются благовония, и какой-нибудь бородатый крепостной или чаще отлично напудренный лакей ходит, помахивая ею, и эта штучка расточает аромат по всей анфиладе комнат. А теперь, я полагаю, ей предназначено будет лежать спокойно на стальной каминной полке...»

Князь Петр Андреевич Вяземский (1792—1878) в мемуарах «Старая записная книжка» писал: «На кра-

сивом столе стояла филигранная курильница, в которой горели аравийские благовония». Жгли курительные свечи из ладана, стираксы, амбры, мускуса и т. д. Благовонные курительные порошки продавались под пышными названиями, например «Венский» или «Французский королевский порошок». Последний составляли из смеси высушенных розовых лепестков, стираксы, фиалки, гвоздики и «коричневого цвета». Порошок высыпали на горячую металлическую поверхность, и он, разогреваясь, распространял вокруг себя приятный запах.

Также использовали жидкие смеси — благовонные уксусы. Популярными были «лимонный», «бергамотовый», «розовый» или «лавандовый». Уксус капали, к примеру, в ложечку и держали над лампой или на специальную курительницу с металлической пластиной, которая подогревалась свечкой. Или просто брызгали на угли камина.

Нюхательные соли часто выступали в роли ароматизаторов. Их составляли из равных частей нашатыря и душистых масел, того же лимонного, бергамотного и любого иного. Например, на ярлыке флакончика с «Лавандовой солью» написано: «Самое лучшее и самое приятное курительное средство. Действует освежающе. Для очищения комнатного воздуха следует на несколько минут открыть склянку».

Насмехаясь над слабостью своего героя к парфюмерии, Владимир Михневич писал в романе «Москвичка»: «...располагала гостя к благочестивым помыслам какая-то неизъяснимая, мистическая атмосфера, которая била ему в нос и неощутительно разливалась ароматным елеем по его легким, едва он переступал порог жилища Платона Амвросиевича Болотова.

Медовый запах комнатных цветов смешивался с едва уловимым испарением лампадного масла и тонким куревом мирры, растворенных в легком, освежающем эфире душистого туалетного уксуса. И при этом — никакого вульгарного жилого запаха, а тем менее оскверняющего святое место, неблаговоного — едкого запаха табаку.

В общем — схимническая атмосфера праведника

чистоплотного, благовоспитанного и элегантного. Так пахнет в кельях иных настоятельниц женских монастырей, бывших до пострижения светскими дамами и поддерживающих сношения с изысканными богомольцами из большого света».

В 1863 году на прилавках магазинов появилось новомодное приспособление для распыления жидких ароматов. Журнал «Модный магазин» поместил на своих страницах рекламу распылительного устройства: «В русском косметическом магазине на Невском проспекте против Гостиного Двора продается машинка для распыскивания духов. Она состоит из двух стеклянных трубочек. Ту, которая длиннее, опускают в пузырек с духами, а в короткую дуют, и из того места, где преломлены трубочки, вылетает тончайшая душистая пыль, распространяющаяся по комнате лучше всякого куренья».

Ароматные уксусы и спирты предназначались для обтираний и ароматизации воды. Так же использовались и туалетные воды. Их получали путем перегонки благовонных высушенных растений или корней с водой. Прилавки магазинов пестрели «Мятной» туалетной водой, «Лимонной», «Анисовой» и др.

Не вышли из моды «саше» — сухие благовонные смеси, предназначенные для ароматизации белья, шкафов и карет. Как и раньше, «саше» делали и в виде шелковых подушечек, и в виде мешочков и изящных по форме конвертов. Ароматный порошок не просто насыпали в подушечку: тонкие слои ваты пересыпали этим порошком, эти несколько слоев завертывали в тонкую папиросную бумагу и зашивали в подушечку или любую другую форму. Например, в саше «Резеда» входили: фиалковый корень, розовый лист, гвоздичное масло, гераневое масло, бергамотное масло и др. Эти маленькие подушечки или конвертики украшали интерьер комнат, карет, дополняли костюм. Кроме этого предлагалось пропитывать благовониями даже вату для подбивки одежды.

Вторая половина XIX века с ее бурно развивающимися наукой и промышленностью вызвала профессиональный интерес к ароматам, хотелось упо-

рядочить их великое многообразие, создать систему или таблицу, как-то научно классифицировать их. Английский парфюмер Пиесс провел аналогию между ощущениями органов слуха и обоняния. Он считал, что ароматы воспринимаются обонянием по-разному в зависимости от их летучести, а летучесть подобна амплитуде звуковых колебаний. Чем меньше амплитуда, тем ниже звук и тем он продолжительнее действует на слух. Чем меньше летучесть, тем слабее аромат и тем дольше он действует на обоняние. Чем больше амплитуда, тем выше звук и тем интенсивнее и более кратковременно его действие.

Пиесс расположил все ароматические вещества в виде нотной гаммы, где гармонические аккорды как бы образовывали букеты ароматов. Был создан даже некий орган для духов, в котором душистые вещества располагались на нем в соответствии с этой разработкой.

По этой схеме ноте «до» соответствовали ароматы ананаса, жасмина, розы, камфоры, герани, сантала, пачулей. «Ре» — бергамота, миндаля, фиалки, ванили. «Ми» — вербены, цедры, апельсина, акации, ириса, ротанга, левкоя. «Фа» — цибета, амбры, жонкили, туберозы, мускуса, бобровой струи. «Соль» — магнолии, сирени, душистого горошка. «Ля» — лаванды, бобов тонка, сена. «Си» — перечной мяты, божьего дерева, корицы, гвоздики.

Хотя сам Пиесс в рецептах духов не очень-то пользовался этой разработкой, видимо, традиционно полагаясь на собственный вкус и развитое обоняние.

Глава 6

Народная косметика.

«Набелись, моя милая, нарумянься, душа...»

Рассказывая о косметике столичных модниц, мы лишь вскользь упомянули о народной косметике, но в XIX веке деревенские модницы пускались на такие хитрости по изобретению румян и белил, что невозможно не рассказать о них чуточку подробнее.

К «притираниям», «мазилиям», как называли белила и румяна в деревнях, женщины прибегали так часто, что обычай этот обратил на себя пристальное внимание этнографов. Причем красились и некоторые мужчины. Пытаясь выяснить, почему это обыкновение широко распространилось в народе, ученые пришли к таким выводам: либо обычай связан с подражанием высшему сословию, либо культура употребления косметики уходит корнями в такую старину, что истоки ее надо искать в ритуалах древнейших народов.

Из поколения в поколение бытовые познания в области косметологии передавались в устной форме от матери к дочери. Потом они нашли место в рукописных Травниках и Зелейниках, где наряду с рецептами настоев и отваров для лечения различных заболеваний встречаются советы по уходу за кожей. Например, от загара и веснушек наставляли умываться сывороткой, парным молоком или огуречным рассолом и т. п.

Крестьянские бабы и девки знали, что румяна можно получить из корней ландыша. С корней сдирали кожу, содержащую «червленной цвет», сушили ее и настаивали на воде, к которой прибавляли квасцы. Использовали и спелые ягоды ландыша. В качестве румян употребляли так называемую траву румянца — Синяк красный (*Echium tubrum*). Румянами служили и свекла, и водка, настоянная на красном сандале с сахаром.

Белилами мог служить порошок, натертый из стearиновой свечи, но, как правило, женщины покупали обычные свинцовые белила. Брови «чернили» (наводили) сурьмой, жиром и углем.

Обычай некоторых женщин чернить зубы дожил до середины XIX века. Писатель, археолог, член Общества истории и древностей российских Андрей Гаврилович Глаголев, проезжая через тульские земли в 1823 году, писал: «Размалеванное белилами лицо и черные зубы почитаются здесь красотою нежного пола...»

В каких случаях красились? Да, вероятно, как и се-

годня особые почитательницы косметики красились, когда было на то время и желание, а вот на гуляньях и свадьбах ею пользовались в избытке, хотя опять-таки многие из тех, кто от природы был красив, косметику не употребляли, хотя имели ее.

В конце XIX века этнографы, собирая материалы о быте народов, населявших империю, отметили, что румяна, белила и сурьмила были в большом употреблении у женщин и особенно у девушек почти повсеместно, доказательством служат многочисленные народные песни. В одной из них поется:

Я на первый рубль белил,
На второй-то рубль мазил,
А на третий рубль сурмил,
Приду домой — набельюсь,
А мазилом намажусь,
Черны брови подведу...

В другой песне:

Что не Дарья ходит по терему,
Не Петровна по высокому,
Она белицется, румянится.

А вот дочка обращает внимание своей матери на то, как ловко она украсила себя: «Погляди, родима матушка, какво я нарядилася, какво набелилася, какво нарумянилася».

В следующей муж сердится на свою жену, которая не принесла обед в поле. И вот он, голодный и злой, едет домой с намерением наказать — «выстегать» жену. Когда же видит ее разруганную, набеленную, красивую, то душа его радуется и гнев улетучивается:

Мужик едет ко двору,
Жена ходит в терему,
Набеленная,
Нарумяненная.
«Уж я брошу же лозу,
Поцелую жену
И ужинать не хочу...»

В песнях, затрагивающих взаимоотношения мужчины и женщины, нередко упоминаются подарки — галантерейная мелочовка и косметика, мужчина не

случайно дарит их: веселая румяная подруга, неравнодушная к себе, вызывает удовольствие и у него:

Я белил, румян купил, набелиться б ей велел:
Набелись, моя милая, нарумянься, душа.

Издавна в обязанность жениха вменялось одаривать и невесту, и подружек невесты косметикой и пестрыми ленточками, тесьмой и т. п. В ларце или шкатулке, которую жених через дружку дарил невесте, среди туалетных принадлежностей лежали «белила мыльца духовитого», «частозубая расчесочка» и румяна.

Свет, Митрий Иванович!
Приезжай к нам на девичник,
Что на девичий праздник,
Привези с собой шкатулку,
Что шкатулку дорогую,
Дорогую непростую:
Пятьдесят аршин ленты,
Всем девушкам по ленте,
Красавицам по перчаткам,
И духов, и помадки,
И гребенки, и булавки...

Иногда к свадебным платьям прилагали костяные коробочки для белил и румян, они прикреплялись к костюму.

На Пинеге в состав свадебного ритуала входил обряд «белил», жених давал деньги на белила. Он опускал их в рюмку с вином, откуда невеста доставала их, или давал деньги ей в руку. По этому поводу устраивалось угощение.

Свадебный ритуал также предполагал мытье в бане, где девушки красились.

Во чистой во паруше...
На первом-то окошечке — все мазила румяные,
На втором-то окошечке — все белилечка белые,
А на третьем-то окошечке — моя девья красота...

Хотя есть сведения и о том, что белились и румянились сандальной настойкой до бани, а в бане лишь поддавали пару, чтоб белила и румяна скорее «впарились в лицо».

Русский ученый-этнограф Н. Г. Ордин описал в конце XIX века увиденный им ритуал мытья в бане перед сватаньем: «... Катя с подружкой кончили мытье Тани и подали ей белила и румяна; потом, притворив немного входную дверь, сказали: проходите, кому черед, — впаривать белила да румяна!..»

Таня, несмотря на то что без белил и румян была гораздо лучше, по обычаю набелилась свинцовыми белилами и нарумянилась сандалюной настойкой с квасцами донельзя. Подружки ее сделали то же и до такой степени поддавали пару, что жар стал едва выносим. Делалось это для того, чтобы белила и румяна лучше и скорее впарились в лицо...»

С водой, умыванием и мылом связаны акты свадебного ритуала в различных областях России. Например, в Псковской губернии в свадебных песнях «мылами» называли румяна и белила. В Архангельской губернии исследователи записали свадебный акт после венца — умывание. Сваха с приговором «на бело умыться, хорошо снарядиться во белые белила, в красные румяна» ставила на стол притирания, и все гости начинали «умываться». Там же был обычай белиться наутро после брачной ночи у колодца, где и девки, и молодые бабы, и ребятишки окачивались колодезной водой.

Этот обряд связывали с севернорусским обычаем обхода дворов под названием «Умойте». Он происходил на рубеже весны — лета, в день Аграфены Купальницы девушек одаривали разными предметами туалета и украшениями.

Обычай краситься во время хороводов и игрищ был не менее широк. В Курской губернии в дни традиционных праздничных танков (хороводы, преимущественно плясового характера) участники, мужчины и женщины, наряжались, и женщины ярко раскрашивали себе лица румянами и белилами, причем косметика наносилась толстым слоем. «Курские губернские ведомости» (№78) в 1900 году писали: «Лица девушек... представляли нечто ужасное. Взглянув на них, вы невольно могли подумать, что все они замаскированы. Так они были выбелены и

нарумянены. Каждая из тогдашних девушек (и женщин) не то что намазывала, или подкрашивала свое лицо, или гримировала его, нет, на этом, так сказать, основном материале производилась полная операция. Поверхность лица была выбелена тщательным образом, резко оттеняя цвет кожи на шее; на щеках были нарисованы красные пятна — у иной в форме площади круга, у другой они имели овальную форму, у третьей — полосочками и т. д. Раскрашивание лица было обычаем, он держался твердо и неукоснительно».

В 1905 году те же ведомости (№88) в статье «Старинные курские хороводы» рассказывали, что «лица хороводниц представляли собой не что иное, как своего рода маски, так они были все выбелены, нарумянены и наконец насурьмлены. Бывало, как взглянешь на целые десятки таких масок, да еще с накрашенными губами, испытываешь пренеприятное впечатление. Трудно представить себе, как в это время было распространено раскрашивание физиономий в среде женщин и как, помимо всего прочего, поражал контраст между их расштукатуренными лицами и обыкновенными лицами молодых людей, шедших со своими товарками под руку. А между тем, по стародавним обычаям, появление женщины не набеленной, не нарумяненной и не насурьмленной казалось чем-то просто невысказанным и невозможным».

И все же, несмотря на такое распространение косметики, предпочтение отдавалось природной красоте. Вот отрывок из свадебной песни, в которой поется о невесте: «Мать ее, когда растила, сберегала и лелеяла: не давала ветру дунути, не давала дождю капнути; в зеленом саду под яблонькой она умывала ее калиною, утирала малиною и заговаривала:

Ну, будь же, мое дитятко, бело,
Без белил лицо белешенько,
Без румян щечки краснешеньки!»

О том же говорит жених, обращаясь к своим родителям:

Государь мой родный батюшка,
Государыня родна матушка,
Хороша ли вам невестушка моя?
Без белильцев лицо белое,
Без румянцев щечки алые,
Без сурмил брови черные!

Или так: «Без белил будь белешенько... / Без румян руменешенько...»

В этнографическом журнале «Живая старина» за 1897 год в статье о косметике опубликовали ответы пожилых женщин из разных губерний на вопросы о том, как красились в старину. Некая бабушка Марина Лыткина вспоминала, что после просватанья жених подарил ей «зеркальце, румяна и белила»; правда, она «не румянилась, потому была без румян краснолица и брва така», но и прочие девушки, не невесты, тоже никогда не румянились — «почиталось за стыд». А подарок сохранила, и без дела он пролежал у нее пятьдесят с лишним лет.

Д. Лопаткина вспоминала, как «... мамонька, покойна головушка, сказывала, что жених дарил ей белила и румяна. В старину таки обнокновение было. Оно уже вывелось. Девки и преж и теперь не румянятся, разве кака гуляща найдется, у той стыда хватит намалевываться. Богачки из мещанок по нашим селам белятся пудрой и прочим».

Завершить небольшой рассказ о народной косметике хочется заметками о курьезных косметических средствах.

По словам Анны Казанцевой, в ее родном селе Усть-Тунгуски Маклавской волости косметику неплохо знали и вовсе не «гулящие», часто ее покупали, но были и такие, кто вместо покупных румян использовал бодягу, которую собирали на берегу озер. «Таку девушку всегда заметно; лицо ее красно, пока натерта бодягой, и постоянно в прыщах».

Если верить другой рассказчице из Казачинской волости, то бывали случаи, когда девушки наводили румяна красной оберточной бумагой из-под конфет и даже румянились фосфором серных спичек. В праздничные дни лицо такой красотки пылало необык-

новенно ярко, но потом румяна потухали, и под конец вечера ее кожа делалась грязно-серой.

Вот на какие жертвы шли наши красотки, чтобы привлечь к себе внимание и показаться «лучше, чем есть на самом деле».

Глава 7

Парфюмерно-косметическая промышленность

Косметика и парфюмерия в XIX веке царствовала повсеместно. мода делала свое дело, и то, что для родителей было баловством, новое поколение воспринимало как привычную необходимость. Развитие европейской парфюмерной промышленности показало, насколько прибыльной может быть эта отрасль производства. В России мелкие производители не могли насытить своей продукцией огромный потребительский рынок. Даже спустя время парфюмерно-косметические фабрики-гиганты не удовлетворяли спроса на эти товары. Таковым положение дел оставалось до 1914 года.

История парфюмерно-косметической промышленности в России берет свое начало с конца XVIII века, когда в Москве купцом Константином Павловичем Гиком была открыта первая парфюмерно-косметическая фабрика, а в 1792 году Иван Герке основал в Петербурге «помадное заведение».

О собственно парфюмерном производстве известно в это время немного. В 1802 году вышел правительственный указ, позволяющий иностранцу Новиграду делать духи («сиропы и ликеры») и продавать их. Это соизволение стало своеобразной наградой за его ученую деятельность. «В одобрении трудов упражняющего здесь в физике и химии Новиграде, чрез познание сих наук и опытность в оных приобретенного при других полезных открытиях искусство в лучшем приуготовлении... благовонных веществ», присвоить ему звание «придворного дистиллятора». С каждой про-

данной своей «склянки и банки» он платил в казну по 5 копеек. В 1810 году это предприятие перешло к надворному советнику Кусовикову, который выплачивал уже не 5, а 20 копеек с бутылки духов.

В 1817 году в парфюмерно-косметической промышленности России появилась фирма «Луи Буис и К^о», в 1843 году основано парфюмерное производство Альфонса Ралле, которое со временем стало ведущим в этой отрасли. В 1855 году российский рынок познакомился с товарами Альфонса Сиу. В 1862 году возникло химико-фармацевтическое «Товарищество Романа Келера и К^о», выпускавшее и лекарства и косметику. В 1864 году в Москве открыл производство в будущем знаменитый промышленник Генрих Брокар.

Среди ремесленных заведений, близко стоящих к фабричной промышленности, назовем парфюмерный завод Т. А. Леви, располагавшийся с 1864 года в Серпуховской части, в Большом Мартыновском переулке. В 1885 году с изобретения мыла от перхоти начал свою деятельность провизор А. М. Остроумов, которому принадлежало «Товарищество парфюмерной фабрики...». К числу подобных предприятий относились производства принадлежавшие С. Чепелевскому, К. Эрмансу, К. И. Константинову, Э. Бодло, В. Лозе, С. А. Прокофьеву, Н. Маттейсену, В. К. Феррейну, С. И. Красулину, Феттеру, Е. Столкинду, Н. С. Ченцову, Ф. Мюльгенсу и др. Кстати, некоторые из этих промышленников и их изделия были хорошо известны не только в России, но и за рубежом.

История развития большинства крупных фабричных производств во многом схожа. Многие из предпринимателей — иностранцы; и Ралле, и Сиу, и Брокар — французы. И Сиу, и Брокар еще на родине работали в этой отрасли и получили о ней довольно хорошее профессиональное представление. Начали свою деятельность скромно, с двумя-тремя помощниками, снимая маленькие помещения, где устанавливали нехитрое оборудование: плиты, котлы, столы с колбами и пробирками. Сами производили товар, и в целях экономии сами развозили его

по торговым лавкам. Если товар пользовался спросом, если его цена была доступна для среднего обывателя, производителю удавалось умножить свой капитал и расширить производство.

Со временем увеличивалась производственная площадь, расширялся штат сотрудников. Во второй половине XIX века на крупных фабриках Ралле или Брокара работало по двести человек, а в начале XX века их численность увеличилась до тысячи с лишним. Средние фабриканты обходились тридцатью — восьмьюдесятью работниками.

На несложные операции брали рабочих «с улицы», но лаборантами и управляющими становились, как правило, опытные специалисты, приглашенные из Европы. «Мозговым центром» предприятия являлась семья фабриканта. Его жена, дети и ближайшие родственники играли самую заметную роль в управлении производством. Капитал находился в их руках, и лишь при необходимости привлекали к управлению надежных партнеров со стороны.

Крупнейшие фабрики Ралле и Брокара занимали в Москве значительную площадь, на их территориях, кроме фабричных цехов, располагались жилые постройки для рабочих и управленческого персонала. Фабрика Ралле находилась в районе Бутырского хутора, кондитерскую фабрику Сиу с парфюмерным отделением построили близ Петровского парка, а предприятие Брокара — в Арсеньевском переулке Серпуховской части. На его фабричной территории разбили прекрасный сад с обширными плантациями душистых растений.

Эти плантации возникли не случайно. Сырье завозили из Франции и Италии. Его закупка и доставка вызывали значительные расходы, а наличие собственного сырья позволяло увеличивать прибыль и повышать конкурентоспособность предприятия.

На плечи хозяина ложились все проблемы, он сам решал вопросы сбыта, увеличения ассортимента, закупал необходимое сырье и оборудование, искал возможности сбыта своей продукции в других странах и перенимал опыт европейских коллег. Он же го-

товил товар для выставок внутри страны и за ее пределами, выступал и в роли художника-дизайнера, и химика, и физика, и инженера.

Чтобы представить объемы производств крупных предприятий, приведем некоторые цифры. «Цветочный одеколон» Брокера выпускался в 1888 году в количестве 86 400 флаконов, в 1893 году тех же флаконов было выпущено уже 246 тысяч штук, в 1898 году — 742 тысячи штуки, а в 1913 году их число выросло до 2 миллионов 500 тысяч.

В 1883 году фабрика выпустила 72 тысячи коробки пудры, в 1893 году — 430 тысяч, в 1913 году — 3 миллиона 580 тысяч коробок.

С предприятия готовая продукция уходила на склады и оптовые магазины в столицах и крупных городах страны. Распространяли ее оптовые торговцы, перепродавая розничным, от тех товар поступал в отдаленные районы империи. В крупных городах открывали фирменные магазины в престижных районах, в Москве — на Кузнецком Мосту, Тверской и Биржевой площади, в Петербурге — на Невском.

Но как сегодня, так и в то время производители сталкивались с главной проблемой — традиционного предпочтения импортных товаров отечественным. Чего только не делали фабриканты, чтобы заполучить покупателя: и повышали качество изделий, и понижали цену на них, и привлекали красочными обертками и изящными флаконами — импортная косметика и парфюмерия оставалась вне конкуренции. Убедить россиян отдать предпочтение своим товарам не удавалось.

Однажды в разговоре с коллегами Брокер сказал, что для русского важнее французская этикетка, а не качество духов, и чтобы доказать это, наполнил свои (известные «брокеровские») флаконы духами знаменитой французской фирмы «Любен» и продал их. Спустя какое-то время такой флакон был возвращен только одним капризным покупателем с жалобой на плохое качество духов.

Количество парфюмерно-косметических фабрик в стране с середины века до самого его конца остава-

лось постоянным. В 1868 году в России существовало восемнадцать косметических предприятий (из них только три-четыре крупных), в Москве располагалось одиннадцать, в Петербурге — семь, к 1894 году их стало двадцать, за это время некоторые предприниматели свернули свою деятельность и на их место пришли другие.

Ассортимент товаров был довольно широким: разного сорта мыло, как дешевое, так и дорогое, кремы, одеколоны, духи во флаконах и масса всевозможных ароматизаторов в виде порошков, жидкостей, свечей или лепешек, появились в то время и первые распырскивающие приспособления.

Продукции мелких кустарей и крупных фабрикантов конкуренцию составляло еще и домашнее производство. Справочное издание (что-то вроде домашней энциклопедии) 1809 года «Секретный эконом, художник, ремесленник, заводчик и домашний врач» давало рецепты изготовления румян, губной помады, белил и различных туалетных вод.

Для приготовления в домашних условиях «Секретных турецких румян» справочник советовал взять: «фунт бразильского дерева, фернамбуку золотистого цвета. Положи его, истолкши в мелкий порошок, в муравлений чистый горшок, полей белым крепким уксусом, мочи дни три или четыре и потом, сварив на легком огне, процеди и полученную жидкость поставь еще на огонь. В то же время, взяв другой небольшой горшок, наполни оный белым уксусом, распusti в нем восемь унций квасцов и сей роспуск также несколько привари. Наконец, смешай обе жидкости вместе, поставь вторично на огонь, мешай как можно больше, собирая притом набивающуюся пену, которая по высушении превратится в лучшие румяна».

Для приготовления губной помады рекомендовалось смешать полфунта свежего коровьего масла, четыре унции «нового» воска, четыре или пять унций очищенного черного винограда и около унции червеца или кошенили. Поставить все это на огонь, чтоб масло и воск растопились, после чего процедить через тряпочку. Помада готова.

Ну и, наконец, можно составить «превосходные белила для лица». Для этого брали «... оленьего рога, два фунта сарочинского пшена, полфунта обыкновенных белил, две унции высушенных чистых костей и по произволению роснаго ладона, мастики и Аравийской камеди». Все это растирали в мельчайший порошок и разводили розовой водой в таком объеме, чтобы смесь походила на жидкую сметану. Этот состав наносили на лицо, тогда говорили «умывались», и уверяли, что «после высыхания оного лицо будет белейшим».

Столь незнакомые нашему читателю названия составляющих в то время не пугали, они продавались в аптеках, магазинах или на рынке. Вообще же, во второй половине XIX века производство парфюмерно-косметической продукции не являлось трудоемким, предложение основать парфюмерное дело на дому не казалось абсурдным.

Автор книги «Как основать парфюмерное дело» не вдавался в тонкости парфюмерного производства — наличие художественного воображения или чуткости обоняния. Он ограничился вполне конкретными цифрами: чего и сколько смешать, чтобы получить те или иные духи и одеколоны. Поскольку проблемы авторства не существовало, ничего не стоило найти рецепт каких-нибудь модных французских вод и самому составить их. Правда, замечал автор, изготовленный товар не должен быть дороже того, что продается, и, конечно, не должен откровенно выделяться плохим качеством.

Что касается оборудования, то и здесь проблем не возникало. Кроме плиты покупали несколько котелков, кастрюль, стеклянных рам, весов, гирь и пробирок. «Процесс извлечения» духов из растений считался несложным, предлагалось несколько способов.

Первый — дистилляция или перегонка. Лепестки, бутоны или семена помещали в воду и смесь перегоняли. Ароматное вещество поднималось вместе с паром и переносилось в собиратель — холодильник, где оставалось на поверхности воды и легко снималось.

Второй, очень древний — анфлеранж, или насыщение. Брали стеклянную пластину в деревянной раме. Стекло покрывали тонким слоем жира — очищенным свиным или говяжьим салом. И на него укладывали цветы или лепестки и накрывали другой рамой, верхняя рама накрывалась крышкой. Все это оставляли на 12 и более часов, за это время эфирное масло цветов пропитывало жир, он соскабливался и погружался в спирт на три-четыре недели, таким образом получалась концентрированная эссенция.

Третий способ был еще проще, листья или цветы погружали в спирт или крахмал, слегка смоченный спиртом, и держали до тех пор, пока они «не отдавали» свой аромат.

Четвертым способом извлечения ароматов из растений являлась прессовка. Сегодня его называют отжимом, он применяется к цитрусовым; отжимая кожуру апельсинов, получают смесь ароматного масла и воды.

Что касается качества изделия, то оно постепенно совершенствовалось. Успех ждал того, кто проявлял настойчивость, развивал художественное воображение, становился аккуратным и точным лаборантом и, в конце концов, обнаруживал в себе еще и купеческую жилку...

Глава 8

Немного о самих парфюмерах

Как не рассказать о людях, чья жизнь и деятельность была связана с производством самых необходимых товаров для модников и модниц. Пожалуй, не найти ни одного щеголя, который бы не знал таких имен, как Ралле или Брокер. И хотя наши герои предпочитали их товарам европейские, модники с удовольствием заходили в их популярные магазины. Да и где, как ни там, можно было блеснуть своим новым платьем, встретиться со знакомыми и провести несколько минут возле витрин, благоухающих духами и помадами.

В 1843 году в Москве в районе Бутырского хутора француз Альфонс Ралле основал парфюмерную фабрику. В начале деятельности, при небольшом оборотном капитале и немногочисленном штате сотрудников, товары производились в скромном объеме. Однако в России существовали все условия для того, чтобы деятельность этого предпринимателя стала успешной: это и громадный неосвоенный потребительский рынок — стовосьмидесятимиллионная Россия, и высокие цены на привозной товар, и отсутствие серьезных конкурентов, и, конечно, многолетний опыт французской парфюмерной и косметической промышленности, на тесные связи с которой опирался Ралле.

По мере того как товары находили своего покупателя, производство расширялось. Продукция фабрики становилась разнообразнее: здесь и рисовая пудра, и мыло «Тридас», и благовонные помады, и духи с романтическими названиями «Камелия», «Азалия», «Лобелия», «Рояль», «Цветочая вода», и туалетная вода «Виолет» и многое другое.

Альфонс Ралле стремился создавать недорогую продукцию высокого качества в изящном исполнении. Ведущие специалисты фабрики внимательно следили за европейскими новинками, перенимали удачный опыт коллег и планомерно модернизировали свое производство.

К концу века парфюмерный Торговый дом «А. Ралле и К^о» стал одним из ведущих предприятий в России в этой отрасли. Количество рабочих на фабрике от десятков в самом начале увеличилось и к 1917 году насчитывало до полутора тысяч человек.

Высокое качество продукции Торгового дома отмечалось всевозможными наградами. Уже в 1846 году ему присудили право изображать на своих товарах государственный российский герб. Редкая отечественная, европейская или всемирная выставка проходили без участия Ралле. Поезда, наполненные косметическими товарами, развозили их в самые от-

даленные губернии и в соседние страны — Китай, Персию, на Балканы.

Магазины Ралле пользовались большой популярностью. Внутри, рядом с пестрыми витринами, возле прилавков, заполненных изящными благоухающими флакончиками, встречались знаменитые московские красавицы и франты, завязывались многообещающие знакомства и происходили короткие, волнующие свидания.

Магазины располагались в самых престижных районах города — один на Кузнецком Мосту в доме Солодовникова, другой в Верхних торговых рядах на Красной площади и оптовый на Никольской в Бого-явленском переулке в доме Чижовых.

О магазинчике на Кузнецком упомянул в стихотворении «Письмо» поэт-символист С. М. Соловьев:

Мечта летит на Мост Кузнецкий,
Как только пробил пятый час.
Там — царь девичьих идеалов —
В высоких ботинках Качалов
Проходит у дверей Ралле
И отражается в стекле
Изысканного магазина,
Откуда льется аромат.
Здесь сделала мне шах и мат
Твоя прелестная кухня,
И пусть мой прах сгниет в земле:
Душа летит к дверям Ралле.

В «Московской поэме» поэт вновь вспоминал о нем:

Я вижу вас опять знакомые места
Веселых праздников, однообразных буден.
Уж наступил июль. Москва давно пуста,
И сам Кузнецкий Мост притих и стал безлюден.
Как это все иным казалось в феврале:
И Вольф, и Теодор, и Шанкс, и Дациаро,
И ты, свидетель тайн, наперстник мой Ралле,
Кого не в первый раз поет моя кифара.

В Петербурге его розничный магазин располагался на Невском проспекте в доме № 18, оптовый — на Садовой улице в доме № 25, в Харькове — на Рыбной улице, в Одессе — на Ришельевской в доме № 35.

Популярность товаров Торгового дома Ралле ос-

новывалась на их качестве и оригинальности. В лабораториях фабрики работали талантливейшие люди. В 1902 году на фабрике Ралле начал свою трудовую деятельность Эрнест Эдуардович Бо, в будущем самый знаменитый парфюмер XX века, создатель духов «Шанель №5».

Эрнест Бо родился в Москве в 1882 году. Он получил здесь начальное образование, затем учился парфюмерному делу во Франции. Вернувшись в Москву, он по рекомендации старшего брата, работавшего администратором на фабрике Ралле, поступил на службу. Технический директор, господин Лемерсье, обучил новичка тайнам парфюмерного искусства. Много лет спустя Эрнест Эдуардович скажет о своем наставнике: «С радостью воздаю я ему дань глубокого почитания за его артистизм и блестящие технические навыки. Все в нем было оригинально, начиная с его манеры жить и одеваться. Это был великий новатор, никогда не соглашавшийся следовать привычным меркам и отчетливо предвидевший все новое, что химия и производство натуральных продуктов внесут в парфюмерию, содействуя ее расцвету».

Здесь Эрнест Бо научился главному — никогда не идти в науке и искусстве традиционным путем, всегда искать свой единственный и своеобразный подход к профессиональным проблемам. Эрнест Бо, как и его учитель, разыскивал неизвестные еще продукты для парфюмерного сырья и употреблял их в самых замечательных и неожиданных комбинациях. Сменив Лемерсье, он стал первым парфюмером у Ралле. Для его Торгового дома он создал целый ряд духов, основанных на экстракте «Tsarsky veresck», в 1912 году, к празднованию столетия Бородинской битвы, преподнес нашим франтам духи «Bouquet de Napoleon», имевшие невероятный успех. По мнению К. М. Веригина, русского эмигранта, коллеги Эрнеста Эдуардовича, причина их успеха состояла в том, что господин Бо питал невероятную симпатию к личности Наполеона, был влюблен в его эпоху и так хорошо ее изучил, что и эти познания, и любовь, и высо-

кие профессиональные навыки парфюмера удачно соединились в его творении.

Война и революция изменили Россию. Ралле, как и большинство предпринимателей, закрыл свое производство и перевез его во Францию, в местечко Ля-Бокка недалеко от Канн. Здесь, в Москве, оставленное им предприятие продолжило свое существование под небезызвестным именем парфюмерно-косметической фабрики «Свобода».

Эрнест Эдуардович Бо приехал в Канн в 1920 году. Первая мировая война не прошла мимо. Как и многие, он воевал, был награжден французским Военным крестом и орденом Почетного легиона, русским орденом Святого Владимира с мечами и бантом и английским Военным крестом. После ужасов войны работа принесла радость и захватила целиком. Эрнест Бо всегда говорил, что всякий парфюмер должен быть артистом и, следовательно, любить красоту, искать и создавать ее. Всю жизнь он интересовался самыми разнообразными творениями рук человеческих, человеческого гения. Эрнест Эдуардович стал коллекционером, его привлекали тонкостенный фарфор, художественные полотна известных мастеров, миниатюры, редкие издания, произведения мастеров серебряного дела и вина. Он являлся членом Ордена рыцарей дегустации, а в подвале своего дома хранил более двух тысяч бутылок вина самых лучших марок.

Именно к Эрнесту Эдуардовичу, к известному своим талантом парфюмеру, обратилась госпожа Шанель с просьбой создать духи для ее коллекции одежды.

Адольф Сиу

Генеалогическое древо французского рода Сиу уходит корнями в XVII век. Адольф Сиу родился и вырос в Париже. Мама его была портнихой, семья жила бедно. Обстоятельства сложились довольно удачно: сын Адольф, честолобивый и уверенный в себе, начал работать в парфюмерной фирме. В двад-

цать пять лет он получил предложение отправиться работать в Россию.

Адольф Адольфович Сиу вместе с женой Кларисой Селестиной приехал в Москву в 1853 году в качестве скромного сотрудника одного из парфюмерных предприятий. Поселились они на Тверской в доме Варгина. Благодаря своей деловой хватке, упорному труду он занял должность главного директора-распорядителя. Но желание иметь собственное дело оказалось так велико, что уже вскоре вместе с предприимчивой супругой они открыли кондитерскую.

Дело разрасталось постепенно. И только в 1884 году вместе со своими сыновьями — Луи, Шарлем, Адольфом и двоюродным братом Арманом Юльевичем Сиу предприниматель построил фабрику близ Петровского парка. И сегодня она существует — это знаменитая кондитерская фабрика «Большевик».

В те далекие годы, когда ее только построили, в цехах разместили два отделения — кондитерское и парфюмерное. Марка Торгового дома Сиу стояла и на коробках с шоколадом и карамелью, и на флаконах с духами, одеколонах, косметике и мыле.

Конкурировать с крупными производителями парфюмерных товаров оказывалось нелегко, а так как Адольф Сиу сохранил связи с французскими парфюмерами, то он нашел удобным производить модный парижский товар. И постепенно, после того как его клиенты оценили качество его продукции, Сиу начал выпускать собственную парфюмерию. К началу века на фабрике производилось более ста двадцати разновидностей духов и тридцать — сорок наименований одеколона.

Сын Адольфа Сиу Шарль ездил в Европу и Америку, знакомился с работами известных парфюмеров, изучал новые достижения в этой области.

В их магазинчике на Тверской продавались парфюмерные, кондитерские и писчебумажные товары, оптовый магазин находился на Ильинке, а в 1894 году открылся магазин на Кузнецком Мосту. Сначала он расположился в небольшом пассаже Солодовникова, а позже его перевели в более просторное поме-

шение — пассаж Джамгаровых. Еще один магазин на Арбате с 1898 года привлекал внимание покупателей роскошной внутренней отделкой. Парфюмерные товары выставили на полки белых шкафов в стиле Людовика XV, торговое помещение украшали многочисленные зеркала, изящные рекламные флаконы с духами и одеколонами, помады и пудра притягивали взоры модников и заставляли раскошелиться на покупки.

Как и другие фабриканты, Сиу принимал участие в выставках и ярмарках, имел постоянные представительства в крупных городах России. Его вояжеры ездили во все концы страны, изучали потребности и вкусы населения и знакомили со своим товаром.

Большая семья Сиу жила в доме рядом с фабрикой. Адольф Адольфович был человеком увлекающимся, его внимание привлекали быт и культура новой родины, он составил целую коллекцию из бухарских ковров, русских кокошников, старинных народных костюмов.

Когда началась революция, семья Сиу была во Франции, в Москве оставался один Шарль. В 1917 году он еще не мог поверить в долговременность перемен, происшедших в России, и лишь когда в 1918 году его арестовали и выслали из страны, смирился с потерей предприятия.

Генрих Брокар

Фамилия Брокаров явила миру очень предприимчивых мужчин, старейший из них — дед будущего парфюмерного промышленника — занимался в XVIII веке виноделием. Он женился и родил трех сыновей. Один из них, Атонас (родился в 1804 г.), проявил интерес к производству косметики и парфюмерии. Этот интерес прежде всего обуславливался тем, что товары пользовались колоссальным спросом, а их изготовление было быстрым и нетрудоемким.

Атонас переехал в Париж и по рекомендации старшего брата юриста Габриэля устроился на изве-

стную парфюмерную фабрику Леграна. По прошествии нескольких лет оброс знакомыми, пополнил свой багаж необходимыми знаниями и основал в Париже собственное небольшое предприятие, выпускавшее помаду для волос, душистые масла и туалетное мыло.

Тогда-то он и столкнулся с самой серьезной проблемой — с конкуренцией. Борьба за рынок сбыта с крупными парфюмерными домами не могла увенчаться успехом, приходилось не столько думать о перспективах своего дела, сколько с трудом сводить концы с концами.

Спустя время Атонас решил рискнуть и поискать удачу за океаном, в Соединенных Штатах. Ведь не раз европейские предприниматели, утратив надежду создать на родине собственное производство, находили там благодатную почву для бизнеса. Атонас вместе с сыновьями, шестнадцатилетним Александром и четырнадцатилетним Генрихом (Генрих родился в 1837 г.), создал парфюмерное производство в Филадельфии. Через пять лет он вернулся в Париж, оставив предприятие на юношей. Продукция, выпускаемая под их руководством, сохранила свое высокое качество и в 1856 году удостоилась филадельфийской медали.

В то же время в Париже Атонас познакомился с сотрудником одной российской парфюмерной фабрики: тот приехал во Францию, чтобы подыскать для своего производства опытного лаборанта-парфюмера. Вероятно, они произвели друг на друга хорошее впечатление, и Атонаса Брокера официально пригласили на московскую фабрику главным лаборантом. В 1861 году к нему приехал сын Генрих, по примеру отца он начал работать лаборантом на знаменитой фабрике Константина Павловича Гика.

Отец пробыл в России недолго, но сын остался и в 1864 году с тремя помощниками открыл свою первую мыловаренную лабораторию. Товар получался недорогим и качественным. Дело пошло. Вскоре и штат сотрудников пополнился, и ассортимент выпускаемого мыла увеличился. «Народное» мыло прода-

валось по цене от пяти до одной копейки, теперь его покупали даже малоимущие, а «глицериновое» мыло оказалось настолько популярным, что им успешно торговали и в России, и в Париже.

В 1869 году производство переехало в специально купленную для этого усадьбу, которая располагалась за Серпуховскими воротами, на углу Арсеньевского переулка и Мытной улицы. К концу века она разрослась, всю территорию застроили фабричными зданиями и жилыми помещениями. В 1878 году там же разбили сад и плантации душистых растений. Генрих Афанасьевич рассуждал так: даже если им не удастся вырастить здесь южные тропические виды, цветы или листья которых являлись сырьем для производства, то самые распространенные и не менее любимые ландыши, сирень, фиалки и другие московский климат вырастить позволит.

Постепенно, наряду с мылом, фабрика начала выпускать духи и помаду. Уже на Всероссийской мануфактурной выставке в 1870 году в Петербурге его товары удостоились серебряной медали — «За отличное достоинство, при весьма умеренных ценах».

Ближайшим помощником Генриха Афанасьевича стала его жена, а позднее и дети. Генрих Афанасьевич не успел найти спутницу жизни на родине, в Москве он познакомился с Шарлоттой, дочерью бельгийца Томаса Равэ, владельца московского магазина хирургических инструментов. В 1862 году они поженились. Генрих Афанасьевич толком не знал русского языка, Шарлотта говорила свободно и выступала в качестве переводчика. К тому же у нее был хороший вкус, и по вопросам упаковки, оформления своих изделий Генрих обращался к ней.

Жизнь Брокера в России была далеко не безоблачной. Работа отнимала все время, да к тому же Генрих Афанасьевич хоть и видел колоссальные преимущества бизнеса в России по сравнению с Европой, довольно болезненно воспринимал неустроенность быта. Как-то во время очередной поездки во Францию он писал жене: «... сравнение условий жизни в

России с условиями жизни во Франции говорит в пользу последней...»

Правда, дело есть дело и бессмысленны разговоры об удобствах и неудобствах. Брокер рос в нелегких условиях и прекрасно знал, что, кроме труда, ничто не позволит ему обрести материальную независимость.

Вскоре его сыновья Эмилий и Александр подросли и пришли работать на фабрику. Дочь Евгения вышла замуж за фабричного химика-лаборанта француза Жоржа Феррана.

Работы хватало всем, требовательный к себе и окружающим, патрон добился высокого качества своих изделий и в 1874 году был удостоен звания поставщика государыни великой княгини Марии Александровны, герцогини Эдинбургской, спустя годы в 1889 году прибавился еще один титул — поставщик двора испанского короля. Изделия фирмы Брокера прославились на международных выставках. В 1878 году на Всемирной выставке в Париже они получили бронзовую медаль, в 1882 году на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве — золотую. В 1889 году на Всемирной выставке в Париже были представлены очень популярные в России духи «Персидская сирень», которые удостоились Большой золотой медали этой выставки.

В Москве Торговый дом имел главный оптовый и розничный магазин на Никольской в доме графа Шереметева, розничные на Тверской в доме Полякова, Петровке в доме Рудаковой и в Верхних рядах под №211.

В магазине на Биржевой площади в день его открытия Брокер «пустил» в продажу косметический набор из десяти предметов. Он состоял из мыла, одеколona, помады, «саше» и прочего в миниатюрном исполнении стоимостью всего один рубль. По воспоминаниям современников, в этом магазине была такая давка, что для поддержания порядка пригласили полицию.

Точно такой же ажиотаж вызвала другая акция

Брокара. На Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве в 1889 году Торговый дом представил «Одеколон Цветочный» в виде настоящего фонтана из этого одеколона. Желающие могли подушиться бесплатно. На выставке российские покупатели познакомились с духами и одеколонами «Жокей-клуб», «Опопонакс», «Букет Императрис», «Жасмин», «Персидская сирень», «Резеда».

И немного статистики: если в 1874 году было выпущено 372 тысячи флаконов духов, то в 1884-м — 960 тысяч; в 1894-м — 1 миллион 124 тысячи; в 1904-м — 1 миллион 880 тысяч; в 1914 году — 4 миллиона 300 тысяч штук.

Генрих Афанасьевич относил парфюмерное дело к области эстетических искусств и, обладая утонченным вкусом, ценил все редкое, прекрасное, что создавалось человеком. Он увлеченно коллекционировал фарфор, изделия из бронзы, мебель — причудливого стиля барокко и рококо, классического и стиля ампир. Особое место в его коллекции занимала живопись. Еще в начале 60-годов на Сухаревском рынке ему посчастливилось купить подлинник картины Альбрехта Дюрера, причем что это подлинник и что это Дюрер, стало очевидно только после реставрации, полотно продавали за бесценок. Что это? Счастливая случайность или интуиция, основанная на знаниях, вечном поиске, стремлении видеть и узнавать прекрасное за вековой пылью?

Коллекция его была обширной, но предпочтение Брокар отдавал мастерам фламандской школы, в его собрании находились полотна П. Рубенса, А. Ван Дейка, Ф. Снейдерса и др.

В 1891 году он устроил выставку в Верхних Торговых рядах. На открытие пришли его друзья, вся художественная московская интеллигенция и князь Сергей Александрович с княгиней Елизаветой Федоровной. На обеде, устроенном Брокаром, Владимир Алексеевич Гиляровский произнес следующий экспромт:

Здесь Голландия и Рим,
Тицианы, Рафаэли, —
Мы же мирно так сидели,
Пили водку, яйца ели,
И завидно было им...

Что ж, по рюмке повторим
И посмотрим снова, спьяна,
Рафаэля, Тициана,
Под влияньем полугара
Все мы редкости Брокера...

Но прежде всего Брокер оставался промышленником, что не могло не отразиться на его характере. Он был человеком жестким и требовательным. Владимир Гиляровский рассказал о случае с молодым художником Н. И. Струнниковым, который работал у Брокера.

«Н. И. Струнников, сын крестьянина, пришел в город без копейки в кармане и добился своего нелегко. После С. И. Грибкова он поступил в Училище живописи и начал работать по реставрации книг у известного московского парфюмера Брокера, владельца большой художественной галереи.

За работу Струнникову Брокер денег не давал, а только платил за него 50 рублей в Училище и содержал «на всем готовом». А содержал так: отвел художнику в сторожке койку пополам с рабочим — так двое на одной кровати и спали — и кормил вместе со своей прислугой на кухне. Проработав год, Н. И. Струнников пришел к Брокеру:

— Я ухожу.

Брокер молча вынул из кармана 25 рублей. Струнников отказался:

— Возьмите обратно.

Брокер молча вынул бумажник и прибавил еще 50 рублей. Струнников взял, молча повернулся и ушел».

Генрих Афанасьевич скончался в 1900 году. Его похоронили во Франции. Шарлотта Андреевна в начале века открыла его музей-квартиру, которая существовала и после революции под названием Музея пролетарского западноевропейского искусства.

Первая мировая война отодвинула на задний план производство парфюмерной продукции. Фабрику Брокера покинули работавшие на ней немцы: управляющий Пфейфер, заведующий мыльным отделением Келлер, сюрпризно-коробочным — Савандер; остался только заведующий лабораторией — Брехстед, а из французов продолжали еще некоторое время работать Мизери, Мишель и сыновья Брокера.

В конце 1917-го — начале 1918 года фабрику национализировали, штат ее сократился, и лишь годы спустя на ее месте снова развернулось производство косметических и парфюмерных товаров под названием «Новая Заря».

Александр Остроумов

Может показаться, что лишь иностранным подданным удавалось создать собственные прибыльные производства в России, только им улыбалась удача, это не так. Наряду с промышленниками-иностранцами работали и наши соотечественники, не менее известные и уважаемые. В одном ряду с именами Ралле и Брокера стоит имя А. М. Остроумова, который возглавлял крупное косметическое товарищество России.

Товарищество парфюмерной фабрики А. М. Остроумова образовалось из когда-то скромного и маленького производства. В 1885 году никому не известный московский провизор Александр Митрофанович изобрел мыло от перхоти. Он не гнался за красотой внешнего оформления изделия, но добился столь отменного его качества, что мыло стало пользоваться невероятным успехом и принесло своему изобретателю внушительную прибыль. Вырученные деньги он вложил в расширение дела. Со временем стали выпускаться кремы, духи и одеколоны. Особенно прославил своего создателя знаменитый тогда крем «Метаморфоза».

Производство постепенно разрасталось, появились склады в Петербурге, Одессе, Ташкенте и Вар-

шаве, с товарами русского промышленника познакомились и за границей.

Но кроме косметических и парфюмерных товаров, бытовых и театральных кремов фабрика выпускала медицинские и гигиенические изделия для Института врачебной косметики, который Александр Митрофанович открыл в 1910 году на Тверской улице в доме № 33.

Магазины и склады в Москве сняли на Никольской, в Верхних Торговых рядах и «Славянском базаре», а сама фабрика находилась на Вороньей улице, в Гжельском переулке.

В пору расцвета деятельности А. Остроумова в рекламных целях была издана книга под названием «Наши артистки о парфюмерии товарищества парфюмерной фабрики провизора А. М. Остроумова». В книге собрали многочисленные отзывы известных артисток об изделиях парфюмерной фабрики. Подобной рекламой пользовались уже давно. Стоило какой-нибудь популярной французской артистке назвать свои любимые духи, как ее слова разносились не только по всему Парижу, но и по всей Франции. Производителя ждали большие барыши.

В случае с рекламой остроумовского товара пошли еще дальше. В издании не ограничились словами одной театральной знаменитости, здесь можно встретить имена ведущих актрис столичных театров, среди которых Елена Степанова и балерины из Петербурга Тамара Карсавина и Мария Петипа, дочь хореографа Мариуса Петипа, Вера Пашенная из Малого театра и знаменитая в начале века исполнительница русских песен Надежда Плевицкая.

Артистки оперы Большого театра возглавляли этот список. Елизавета Григорьевна Азерская ограничилась словами: «Приветствую серьезную соперницу иностранной парфюмерии, парфюмерию Остроумова». Леонида Николаевна Балановская сказала: «Духи я люблю вообще, но перед всеми другими отдаю предпочтение духам товарищества А. М. Остроумова. «Lisegon», его тонкий аромат, разносящийся в воздухе, производит на меня чарующее впечатление».

«Мне очень нравится парфюмерия товарищества А. М. Остроумова, в особенности мыло, одеколон и пудра Лакте», — присоединилась к единому мнению одобрению Антонина Васильевна Нежданова.

Певица Евгения Александровна Поппело-Давыдова высказалась в поэтической форме:

Вы спрятали в граненом хрустале
Волнующую гамму ароматов,
И ею дамы, так сдается мне,
Мужьям устроят много шах и матов.

Нашлись слова, обращающие внимание читателя на несправедливость бытующего, правда, и по сей день пренебрежительного отношения к отечественной продукции. Балерина София Васильевна Федорова заострила на этом внимание: «До сих пор мы употребляли и восхищались заграничной парфюмерией и почему-то мало обращали внимание на свою русскую. Парфюмерия Остроумова показала нам, что русские фабрики несколько не уступают заграничным качеством своего производства, духи — тонким запахом и пудра — своею легкостью».

Революция не пощадила и отечественного предпринимателя. В скором времени объединились фабрики, принадлежавшие когда-то господам Бодло, Модерн и Остроумову, в одну известную впоследствии фабрику «Рассвет».

Глава 9

На «ярмонку» за модными товарами и женихами

Рассказ о торговле модными товарами, в том числе косметикой и парфюмерией, будет неполным, если мы не остановимся на таких замечательных явлениях торговой жизни России, как ярмарка и выставка. На них производители знакомили потенциальных покупателей со своими новинками, а последние, в свою очередь, имели возможность стать первыми их обладателями.

Ярмарки-торги, периодически организуемые в установленном месте, существовали уже давно. На них заключались крупные сделки, производители демонстрировали свой товар, состоятельные люди из экономии закупали товар оптом, там же знакомились с импортными новинками, да и, в конце концов, себя показывали да людей смотрели.

В России крупнейшими были Нижегородская и Ирбитская ярмарки, но еще раньше до Нижегородской существовала так называемая Макарьевская. Она находилась на левом берегу Волги, у Макарьевского монастыря, в 85 верстах от Нижнего Новгорода. С середины XVI века ее ежегодно открывали на три недели в июле месяце. Так продолжалось вплоть до 1816 года, с 1817 года ее перевели в Нижний и соответственно переименовали в Нижегородскую.

Ко дню открытия ярмарки на ее территории строили множество лавок и домиков из досок. Эти строения создавали прямые улицы, на которых располагались гостиницы, рестораны, чайные и кофейные дома, танцевальные залы и театр.

Географическое положение ярмарки и время ее проведения были очень удобны для участников. Ярмарка находилась на равном удалении от севера и юга, между Европой и Азией, в самом центре Российской империи. Она работала три летние недели, и купцы, даже из самых дальних губерний, успевали вернуться домой до наступления глубокой осени, когда передвижение по размокшим дорогам становилось практически невозможным.

Российские ярмарки пользовались большой популярностью. О Макарьевской рассказывали, что она привлекала невиданное количество купцов, и даже европейские ярмарки, такие, как Лейпцигская и Франкфуртская, не могли с ней сравниться. Нижегородская ярмарка ничем не отличалась от своей предшественницы, правда, со временем ее расширили, центром ярмарки сделали Гостиный Двор, выстроенный в 1819 году, он насчитывал свыше шестидесяти корпусов и в общем две тысячи пятьсот тридцать лавок. В 1890 году на ярмарочной территории был по-

строен еще и Главный дом, там разместились ярмарочное управление, лучшие магазины, корпуса с амбарами и лавками.

Бесчисленное множество людей, тысячи лошадей, экипажей, телег — все это находилось на территории ярмарки в непрерывном движении. Купцы со всех областей империи: татары, чувашаи, черемисы, калмыки, бухарцы, греки, грузины, башкиры, армяне — перемешивались с европейскими и американскими торговцами и покупателями. Здесь говорили на разных языках и предлагали самые разнообразные товары: старое тряпье и роскошные меха, знаменитую икру и громадных осетров; продавали великолепные шкафы из красного дерева, киргизский войлок и лионские шелка, русское парусное полотно и кашемирские шали, стеклянные бусы и восточный жемчуг, бурки татарские и модные французские товары: лорнеты и зонтики, перчатки и флаконы с духами, косметические безделушки, пудры и помады, заколки и булавки — все то, о чем только могла грезить модница.

Из обеих столиц приезжали на ярмарочные торги французские «мадамы», содержательницы модных магазинов. Они закупали те самые безделушки, косметику и парфюмерию, которыми затем торговали в городах, значительно увеличив закупочную стоимость.

В шумных рядах промеж вертких молодых помощников, деловых людей и осанистых купцов целый день фланировали важные иностранцы и русские помещики с их многочисленными семействами. Здесь встречались и знакомились, здесь царила атмосфера, похожая на ту, что была в городских рядах.

Съезжались к полудню, обязательно вырядившись в лучшее платье, украсив себя драгоценностями. Проводили здесь не менее двух часов, неспешно передвигаясь по торговым улицам верхом, в экипаже или пешком. Многие родители привозили на ярмарку своих дочерей в надежде найти жениха. Так что, глядишь, и пристроишь засидевшуюся дочку. Рассказывали, что почти каждая ярмарка завершалась несколькими свадьбами.

Поездка на нее была запоминающимся ярким событием и для членов семьи, и для торгового человека. Николай Васильевич Гоголь рассказывал, как однажды видел замечательную сцену приготовления к отъезду на ярмарку. Засидевшись с приятелем до глубокой ночи, они вышли на улицу и обратили внимание на соседский дом, в котором все окна были плотно закрыты ставнями и лишь в одном таинственно горел свет. Невольное любопытство заставило их заглянуть туда. То, что они увидели, удивило их не меньше.

«... В довольно большой опрятной комнате с низким потолком и яркими занавесками у окон, в углу, перед большим киотом образов, стоял нагой, покрытый потертой парчой; перед нагоем высокий дородный и уже немолодой священник в темном подряснике совершал службу, по-видимому, молебствие; худой, заспанный дьячок вяло, по-видимому, подтягивал ему. Позади священника, несколько вправо, стояла, опираясь на спинку кресла, толстая женщина, на вид лет шестидесяти с лишним, одетая в яркое зеленое шелковое платье и с чепцом, украшенным пестрыми лентами на голове; она держалась сановито и грозно, изредка поглядывая вокруг себя; за нею, большей частью на коленях, расположилось пятнадцать или двадцать женщин, в красных, желтых и розовых платьях, с цветами и перьями в завитых волосах; их щеки рдели таким неприродным румянцем, их наружность так мало соответствовала совершаемому в их присутствии обряду, что я невольно расхохотался и посмотрел на моего приятеля; он только пожал плечами...

Вдруг калитка подле ворот с шумом растворилась, и на пороге показалась толстая женщина, лицом очень похожая на ту, которая в комнате так важно присутствовала на служении.

— А, Прасковья Степановна, здравствуйте! — вскричал мой приятель. — Что это у вас происходит?

— А вот, — забасила старуха, — сестра с барышнями на Нижегородскую ярмарку собирается, так пообещала для доброго почина молебен отслужить».

Ярмарки с их праздничным шумом, хмельной ресторанный удалю, пестрой толпой посетителей были так притягательны, что порой глава семейства, оставляя домашних, отправлялся на ярмарку один. Жена с детьми покорно дожидалась возвращения муженька либо с подарками, либо проигравшегося в прах...

Татьяна Петровна Пассек (1810—1889) в воспоминаниях об отце писала: «Семейной жизнью скучая, любил общество, вел большую игру и нередко на целые месяцы уезжал то в столицы, то на большие ярмарки, с которых привозил одновременно ковры, хрусталь, фарфор, громадных рыб, жене шляпу, кучеру кушак, золотую табакерку с музыкой, духи...»

Туда же привозили свои товары знаменитые русские парфюмеры Ралле, Брокер и все более-менее уважающие себя промышленники, там открывали постоянные ярмарочные отделения своих фирм и завязывали прочные отношения с купцами из Персии, Бухары, Китая, Японии и Сибири. Так товары, сделанные в Москве, Петербурге или Варшаве, находили своих владельцев в самых отдаленных уголках Российской империи и у ее соседей.

* * *

Немаловажным новшеством в торговой жизни России стали выставки. Так называли публичные, устроенные по определенному плану места для знакомства с промышленными товарами или произведениями искусства данного округа, страны или многих стран. Первая промышленная выставка прошла в Лондоне в 1761 году, затем в Париже в 1763 году, в Дрездене в 1765 году, в России она открылась в 1829 году в Петербурге. С 1848 года решили проводить выставки каждые четыре года на пятый в Петербурге, Москве и Варшаве.

Экспонировались «изделия всех родов по желанию фабрикантов и ремесленников, имеющих собственные заведения. Не принимались... предметы наук и художеств и изображения чисто теоретические, неудобоприменимые к промышленности, равно

предметы простого рукоделия, например шитые платья, кухонные и косметические изделия не фабричного изготовления».

Экспонаты выставки продавали в день ее закрытия, комиссии оценивали достоинства и недостатки предоставленных изделий и назначали награды.

Парфюмерные товары представлялись на них довольно широко. Производители российской парфюмерии и косметики старались их не пропускать. На Всемирную Венскую выставку 1873 года свои товары привезли производители П. П. Козлов, торгующий под фирмой «Московская косметическо-химическая лаборатория», Э. Эйхлер, И. Д. Зоммер, Ф. А. Кельчевский и др.

С Парижской выставки 1878 года Генрих Афанасьевич Брокер писал жене, что если бы он знал, сколь эффектно будет представлена французская косметика, то постарался бы устроить свой павильон более респектабельно и выставить больший ассортимент товара, который не только не уступал по качеству французскому, но и превосходил его.

Вообще, что касается внешнего оформления русских киосков, то оно оставляло желать лучшего. Наш соотечественник, побывав в 1885 году на выставке в Антверпене, рассказывал, что отечественная косметическая и парфюмерная промышленность представлена бездарно. Мало того что ассортимент товаров Ралле и Брокера оказался просто скуден, еще и оформление киосков не отвечало международному уровню. Говорили, что если «в магазинах Ралле и Брокера в Москве можно иметь очень хорошие духи в изящных флаконах, но на всемирной конкурс обе фирмы явились с весьма мизерными произведениями, которые вдобавок были расставлены крайне небрежно и неизящно».

Надо сказать, что в России Брокер чувствовал себя куда увереннее, чем на исторической родине, и здесь на Московской Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 года Генрих Афанасьевич Брокер устроил небывалый доселе рекламный трюк — фонтан из своего знаменитого «Цветочного» одеколona. Это вызвало сенсацию. По рассказам оче-

видцев, в первые дни открытия фонтана с одеколоном многие посетители снимали с себя пиджаки и целиком погружали их в фонтан. Представляете, сколько одеколона выжималось затем в банки и склянки!

Кроме изделий Брокара публика познакомилась с замечательными духами, получившими награду и изготовленными в петербургской техно-химической лаборатории Элиашева. Северная столица блистала работами химической лаборатории Ф. Линде, химической лаборатории Жоржа Дютфуа и Амиля Коласа. Надо сказать, что в основном это все были предприятия молодые: лаборатория Элиашева существовала с 1875 года, Линде с 1867-го; что же касается московских производителей, то здесь были фабрики со стажем, например «Луи Буис и К^о», образованная в 1817 году, правда, своих собственных продуктов они производили очень мало и были они очень дороги, торговали в основном иностранной продукцией. Московский производитель К. И. Константинов представил хорошее недорогое туалетное мыло, а Н. М. Четвертаков висмутовые белила.

Выставки помогали промышленникам не только реализовать свою продукцию, но и «приручить» население к отечественной косметике, показать, что она зачастую не только дешевле, но и лучше европейской. В отчете о Всероссийской выставке 1896 года, проходившей в Нижнем Новгороде, писали: «Парфюмерии, стоящей несколько в стороне от насущных потребностей публики, в особенности много приходилось терпеть от ее капризов и предупреденного вкуса, и нужны были фабрике имена Ралле и его продолжателей и последователей, чтобы приучить — странно сказать (!) — Россию к русской же парфюмерии».

Будем надеяться, что наши модники не напрасно потратили время, посетив выставки и ярмарки: с новыми товарами познакомились, себя показали и людей посмотрели.

Деятнадцатый век подходил к концу, новый двадцатый, как и все предыдущие столетия, принес российским щеголям множество сурпризов и разочарований, удивил новыми моделями платья, новыми украшениями и подарил диковинные развлечения и разорительные утехы.

Как ни утомительна была гонка за новомодными туалетами, ни сложны и ни смехотворны новые прически или вычурный макияж, мало кто мог осмелиться нарушить саму традицию — слепо следовать капризам моды.

Будничные заботы модников и модниц претерпевали со временем различные изменения — были они когда-то бесхитростными, а когда-то непомерно прихотливыми, но так или иначе они до сих пор усложняют жизнь щеголей.

И сегодня модники беспокоятся о том, чтобы купить в магазине платье известного кутюрье, проследить при этом за тем, чтобы китайскую подделку не подсунули. Выбрать достойные к нему украшения каких-нибудь именитых ювелирных фирм, найти время на посещение модных косметических салонов, с не менее модными имиджмейкерами и т. д. и т. п.

И только истинные щеголи смогут вам рассказать о том, насколько непросто им живется под пристальным вниманием себе подобных. Не легко удержаться в их рядах: сделаешь один-другой неверный шаг и тут же попадешь под град осуждения и критики. А еще сложнее принять решение: идет новомодный макияж или платье к собственной внешности или нет? А ведь часто точно знаешь, что не идет, но оденешь, куда деваться! В конце концов уговоришь себя тем, что «это только с непривычки» кажется нелепым, а на самом деле «вроде и хорошо». Ведь привыкали же и к массивной обуви, и к лысым, обритым женским головам с зелеными или черными губами, и даже нравится иногда...

Мода любит пошутить, правда, ее поклонникам не до шуток. Успевай только покупать и продавать накупленное, отращивать или коротко подстригать свои волосы, а если совсем медленно растут, то можно париком воспользоваться.

А с другой стороны, стоит ли критиковать щеголей да модниц, ведь немало и хорошего в том, что человек неравнодушен к своей внешности, уважает мнение окружающих и хочет казаться лучше. Со временем развивается его вкус, его представление об изящном, его интерес и уважение к творчеству другого человека, в конце концов развивается и его терпимость к чудачествам других, что так немаловажно для человеческого общества. Но все же, дорогие модники, помните, что все хорошо в меру!

БИБЛИОГРАФИЯ

Искусники моды далекого прошлого

Апулей. Апология, или Речь в защиту самого себя от обвинения в магии. Метаморфозы. Флориды. М., 1956.

Бадж Э. А. Уаллис. Египетская религия. Египетская магия. М., 1996.

Блестящее наследие Африки (Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации»). М., 1997.

Бычков В. В. Эстетика / В кн.: Культура Византии второй половины VII—XII вв. М., 1989.

Велишский Ф. История цивилизации. Быт и нравы древних греков и римлян. М., 2000.

Византийская книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962.

Византийская любовная проза. Аристеней «Любовные письма», Евматий Макремволит «Повесть об Исминии и Исмине». М.-Л., 1965.

Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988.

Духи для вас / Сост. Т. Краснолуцкая, В. Сидоренко. Ростов н/Д., 1999.

Еллинек Й. С. Духи — мечта во флаконе. М., 1996.

Каждан А. П. Византийская культура (X—XII вв.). СПб., 1997.

Ключевский В. О. О взгляде художника на обстановку и убор изображаемого им лица / В кн.: Исторические портреты. М., 1991.

Крал А. А. Принесение даров иноземцами как один из ритуалов древнеегипетского праздника сед // Вестник древней истории. № 3 (228). М., 1999.

Литаврин Г. Г. Византийский медицинский трактат XI—XIV вв. (по рукописи Cod. Plut. VII, 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции) // Византийский временник. Т.31. М., 1971.

Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. М., 1968.

Менандр. Комедии. Герод. Миамбы. М., 1964.

Монтэ П. Египет Рамсесов. Смоленск, 2000.

Морэ А. Цари и боги Египта. М., 1998.

Овидий. Наука любви / Пер. М. Гаспарова; Притиранья для лица / Пер. С. Ошерова. Собр. соч. В 2 т. Т.1. СПб., 1994.

Поляковская М. А., Чекалова А.А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989.

Пселл М. Хронография. М., 1978.

Самодурова З. Г. Естественно-научные знания / В кн.: Культура Византии второй половины VII—XII вв. М., 1989.

Сергеенко М. Е. Жизнь в Древнем Риме. СПб., 2000.

Собрание Б. Н. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Вып. VII. Киев, 1907.

Фридман Р. А. Парфюмерия и косметика. М., 1975.

Фридман Р. А. Покупателю о парфюмерии и косметике. М., 1968.

Хэнкок Г. Следы богов. В поисках истоков древних цивилизаций. М., 1998.

Чекалова А. А. Быт и нравы. В кн.: Культура Византии второй половины VII—XII вв. М., 1989.

Ювенал. Сатиры. М.-Л., 1937.

**Многоцветье одежд и украшений древних русичей
(IX—XII века)**

Арзютов Н. Памятники Золотоордынской эпохи в н/Поволжье по данным раскопок и разведок 1924 г. Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения. Вып. 35. Ч.1. Саратов, 1926.

Булатов Н. М. Кашинные миниатюрные сосуды из Нового Сарая // Древности Восточной Европы. М., 1969.

Воробьев Н. И. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1,2,3, 4. СПб.-М., 1905—1907.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.

Егоров В. Л. Золота Орда: мифы и реальность / Новое в жизни, науке, технике (Сер. «История». №9). М., 1990.

Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом (Бичуриным). Т.1. Ч.1,2. СПб., 1828.

Иванов В. Н. Мы. Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин, 1926.

Идегей. Татарский народный эпос. Казань, 1990.

История культуры древней Руси. Домонгольский период. Т.1. М.-Л., 1951.

Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Из истории международных культурных связей России. Л., 1980.

Картины П. История монгалов. *Рубрук В.* Путешествия в восточные страны. СПб., 1911.

Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р. Х. Алма-Ата, 1990.

Книга хождений. Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984.

Кондаков Н. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1896.

Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб., 1999.

Кушева А. Материалы для изучения культуры Суловского могильника. Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения. Вып.35. Ч.1. Саратов, 1926.

Кушева-Грозевская А. Золотоордынские древности Государственного исторического музея из раскопок 1925—26 гг. в Нижнем Поволжье. Саратов, 1928.

Латышева Г. П. Торговые связи Москвы в XII—XV вв. (по материалам археологических раскопок 1959—1960 гг. в Московском Кремле). М., 1971.

Летописец Переяславля Суздальского / Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн.9. М., 1851.

Линь Кюн-и, Мункуев Н. Ц. «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина // Проблемы востоковедения. №5. М., 1960.

Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.

Муравьев А. В., Сахаров А. М. Очерки истории русской культуры с IX—XVII вв. М., 1984.

Мэн-да Бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа / Пер. с китайского, введения, комментарии и приложения Н. Ц. Мункуева. М., 1975.

- Нидерле Л.* Быт и культура древних славян. Прага, 1924.
- Пармон Ф. М.* Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М., 1994.
- Патканов К. П.* История монголов инока Магакии. СПб., 1871.
- Поэзия вагантов. М., 1975.
- Прохоров В.* Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. Т. 1. СПб., 1881.
- Пушкарева Н. Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989.
- Пушкарева Н. Л.* Какими были древнерусские женщины? // Наука и жизнь. №8. М., 1991.
- Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М., 1997.
- Ржига В. Ф.* Очерки из истории быта домонгольской Руси. М., 1929.
- Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI вв. и южнорусских княжеств в XII—XIII вв. / История русского искусства Т.1. М., 1953.
- Свиригин А. Н.* Древнерусское шитье. М., 1963.
- Седова М. В.* Серебряный сосуд XIII в. из Новгорода // Советская археология. №1. М., 1964.
- Скрынников Р. Г.* История Российская IX—XVII вв. М., 1997.
- Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1 (А — Б). М., 1975.
- Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их перделкам. Л., 1932.
- Слово о богаче и Лазаре по двум спискам XII века / В кн.: *Срезневский И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Т.1—2. Вып.3. СПб., 1879.
- Слово о полку Игореве. М.-Л., 1950.
- Срезневский И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т.3. Вып.1—3. М., 1903.
- Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Курганы, идолы, монеты. М., 1968.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.
- Хара-Даван Эренжен.* Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста, 1991.
- Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1984—1989 гг.) М., 1993.
- Янин В. Л.* Я послал тебе бересту. М., 1965.
- Ястребицкая А. Л.* Западная Европа XI—XIII вв. М., 1978.

Сокровища княжеских ларей (XIII—XV века)

- Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.
- Базилевич К. В.* Имущество Московских князей в XIV—XVI вв. // Труды ГИМ. Вып. 3. Разряд общий исторический. М., 1926.
- Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.
- Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т.2. М.-Л., 1962.
- Книга хождений. Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984.

Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.-Л., 1962.

Лихачев Д. С., Пенченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

Очерки русской культуры XIII—XV вв. Ч.1. М., 1968.

Пармон Ф. М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М., 1994.

Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Рыбаков Б. А. Прикладное искусство великокняжеской Москвы / В кн.: История русского искусства. Т.3. М., 1955.

Свириин А. Н. Древнерусское шитье. М., 1963.

Слово о полку Игореве. М.-Л., 1950.

Московские шапы и щепливые красавицы (XVI—XVII века)

Айрман Г. М. Совершенно краткое изложение польского и московского путешествия / В кн.: Москва XV—XVII веков. Иностранцы о древней Москве. М., 1991.

Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Сообщение академика И. Гамеля / Записки Императорской Академии Наук. Т. 8. СПб., 1866.

Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века / В кн.: Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII столетия. М., 1928.

Бернгард Таннер. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891.

Беседа отца с сыном о женской злобе // Памятники литературы Древней Руси, XVII в. Кн.1. М., 1988.

Билибин И. Несколько слов о русской одежде в XVI и XVII вв. // Старые годы. Июль — сентябрь. М., 1909.

Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания. Пг., 1918.

Валховской М. Г. Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст. СПб., 1894.

«Временник» Ивана Тимофеева / В кн.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII века. М., 1987.

Государственная Оружейная палата. М., 1998.

Грамотки XVII — начала XVIII века / Издание подготовили Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

Греков Б. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в. / В кн.: Летопись занятий Археографической комиссии за 1911 г. Вып. 24. Кн.1. СПб., 1912.

Демкин А. В. Западноевропейские купцы и их товары в России XVII в. М., 1992.

Духи для вас. Ростов н/Д, 1999.

Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч.1. М., 1895.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор, или дворец. М., 1990.

Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII вв. М., 1869.

Загоскин Н. П. Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань, 1891.

Известия Джiovанни Тедадьди о России времен Иоанна Грозного // Журн. Министерства народного просвещения. №5. СПб., 1891.

Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991.

Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. №1. М., 1846.

Костомаров Н. Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII столетии. СПб., 1862.

Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М., 1930.

Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.). Л., 1946.

Лохтева Г. Н. Материалы Аптекарского приказа — важный источник по истории медицины в России XVII в. // Естественно-научные знания в Древней Руси. М., 1980.

Лукьянов П. М. История химических промыслов и химической промышленности России. Т.1. М.-Л., 1948.

Лукьянов П. М. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века. М., 1955.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937.

Московское государство XV—XVII вв. по сказаниям современников-иностранных. М., 2000.

Николаевский П. Ф. Русская проповедь в XV и XVI веках // Журн. Министерства народного просвещения. СXXXVIII, апрель. СПб., 1868.

Новамбергский Н. Очерки истории аптечного дела в допетровской Руси. СПб., 1902.

Олеарий А. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московии и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870.

Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла Римского императора в 1593 г. / В кн.: Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII вв. глазами дипломатов). М., 1991.

«О причинах гибели царств» / В кн.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII века. М., 1987.

Очерк русской культуры XVII в. Ч. 1,2. М., 1979.

Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край. М., 1984.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т. 1 // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.

Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн.1. Вып.1. Л., 1927.

Переписные книги города Москвы 1665—1676 гг. М., 1886.

Пирлинг П. Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. Кн.4. М., 1906.

Поликарпов В. С. История нравов России. Ростов н/Д., 1995.

Посольство Кунрада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900.

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.

Постникова-Лосева М. М. Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты / Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.

Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII вв. глазами дипломатов). М., 1991.

Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. // Сын отечества. Кн. 6, 7. СПб., 1842.

Путешествие в Россию датского посланника Иакова Ульфельда в 1575 году. М., 1883.

Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599—1600 гг. Из рассказов Дон Хуана Персидского / В кн.: Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII вв. глазами дипломатов). М., 1991.

Путешествие посла Светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 г. // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836.

Пушкарева Н. Л. Интимная жизнь русских женщин в X—XV вв. // Этнографическое обозрение. № 1. М., 1998.

Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М., 1997.

Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905.

Рихтер В. История медицины в России. М., 1820.

Ровинский Д. Русские народные картинки. В 5 т. Т. 3, 5. СПб., 1881.

Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 г. / В кн.: Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII вв. глазами дипломатов). М., 1991.

Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.

Симеон Полоцкий. Вдовство / В кн.: Памятники литературы Древней Руси XVII в. Кн. 3. М., 1994.

Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. Вып. I. Ч. I—II. СПб., 1899.

Сказание о роскошном житии и веселии // Библиотека всемирной литературы. «Изборник» (Сборник произведений Древней Руси). М., 1969.

Турбервилль Дж. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века. / В кн.: Дж. Горсей. Записки о России XVI — нач. XVII в. М., 1990.

Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1879.

Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников / Старина и новизна. Кн. 10. М., 1905.

Чернышевский Н. Г. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением «Уложения сокольничья Пути» и проч., издал Петр Бертенев. Полн. собр. соч. Т. 15. М., 1948.

Шаркова И. С. Россия и Италия. Торговые отношения XV — перв. четв. XVIII в. М., 1981.

Шлейссинг Г. А. Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей — соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича // Вопросы истории. № 1. М., 1970.

Шмурло Е. Ф. Известия Джиованни Тедалди о России // Журн. Министерства народного просвещения. № 5. СПб., 1891.

Из терема на ассамблею (первая половина XVIII века)

Богословский М. М. Петр I. Т. 2. Ч.1—2. М., 1941.

Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого. Т. 1. СПб., 1902.

Давид И. Современное состояние Великой России, или Московии // Вопросы истории. № 4. М., 1968.

Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721—1725. Ч.1—4. М., 1902.

Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Вариента, посла императора Леопольда I к царю и Великому князю Московскому Петру Первому в 1698 году, веденный секретарем посольства Иоанном Георгом Корбом. М., 1867.

Донесения К. Рондо лорду Гаррингтону 29 января 1732 г. из С.-Петербурга. Празднование дня рождения государыни // Сборник Русского Исторического общества. Т. 66. СПб., 1889.

Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях. В пер. с предисл. и примеч. П. П. Барсова // Русский архив. № 1—12. Кн. 1—3. М., 1872.

Записки придворного брильянтика Позье. 1729—1764 // Русская старина. Т. 1. СПб., 1870.

Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М., 1900.

Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956.

Корб И. Г. Дневник секретаря посольства от императора Леопольда к царю Петру I в 1698—1699 гг. М., 1868.

Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М., 1981.

Переписка императора Петра I с государынею Екатериною Алексеевною / Письма русских царей и других особ царского семейства. Т.1. М., 1861.

Ровинский Д. А. Русские народные картинки. В 5 т. СПб., 1881.

Шлейссингер Г. А. Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII в. // Вопросы истории. №1. М., 1970.

Юности честное зеркало, или Наказание к житейскому обхождению. Собранное от разных авторов. СПб., февраля 4-го дня 1717 г.

Жеманницы и петиметры (вторая половина XVIII века)

Афанасьев А. Черты нравов XVIII столетия // Русский вестник. Т.11. № 9—10. М., 1857.

Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений. СПб., 1885.

Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве МИД // Сборник Русского исторического общества. Т.7. СПб., 1871.

Васильев А. А. О веерах в России. Из коллекции Государственного исторического музея // Дизайн для всех. Альманах б.м.1/92.

Вечерняя Заря. Ежемесячное издание. Ч. 3. М., 1782.

Воспоминания и дневники Адриана Моисеевича Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины Великой / Екатерина II в воспоминаниях современников, оценках историков. М., 1998.

Вояж. №9 (49). М., 2000.

Всякая всячина. Вып.1. Ч. 6. С. 2—5. СПб., 1769—1770.

Глинка С. Кузнецкий Мост, или Владычество моды и роскоши // Русский вестник. Ч. 3. №9. М., 1808.

Две характеристики. Из записок графа Ф. Г. Головкина // Русская старина. Жизнь императоров и их фаворитов (На материалах публикаций журн. «Русский архив» и «Русская старина»). М., 1992.

Друг жен, или Искреннее наставление для поведения прекрасного пола. М., 1765.

Евелина, или Вступление в свет молодой девицы / Пер. с фр., слитенный с английским оригиналом, сочинения Мис Бурней. М., 1798.

Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769—1791. М., 1997.

Женская красота с древнейших времен до наших дней. СПб., 1901. Живописец. Еженедельное издание на 1772 год. Сочинение. СПб., 1772.

Забозлова Т. Символика цвета. СПб., 1996.

Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). СПб., 1865.

Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). СПб., 1893.

Зритель. Ежемесячное издание. СПб., 1792.

Исторические рассказы и анекдоты. Из жизни русских государей и замечательных людей XVIII—XIX столетий. М., 2000.

И то и сию. СПб., 1769.

Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999.

Катнист-Скалон С. В. Воспоминания / В кн.: Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX в. М., 1990.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М., 1983.

Карачколи Л. А. Модная книга. Ч.1—2. М., 1789.

Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885.

Кацурагава Х. Краткие вести о скитаниях в северных водах («Хокуса монряку»). М., 1978.

Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой половины XX в. (Опыт энциклопедии). М., 1995.

Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX в. М., 1989.

Коршунова Т. Т. Костюм в России XVIII — нач. XIX в. Из собрания Государственного Эрмитажа. Л., 1979.

Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.-Л., 1951.

Овсянников Ю. Лубок. Русские народные картинки XVII—XVIII вв. М., 1968.

О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и путешествии А. Радищева. М., 1983.

О приватной жизни князя Потемкина, потемкинский праздник. М., 1991.

Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. М., 1985.

Полезное с приятным. Полумесячное упражнение на 1769 г. СПб., 1769.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXI—XXIII. М., 1830.

Полное собрание сочинений императрицы Екатерины II. СПб., 1893.

Приятное и полезное препровождение. Ч. 9. М., 1796.

Пустомеля. Сатирический журн. СПб., 1770.

Путешествия русских людей за границу в XVIII в. / Сост. К. В. Сивков. СПб., 1914.

Стихи о праздничных обновах, сочиненные 1791 г. / В кн.: Разговор о свете лучше ли он ныне стал, или хуже, в рассуждение обождения человеческого, переменяющихся в нем мод. СПб., 1781.

Рассуждения о том, что может нравиться и не нравиться в светском обращении, написанные г. аббатом Беллегардом. М., 1795.

Ровинский Д. А. Русские народные картинки. В 5 т. СПб., 1881.

Русские ювелирные украшения 16—20 веков / Т. Медведева, Н. Платонова, М. Постникова-Лосева, Т. Смородинова, Н. Троепольская. М., 1987.

Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия. Из записок кн. Адама Чарторыйского. 1795—1805. СПб., 1908.

Русский двор сто лет тому назад. 1725—1783. По донесениям английских и французских посланников. СПб., 1907.

Русский костюм 1750—1830 гг. Вып. 1 / Под ред. В. Рындина. М., 1960.

Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников (Н. А. Саблукова и проч.). СПб., 1907.

Смилянская Е. Б. Дворянское гнездо середины XVIII века. М., 1998.

Страхов Н. И. Мои петербургские сумерки. Ч. 1—2. СПб., 1810.

Его же. Переписка Моды... М., 1791.

Его же. Плач Моды... М., 1793.

Его же. Рассматриватель жизни и нравов. Ч. 1—3. СПб., 1811.

Трутень. Еженедельный журнал Н. И. Новикова. СПб., б/г. воспроизведение первого издания 1769 г.

Фонвизин Д. И. Собр. соч. В 2 т. Т. 1. М.-Л., 1959.

Модницы и онагры в погоне за «светом» (XIX век)

Акционерно-паевые предприятия России. Составлено по официальным данным. М., 1912, 1914, 1915, 1917.

Амбре П. Производство в большом и малом виде всех вообще косметических-туалетных предметов. М., 1874.

Белинский В. Г. Петербург и Москва / Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1910.

Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начале XX в. Л., 1988.

Вальтман А. Сердце и думка. М., 1838.

Веригин К. М. Благоуханность. Воспоминания парфюмера. М., 1996.

Верещагин В. А. Памяти прошлого. СПб., 1914.

Вестник моды. СПб., 1888.

Вистенгоф П. Очерки московской жизни. М., 1842.

Воспоминания графа В. А. Сологуба. СПб., 1887.

Воярт Э. Дамская энциклопедия, или Письма о дамском туалете (Вольный перевод с французского). М., 1828.

Гиляровский В. Москва и москвичи. М., 1935.

Глаголева О. Е. Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII — пер. пол. XIX в. Тула, 1993.

Горностаев И. Ф., Богославский Я. М. По Москве и ее окрестностям. М., 1903.

Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988.

Дамские моды XIX века. Историко-художественная монография о женских нравах и вкусах. СПб., 1899.

Дамский журнал (1806—1906 гг.) / Предисл. В. Покровского. М., 1906.

Дамский журнал. М., 1833.

Дамской туалет, содержащий в себе разные воды, умывания и притирания для красоты лица и рук, порошки для чищения зубов, пасты для белизны рук, помады для губ, средства для отращивания и краски волос, ароматические ванны для всего тела, и секрет для хороших румян и белил. М., 1791.

Дебу К. И. Парфюмерное производство. Т.15. Ч.9. СПб., 1901.

Ефрон А. А. Всемирная выставка и русские экспоненты (Антверпенская Всемирная выставка 1885 г.). СПб., 1886.

Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т.3. М., 1873.

Жихарев С. П. Записки современника. 1805—1819. М., 1859.

Журнал для милых. М., 1804. №7.

Загоскин М. Н. Господин или провинциал в столице. Комедия в 5-ти действиях / Соч. В 2 т. Т.2. М., 1987.

Загоскин М. Н. Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского. Выход. 1, 2, 3. М., 1848.

Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. М., 1991.

Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов. Записки очевидцев. Л., 1991.

Золотой юбилей. К пятидесятилетию со дня основания Товарищества Брокер и К^о. М., 1915.

Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской области / В кн.: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2. М., 1890.

Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс // Исторический вестник. №1. СПб., 1898.

Кабинет Аспазии. СПб., 1815.

Как основать парфюмерное дело / Сост. Г. К. Пг., 1916.

Карамзин Н. М. О легкой одежде модных красавиц девятого-надесят века / Записки старого московского жителя. М., 1986.

Карманная, или Памятная книжка для молодых девиц, содержащая в себе наставления прекрасному полу... М., 1784.

Киселева Е. Гиляровский и художники. Л., 1965.

Кринолин и круглые шляпы. Анекдоты для друзей и не друзей кринолина и «последней попытки». СПб., 1852.

Круглов Ю. В. Русские свадебные песни. М., 1978.

Кюстин де. Николаевская Россия. М., 1930.

Лукьянов П. М. История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX в. М., 1955.

Магазин английских, французских и немецких новых мод и проч. М., 1791.

Магазин общепользных знаний и изобретений с присовокуплением Модного журнала, раскрашенных рисунков и музыкальных нот. СПб., 1795.

Макарьевская ярмонка. Выписка из неизданного Путешествия по восточной России, Сибири и Китайской Мунгалии. Соч. Г. Рема-на, Лейб-Медика Е. И. В. // Северный архив, журнал истории, статистики и путешествий, издаваемый Ф. Булгариным. Ч.2. СПб., 1822.

Мартинсон Т. Парфюмерное дело. СПб., 1893.

Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984.

Михайлов М. Парфюмерия и косметика. Одесса, 1919.

Михневич Вл. Москвичка. Роман-фельетон из петербургских нравов. За границей. СПб., 1891.

- Мода. Журнал для светских людей. СПб., 1857.
 Модный магазин. СПб., 1863, 1866.
 Модный свет и модный магазин. СПб., 1884.
 Моды. Прилож. к журн. «Наше время». СПб., 1893. №1.
 Молва. Журн. мод и новостей, издаваемый при «Телескопе». М., 1831, 1832.
 Московские ведомости. М., 1756, 1770, 1773, 1799, 1801.
 Московский телеграф. М., 1825, 1826.
 Наши артистки о парфюмерии Товарищества парфюмерной фабрики провизора А. М. Остроумова. М., 1912.
 Нива. СПб., 1893. №17.
 Описание императорского столичного города Москвы. СПб., 1782.
Ордин Н. Г. Свадьба в Подгородных волостях Сольвычегодского уезда // Живая старина. Вып. 1—4. СПб., 1896.
 Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года в Москве. СПб., 1883.
 Отчет Правления Товарищества парфюмерной фабрики провизора А. М. Остроумова в Москве за 1901 год. М., 1902.
 Официальный каталог русского отдела. Парижская всемирная выставка 1889 г. Париж, 1889.
Павья Ф. Чарующий мир духов. М., 1997.
 Памяти Генриха Афанасьевича Брокера. М., 1901.
Панаев И. И. Онагр. Л., 1987.
 Петиметр в деревне. Комедия в одном действии в стихах, переделанная с французского А. Вешняковым. СПб., 1820.
Полилова-Северцева Г. Т. Наши деды — купцы. Бытовые картины начала XIX ст. СПб., 1907.
Пыляев М. И. Драгоценные камни. М., 1990 (репринт с 1896, СПб.).
Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. М., 2001.
Пыляев М. И. Старое житье. СПб., 2000.
 Роль современного мужчины. Карманная книга для молодых людей, желающих усвоить себе вкус, понятия, привычки... М., 1877.
 Русский магазин. Трудями Феодора Туманского. Ч.1. СПб., 1792.
Ростопчин Ф. В. Ох, французы. М., 1992.
Руднева А. В. Курские танки и карагоды. Таночные и карагодные песни и инструментальные танцевальные пьесы. М., 1975.
 Русский альбом / Изд. Л. Декроз. М., 1894—1895, 1896, 1897.
 Русский костюм 1890—1917. Вып. 5 / Под ред. В. Рындина. М., 1972.
Светлов С. Ф. Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 г.). СПб., 1998.
 Северный цветок. СПб., 1859.
 Секретный эконом, художник, ремесленник, заводчик и домашний врач. Ч.3. СПб., 1819.
 Современник. СПб., 1847, 1849, 1863.
Саловьев С. Цветник царевны. Третья книга стихов. 1909—1912. М., 1913.
 Сто лет парфюмерной фабрике «Новая заря». М., 1965.
Фридман Р. А. Парфюмерия и косметика. М., 1975.
 Хороший тон. Светская жизнь и этикет. СПб., 1897.
 Что вами сделано. Хозяевам торгового дома А. Сиу и К. от служащих. М., 1905.
Шитов. Н. Н. История моей жизни и моих странствий. СПб., 1881.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
Введение	9

ИСКУСНИКИ МОДЫ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

<i>Глава 1.</i> Египет. Жизнь и смерть с ароматами бальзамов	13
<i>Глава 2.</i> Греция. «Нежные плечи одела в тонковолокные ткани»	20
<i>Глава 3.</i> Рим. «Не завещаи никому ни вина, ни своих благовоний...»	26
<i>Глава 4.</i> Византия. «Парфюмерный» рынок у Халки	36

МНОГОЦВЕТЬЕ ОДЕЖД И УКРАШЕНИЙ ДРЕВНИХ РУСИЧЕЙ (IX—XIII века)

<i>Глава 1.</i> «Чьи одежды богаты, тех и речь чтима»	47
<i>Глава 2.</i> Мастерство ювелиров на службе у модников	54
<i>Глава 3.</i> Белила и румяна в Древней Руси	60
<i>Глава 4.</i> Седло, колчан со стрелами и немного косметики ...	67

СОКРОВИЩА КНЯЖЕСКИХ ЛАРЕЙ (XIII—XV века)

<i>Глава 1.</i> «Червчатые» сорочки и шубы собольи	78
<i>Глава 2.</i> Лалы, яхонты и жемчужные пуговицы	87
<i>Глава 3.</i> Несколько слов о косметике и парфюмерии	93

МОСКОВСКИЕ ЩАПЫ И ЩЕПЛИВЫЕ КРАСАВИЦЫ (XVI—XVII века)

<i>Глава 1.</i> Разнообразие одежд и щегольские причуды	96
<i>Глава 2.</i> Драгоценности «числа немислимого...»	114
<i>Глава 3.</i> Мода на яркий макияж. Красота или безобразие? ...	126
<i>Глава 4.</i> Ароматы кремлевских палат	140

ИЗ ТЕРЕМА НА АССАМБЛЕЮ (первая половина XVIII века)

<i>Глава 1.</i> От ферязей и опашней к камзолам с золотым галуном... ..	148
<i>Глава 2.</i> За отменную службу наградить бриллиантами!	162
<i>Глава 3.</i> Белоснежные парики и бумажные бигуди	168

ЖЕМАНИЦЫ И ПЕТИМЕТРЫ
(вторая половина XVIII века)

<i>Глава 1.</i> Юбки «пучатся» и расширяются... Мода на фижмы .	174
<i>Глава 2.</i> От кафтанов до фраков	191
<i>Глава 3.</i> Бриллиантовые подвески и... блошинные ловушки ..	201
<i>Глава 4.</i> Прически на сале, с мукой или крахмалом	212
<i>Глава 5.</i> Румяна да белила пудами и фунтами	219
<i>Глава 6.</i> В плену ароматов	229
<i>Глава 7.</i> Противники косметических «ухищрений»	234

МОДНИЦЫ И ОНАГРЫ В ПОГОНЕ ЗА «СВЕТОМ»
(XIX век)

<i>Глава 1.</i> Женский туалет. Кругооборот моды	240
<i>Глава 2.</i> Господство фраков	275
<i>Глава 3.</i> Ювелирные изделия из волос	295
<i>Глава 4.</i> Опальные румяна	308
<i>Глава 5.</i> Ненавистные «пачули»	322
<i>Глава 6.</i> Народная косметика. «Набелись, моя милая, нару- мянься, душа...»	333
<i>Глава 7.</i> Парфюмерно-косметическая промышленность	340
<i>Глава 8.</i> Немного о самих парфюмерах	346
Альфонс Ралле	347
Адольф Сиу	350
Генрих Брокар	352
Александр Остроумов	358
<i>Глава 9.</i> На «ярмонку» за модными товарами и женихами ...	360
Заключение	367
Библиография	369

Суслина Е. Н.
С 90 Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. — М.: Мол. гвардия, 2003. — 381[3] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02608-X

Еще не так давно верные поклонники моды приносили ей в жертву здоровье, состояние, а то и саму жизнь, растрачивая ее на бесконечные примерки и завивки. Об этом, а также о том, как пробовали бороться с модой представители Церкви, авторитетные деятели науки и культуры, как высмеивали ее рьяных последователей на страницах журналов и книг, читатели узнают из книги Е. Суслиной, представляющей собой одновременно историческое, этнографическое и искусствоведческое исследование. В настоящем издании использованы уникальные экспонаты из отдела редкой книги Государственной российской библиотеки, а также периодика конца XVIII — начала XIX века.

УДК 391
ББК 63.5

Суслина Елена Николаевна
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКИХ ЩЕГОЛЕЙ И МОДНИЦ

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **Л. А. Барыкина**
Художественный редактор **К. Г. Фадин**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Т. И. Малиренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина, М. А. Сигицына**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 28.05.2003. Подписано в печать 30.10.2003. Формат 84x108/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл.-печ. л. 20,16+1,68 вкл. Тираж 6000 экз. Заказ 33727.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127030 Москва, Сущевская ул., 21.
Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127030 Москва, Сущевская ул., 21.

ISBN 5-235-02608-X

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутиной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

Ги Шоссинан-Ногаре

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЖЕН И ВОЗЛЮБЛЕННЫХ
ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕЙ»**

П. Монтэ

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН
ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКИХ ФАРАОНОВ»**

В. Марочкин

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО РОК-МУЗЫКАНТА»**

Ж. Ленотр

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕРСАЛЯ ПРИ КОРОЛЯХ»**

М. Дефурно

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИСПАНИИ В ЗОЛОТУЮ ЭПОХУ»**

Ж. Брюнель-Лобришон, К. Дюамель-Амадо

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВО ВРЕМЕНА ТРУБАДУРОВ. XII—XIII ВЕКА»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87

<http://mg.gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

ЖЗЛ

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент,
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

[www://mg.gvardiya.ru](http://mg.gvardiya.ru) © book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

К. Писаренко

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРА
В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

П. Фор

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА
ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Л. Вискочков

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА
В ПУШКИНСКУЮ ЭПОХУ

А. Зверев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ПАРИЖА

ISBN 5-235-02608-X

9 785235 026087

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ